

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Страны
Юго-Восточной Азии
и Южно-Тихоокеанского региона
между Пекином
и Вашингтоном**

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2021

УДК 327
ББК 66.4(5)
С83

Ответственный редактор и составитель:
к.и.н. Е.М. Астафьева (ИВ РАН)

Рецензенты:
д.п.н. А.Ю. Другов (ИВ РАН), д.и.н. Е.А. Канаев (НИУ ВШЭ)

Коллектив авторов:
к.и.н. Е.М. Астафьева (ИВ РАН), д.и.н. Н.Н. Бектимирова (ИСАА МГУ), А.А. Гарин (ИВ РАН), к.и.н. А.А. Забелла (РУДН), к.и.н. Е.Ю. Каткова (РУДН), к.п.н. Е.В. Колдунова (МГИМО), к.и.н. Е.С. Корень (СГУ), М.Н. Левченко (РУДН), д.и.н. Н.П. Малетин (МГИМО), д.и.н. Д.В. Мосяков (ИВ РАН), Нгем Ба Чи (РУДН), к.и.н. С.Е. Пале (ИВ РАН), к.э.н. А.А. Симония (ИВ РАН), к.и.н. Н.С. Скоробогатых (ИВ РАН), к.и.н. Е.А. Фомичева (ИВ РАН), к.и.н. Н.И. Хохлова (МГИМО), д.и.н. М.А. Шпаковская (РУДН)

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

С83 Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона между Пекином и Вашингтоном: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021 – 592 с.

ISBN 978-5-907384-76-7

Геополитическое соперничество США и КНР в Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанском регионе год от года разрастается. Ни смена политического руководства в США, ни глобальный кризис, вызванный пандемией коронавируса, не привели к затуханию этого соперничества. Напротив, можно говорить о том, что он перешел в новую фазу, когда в ход идут не только привычные инструменты обоюдного противодействия Пекина и Вашингтона и их воздействия на третьи страны, но и создаются новые. Авторами представлен глубокий анализ внутренних аспектов развития стран регионов в контексте их влияния на выстраивание отношений с КНР и США.

ББК 66.4(5)
ISBN 978-5-907384-76-7

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Страны АСЕАН между США и Китаем	18
Глава 2. Современные зарубежные исследования политики США и Китая в ЮВА	61
Глава 3. Роль ЮВА и ЮТР в глобальной стратегии НАТО в XXI в.	75
Глава 4. Дилеммы индонезийской «глобальной морской оси» и амбиции «орла» и «дракона»	99
Глава 5. Кризис в Мьянме в контексте международной дипломатии и мировой политики (АСЕАН, Пекин, Вашингтон)	167
Глава 6. Китайский фактор в камбоджийско-американских отношениях.....	222
Глава 7. Таиланд в контексте противоборства США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе	269
Глава 8. Сингапур между Пекином и Вашингтоном: прагматичность и расчет	302
Глава 9. Некоторые особенности асимметричных отношений между Вьетнамом и Китаем	355
Глава 10. Австралийский Союз между Сциллой и Харибдой современной политики: поиск своего пути.....	370
Глава 11. Китай, Южная Корея и Япония в орбите интересов Австралии	446
Глава 12. Политические маневры Новой Зеландии между США и КНР или как США не остаться без «пятого глаза».....	473
Глава 13. Проблема ядерного оружия в южной части Тихого океана	495
Глава 14. Феномен долговых ловушек в островных государствах южной части Тихого океана.....	532
Библиография	562

CONTENTS

Introduction	5
Chapter 1. ASEAN Countries between the US and China	18
Chapter 2. The Current Studies of US and China's Policy in Southeast Asia	61
Chapter 3. The Role of Southeast Asia and the South Pacific in NATO's Global Strategy in 21st Century.....	75
Chapter 4. Dilemmas of the Indonesian "Global Marine Axis" and the Ambitions of the "Eagle" and "Dragon"	99
Chapter 5. The Crisis in Myanmar in the Context of International Diplomacy and World Politics (ASEAN, Beijing, Washington)	167
Chapter 6. The China Factor in Cambodian-American Relations	222
Chapter 7. Thailand in the Context of the Confrontation United States vs China in Indo-Pacific Region.....	269
Chapter 8. Singapore between Beijing and Washington: Pragmatism and Calculus	302
Chapter 9. Some Features of the Asymmetrical Relations between Vietnam and China	355
Chapter 10. The Commonwealth of Australia between the Scylla and the Charybdis of modern policy: in search of its own way	370
Chapter 11. China, South Korea and Japan in the Sphere of Australia's Core Interests.....	446
Chapter 12. New Zealand's political maneuvers between the United States and China or how the United States should not be left without a "fifth eye"	473
Chapter 13. The problem of nuclear weapons in the South Pacific	495
Chapter 14. The Phenomenon of Debt Traps in Pacific Island	532
Bibliography	562

ПРЕДИСЛОВИЕ

Геополитическое соперничество США и КНР в Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанском регионе год от года разрастается. Ни смена политического руководства в США, ни глобальный кризис, вызванный пандемией коронавируса, не привели к затуханию этого соперничества. Напротив, можно говорить о том, что он перешел в новую фазу, когда в ход идут не только привычные инструменты обоюдного противодействия Пекина и Вашингтона и их воздействия на третьи страны, как то: финансовые, экономические, военно-политические, но и создаются новые. Именно анализу этих инструментов, процессов и тенденций в их проекции на страны ЮВА и государства в южной части Тихого океана и посвящена данная книга. Кроме того, авторами представлен глубокий анализ внутренних аспектов развития стран регионов в контексте их влияния на выстраивание отношений с Пекином и Вашингтоном. Настоящая книга значительно расширяет анализ проблемы международных отношений стран ЮВА и ЮТР с современными сверхдержавами и их роли на «глобальной шахматной доске».

Первая глава «*Страны АСЕАН между США и Китаем*» (Д.В. Мосяков) посвящена анализу ключевых проблем, стоящих сегодня перед странами-участницами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Первая и самая главная проблема, которую выделяет автор, это необходимость сохранить баланс в отношениях с США и с Китаем, когда ситуация вокруг Ассоциации быстро ухудшается, так как две эти сверхдержавы вступают во все более жесткую конфронтацию и борьбу за доминирование в Азии и в мире. Вторая проблема – сохранение внутреннего единства АСЕАН, что предполагает проведение такой политики, которая отвечала бы интересам всех участников

блока, не допустила бы его распада и раскола. Третья – поиск союзников в складывающейся новой реальности, которые бы выступали в поддержку как базовых ценностей АСЕАН, так и ее центрального положения в международных отношениях в АТР и ИТР.

Во второй главе *«Современные зарубежные исследования политики США и Китая в Юго-Восточной Азии» (Е.В. Колдунова)* представлен анализ основных современных зарубежных научных публикаций, фокусирующих свое внимание на политике США и Китая в Юго-Восточной Азии, китайско-американских противоречиях в регионе, основных сферах продвижения интересов и форм конкуренции этих стран применительно к ЮВА. К таким публикациям, в частности, автор относит монографии Мюррея Хиберта, Себастьяна Стренджио, Ричарда Джавада Хейдериана, Дональда Эммерсона и ряда других. Отдельное внимание уделяется публикациям авторов, представляющих исследовательские институты и центры стран региона (в частности, исследовательскую сеть ASEAN-ISIS), их оценкам роли двух упомянутых стран в делах ЮВА, восприятию пределов влияния США и Китая, возможностей балансирования между ними.

Третья глава *«Роль Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона в глобальной стратегии НАТО в XXI в.» (Е.С. Коренев)* посвящена основным направлениям сотрудничества НАТО с государствами ЮВА и ЮТР в XXI в. Автор даёт оценку той роли, которую играют эти регионы в глобальной стратегии Организации Североатлантического договора. В главе исследуется эволюция взаимодействия Брюсселя с партнерами в ЮВА и ЮТР. Особое внимание автор уделяет анализу отношений Альянса с Австралией и Новой Зеландией, которые входят в его глобальную партнерскую сеть, а также попытки Вашингтона втянуть Канберру и Веллингтон в реализацию крупных

геополитических проектов на пространстве Индо-Тихоокеанского региона, подключив их к таким форматам взаимодействия как *Quad* и *Quad Plus*. Отдельно проведен анализ потенциала сотрудничества НАТО и государств-членов АСЕАН по вопросам безопасности. Автором впервые в отечественной науке выделяются этапы взаимодействия НАТО с государствами ЮВА и ЮТР в XXI в. и обозначаются основные группы стран, расположенных в этих регионах, с точки зрения их участия в геополитических проектах НАТО.

Е.С. Коренев делает вывод о том, что руководство Североатлантического альянса в ближайшие годы будет стремиться к тому, чтобы интенсифицировать сотрудничество с государствами ЮВА и ЮТР по различным вопросам безопасности: борьба с терроризмом и распространением ОМУ, противодействие киберугрозам, взаимодействие, направленное на снижение напряженности на Корейском полуострове. Это будет происходить из-за желания США осуществить военно-политическое сдерживание Китая при помощи не только свои союзников по НАТО, но и региональных партнеров. Однако далеко не все государства ЮВА и ЮТР будут готовы сделать подобный выбор и стать частью антикитайских геополитических проектов. Подавляющее большинство из них займут выжидательную позицию в спорах Вашингтона и Пекина о мировом лидерстве. В связи с этим для реализации планов по сдерживанию Китая НАТО, как важнейший инструмент американской внешней политики, попытается сделать ставку на развитие отношений с проверенными региональными партнерами: Австралией и Новой Зеландией.

Четвертая глава «Дилеммы индонезийской “глобальной морской оси” и амбиции “орла” и “дракона”» (Н.П. Малетин) открывает блок исследований, посвященный анализу как внутривосточных и экономических аспектов, так и

внешнеполитических проблем отдельных стран региона ЮВА в контексте их отношений с США и КНР.

Автор обращается к анализу современного состояния отношений Индонезии с США и КНР в период президентства Джоко Видодо. Н.П. Малетин отмечает, что Индонезия как крупнейшая страна ЮВА, располагающая богатейшими природными ресурсам и значительной морской акваторией, крупнейшее в мире мусульманское государство, занимающее в регионе важнейшее геостратегическое положение, не может не претендовать на одно из ключевых мест на китайской азиатской «шахматной доске», что, в свою очередь, вызывает сильное беспокойство США. В связи со стремительным ростом экономического и политического влияния КНР, которая бросает вызов Америке на мировой арене, Индонезия, безусловно, стремится с немалой выгодой для себя воспользоваться сложившейся ситуацией и поучаствовать в процессе реализации амбициозных планов Пекина. Президент Индонезии Джоко Видодо реализует концепцию экономического развития страны, укрепляя всесторонние связи с Китаем в рамках сопряженности национальной индонезийской концепции «глобальной морской оси» с китайским мегапроектом «один пояс – один путь», при этом стараясь интегрироваться в американскую концепцию ИТР, своё видение которой Джакарта представила в 2018 г.

В пятой главе *«Кризис в Мьянме в контексте международной дипломатии и мировой политики (АСЕАН, Пекин, Вашингтон)»* (А.А. Симония) автор подробно анализирует военный переворот в Мьянме, совершенный 1 февраля 2021 г., указывая, что аннулирование итогов всеобщих выборов ноября 2020 г., арест законно избранных парламентариев и лидеров Национальной лиги за демократию (НЛД), жестокая расправа с участниками Движения гражданского неповиновения (ДГН), протестующими на ули-

цах городов – все эти события, безусловно, стали большим вызовом не только для народов Мьянмы, но и для соседних стран АСЕАН, для зарубежных партнеров по бизнесу, а также для Вашингтона и Пекина, для которых кризис в Мьянме стал дополнительным раздражителем.

Автор делает вывод о том, что в сложившейся ситуации не оказалось ни единой выигравшей стороны, а сама Мьянма столкнулась с угрозой полного хаоса и эскалации полномасштабной гражданской войны, что заставило активизироваться все дипломатические круги, имеющие непосредственное отношение к региону или свои геополитические интересы в нем. В поисках выхода из кризиса внешний мир столкнулся с двумя, казалось бы, противоречивыми вариантами решения. Первый – усилить давление на хунту и показать, что нелегитимное военное правление в Мьянме неприемлемо. Второй – не допустить изоляции страны до такой степени, чтобы она полностью оказалась в руках Китая.

В шестой главе *«Китайский фактор в камбоджийско-американских отношениях» (Н.Н. Бектимирова)* рассматриваются взаимоотношения Камбоджи с двумя главными внешнеполитическими партнерами – КНР и США в условиях их усилившегося соперничества в Юго-Восточной Азии. Камбоджийско-китайское экономическое сотрудничество позволило властям Камбоджи максимизировать не только экономические, но и политические выгоды. Экономическая помощь Китая способствовала имиджевому успеху премьер-министра Хун Сена как эффективного политического деятеля. Китай же активно использовал потенциал своей экономической помощи как геополитический инструмент. В результате Камбоджа стала все больше ретранслировать в регионе внешнеполитические установки Китая, а также ориентироваться на его под-

держку как определенную гарантию сохранения у власти существующего режима.

Автор приходит к выводу, что Китай серьезно влияет на конфигурацию внешних связей с США, отношения с которыми у Камбоджи отличаются нестабильностью. Подъем двухсторонних отношений пришелся на президентство Б. Обамы в рамках его политики разворота в Азию. При администрации Д. Трампа наблюдалось некоторое сворачивание программ сотрудничества. При новой администрации Дж. Байдена вновь отмечается стремление активизировать сотрудничество с Камбоджей с тем, чтобы снизить в этой стране влияние Китая. Наблюдается подъем отношений в экономической и гуманитарной сферах. Камнем преткновения остаются сотрудничество в военной сфере и проблема с соблюдением прав человека в Камбодже. В заключение автор делает вывод о том, что при нынешнем режиме во главе с Хун Сенем едва ли возможна какая-либо существенная перебалансировка внешнеполитического курса.

В седьмой главе *«Таиланд в контексте противостояния США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе»* (Е.А. Фомичева) автор рассматривает особенности положения Таиланда в контексте меняющихся международных отношений, выявляет основные направления внешней политики страны. Обострившееся противостояние США и Китая, прежде всего, проявляется в АТР. Соперничество двух держав очевидно, в частности, в попытках утвердить свои сферы влияния в регионе и втянуть страны региона в конфронтацию на своей стороне. При этом США создают в регионе новые военные союзы антикитайской направленности. С этой целью меняются очертания и масштабы региона, определяемые ныне как Индо-Тихоокеанский. В этих условия странам ЮВА приходится определять свою политику, что делается как на уровне АСЕАН, так и на

уровне каждой их стран. Таиланд имеет давние и развитые в разных сферах отношения как с США, так и с Китаем. Автор рассматривает особенности стратегии и тактики США и Китая по отношению к Таиланду, а также политику Таиланда, направленную на обеспечение независимости и экономического развития страны. Выявляются взгляды и концепции внешней политики тайландских правящих кругов. Автор приходит к выводу, что при всех попытках Таиланда сохранить баланс в отношениях с двумя этим державами, Китай более успешен в развитии отношений с Таиландом.

Восьмая глава *«Сингапур между Пекином и Вашингтоном: прагматичность и расчет» (Е.М. Астафьева)* посвящена тщательному анализу двусторонних отношений Сингапура с КНР и США. Автор подробно рассматривает этапы становления этих отношений, их основные направления и отличительные черты, и приходит к выводу, что прагматичность и расчет являются основополагающими принципами как внешнеполитической, так и внешнеэкономической доктрины Республики Сингапур. На сегодняшний день, несмотря на некоторые существующие разногласия и с КНР, и с США как по идеологическим, так и по внешнеполитическим и внутривнутриполитическим вопросам, именно эти два государства являются важнейшими торгово-экономическими партнерами Сингапура и во многом успешное развитие этой страны зависит от продуктивного взаимодействия двух сверхдержав. Основываясь на анализе межгосударственного взаимодействия Сингапура с Пекином и Вашингтоном, автор приходит к выводу, что сингапурская сторона не желает принимать чью-либо сторону в глобальном американско-китайском противостоянии и соперничестве за гегемонию в регионе, стараясь поддерживать хорошие отношения с обоими государ-

ствами в целях достижения благополучия собственной страны.

В девятой главе *«Некоторые особенности асимметричных отношений между Вьетнамом и Китаем»* (М.А. Шнаковская, Нгием Ба Чи, М.Н. Левченко) авторы рассматривают особенности вьетнамо-китайских отношений, отмечая их асимметричный характер, что прослеживается в сотрудничестве стран в экономической и торговой сферах, а также в тесном взаимодействии по партийным линиям, несмотря на имеющиеся разногласия по территориальным вопросам и вопросам безопасности. В решении различных вопросов международных отношений, Вьетнам является решительным сторонником отказа от применения военной силы и сторонником стабильности и сотрудничества в регионе. Авторы указывают, что внешнеполитическая стратегия Вьетнама, принятая на XIII Съезде Коммунистической партии Вьетнама в январе 2021 г. явилась логическим продолжением ранее определенных внешнеполитических ориентиров: Вьетнам продолжает реализацию своей внешнеполитической линии, направленной на независимость, самообеспечение, диверсификацию и многовекторность.

Десятая глава *«Австралийский Союз между Сциллой и Харибдой современной политики: поиск своего пути»* (Н.С. Скоробогатых) открывает блок исследований, посвященный анализу отношений с Китаем и США Австралии, Новой Зеландии и островных государств Южно-Тихоокеанского региона.

Автор подробно рассматривает проблемы взаимоотношений Австралийского Союза с его главными внешнеполитическими партнерами США и КНР. Указывая на дуализм, прослеживающийся в подходах АС к своим международным партнерам, автор отмечает, что история внешнеполитических связей Австралии демонстрирует серьез-

ные различия между ними, и если США стали для нее, главным образом, традиционным военно-политическим союзником, то за КНР закрепились роль основного экономического партнера. Такое распределение ролей вполне закономерно, если учесть особенности развития и становления этих трех государств и переплетение их судеб.

В заключение автор приходит к выводу, что история взаимоотношений этих трех мировых держав показывает, что если и были у них периоды мирного сосуществования и взаимопонимания, то только либо в «дружбе против кого-то», либо на чисто коммерческой почве. Но по мере усиления борьбы за мировое первенство и роста возможностей и противоречий правящих классов КНР и США, с Австралией все меньше считаются, особенно в Пекине. Пройти между нынешними Сциллой и Харибдой – экономическими выгодами и национальной безопасностью – австралийским политикам очень трудно. Ведь речь идет о стране с федеративным устройством, где самым тесным образом переплетены экономические и политические интересы отдельных штатов, отраслей бизнеса, социальных группировок.

В одиннадцатой главе *«Китай, Южная Корея и Япония в орбите интересов Австралии»* (Е.Ю. Каткова) автор указывает, что на сегодняшний день азиатский вектор занимает одно из центральных мест во внешней политике Австралии. Здесь сосредоточены ее основные экономические интересы и интересы безопасности. Среди государств региона особенно выделяются страны Северо-Восточной Азии (СВА). С конца Второй мировой войны Канберра стала уделять все большее внимание экономическим и политическим контактам со странами региона. Благодаря этому к настоящему времени сложилась обширная сеть политических и экономических взаимоотношений, которые связывают Австралию со странами СВА.

Данная глава посвящена изменениям во внешней политике Австралии в отношении трех стран СВА, которые произошли в течение последних лет. На данный момент три государства – Китай, Южная Корея и Япония входят в Топ-5 крупнейших торговых партнеров Канберры. Кроме того, страны региона являются важным источником инвестиций в экономику Австралии, а также источником рабочих мигрантов и туристов. В данной главе автор рассматривает современный период сотрудничества с ключевыми партнерами СВА, а также влияние пандемии COVID-19 и других факторов на динамику двусторонних связей.

В двенадцатой главе «*Политические маневры Новой Зеландии между США и КНР или как США не остаться без “пятого глаза”*» (А.А. Забелла) автор отмечает, что современное позиционирование Новой Зеландии (НЗ) на международной арене представляет особый интерес ввиду ряда факторов: во-первых, страна является частью англосаксонского мира; во-вторых, наряду с США, Канадой, Великобританией и Австралией входит в число участников разведывательного альянса *Five Eyes*; в-третьих, более десяти лет неуклонно наращивает экономические связи с КНР. Глава посвящена изучению современных этапов развития двустороннего взаимодействия между КНР и НЗ, особенностям межгосударственного диалога. Автором выявлены основные и приоритетные направления сотрудничества, эффективные механизмы диалога, а также вызовы, стоящие перед КНР и НЗ в деле дальнейшего продвижения отношений. Автор уделяет большое внимание подписанному в 2008 г. между НЗ и КНР Соглашению о свободной торговле, которое послужило катализатором для последующего развития всех сфер китаиско-новозеландского взаимодействия и привело к повышению уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства в 2014 г.

На основе анализа многочисленных источников автор определяет основные негативные факторы, оказывающие влияние на взаимодействие между изучаемыми государствами. Автор также фокусирует свое внимание на контурах создания Южного звена МШП, успешная реализация которого будет способствовать не только получению НЗ, КНР и странами ЛА значимых экономических дивидендов, превращению НЗ в международный хаб, но и осложнит отношения со странами альянса.

Тринадцатая глава *«Проблема ядерного оружия в южной части Тихого океана» (С.Е. Пале)* посвящена проблемам ядерной политики государств южной части Тихого океана на протяжении атомной эпохи, которая началась в 1940-х годах и длится до настоящего времени. Австралия, Новая Зеландия, Япония, США, Великобритания, Франция, Россия, Китай, Индия и даже Северная Корея – все эти страны связаны вопросом ядерного оружия, который является одним из самых острых в южной части Тихого океана.

В заключение автор приходит к выводу, что действия Вашингтона, Лондона и Канберры в Тихом океане способны осложнить ситуацию в мировом масштабе, так как расстановка сил строится на геополитических играх не «простых», а ядерных держав. Объяснение этих действий тем, что они предприняты лишь для того, чтобы сдерживать Китай, может оказаться ничем иным, как прикрытием более экспансионистских планов, после осознания неизбежности которых, Канберре, к сожалению, не оставалось иного выбора, кроме как встать на сторону сильнейших, по ее мнению, акторов.

В заключительной – четырнадцатой главе *«Феномен долговых ловушек в островных государствах южной части Тихого океана» (А.А. Гарин)* автор отмечает, что с каждым годом представители зарубежной прессы, академической и политической среды придают всё большее значение росту

влияния КНР в сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов. Пальму первенства в региональном дискурсе держат оборонная и торгово-экономическая повестки, однако среди них также стоит вопрос о значении официальной помощи в целях развития (ОПР) для региона. Как известно, внешняя помощь включает в себя гранты, льготные и беспроцентные кредиты. Однако, по мнению зарубежных специалистов, китайская ОПР несет в себе потенциальную угрозу суверенитету, в особенности для малых островных государств, которые зачастую не имеют возможности погасить растущую задолженность. Особенно часто фигурирует тезис, что именно благодаря инструменту так называемой «долговой ловушки» Китай хочет завоевать геостратегическое пространство в Индийском и Тихом океанах.

В данной главе автор сосредоточился на анализе феномена задолженности на Индо-Тихоокеанском пространстве, уделяя приоритетное внимание малым островным государствам Океании. Этот субрегион выбран из-за его растущей геостратегической ценности. В зарубежных трудах Океанию уже охарактеризовали в качестве «геополитической шахматной доски» и «поля битвы». Глава призвана выявить значение инфраструктурного соперничества в регионе, сходства и различия между малыми островными государствами ИТР, степень долговой нагрузки океанийских государств, место КНР в потенциальном долговом кризисе в Океании, а также ответить на вопрос: выступает ли кредитование частью преднамеренной стратегии КНР по оказанию давления на малые островные государства с целью экономического и геостратегического закрепления на их территориях?

Авторы этого коллективного труда надеются, что представленный в данной книге анализ региональных и глобальных проблем взаимодействия стран двух значительных регионов мира – Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона с современными сверхдержавами – США и КНР, позволит сформировать у читателя более цельную картину современного мира и вызовет интерес не только у специалистов, занимающихся изучением этих регионов и проблемами международных отношений, но у широкого круга неспециалистов, равнодушных к судьбам современного мира.

Е.М. Астафьева

Глава 1. СТРАНЫ АСЕАН МЕЖДУ США и КИТАЕМ *

Американо-китайское соперничество все больше напоминает глобальную битву за мировое господство и доминирование. Оно приобретает все более жесткий и решительный характер, охватывает и экономику, и политику, военную сферу и сферу «мягкой силы», информационное поле и самым непосредственным образом влияет на положение стран Юго-Восточной Азии, объединенных в блок АСЕАН. Естественным образом, хотя бы в силу географического положения между Тихим и Индийским океанами, они оказываются в центре геополитической борьбы со всеми вытекающими из этого последствиями. Нельзя сказать, что эти последствия однозначно негативные, направленные на то, чтобы разорвать единство АСЕАН и развести страны-участники блока «по разные стороны баррикад». В зависимости от того, как складывается ситуация, последствия могут быть для них и положительными, но только в том случае, если они имеют возможность балансировать между двумя центрами силы, получая финансовую подпитку с обеих сторон.

В связи с этим можно сказать, что балансирование есть ключевой элемент внешней политики АСЕАН, цена его успеха крайне высока и это вынуждает Ассоциацию с большой осторожностью выстраивать свой внешнеполитический курс, искать новых союзников и партнеров, ко-

* Сведения об авторе: *Мосяков Дмитрий Валентинович*, доктор исторических наук, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, mosyakov.d@gmail.com

которые могли бы оказать ей поддержку в сохранении существующего статус-кво. В условиях перемен, которые угрожают расколом, или откатом организации на периферию политического процесса, АСЕАН старается укрепить внутреннее единство и, что еще более важно, свою центральную роль в политических процессах как в Тихоокеанской, так и Индо-Тихоокеанской Азии. Добиться этого, в меняющемся ландшафте китайско-американского противостояния становится все труднее, так как происходящие перемены вынуждают делать определенный выбор, который может стать роковым для судьбы АСЕАН.

Проблема АСЕАН в том, что последовательные действия США по реализации проекта Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) коренным образом меняют всю существующую архитектуру безопасности в Большой Восточной Азии. Вокруг АСЕАН фактически формируется нескольких военных блоков, направленных против Китая, на его «сдерживание». Первым был сформирован блок в составе так называемой «демократической четверки» – Австралия, Япония, США и Индия (*Quad*), в которой на первое место вышли вопросы военного сотрудничества, взаимодействия в оборонной сфере, увеличения числа и масштабов взаимных военных маневров. Вслед за этим в сентябре 2021 г. на политическую сцену вышел еще один блок в составе Австралии, Великобритании и США, открыто направленный против Китая. Планируется за несколько лет перевооружить австралийскую армию и флот, ввести в его состав восемь многоцелевых атомных подводных лодок с тем, чтобы не просто блокировать китайские военно-морские силы во внутренних морях, но и создать непосредственные угрозы ключевым центрам материкового Китая. В столицах стран АСЕАН прекрасно понимают, что милитаризация огромного региона – это крайне опасное развитие событий и угрожает разрушить существующую и под-

держиваемую ими систему безопасности и сотрудничества в Большой Восточной Азии.

Флаги стран-участниц Quad. Фото: ©The Diplomat

Первые сигналы приближающихся перемен страны АСЕАН ощутили еще в 2017 г. после прихода к власти в США администрации Д. Трампа. Своей политикой, направленной на эскалацию противостояния США и Китая, он фактически вынудил политическое руководство стран АСЕАН определить свое отношение к выдвинутой им программе формирования военного блока и втягивания в него Австралии, Японии и Индии – близких партнеров стран-членов АСЕАН. Определение позиции оказалось очень сложной задачей, только после нескольких лет обсуждений в экспертном сообществе и в политических кругах в июне 2019 г. на саммите в Бангкоке была принята программа Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН (AOIP), которая и стала ответом сообщества на происходившие перемены. На ее основе в АСЕАН рассчитывали сформиро-

ровать долговременную стратегию, которая сможет быть эффективна даже в условиях существенного обострения американо-китайских противоречий.

Следует отметить, что разработку такой стратегии асеановское руководство долгое время откладывало, так как и в 2017–2018 гг. создавалось ощущение, что процесс формирования *Quad* заходит в тупик. Со стороны могло даже показаться, что политические элиты стран АСЕАН старались вообще не замечать идущих перемен. Они полагали, что американская инициатива проекта ИТР, объявленная президентом Трампом, имела крайне малые шансы на успех, как из-за внутри американских противоречий, грозивших Трампу импичментом и отстранением от власти, так и из-за позиции Индии, давно и твердо придерживавшейся политики «держать американцев на расстоянии». И действительно – в 2017 г. предложение Трампа долго «висело в воздухе» и намеченный союз четырех государств – США, Индии, Японии и Австралии, направленный на сдерживание Китая, никак не складывался. Только тогда, когда стали регулярно встречаться старшие должностные лица стран «четверки», когда было принято решение об усилении их военного и военнотехнического сотрудничества, проведении совместных маневров для стран АСЕАН, стало очевидным, что реализация проекта ИТР идет вперед и что Индия, неожиданно для них, вместо преграды на пути милитаризации, проявляет готовность обсуждать вопросы совместной безопасности с США. Когда стало очевидно, что проект Индо-тихоокеанского региона (ИТР) начал набирать обороты и превращаться из некоего возможного военно-политического союза во вполне реальный механизм международной политики, политическая элита стран АСЕАН всерьез задумалась над тем, какой ответ должен быть дан на происходящие перемены.

Нет сомнений, что в столицах стран АСЕАН отдавали отчет в том, что в случае успешного продвижения проекта ИТР, причем в его американской редакции как военно-политического блока, возникал риск оказаться на периферии интеграционных процессов в Большой Восточной Азии, утратить тот вес, который региональный блок набирал годами и десятилетиями успешной политики. Под угрозой оказывалось и внутреннее единство АСЕАН, когда одни страны готовы были бы выступить на стороне США и принять так или иначе участие в проекте ИТР, а другие – на стороне Китая и противостоять этому проекту. Ситуация вынуждала страны АСЕАН срочно найти консенсус в отношении перспектив ИТР, изложить свое видение этого проекта и, вообще, сформулировать свои взгляды на происходящие перемены.

Анализируя сегодня действия правящих и интеллектуальных элит стран АСЕАН, можно сказать вполне определенно, что они в целом оказались не вполне готовы к новым вызовам. Дело в том, что за долгие годы успешного экономического, и социально-политического развития, они привыкли, к тому, что все внешние игроки и в том числе США и Китай признают их центральное положение в международных процессах в Большой Восточной Азии, что ведущие мировые державы обязательно учитывают в своей политике их позицию. Такие форматы как Восточноазиатские саммиты, АСЕАН+3, АСЕАН+6, Азиатский региональный форум, другие площадки открывали все возможности для участия в происходивших в регионе процессах. И тут, на рубеже 2018 г., когда стали проявляться первые контуры будущего антикитайского союза, они обнаружили, что события происходят без них и без учета их интересов, что благословенные десятилетия, когда они находились в центре всех событий в Большой Восточной Азии, как это было например в период урегули-

рования конфликта в Камбодже (1979–1991 гг.), остались позади. Более того, тогда они в своих действиях постоянно ощущали поддержку как США, так и Китая, а их экономика на волне внешних инвестиций развивалась самыми быстрыми темпами в мире. Позже, уже в 90-е годы, несмотря на все потери во время финансового кризиса 1997–1998 гг., они совместно с Китаем являлись, по сути, главными бенефициарами политики глобализации, инициированной США. Они обладали большим влиянием в АТЭС и даже позволяли себе открытые антиамериканские демонстрации, когда, например, вместе с Китаем в 2005 г. образовали новую международную структуру – Восточно-азиатские саммиты (ВАС), в которую демонстративно не пустили представителей США. Позже они несколько изменили свою позицию и позволили американским представителям, впрочем, как и представителям России, вступить и участвовать в работе ВАС. Смысл всех их действий заключался в том, чтобы показать и Вашингтону, и Москве «кто в доме хозяин». В эти годы автору не раз приходилось общаться с высокопоставленными деятелями стран АСЕАН и они всячески убеждали в том, что вполне уверены в своей способности оказывать существенное влияние на все, что происходило в регионе, что и в будущем ключевые инициативы к развитию Большой Восточной Азии будут оставаться в их руках.

В 2018 г., когда один за другим стали происходить индийско-американские маневры и японо-индийские обмены офицерами и визиты кораблей индийских ВМС, в столицах АСЕАН убедились, что «золотое время» осталось в прошлом, и в «доме появились новые хозяева», которые кардинально меняют ситуацию вокруг них. Можно предположить, что в странах АСЕАН мало кто предполагал, что Китай будет так быстро развиваться и превращаться в главного американского конкурента. Там верили, и как

мантру повторяли известную фразу Дэн Сяопина о том, что Китай должен выжидать и не втягиваться в конфликты, выступать как «умная обезьяна» со стороны наблюдающая за схваткой тигров.

Даже в конце 1990-х – начале 2000-х годов на фоне первых открытых конфликтов, обозначивших реальное противостояние Китая и США, лидеры стран АСЕАН продолжали сохранять оптимизм, полагая, что эти противоречия носят временный характер и вполне могут быть разрешимы. Якобы случайный обстрел китайского посольства в Белграде в 1999 г., атака на американский корабль-разведчик «*Impeccable*», углубившийся в китайскую экономическую зону в 2009 г., вынужденная (после столкновения в воздухе с китайским самолетом-перехватчиком) посадка и последующий тщательный досмотр и разбор до деталей американского самолета-разведчика, несмотря на протесты США в апреле 2001 г. – все эти знаки ухудшавшихся отношений ключевых глобальных игроков, в странах АСЕАН, оценивали не как тенденцию, а скорее как отдельные, подчас вообще случайные эпизоды в отношениях двух сверхдержав.

Более того, тогда многие вполне компетентные и ответственные люди в правящих кругах стран ЮВА рассчитывали, что некоторое обострение американо-китайских отношений будет им даже выгодно и ситуация для их стран будет более благоприятной, так как они смогут играть на противоречиях двух великих держав, сохраняя общий баланс и центральное положение регионального блока.

Такие представления, как мы сейчас видим, оказались далеки от реальности и надежды на то, что конфликт двух сверхдержав не дойдет до все более жестких и откровенно воинственных заявлений с обеих сторон, наращивания военных потенциалов, что все как-то постепенно

успокоится на основе общих интересов в экономике и торговле, не оправдались. Начавшаяся в весной 2020 г. пандемия и ограничения с ней связанные, только усилили это противостояние.

В меняющейся, новой, все более зыбкой и неопределенной картине мира возникло общее понимание того, что устойчивые внешние связи, успешный опыт политического диалога, впечатляющая история экономического развития – все то, что, казалось, на годы формирует фундамент успеха АСЕАН, оказалось под серьезным давлением. Причем это давление – совершенно иного порядка, чем это было со стороны СССР и Вьетнама во времена камбоджийского кризиса 1979–1991 гг. В то время АСЕАН имела неоспоримую поддержку и в Китае, и в США. Теперь такой поддержки не стало, и перед странами регионального блока встал сложный вопрос выбора: к какому берегу лучше пристать, или идти своим путем, как найти свое место в новой системе международных координат, не потеряв ничего из завоеванного с таким трудом высокого положения и авторитета в мире.

Негативный фон к поиску ответа на глобальные вызовы создала и пандемия COVID-19, которая с большой силой ударила по странам АСЕАН. Борьба с опасной болезнью превратилась в ключевой критерий действенности власти, ее способности организовать и мобилизовать людей на противодействие страшной инфекции. От того, насколько успешной будет эта борьба зависит само существование правящих режимов, так как, накатываясь волна за волной, смертоносный вирус постепенно начинает оказывать все более разрушающее влияние на экономику, на жизнь и быт простых людей, а значит и на политику. А ведь весной 2020 г., когда эпидемия только начиналась, казалось, что все не так страшно и странам регионального блока удастся пройти по касательной и избежать массовых

заражений и локдаунов с закрытием городов, с комендантским часом и переполненными больницами. Многие тогда утверждали, что из-за регулярно повторявшихся ранее эпидемий в странах АСЕАН, вызванных похожими вирусами, местные власти сумели создать вполне эффективную систему борьбы с инфекциями, которая не хуже, а может быть и лучше, чем где-либо в мире.

Но относительно успешное прохождение первой фазы пандемии (весна – лето 2020 г.), когда в отдельных странах АСЕАН, как например во Вьетнаме, вообще были зафиксированы лишь единичные случаи болезни, да и в других государствах уровень заболеваемости оставался невысоким, не стало гарантией победы над пандемией. Уже в 2021 г. новые и более агрессивные штаммы этого вируса глубоко проникли в страны АСЕАН и тут выяснилось, что в условиях массового поражения населения, обстановка стала принимать все более опасный, даже критический характер. Так, например, в июле 2021 г. президент Индонезии Джоко Видодо вынужден был ввести «чрезвычайный режим ограничения общественной активности» на территории Явы и Бали. На дистанционную работу были переведены все сотрудники «предприятий несущественных секторов экономики». Очные занятия в школах, а также культурные и спортивные мероприятия были отменены. Кафе и рестораны стали работать только на вынос. Мечети, туристические достопримечательности и парки закрылись¹.

Такие радикальные шаги индонезийского руководства были вызваны тем, что Индонезия больше остальных государств региона пострадала от COVID-19. С начала пандемии там заразилось коронавирусом больше 4,2 млн человек, скончались 61,1 тыс. В стране отмечают острую нехватку оборудованных коек, кислорода для поддержания жизни больных². По сравнению с Индонезией ситуа-

ция в большинстве других стран АСЕАН ничем не лучше. По официальным данным, которые привела индонезийская газета «*Republica*», число активных случаев COVID-19 в странах Ассоциации на конец июля 2021 г. возрастало быстрыми темпами и в Малайзии, например, зафиксировали 137 тыс. случаев, в Таиланде более 131 тыс., а в Мьянме почти 68 тыс.³. Некоторые полагают эти цифры заниженными, так как исследования сельских районов в таких странах, как Камбоджа, Лаос и тем более Мьянма, крайне затруднено, а некоторые страны, как например Вьетнам, стараются не афишировать массовые локдауны во многих городах и провинциях и скорее занижают число заболевших и умерших, так как это может негативно отразиться на имидже эффективности действующей власти.

Следует отметить, что в сложившейся критической ситуации, для получения разнообразной помощи в борьбе с эпидемией асеановские политики вполне успешно используют как свои связи с Китаем, так и с США. При этом Китай, по словам министра иностранных дел КНР Ван И, «считает себя главным партнером АСЕАН в борьбе с пандемией, и к настоящему времени уже поставил десяти входящим в это объединение государствам более 190 млн доз вакцин от коронавируса, а также большое количество противоэпидемических средств». Кроме того, по словам Ван И, «с начала пандемии Китай и страны АСЕАН начали осуществлять множество инициатив в сфере общественного здравоохранения, а также создали платформу по сотрудничеству в поставках вакцин, что позволило углубить взаимодействие и обмен информацией в этой сфере»⁴.

Что касается американцев, то они также вполне могут назвать себя главными партнерами АСЕАН по борьбе с пандемией. По словам госсекретаря США Энтони Блинкена, к началу августа 2021 г. они предоставили странам.

членам АСЕАН «бесплатно и без каких-либо политических и экономических требований 23 млн доз вакцины и 158 млн долларов на борьбу с этим заболеванием». В ближайшее время, по словам Блинкена, США «намерены предоставить дополнительные 500 тыс. долларов в Фонд реагирования АСЕАН на COVID-19»⁵.

Такое тесное сотрудничество и с Китаем, и с США в борьбе с пандемией – очевидный позитив для АСЕАН, свидетельство эффективности традиционной политики балансирования между сверхдержавами. Но вопрос в том, насколько все эти отношения прочны, и как долго странам АСЕАН удастся поддерживать баланс в отношениях с противостоящими друг другу сверхдержавами. Углубление их конфликта чревато новыми угрозами и в том числе в сфере противостояния пандемии, так как в таком случае резко сузится возможность получать жизненно необходимую помощь. А без нее, как показывает сложившаяся реальность, ситуация с продвижением пандемии в странах ЮВА еще более ухудшится. Видимо поэтому асеановские лидеры все более активно ищут сотрудничества в этой сфере с Россией, которая в плане поддержки в борьбе с эпидемией не уступает в возможности помощи ни Китаю, ни США. Кстати, во время своего визита в Индонезию летом 2021 г. российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил о готовности России не только наладить поставки своей вакцины против коронавируса, но и обсудить возможности ее производства в Индонезии. В ответ Ретно Марсуди – министр иностранных дел Индонезии, объявила о подготовке протокола о сотрудничестве с Россией в области медицины⁶.

В то же время нельзя не сказать, что сотрудничество развивается, но очень медленно, и пока еще не стало решающим фактором в стабилизации ситуации. Так например, после визита С.В. Лаврова в Джакарту «Спутник V»

там, действительно, зарегистрировали, но дальше дело не пошло, а для производства его в самой Индонезии просто не оказалось свободных производственных мощностей, поскольку имеющиеся целиком задействованы для производства китайской вакцины. Во Вьетнаме производственная площадка для наработки российской вакцины нашлась, и здесь ситуация развивается более благоприятно. В июле этого года вьетнамская кампания *Vabiotech* выпустила пробную партию «Спутник V», которая получила положительное заключение на соответствие стандартам качества по итогам проверки в Национальном исследовательском центре эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи. 24 сентября *Vabiotech* сообщил об успешном производстве уже первой регулярной партии вакцины, которая также была проанализирована и положительно оценена российской стороной на соответствие требованиям стандарта. 17 октября российская вакцина поступила в первые три прививочные пункта в Хошимине. Что касается Малайзии, то сделанные ранее заявления РФПИ относительно договоренности об использовании «Спутника» в этой стране пока не имели конкретного результата, и российская вакцина не используется и не зарегистрирована.

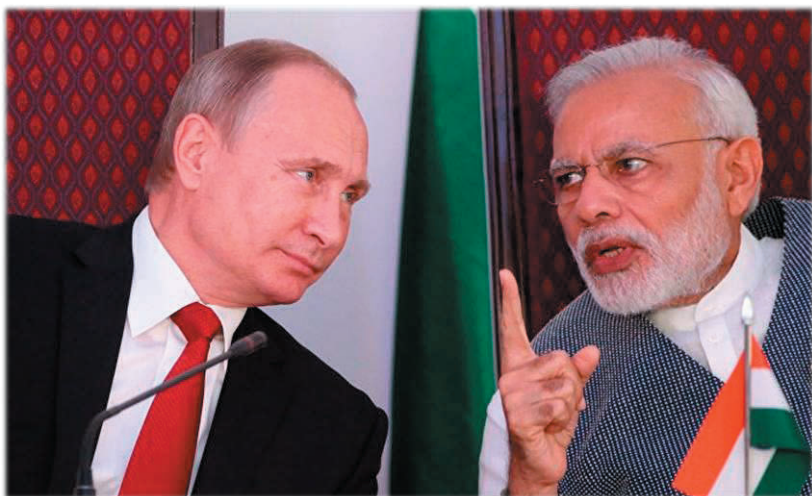
Как мы видим, вопрос борьбы с пандемией и возвращения к нормальному образу жизни для стран АСЕАН перестает быть чисто медицинским и выходит в политическую плоскость – сохранения балансов в отношениях как с США, так и с Китаем. В условиях тотальных дефицитов вакцин и лекарств, они вынуждены искать любые способы для сохранения возможности получать необходимую помощь и от Пекина, и от Вашингтона. От этого императива, как я полагаю, и отталкивается сегодня, впрочем, как и раньше, вся их стратегия, которая зафиксирована в принятой в июне 2019 г. в Бангкоке на саммите АСЕАН программе «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН».

На разработке и принятии этого документа стоит остановиться особо, так как это событие стало ключевым этапом в постепенном признании со стороны АСЕАН новой реальности в виде проекта ИТР. Оказавшись на тяжелом распутье между двумя все более расходящимися и враждующими континентами – Китаем и США, страны АСЕАН вынуждены были начать широкие дискуссии относительно того как сохранять свои жизненно важные интересы, свое влияние на процесс перемен, что противопоставить всем негативным факторам, которые проявились после 2017 г. Формулирование единого подхода к сложившейся ситуации в Большой Восточной Азии было необходимо им еще и потому, что внутри блока стали все более явно просматриваться противоречия между теми странами, которые больше связаны и симпатизируют Китаю, например Камбоджей и другими – Вьетнамом, Сингапуром, больше ориентированными на США. В такой ситуации общая, разделяемая всеми участниками блока политическая программа должна была не только их объединить, но дать перспективу, показать видение будущего региона и их места в этом будущем.

Еще одной причиной необходимости подготовки собственного «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» стала общая неудовлетворенность, а точнее обида стран-членов блока на то, что при организации так называемой «демократической четверки» – США, Японии, Австралии и Индии (политического фундамента для формирования проекта ИТР – Д.М.) никто из этих стран-партнеров АСЕАН даже не поинтересовался и не озаботился тем, чтобы как-то узнать мнение руководства Ассоциации относительно нового военно-политического объединения. Это стало еще одним тревожным знаком ослабления влияния в регионе для АСЕАН.

Региональная элита и руководство Ассоциации полагали важным высказаться еще и относительно растущей милитаризации региона. Так называемая демократическая четверка (США, Австралия, Индия и Япония) активно организовывала и расширяла военное сотрудничество, связи в сфере безопасности и разведки, заметно увеличила число маневров. Это крайне беспокоило асеановцев, так как их цель всегда состояла в том, чтобы развивать в первую очередь экономические связи, поддерживать мир и стабильность в регионе. Требовалось четко артикулировать именно эту позицию, показать, что страны АСЕАН совсем не приветствуют воинственные заявления и совместные маневры стран-членов *Quad*.

Ведь, игнорируя интересы асеановцев, американцы не скрывали, что стремятся на базе *Quad* создать военно-политическую организацию – союз четырех наиболее сильных стран Восточной и Южной Азии, чтобы остановить экспансию Китая. Это было для АСЕАН крайне неприятно, так как Ассоциация всегда принципиально выступала против любых военных угроз, предпочитая искать компромиссы на основе общих интересов. В столицах АСЕАН видели будущее региона скорее как успешную зону свободной торговли, чем пространство, разделенное на военные блоки. Тем более, что неудачный опыт канувших в лету военных союзов – СЕАТО и АНЗЮК, существовавших для сдерживания коммунизма в 50-70-годы XX века, свидетельствовал о бесперспективности военных альтернатив и внешнего вмешательства в региональные конфликты. Поэтому сколачивание американцами четверки (*Quad*) не могло не рассматриваться критически в странах АСЕАН, где это воспринималось как продолжение в новых условиях старой и не оправдавшей себя милитаризованной политики.

В.В. Путин и Н. Модии

Фото: © РИА Новости, Пресс-служба Президента РФ

С самого начала работы над собственным видением будущего региона и своего места в нем в асеановских столицах и прежде всего в Джакарте, которая фактически взяла на себя подготовку первоначального документа, пришли к пониманию того, что общее будущее – это открытый и немилитаризованный мир, с активной взаимной торговлей, свободным движением товаров, капиталов, людей, с участием в нем всех стран, которые выразят желание стать частью такого мира. Такая позиция во многом повторяла положения, которые высказывались одно время индийским руководством и, в частности, премьер-министром Н. Модии, который первоначально предлагал сделать стратегическую «Индо-Тихоокеанскую инициативу» «инклюзивной, и не направленной только против одной страны». В противовес американцам он считал необходимым предложить России возможность участвовать в проекте ИТР⁷. Индия выступала больше за экономический союз, чем собственно за военно-политическое объедине-

ние, направленное против Китая. Именно отталкиваясь от индийской позиции, асеановские лидеры стали выстраивать свою собственную концепцию ответа на происходящие перемены.

Но ситуация в мире и в Азии быстро менялась и вскоре искать в Индии союзника и единомышленника стало намного сложнее – после обострения индийско-китайских противоречий в Тибете, строительства Китаем дорог в сторону индийской территории Арунчал Прадеш, которую в Пекине называют Южным Тибетом и не скрывают своих претензий относительно ее принадлежности Китаю, индийское руководство существенно изменило свою позицию в сторону именно военной составляющей в деятельности *Quad*. Нарендра Моди стал называть «четверку» «силой мирового добра», которая объединена «демократическими ценностями и приверженностью свободному, открытому и инклюзивному Индо-Тихоокеанскому региону»⁸.

После всех этих опасных для спокойствия Индии событий, крен в индийской политике в сторону США стал очевиден, а военные контакты и в том числе маневры войск, поставки оружия и обмен разведывательной информацией стали намного более интенсивными чем это было раньше. Переход Индии к более активному военному сотрудничеству с США, а также то, что не только Индия, но и Австралия и Япония, которые долгое время рассматривались как ключевые партнеры АСЕАН, также приняли участие в *Quad* и превратились в очевидных военных союзников США на Тихом Океане, вызывало в асеановских элитах явное беспокойство и опасение остаться одинокими в меняющейся глобальной и региональной архитектуре безопасности.

Следует признать, что эти опасения были вполне обоснованными и сегодня можно сказать, что в определенном плане АСЕАН действительно оказался в одиночестве перед лицом происходящих перемен. Из ключевых партнеров блока неизменным партнером и союзником осталась только Россия, которая вполне определенно показывает, что несмотря на перемены, Москва продолжает выступать за сохранение традиционно центральной роли АСЕАН в Большой Восточной Азии. Такой подход российского руководства был вновь подтвержден в ходе визита министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Индонезию и Лаос, состоявшийся в июле 2021 г. В его ходе министр, в частности, указал, что «Россия убеждена, что обеспечить функционирование такой архитектуры (архитектуры безопасности в регионе – Д.М.) можно исключительно на основе того, что было достигнуто за прошедшие десятилетия в рамках процессов, которые формировались вокруг центральной роли АСЕАН». Он также добавил, что «мы считаем крайне опасными проявляемые в последние пару лет попытки подорвать эту центральную роль АСЕАН и вместо объединительных форматов сотрудничества в этом регионе навязывать форматы, которые разъединяют, которые основаны на концепциях сдерживания, концепциях формирования разделительных линий»⁹. Такая вполне понятная и внятная позиция России относительно происходящих в регионе перемен, плюс поддержка позиции АСЕАН в отношении мьянманских событий, позволяют Москве сохранять роль независимого и нейтрального внешнего игрока, обладающего возможностью влиять на все стороны конфликта.

*Заявление сопредседателей по итогам Специальной встречи
мининдел Россия–АСЕАН, 6 июля 2021 г.*

Фото: МИД России¹⁰

Долго готовившейся ответ на глобальные перемены впервые прозвучал в октябре 2018 г. на геополитическом форуме в Джакарте, где с основными тезисами относительно позиции и политики Индонезии относительно оценки проекта ИТР и действий *Quad*, выступила министр иностранных дел этой страны – Ретно Марсуди. То, что она представила, еще не было асеановским ответом, но в ее выступлении уже содержались ключевые положения, которые будут положены в основу общего для всех стран Ассоциации документа. Вслед за этим состоялись несколько, организованных руководством АСЕАН международных конференций с обсуждением основных положений, выдвинутых индонезийской стороной. Мне довелось участвовать весной 2019 г. в конференции в Паданге, где как раз обсуждались основные элементы индонезийского плана, к которому были привлечены даже представители

Африканского Союза. Конференция была очень содержательной особенно в практическом ключе, так как представители почти всех стран Ассоциации активно вносили довольно существенные коррективы в имевшийся документ и их замечания и добавления явно учитывались организаторами. Многое из того, что было сказано в Паданге, позже я нашел уже в тексте документа АСЕАН, который отражал позицию стран-участниц этого блока в целом.

Следует отметить, что главный посыл подготовленной индонезийцами «Концепции Индо-Тихоокеанского региона», заключался в том, что «страны АСЕАН, смогут и будут участвовать в проекте ИТР, но только с сохранением своей центральной роли в азиатско-тихоокеанской и индо-тихоокеанской политике». Там также было особо отмечено, что они выступают за то, чтобы в будущем ИТР Ассоциация должна получить право непосредственно участвовать в определении повестки дня и в обсуждении и в решении ключевых вопросов. В индонезийском документе демонстративно ничего не говорилось о необходимости военного противостояния Китаю, наоборот: содержался тезис о том, что проект ИТР должен быть открыт для приема в него всех желающих, и Китая, в первую очередь. Такое требование шло вразрез с целью, которую поставили американцы при формировании ИТР, и это не могло не провоцировать конфликт с Вашингтоном, но иного варианта у стран АСЕАН не было, так как вступать в конфликт с Китаем и ставить себя его противниками и сторонниками США, они также не собирались. Дело было еще в том, что выйдя с Китаем на совокупный товарооборот около полутриллиона долларов, страны АСЕАН (при всех возможных оговорках касательно ситуации в Южно-Китайском море или «долговых ловушек», встроенных в схему «Пояса и пути») не мыслили будущего без наращивания связей с Пекином.

Еще одно важное положение индонезийского плана заключалась в том, что «индонезийская концепция Индо-Тихоокеанского региона, – как отметила Ретно Марсуди, – обещает взаимовыгодную геополитическую ситуацию, сотрудничество ради общего блага и создание новых экономических центров». По ее словам, укрепление взаимодействия в Индо-Тихоокеанском регионе является стратегическим вопросом для стран-членов АСЕАН, которые расположены на стыке двух океанов. Объединение двух больших регионов, по словам министра иностранных дел Индонезии, создаст новые центры роста в странах, граничащих с Индийским океаном»¹¹.

Как мы видим в тех тезисах, которые подготовила Индонезия не было ни одного слова о милитаризации или сдерживании Китая. Смысл формирования новых геополитических структур в индонезийской версии заключался в расширении торговли и обменов, в формировании еще более широкого рынка, чем уже существовавший рынок АТЭС. Причем во время обсуждения «индонезийской концепции» на конференциях и в статьях, научно-политическое сообщество АСЕАН постоянно высказывало жесткую критику позиции США и даже удивление: почему американцы решили создавать новую геополитическую структуру, а не воспользовались Восточноазиатскими саммитами, в которые входили практически те же страны, что и в будущий проект ИТР.

Индонезийская концепция Индо-Тихоокеанского региона после серии консультаций в верхах АСЕАН и добавления ряда позиций, превратилась в коллективный документ, получивший название «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP*)¹². По сравнению с индонезийской концепцией индо-тихоокеанское видение было существенно расширено и дополнено, хотя по смыслу оба документа мало чем отли-

чаются друг от друга. На 35-м саммите АСЕАН, состоявшемся в Бангкоке в июне 2019 г., «Индо-Тихоокеанское видение» было официально одобрено и принято всеми странами-участниками АСЕАН. После всех добавлений и изменений этот документ окончательно потерял всякую остроту и стал представлять по большей части набор условий и пожеланий, с которыми страны АСЕАН обращались к инициаторам формирования ИТР. В то же время, нельзя не признать, что «видение» оказалось логично выстроенным и разделенным на несколько частей документом. В первом разделе дается обоснование необходимости принятия самого документа, оцениваются перспективы АСЕАН в меняющемся мире, а далее провозглашаются цели, принципы, области сотрудничества и открытость как ключевые элементы для обсуждения механизмов участия АСЕАН в иницируемом американцами геополитическом проекте. Далее вместо обоснованной критики явно ухудшающейся геополитики вокруг Ассоциации, в документе выделяются основные сферы, в которых АСЕАН готов развивать сотрудничество в рамках формирующегося ИТР, в частности, мореплавание и морские перевозки, взаимосвязанность, достижение целей устойчивого развития ООН, а также экономическое и техническое сотрудничество¹³. Из этих сфер наиболее актуальной для стран АСЕАН была названа сфера взаимосвязанности (*connectivity*). Это понятие в асеановской интерпретации означает создание атмосферы доверия на основе значительного расширения взаимных связей, причем не только экономических, но и в сфере политики, социальных отношений и культуры.

Церемония открытия 34-го саммита АСЕАН, Бангкок, Таиланд, 23 июня 2019. Фото: East Asia Forum¹⁴

Автору довелось побывать на нескольких научных конференциях, организованных странами АСЕАН и как раз посвященных решению проблем взаимосвязанности. Участие в них создало у меня стойкое впечатление, что для стран АСЕАН этот вопрос ключевой в их нынешней политике. Укрепляя взаимные связи, они рассчитывают формировать атмосферу доверия внутри блока, чтобы противостоять разрушительным внешним воздействиям, и добиться благоприятных условий для блока вовне, чтобы выстроить атмосферу мира, стабильности и предсказуемости вокруг всего региона ЮВА. Кстати, пункт о взаимосвязанности в основном документе был расширен по сравнению с индонезийской концепцией – в дополнение к тем тезисам, которые были в ней изложены, в окончательный документ было внесено положение о том, что в проекте ИТР сотрудничество должно возобладать над соперничеством. Особо отмечалась справедливость позиции

АСЕАН относительно того, что у участников проекта ИТР нет нужды изобретать какие-то новые многосторонние механизмы, достаточно будет опереться на проверенные временем асеаноцентричные структуры – Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) и Совещание министров обороны стран-участниц АСЕАН с партнерами по диалогу (СМОА плюс)¹⁵.

Принятый странами АСЕАН совместный документ, от которого многие наблюдатели почему-то ждали чуть ли не сенсации, вызвал неоднозначную реакцию в экспертном сообществе. Выяснилось, что по большому счету «Индо-Тихоокеанское видение» кроме самих асеановцев не устроило никого – ни большинство западных политологов, ожидавших намного большей определенности и ясного выбора в сторону демократии, ни Пекин, ни Вашингтон, которые были крайне сдержаны в оценках этого документа. На Западе многие стали называть «видение АСЕАН» беспомощным и неспособным что-то изменить. «Ожидать, будто появление этой концепции как-то повлияет на поведение великих держав по отношению друг к другу или к самой АСЕАН, по словам известного специалиста по ЮВА Дональда Уэзерби, не приходилось»¹⁶. Некоторые аналитики указывали на «дефицит реализма как сквозной особенности асеановского документа», так как для урегулирования обстановки в регионе предлагались лишь старые механизмы – «все та же комбинация “центральной роли” АСЕАН, трех основных институтов, через которые она реализуется, и активное сотрудничество всех со всеми при обязательном учете интересов Ассоциации и ее членов»¹⁷.

Да и в нашей стране отношение к «асеановскому видению» оказалось довольно критичным. Вслед за западными аналитиками эксперт центра АСЕАН при МГИМО

В.В. Сумский отмечал, что этот документ «не имеет в складывающейся региональной ситуации ясного и общего для всех десяти ее членов представления о том, как удержать международные позиции, которые она закрепила за собой в предшествующий исторический период»; и что «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН, задуманное как руководство к действию в быстро меняющемся мире, не являлось таковым даже в момент своего принятия в июне 2019 года и в еще меньшей степени является таковым теперь»¹⁸. Высказана была и другая точка зрения, что «попытка АСЕАН предложить свою модель развития региональных процессов представляется обоснованной и своевременной», но не ясно заинтересует ли она США¹⁹.

Мне представляется, что при оценке ключевого асеановского документа следует не присоединяться к хору западных комментаторов, а изначально представлять цель его создания. Цель же была двояка: с одной стороны, обозначить позицию АСЕАН относительно происходивших перемен, как бы зафиксировать себя полноценным игроком, а другая – чисто прагматическая – постараться не испортить отношения ни с Китаем, ни с США. И этой цели, надо признать, асеановцы сумели достичь, о чем свидетельствует реакция их ключевых партнеров.

В Пекине старались «сохранить лицо», но по всему было видно, что там были недовольны тем, что асеановцы все-таки решили принять участие в американском проекте, а в Вашингтоне тоже старались не обидеть асеановцев, хотя явно были недовольны тем, что они не уделили должного внимания борьбе за свободу и демократию, считали доводы американцев относительно милитаризации Китая искусственных островов в Южно-Китайском море, наращивания там его военного потенциала, недостаточными для присоединения к американским военным планам.

Еще одним бесспорным поводом для недовольства администрации США стало то, что в противовес планам США, они выступали за открытый инклюзивный и по большей части экономический союз. Но в условиях, когда каждая из сторон стремилась притянуть асеановскую десятку к своим интересам и политике ни в Китае, ни в США не рискнули открыто и жестко критиковать своих возможных партнеров и союзников. В Китае заявили, что в отличие от предыдущих индо-тихоокеанских концепций, *AOIP* нацелен на открытость, инклюзивность и центральную роль АСЕАН. Министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Китай всегда сохранял «открытую и конструктивную позицию в региональном сотрудничестве, которая соответствует принципам и идеям документа, принятого АСЕАН». В то же время в Пекине не удержались от некоторой критики действий АСЕАН и указывали на то, что с точки зрения КНР, АСЕАН должна была сохранить свой акцент на Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не реагировать на события относительно Индо-Тихоокеанского региона²⁰.

В Вашингтоне также заявили, что приветствует асеановские инициативы и даже отметили «очевидные сходства между принципами, закрепленными в асеановском документе, и американским представлением о “свободном и открытом” Индо-Тихоокеанском пространстве». Трудно сказать, где в Индо-Тихоокеанском видении американцы обнаружили «сходства со взглядами на регион, которых придерживаются наши союзники, партнеры и друзья». В аналогичном стиле высказывались видные дипломаты и эксперты в Японии, Индии и Австралии. В столицах *Quad* видимо решили, что сам факт согласия АСЕАН войти в рамки индо-тихоокеанского проекта уже вполне достаточный позитивный момент, и что в дальнейшем появится возможность и серьезно «подработать “видение АСЕАН”,

чтобы оно больше коррелировалось с их реальными устремлениями...»²¹.

После того как асеановцы формально заявили о желании участвовать в проекте ИТР, они немедленно почувствовали на себе все возраставшее американское внимание и, я бы сказал, намеренное и искусственное дружелюбие. В Вашингтоне не скрывали, что им в будущих союзах должно быть отведено особое место: рассчитывали, что они сформируют как бы вторую волну расширения *Quad* с тем, чтобы превратить его в полноценный межрегиональный блок. Тем самым осуществлялась важная цель, которая была зафиксирована в ключевом американском внешнеполитическом документе – Стратегии национальной безопасности 2017 г., где в отношении АСЕАН было сказано, что «Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) остаются центральными элементами региональной архитектуры Индо-Тихоокеанского пространства и выступают в качестве платформы для продвижения общественного порядка, основанного на свободе»²².

В столицах стран АСЕАН прекрасно понимают причины американского дружелюбия – максимальная заинтересованность Вашингтона и стран *Quad* в том, чтобы АСЕАН выступала бы в одном ряду с ними. При этом такая политика не афишируется и на поверхности все время звучат заявления типа, что «Соединённые Штаты не приносят страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) делать выбор между ними и Китаем». Об этом заявил 2 августа 2021 г. неназванный представитель американского Госдепартамента высокого ранга. Он отметил, что «Мы полностью признаем, что этим странам надо иметь хорошие отношения с Китаем. Это важный торго-

вый партнёр, это важный сосед, логично, что они бы хотели этого»²³.

*Премьер-министр Вьетнама Нгуен Суан Фук,
23-й саммит (онлайн) АСЕАН и Японии. Фото: ВИА²⁴*

Не менее дружественное отношение к АСЕАН демонстрируют и американские союзники в Азии – японцы. В ноябре 2020 г. по итогам 23-го саммита АСЕАН и Японии диалоговые партнеры приняли Совместное заявление о сотрудничестве в области реализации «Видения Индо-Тихоокеанского региона АСЕАН». В нем были выделены четыре области сопряжения японской концепции ИТР и Индо-Тихоокеанского подхода АСЕАН: сотрудничество на море, взаимодействие в вопросах усиления взаимосвязанности, в области достижения целей устойчивого развития ООН и в сфере экономики. Помимо четырех общих областей были выделены и более конкретные направления приложения совместных усилий. К ним были отнесены поддержание безопасности на море, борьба с загрязнени-

ем мирового океана пластиковым мусором, сопряжение японской инициативы качественной инфраструктуры и Генерального плана АСЕАН по увеличению взаимосвязанности, поддержка со стороны Японии проекта сети умных городов АСЕАН, развитие цифровой экономики и борьба с последствиями пандемии коронавируса нового типа²⁵.

Подводя некоторый итог реакции в мире на асеановское «видение» можно сказать, что американцы вместе с японцами, рассматривают сам факт присоединения Ассоциации к проекту ИТР как свой большой успех и явно стремятся его развить и убедить страны АСЕАН все более решительно двигаться в их направлении, формируя новый фронт против Китая. Пока эти увещевания особого успеха не имеют – страны АСЕАН вполне успешно сохраняют и выдерживают в целом статус-кво в отношениях как с Китаем, так и с США. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что принятый документ полностью выполнил свою роль: с одной стороны, четко показывает их позицию в отношении происходящих событий, но с другой – не направлен ни против Китая, ни против США.

С этой точки зрения можно вполне определенно сказать, что принятое «Индо-Тихоокеанское видение» оказалось вполне продуманным и равновесным. Действительно, некоторые позиции в нем не очень внятные, много недосказанности и неопределенности, но с другой стороны, все что нужно странам АСЕАН вполне четко там прописано: центральная роль, главенство международного права, упор на экономическое, а не военное сотрудничество, широкий состав участников.

Нет никаких сомнений, что успех с подготовкой и принятием *AIOP* отнюдь не гарантирует странам АСЕАН возможных кризисных или даже критических отношений как со своими партнерами, так и внутри самого блока. Вы-

держивать равновесие в условиях расходящихся в разные стороны гигантских льдин, да еще сохранять внутреннее единство – это требует огромного мастерства удачи и даже дара предвидения. В реальных условиях это не всегда удается, и сегодня, например, можно говорить о все более определенном дрейфе части асеановских элит в направлении США. Ведь вслед за согласием АСЕАН войти в Индо-тихоокеанский проект последовало официальное уведомление о том, что члены Ассоциации откладывают переговоры с Китаем о заключении Кодекса поведения в Южно-Китайском море, поскольку считают невозможным консультации в формате видеоконференций. Такую позицию изложил официальный представитель Индонезии в АСЕАН Хосе Таварес: «Мы считаем, чрезвычайно сложно виртуально обсуждать проект договора, поэтому официальные консультации должны проводиться в виде реальных встреч», – сказал дипломат. Он также напомнил, что «в течение года стороны планировали закончить второе чтение проекта Кодекса поведения, с тем чтобы в будущем году полностью завершить переговоры». «Именно такие сроки ранее озвучил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян», – уточнил Таварес. Однако «очевидно, что даты будут сдвинуты», – добавил индонезийский представитель²⁶.

Этот шаг со стороны АСЕАН отнюдь не означал прекращения переговоров с КНР, скорее руководство Ассоциации хотело показать свою неудовлетворенность тем, как продвигаются многолетние переговоры по кодексу поведения в ЮКМ, а также свое желание разговаривать с Пекином на равных. Главы МИД АСЕАН к тому же явно солидаризировались с позицией США, когда указали в своем заявлении в ходе очередной конференции, состоявшейся в августе 2021 г., на то, что в «Южно-Китайском море важно поддерживать мир, стабильность, безопасность и свободу судоходства и авиации и подчеркнули,

что последовательная позиция блока по разрешению возникающих споров – это использование мирных средств на основе международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года и полного и эффективного осуществления Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море»²⁷.

Все эти заявления асеановских лидеров и структур позитивными для Пекина назвать сложно, тем более, что еще раньше в августе 2020 г. на прошедшем в режиме телеконференции совещании министров экономики стран АСЕАН и торгового представителя США Роберта Лайтхайзера было заявлено, что АСЕАН и США намерены активизировать сотрудничество для смягчения экономических последствий глобальной пандемии коронавируса. Получалось, что с Китаем переговариваться онлайн по Кодексу поведения нельзя, а с США обсуждать вопросы экономических связей и борьбы с пандемией можно. Вполне вероятно, что одна из причин такой холодности или, скорее, сдержанности стран АСЕАН в отношении Китая заключается в их общем неудовлетворении характером экономических связей. Дело в том, что несмотря на то, что с Китаем существует зона свободной торговли (SAFTA), растущий профицит в товарообороте все время увеличивается в пользу Китая, а у стран АСЕАН в торговле с ним, соответственно, все время растущий дефицит. С Америкой все наоборот – хотя товарооборот примерно в два раза меньше, но он стабильно профицитен для стран АСЕАН. Получается, что почти всё, что страны АСЕАН выигрывают в торговле с США, они отдают в торговле с КНР.

Нельзя не отметить и то, что США довольно успешно продолжают экономическое соперничество с Китаем в ЮВА. Сегодня они вторые торговые партнеры стран-членов блока и главное – ключевые инвесторы в АСЕАН

по итогам 2019 г. Объем торговли между Ассоциацией и США за последний предпандемийный год увеличился на 12% и достиг 294,6 млрд долларов. Американские инвестиции в экономики стран блока в 2020 г. превысили 24,5 млрд долл.²⁸, а всего, по словам госсекретаря США Э. Блинкена, «прямые иностранные инвестиции Америки в страны АСЕАН по состоянию на 2020 год составили 328,5 млрд долл., что делает США крупнейшим источником инвестиций в АСЕАН»²⁹.

Активность американцев и их союзников в привлечении стран АСЕАН на свою сторону встречает со стороны Китая довольно спокойную и сдержанную реакцию. Ощущение такое, что в Пекине есть своя «дорожная карта» и КНР движется по ней, не обращая особого внимания на своих оппонентов. Так, например, в конце июля 2021 г. в самый разгар подготовки к совместным военным учениям между Индонезией и США, когда 330 американских десантников уже высадились в индонезийском Палембанге, министр иностранных дел Китая Ван И выступил на открытии симпозиума, посвященного 30-летию диалога между Китаем и АСЕАН. Он сказал, что «обе стороны должны продолжать понимать и поддерживать друг друга по вопросам, касающимся основных интересов друг друга», что партнерство Китая и АСЕАН очень важно для поддержания мира и стабильности в странах региона, в содействии их прогрессу и процветанию³⁰. При этом китайский министр иностранных дел проигнорировал сам факт американо-индонезийских военных маневров, как бы показывая, что в Пекине пришли к выводу не придавать этому факту серьезного значения. И такая позиция вполне обоснована, так как китайское руководство прекрасно понимает какие мощные козыри и, прежде всего, в сфере торговли и экономики, у него в руках, и убеждено,

что есть «красные линии» для стран АСЕАН, за которые выйти они вряд ли смогут.

Такая позиция властей КНР вполне обоснована и можно даже предположить, что при определенных обстоятельствах страны АСЕАН качнутся в сторону Китая, тем более, что никакие «мосты до сих пор не сожжены». Мегавати Сукарнопутри, бывший президент Индонезии и лидер главной партии президентской коалиции, в начале ноября 2018 г. в ходе поездки в КНР заявила, в частности, что «мир нуждается в Китае, чтобы его экономическая мощь стала реальной мощью всего мира». Она указала также, что правительство и народ КНР не прибегают к беспощадной практике в экономических делах, отвергают неравенство и несправедливость, присущие либеральной экономике»³¹. Такой позитивный подход к Китаю разделяется и поддерживается и в других странах АСЕАН. Премьер-министр Камбоджи Хун Сен во время визита в Пекин в январе 2019 г. заявил, что «Китай – близкий партнер Камбоджи по сотрудничеству и его страна ... готова укреплять отношения традиционной дружбы..., содействовать развитию камбоджийско-китайских отношений всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства»³². Президент Филиппин Родриго Дутерте в октябре 2018 г. указал на необходимость «объединить усилия с Китаем для укрепления двустороннего сотрудничества в энергетике и инфраструктурном строительстве»³³. Вьетнамский лидер Нгуен Фу Чонг в новогоднем поздравлении (2018 г. – Д.М.) Си Цзиньпину подчеркнул, что, «желает вместе с ним и дальше укреплять ... взаимное политическое доверие, содействовать реальному прогрессу в сотрудничестве во всех сферах, выводить межпартийные и межгосударственные отношения на новую высоту»³⁴. В последнее время позитивным жестом в сторону Китая можно рассматривать и публикацию статьи заместителя гене-

рального секретаря Ассоциации государств Юго-Восточной Азии Кунга Фоака. Автор от имени всех членов АСЕАН заявил, что «весьма важно завершить отслеживание происхождения коронавируса нового типа (COVID-19) путем международного сотрудничества, и оно должно основываться на науке и фактах, а не на политических обвинениях». Он также отметил, что Китай активно стремится к сотрудничеству со странами и международными организациями, чтобы объединить усилия в борьбе с эпидемией. Он выразил Китаю благодарность за усилия в борьбе с коронавирусом³⁵.

Усиление симпатий в АСЕАН к Китаю вполне возможно еще и потому, что сегодня именно Пекин открыто и жестко выступает с позиций сохранения единства АСЕАН и той роли, которая ей принадлежит и в АТР, и в ИТР. Так, министр иностранных дел КНР Ван И на встрече глав внешнеполитических ведомств стран-участниц Восточноазиатского саммита, состоявшего в начале августа 2021 г. «предупредил об опасности возникновения разобщенности между членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и утраты роли данного регионального объединения». Он отметил, что «мы должны остерегаться политики, которая прикрывается фальшивыми лозунгами многостороннего сотрудничества. Необходимо объявить бойкот попыткам формирования фракций, враждующих между собой, – АСЕАН играет центральную роль в региональном сотрудничестве, и нельзя допустить, чтобы она стала бесполезной организацией»³⁶.

В этом заявлении китайского министра иностранных дел слышится откровенная обеспокоенность возможными перспективами распада и раскола АСЕАН. Нет сомнений, что эта угроза наиболее опасный вызов, стоящий перед Ассоциацией. Сможет ли она сохранить себя в качестве отдельной относительно независимой и влиятельной ре-

гиональной структуры, балансирующей между двумя центрами силы, или же окажется в зависимости от Китая или от США. Более того, насколько она сможет сохранить свое единство и целостность во все более турбулентном окружающем мире. Об угрозе распада АСЕАН уже давно говорят многие региональные аналитики и среди них Филипп Боуринг, который еще в 2016 г. написал некролог для АСЕАН – «(1967–2016)» – с надписью «ИГРА окончена», выгравированной на изображении надгробия. В поддержку своего явно спорного мнения о расколе и распаде регионального блока он привел успех Китая в укреплении сотрудничества не только с Камбоджей, но также с Лаосом и Брунеем, которые в целом поддерживали позиции Пекина по ЮКМ. «Бессилие АСЕАН, писал Боуринг в своей статье, больше нельзя отрицать. Китай высказался: АСЕАН не имеет значения»³⁷.

Понятно, что в позиции американского аналитика есть явные преувеличения и он скорее выдает желаемое за действительное. Его взгляд интересен тем, что выражает общую тенденцию американских специалистов по ЮВА относительно того, что если понадобится, то для укрепления *Quad* и успеха проекта ИТР можно будет и расколоть АСЕАН, оторвать от регионального блока наиболее влиятельные и сильные государства. Об этой перспективе пишет в своем исследовании другой известный американский политолог, работавший долгие годы в сфере военной разведки Дэвид Гроссман. Он отмечает, что демократическая четверка «не сможет добиться поставленных перед собой целей, если будет полагаться только на самих себя». В ИТР ей необходима более широкая поддержка – «если не со стороны всей АСЕАН, что пока маловероятно, то для начала хотя бы от одного из ее членов». Он предлагает расколоть АСЕАН путем отрыва от организации сначала Вьетнама, «как страны особо озабоченной поведением

КНР в Южно-Китайском море и в то же время развивающей отношения по военной линии со всеми участниками *Quad*», а потом, возможно, и Филиппины, где к власти могут вернуться проамериканские политические силы, а далее Малайзию или Индонезию.

Интересно, что Д. Гроссман не предлагает включить отколовшиеся от АСЕАН страны сразу же в *Quad*. Он считает, что первоначально следует «сформировать систему диалоговых партнерств по типу той, которую выстроила АСЕАН, или сделать регулярными экспертные совещания по формуле *Quad+* с участием представителей стран, входящих в АСЕАН»³⁸.

Сегодня на Западе вообще стало модно критиковать АСЕАН: «Многосторонность, ориентированная на АСЕАН, стала институционализированной как бюрократический ритуал, движимый инерцией», – отмечает еще один американский аналитик Роберт Мэннинг. «Министры и главы государств встречаются, носят забавные рубашки, играют в гольф, делают заявления и расходятся по домам». Он полагает, что «Если бы завтра исчезли АРФ [Региональный форум АСЕАН], EAS (Восточноазиатский саммит, где АСЕАН выступает в качестве ключевого участника) и другие подобные аббревиатуры, была бы Азия менее безопасной? Ответ таков: вероятно, нет»³⁹.

Своим упорным нежеланием примыкать к тому или иному берегу Ассоциация явно вызывает раздражение в западных политических и интеллектуальных кругах. Они стараются всячески подчеркнуть, что в эпоху наступающих перемен она явно «не жилец». Если просто посмотреть названия статей, ну, например, за 2016 г. ведущих западных специалистов относительно АСЕАН и ее судьбы, то вопросов относительно того, что Ассоциация вот-вот распадется, просто не остается: «Штормовые облака собираются» – полагает Ян Стори, «Раскол АСЕАН» –

утверждает Виджай Джоши, «Конец АСЕАН?» – утвердительно отвечает на им же поставленный вопрос Ричард Гейдарян⁴⁰.

Однако, несмотря на то, что все эти прогнозы рассыпались в прах, определенную задачу они все равно выполняют – создать такую атмосферу, когда у большинства политических игроков формируется мнение, что АСЕАН «неправильная политическая структура» и вот-вот падет. При этом происходит очевидная подмена реальностей – действительно существующие противоречия и изъяны АСЕАН гипертрофируются и объявляются фатальными, а сильные стороны, которые удерживают единство блока – игнорируются. А желание на Западе, так или иначе вывести АСЕАН из игры, вполне понятно – уже в среднесрочной перспективе вместо Ассоциации лидирующую роль в регионе должна будет играть совершенно иная структура с иной конфигурацией участвующих в ней стран и с совершенно иными целями. АСЕАН или то, что от неё останется, видимо, станет «младшим партнером» *Quad*, а возможно и австрало-американо-британского военного союза, о создании которого было объявлено в сентябре 2021 г.

Кстати, угрозы раскола и распада АСЕАН и без американских аналитиков видят и сами асеановцы. По большей части они связывают свои тревоги с политикой Китая, который с одной стороны выступает как экономический партнер, предоставляющий кредиты и инвестиции, а с другой как сила военная, оказывающая непосредственно силовое давление на своих соседей. Так, например, Китай в последнее время лишь усиливает свое военное присутствие в районе индонезийского архипелага Натуна, богатого природным газом, который он считает своим. Естественно, что именно в Индонезии – крупнейшей и лидирующей в АСЕАН стране – внимательно следят за политикой китайских властей. В частности, несколько извест-

ных индонезийских политических деятелей, таких, например, как бывший посол в Великобритании Ризал Сукма, бывший министр иностранных дел Хассан Вираджуа, указывают, что агрессивное поведение Китая, усугубляя китайско-американское соперничество, «может сделать АСЕАН все более неуместной». При этом они высоко оценивают роль и место Индонезии в АСЕАН, полагая, что если бы Индонезия проигнорировала интересы сохранения единства ассоциации и интересы государств-членов в противостоянии последствиям соперничества между великими державами, то «АСЕАН бы уже развалился». Они считают, что без усилий Индонезии по консолидации регионального блока можно было бы уже сегодня заниматься прогнозами относительно того каким будет «региональный порядок после АСЕАН». Они также признают, как и Юсуф Вананди – один из основателей известного Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в Джакарте и, пожалуй, самый известный и проницательный индонезийский политический аналитик, что АСЕАН «не смогла справиться» с напряженностью вокруг ЮКМ. Выход из сложившейся ситуации они видят в том, чтобы призвать страны-члены организации «собраться с силами», и не потерять свое единство и влияние⁴¹.

Все эти негативные прогнозы относительно распада и раскола АСЕАН оставляют двоякое впечатление. Нельзя отрицать, что вероятность распада действительно существует, но нельзя и переоценивать такую вероятность. Ведь есть и вторая сторона в деятельности Ассоциации и эта сторона вполне позитивная. На самом деле фундамент АСЕАН и принципы, и интересы его формирующие довольно прочны, что не раз доказывала история этого блока. Ведь Ассоциация располагает очень мягкой и гибкой структурой, которая пережила уже немало кризисов. Кроме того, если посмотреть атмосферу и почитать стено-

граммы последних встреч руководителей стран АСЕАН, то они свидетельствуют о сохранении внутри высшего руководства блока атмосферы доверия и ощущения общей судьбы, общего культурно-политического и социального пространства. Основано это доверие на проверенных временем основных принципах устройства регионального блока – невмешательстве во внутренние дела друг друга, принятии ключевых решений исключительно консенсусом и согласием всех участников, общей приверженностью так называемой «дороге АСЕАН» и «сообществу АСЕАН», предусматривающих формирование в будущем общих пространств экономических, политических и социокультурных, а также защиту общих интересов. Все страны-участники АСЕАН заинтересованы в сохранении высоких темпов экономического роста и повышении уровня жизни, укреплении их центральной роли в Большой Восточной Азии и все более заметной роли в мире. Эти общие принципы и цели, несомненно, их сплачивают, подчеркивают ценность единства в АСЕАН.

Более того, страны АСЕАН показывают и политическую волю, когда, несмотря на давление и даже угрозы санкций, не отказываются от принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Их убеждают на Западе, что этот принцип уже устарел, что надо активно влиять на продвижение в странах-соседях принципов демократии и свободы. Но они не отступают ни на шаг. Пример такого подхода – отношение к последним событиям в Мьянме, где военные отстранили гражданское правительство от власти. На Западе утверждают, что нежелание вводить санкции и оказывать давление на военный режим лишь подчеркивает слабость Ассоциации, которая не способна никак влиять на массовые нарушения прав человека и принципов демократии в одном из членов организации. Американцы выступают за то, чтобы АСЕАН осудил эти

события, однако страны-члены блока занимают позицию не осуждения одной из сторон, а позицию посредника, способствующего поиску выхода из непростой ситуации, сложившейся в стране.

А что касается медленности принятия решений в АСЕАН – так это совсем не новость, сама структура организации и принцип консенсуса это и предполагают. Внешне действительно создается впечатление, что АСЕАН медлительна, долго и нелегко формулирует свою позицию, но именно эта медлительность позволяет согласовать постепенно интересы всех стран-участников. Известный сингапурский публицист, Билахари Каусикан, утверждает в связи с этим, что нынешняя АСЕАН «это корова, а не лошадь». «Корова никогда не станет лошастью, – пишет он, – как бы искренне мы этого ни желали». Он отмечает, что АСЕАН «далека от совершенства», что «она, безусловно, нуждается в улучшении», и что «есть много областей, в которых ее деятельность может быть улучшена»⁴².

С сингапурским публицистом вполне можно согласиться, правда, с одним добавлением – у АСЕАН много сложностей и слабых мест, но никакой иной структуры для обеспечения безопасности мира и стабильности в ЮВА никто еще не создал. Позитивная роль АСЕАН не вызывает сомнений и поэтому получает полную поддержку со стороны России, которая не раз заявляла о необходимости сохранения единства АСЕАН и ее центральной роли в политических процессах на Тихом и Индийском Океанах. Об этом не раз говорил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. Так, в марте 2021 г. в интервью южнокорейским СМИ, он однозначно указал, что «центральная роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в процессах развития сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе во всех областях должна быть сохранена». Он также добавил, что было бы полезно «вер-

нуться к принципам, которые все мы многократно подтверждали, а именно: сохранение центральной роли АСЕАН в процессах развития сотрудничества в этом регионе во всех областях»⁴³.

Если смотреть в будущее, то такая позиция Москвы позволит ей и дальше укреплять сотрудничество со странами Ассоциации и, возможно, играть более важную роль, чем ныне, в ЮВА, а также как на пространствах АТР, так и ИТР. Вполне вероятно, что асеановская элита с бессилием наблюдающая как истончается сегодня ее влияние, как девальвируются ее союзы и как рождаются новые привлекательные и более сильные в военном отношении международные блоки, где Ассоциация может претендовать только на периферийные и зависимые позиции, повернется к России. Ведь в настоящее время только РФ остается практически единственной нейтральной страной, не участвующей ни в противостоянии, ни в никаких блоках и последовательно поддерживающая АСЕАН. В случае такого поворота, глобальная российская инициатива Большой Евразии из геополитических фантазий может превратиться в «дорожную карту» для решения объявленных в этой инициативе целей. Так что, в случае усиления американо-китайского противостояния и невозможности и дальше балансировать между сверхдержавами, выход страны АСЕАН могут найти в сближении с Россией и тогда их политика будет опираться не на два, а на три мировых центра и шансы сохранить единство, центральную роль в АТР и ИТР, и ключевые принципы организации сильно возрастут. Показательны в этом отношении планы проведения совместных маневров флотов АСЕАН и флота России, что было озвучено 13 октября 2021г. г.⁴⁴.

- ¹ Индонезия изолировала Сергея Лаврова от журналистов // Коммерсантъ, 07.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4889088>
- ² Там же.
- ³ В странах АСЕАН выявили почти один млн активных случаев COVID-19 // ИА Регнум. 22.07.2021. URL: <https://regnum.ru/news/society/3328629.html>
- ⁴ Китай поставил в страны АСЕАН более 190 млн доз вакцин от коронавируса // ТАСС. 03.08.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12048823>
- ⁵ США предоставили членам АСЕАН 23 млн доз вакцины и \$158 млн на борьбу с ковидом // ТАСС. 04.08.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12060155>
- ⁶ Индонезия изолировала Сергея Лаврова от журналистов...
- ⁷ The Print (Индия): Индия и Япония пытаются уговорить Россию на трехстороннее соглашение // ИноСМИ. 30.01.2021. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210130/249029622.html>
- ⁸ Нарендра Моди отнес индо-тихоокеанскую «четверку» к «силам мирового добра». Seldon News. 12.03.2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247141702>
- ⁹ Лавров: Россия считает крайне опасными попытки некоторых стран подорвать роль АСЕАН // ТАСС, 07.07.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11840699>
- ¹⁰ URL: https://asean.mid.ru/documents/24790352/29942908/DSC_0473%20edit.jpg/c1c91377-8ca6-4e93-a8ab-1e00e5e69cc3?version=1.0
- ¹¹ Индонезия предлагает концепцию сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе // ИА REGNUM. 24.10.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2506524.html>
- ¹² URL: <https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/>
- ¹³ ASEAN needs more than an 'outlook' on the Indo-Pacific. East Asia Forum. 3 September 2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/09/03/asean-needs-more-than-an-outlook-on-the-indo-pacific/>
- ¹⁴ URL: https://sp-ao.shortpixel.ai/client/to_webp,q_glossy,ret_img,w_500/https://www.eastasiaforum.org/wp-content/uploads/2019/08/2019-06-23T034118Z_1883297502_RC1231F70130_RTRMADP_3_ASEAN-SUMMIT-500x333.jpg
- ¹⁵ Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН // Мир перемен. 03.07.2019. URL: <http://mirperemen.net/2019/07/indo-tixookeanskij-region-tochka-zreniya-asean/>
- ¹⁶ Weatherbee D.E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific cooperation concept. ISEAS Perspective. Singapore. №47. 07.07.2019

- ¹⁷ Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. 12.04.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29766>
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Мир перемен. URL: <http://mirperemen.net/>
- ²⁰ The Indo-Pacific Outlook: a new lens for ASEAN. East Asia Forum. 20 April 2020. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/04/20/the-indo-pacific-outlook-a-new-lens-for-asean/>
- ²¹ Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН»...
- ²² WH.GOV. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>
- ²³ В США заявили, что не просили страны АСЕАН выбирать между ними и Китаем // ИА REGNUM. 03.08.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3335493.html>
- ²⁴ URL: <https://vietnam.vnnet.vn/russian/23-и-саммит-асеан-япония-прошел-онлайн/471561.html>
- ²⁵ Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. November 12, 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100114942.pdf>
- ²⁶ АСЕАН отложила переговоры с Пекином о Кодексе поведения в Южно-Китайском море // ТАСС. 20.06.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8776917>
- ²⁷ Главы МИД АСЕАН призвали к миру и стабильности в Южно-Китайском море // ИА REGNUM. 02.08.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3334950.html>
- ²⁸ АСЕАН и США договорились о сотрудничестве для смягчения экономических последствий пандемии // ТАСС, 28.08.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9315569>
- ²⁹ США предоставили членам АСЕАН 23 млн доз вакцины...
- ³⁰ Глава МИД Китая: партнерство стран АСЕАН и КНР важно для поддержания мира // ИА REGNUM. 29.07.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3332299.html>
- ³¹ Antara. 05.11.2018.
- ³² Ли Кэцян провел переговоры с премьер-министром Камбоджи Хун Сенем // ИА Синьхуа. 22 января 2019. URL: <https://news.rambler.ru/asia/41603258-li-ketsyan-provel-peregovory-s-premer-ministrom-kambodzhi-hun-senom/>
- ³³ Р. Дутерте: Филиппины хотят расширять сотрудничество с Китаем // ИА Синьхуа. 30 октября 2018. URL: http://russian.news.cn/2018-10/30/c_137567588.htm

³⁴ Си Цзиньпин и генсекретарь ЦК КПВ, президент Вьетнама Нгуен Фу Чонг обменялись письмами с новогодними поздравлениями // Женьминь Жибао, 29.01.2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0129/c31521-9541926.html>

³⁵ Отслеживание происхождения COVID-19 не должно основываться на политических обвинениях - представитель АСЕАН // ИА Синьхуа. 2021-08-05. URL: http://russian.news.cn/2021-08/05/c_1310109836.htm

³⁶ Глава МИД КНР предупредил об опасности утраты солидарности между членами АСЕАН // ТАСС. 05.08.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12061877>.

³⁷ Bowring, Philip. 2016. Obituary: Association of Southeast Asian Nations (1967–2016), Asia Sentinel, 29 April. URL: <http://www.asiasentinel.com/politics/obituary-association-southeast-asian-nations/>

³⁸ Grossman D. The Quad is not enough, Foreign Policy. 19.10.2018.

³⁹ Manning, Robert. 2016. Time to Rethink ASEAN, NIKKEI Asian Review, 6 September. URL: <http://asia.nikkei.com/Viewpoints/Viewpoints/Robert-A.-Manning-Time-to-rethink-ASEAN>

⁴⁰ “Storm clouds are gathering”, Ian J. 2016. ASEAN Initiatives Face Strong Headwinds, Maritime Awareness Project, 14 April. URL: <http://maritimeawarenessproject.org/2016/04/14/asean-initiatives-face-strong-headwinds/>; “ASEAN Split”, Joshi, Vijay. 2016. ASEAN Split on How to Deal with China in South China Sea, The Jakarta Post, 24 July. URL: <http://www.thejakartapost.com/seasia/2016/07/24/asean-split-on-how-to-deal-with-china-in-south-china-sea-row-.htm>, “The End of ASEAN?”, Richard Javad. 2016. The End of ASEAN? The World Post, 31 July. URL: <http://www.huffingtonpost.com/section/world>

⁴¹ Donald K. Emmerson. ASEAN between China and America: Is It Time to Try Horsing the Cow? Published online by Cambridge University Press: 01 February 2017. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/trans-trans-regional-and-national-studies-of-southeast-asia/article/asean-between-china-and-america-is-it-time-to-try-horsing-the-cow/793AFAA432688BC8D57919C49195BD89>

⁴² Kausikan, Bilahari. 2015. ASEAN Is a Cow, Not a Horse, The Middle Ground, 6 October. URL: <http://themiddleground.sg/2015/10/06/asean-cow-not-horse-bilahari-kausikan/>

⁴³ Лавров: АСЕАН должна сохранить центральную роль в развитии сотрудничества в регионе // ТАСС. 23.03.2021. URL: <https://tass.ru/politika/10972045>

⁴⁴ <https://www.kemhan.go.id/2021/10/13/kemhan-ri-pimpin-pertemuan-arnex-ipc-bahas-rencana-latihan-bersama-angkatan-laut-asean-rusia.html>

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ США И КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ *

Период рубежа XX–XXI вв. стал во многом уникальным для международных отношений. Завершение биполярного периода с его жесткой блоковой дисциплиной, неопределенность характера будущего мироустройства, подъем новых центров силы создали ситуацию, благоприятную для роста субъектности малых и средних стран и их объединений в мировой политике. «Фоновые», в терминологии известного российского международника А.Д. Богатурова¹, страны, получили возможность перейти в иное качество.

Одним из значимых примеров в этом плане стала Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая, с одной стороны, смогла сделать существенный шаг вперед в деле региональной интеграции, а, с другой стороны, оказалась способной задать тон развитию институционального сотрудничества в гораздо более широких макрорегиональных рамках, нежели те, которые географически очерчивали состав участников самой Ассоциации. Широкая номенклатура региональных институтов, созданных в 1990–2000-е гг. – расширенное количество диалоговых партнерств АСЕАН с отдельными странами и

* Сведения об авторе: *Колдунова Екатерина Валерьевна*, кандидат политических наук, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Россия, Москва. e.koldunova@inno.mgimo.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31129.

организациями, формат АСЕАН+3, Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещания министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+) – позволила Ассоциации существенно нарастить инструментарий воздействия на своих партнеров и уйти от той ситуации, когда возможности малых и средних стран в международных отношениях были ограничены лишь опциями балансирования или примыкания.

Однако рост китайско-американских противоречий в 2010–2020-е гг. и их региональные проекции, структурно усложненные динамикой развития китайской Инициативы пояса и пути и американской Индо-Тихоокеанской стратегией, вновь актуализировали для стран региона проблему выбора. Одновременно они стали своеобразной реминисценцией предыдущего исторического периода, когда биполярная структура международных отношений ограничивала пространство для маневра малых и средних стран.

Проблема того, что страны Юго-Восточной Азии и их институциональная эманация – АСЕАН – вновь оказались пространством борьбы ведущих держав, естественным образом привлекла внимание всего исследовательского сообщества, занимающегося изучением региональной динамики в Тихоокеанской Азии. В представленном исследовании анализируются основные современные зарубежные публикации, фокусирующие свое внимание на политике США и Китая в Юго-Восточной Азии, китайско-американских противоречиях в регионе, основных сферах продвижения их интересов и формах конкуренции в ЮВА. К ним стоит, в частности, отнести монографии Мюррея Хибберта², Себастьяна Стренджио³, Ричарда Джавада Хейдериана⁴, коллективную монографию под редакцией Дональда Эммерсона⁵ и ряд других изданий. От-

дельное внимание уделяется публикациям авторов, представляющих исследовательские институты и центры стран региона (в частности, исследовательскую сеть институтов стратегических и международных исследований *ASEAN-ISIS*), их оценкам роли двух упомянутых стран в делах региона, восприятию пределов влияния США и Китая, возможностей балансирования между ними.

Основные направления академической дискуссии

Ключевыми для современных зарубежных исследований политики США и Китая в регионе, несомненно, являются темы асимметрии, неравенства потенциалов, поиска ответов на это неравенство, проблемы институциональной уязвимости АСЕАН.

Развивая проблематику асимметричных отношений, обозначенную ранее в работах Брэнтли Уомака об отношениях Китая и Вьетнама⁶, эти темы доминируют во многих недавно вышедших исследованиях, фокусирующих внимание на взаимодействии всех стран Юго-Восточной Азии с Китаем. Так, например, название коллективной монографии под редакцией известного зарубежного специалиста по ЮВА Дональда Эммерсона «Олень и дракон: Юго-Восточная Азия и Китай в XXI в.» отсылает читателя к фольклору стран региона, в котором присутствует история о том, как азиатскому оленю (канчилю), несмотря на его малые размеры, тем не менее, удалось победить дракона (ум побеждает силу). В данном контексте, дракон, естественно, ассоциируется с Китаем, а олень – с юго-восточноазиатскими странами.

В соответствии с заглавием основные вопросы, которые поднимаются в главах коллективной монографии, – это природа, динамика и последствия неравного положения ЮВА и Китая. При этом сам Дональд Эммерсон в ду-

хе ключевого посыла, отраженного в заголовке книги, доказывает, что асимметрия не означает полного соподчинения Китаю, а креативная дипломатия может помочь странам региона обеспечить себе автономию за счет партнерств с внешними игроками.

Среди инструментов Китая особую настороженность Д. Эммерсона вызывает так называемое «прокси-вето», то есть китайское давление на отдельные страны АСЕАН, особо зависимые от Китая в экономическом плане, с целью блокирования тех или иных решений, принимаемых в рамках Ассоциации, как известно, только на основе консенсуса. Отмечается, что такой подход применяется Китаем, в частности, для того, чтобы оказать влияние на процесс обсуждения проблемы территориальных споров в Южно-Китайском море. Более выигрышная позиция Китая оказывается обусловленной тем, что он действует как единый игрок, а страны АСЕАН ослаблены необходимостью поиска решения, приемлемого для всех.

В главах других авторов коллективной монографии прослеживается тезис о том, что Китай добивается усиления своих позиций в регионе до решающих, в то время как позиции США относительно ослабли из-за политики Дональда Трампа. Тем не менее, отношение к Китаю в регионе противоречиво, вызывает вопросы его политическая модель, которая вряд ли может быть воспринята в регионе как универсальная.

Авторы задаются вопросом о том, рассматривает ли Китай Юго-Восточную Азию как свой стратегический «задний двор», и дают на него положительный ответ, хотя официальный дипломатический дискурс КНР вряд ли будет прибегать к использованию подобного термина. При этом ключевое и крупнейшее государство региона – Индонезия, как доказывают авторы, до сих пор не выработала собственной внешнеполитической стратегии в отно-

шении Китая, а наиболее видимая асимметрия наблюдаются в отношениях Камбоджи и Китая и Лаоса и Китая.

Авторы особо подчеркивают тот факт, что экономическое сотрудничество с Китаем не приводит к развитию местных сообществ, поскольку приоритет в финансируемых Китаем проектах отводится такой инфраструктуре, которая отвечает прежде всего интересам КНР и/или местных олигархов (особо видимо это проявляется, например, в Камбодже), но не интересам основной массы местных жителей. В целом же наиболее уязвимыми перед экспансией Китая, по мнению авторов коллективной монографии, пока что оказываются именно страны Индокитая – Мьянма, Таиланд, Лаос, Вьетнам, Камбоджа.

Практически одновременно в середине 2020 г. были опубликованы еще две монографии, заглавия которых напрямую отсылают читателя к проблеме асимметрии и потенциальной слабости стран Юго-Восточной Азии перед лицом экономически растущего соседа. Речь идет о публикации известного журналиста, многие годы освещающего события в регионе, Себастьяна Стренджио «В тени дракона: судьба Юго-Восточной Азии в век Китая» и монографии известного американского автора Мюррея Хиберта «В тени Пекина: китайский вызов Юго-Восточной Азии».

Один из тезисов, постулируемых Себастьяном Стренджио, заключается в том, что нигде больше в мире рост экономического и военного присутствия Китая не оказывается столь видимым, как в Юго-Восточной Азии⁷ и то, как страны региона будут реагировать на подъем и дальнейшее продвижение КНР, может иметь глобальные последствия, учитывая стратегическое положение региона. Усиление позиций Китая в ЮВА также привело к изменению баланса сил в регионе, отдельные страны которого, в особенности Филиппины, раньше выполняли

функции нервных окончаний американской военной системы. При этом, как справедливо отмечает автор, страны региона не могут себе позволить мыслить в логике бинарных оппозиций, характерных для Соединенных Штатов (демократическая Америка против авторитарного Китая), поскольку при всем их настороженном отношении к КНР вынуждены считаться с масштабами китайского экономического присутствия в регионе⁸.

В заключении автор приходит к ряду заслуживающих внимания выводов, которые высвечивают причины противоречивого отношения к Китаю в регионе и истоки неудовлетворенности стран Юго-Восточной Азии американской реакцией на усиление КНР. По мере того как Китай принимает на себя роль великой державы, все в меньшей степени он воспринимается в регионе в качестве страны, некогда пострадавшей от западной колониальной экспансии. На первый план выходят опасения отдельных стран региона в отношении того, что Китай может все более активно проявлять свои великодержавные амбиции, которые пойдут вразрез с принципами уважения суверенитета, отстаиваемого КНР на словах.

АСЕАН как организация также сталкивается с вызовом Китая. Принцип консенсуса, который долгое время позволял приводить к общему знаменателю разнонаправленные интересы ее участников и тем самым укреплять коллективную субъектность Ассоциации в международных делах, теперь оказывается средством манипуляции со стороны Китая. Он умело использует фактор разнонаправленности национальных интересов членов АСЕАН. Реакция же Соединенных Штатов на рост китайского влияния в регионе пока что не вызывает положительных оценок, поскольку также создает ситуацию амбивалентности. Заявлениям об инклюзивном подходе, на котором основывается Индо-Тихоокеанская стратегия, сопутствует нарас-

тающий конфронтационный подход в отношении КНР, а давление на отдельные страны региона, не соответствующие эталонам демократии, все больше подталкивает их к Китаю⁹.

В схожем ключе анализирует ситуацию в своей монографии Мюррей Хиберт, отмечая при этом, что степень и успех продвижения Китая будут зависеть от того, как будут реагировать на него сами страны Юго-Восточной Азии. Автор предлагает разделить страны региона на несколько групп, в зависимости от их способности и готовности искать альтернативы китайскому влиянию. Камбоджу, Мьянму и Лаос он объединяют в категорию стран, в наибольшей степени подверженных китайскому продвижению в силу их географической близости и крайне ограниченных экономических возможностей. Вьетнам и Таиланд образуют группу стран, готовых и способных активно применять инструменты балансирования в своих отношениях с Китаем и обращающихся к помощи США в процессе этого балансирования. При этом Таиланд Мюррей Хиберт характеризует как страну, практикующую «мягкое балансирование», а Вьетнам как приверженца «жесткого балансирования». Положение Вьетнама в целом оказывается гораздо более сложным, поскольку он практически в равной степени зависим от торговли и с Китаем, и с США. Филиппины, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Бруней, с точки зрения автора, имеют больше пространства для маневра и не обременены наличием непосредственной сухопутной границы с Китаем¹⁰.

Филиппинский автор Ричард Джавад Хейдериан рассматривает проблему конкуренции Китая и США за ведущие позиции в мире в более широком индо-тихоокеанском контексте¹¹. При этом отдельной темой его исследования оказывается институциональная уязвимость АСЕАН в условиях упомянутой конкуренции.

Автор доказывает, что АСЕАН с её нынешней структурой и методом принятия решений на основе консенсуса стала легкой добычей для Китая. По мере роста его экономических взаимосвязей с регионом Китай превратился в игрока с возможностью применять вето де факто внутри Ассоциации (достаточно несогласия только одной страны, чтобы заблокировать то или иное решение)¹². Соответственно, при обсуждении любых решений во внимание должны приниматься позиции китайских прокси-государств в регионе. Выход из этой ситуации институциональных ограничений автор видит в более активном применении формулы «АСЕАН минус X» или вообще в отказе от принципа консенсуса и переходе к принятию решений квалифицированным большинством, как это делается в ЕС.

Тема реакции АСЕАН на Индо-Тихоокеанские стратегии активно поднимается в различных экспертных комментариях ученых, представляющих страны Юго-Восточной Азии.

Вьетнамская исследовательница Хоанг Тхи Ха отмечает существенное усиление напряженности в ключевых проблемных точках зоны Тихого и Индийского океанов (Тайваньский пролив, Южно-Китайское море и Восточно-Китайское море), которое наблюдается по мере всё более активного анонсирования индо-тихоокеанских стратегий США, Австралии, Японии и Индии, а также по мере дальнейшей институционализации и придания более операционального качества четырехстороннему диалогу по безопасности (*Quad*) при администрациях Джозефа Байдена в США и Ёсихидэ Суги в Японии. Оценивая документ, принятый АСЕАН для обозначений подхода Ассоциации к концепту Индо-Пацифики как основной инструмент, на который следует опираться АСЕАН в своих действиях, автор также признает, что АСЕАН приходится «говорить на

разных языках» с каждым из её диалоговых партнеров в зависимости от их позиции в отношении Индо-Тихоокеанской конструкции, что, естественно, усложняет процесс регионального взаимодействия¹³.

Сингапурский исследователь Джоэл Энг формулирует проблему в более широком контексте – с точки зрения будущего многостороннего сотрудничества в постковидную эпоху. Он отмечает, что в ситуации, когда политика великих держав работает скорее против мультилатерализма, функцию его поддержания должны взять на себя державы среднего уровня. Это потребует от них больше усилий, чем ранее, но в случае успеха сулит возможность создать систему, которая будет гораздо менее подвержена флуктуациям политики великих держав¹⁴.

Значимые темы последних лет, активно обсуждаемые в экспертных кругах региона, касаются также способности или неспособности АСЕАН сохранить свою центральную роль в региональных институтах, уязвимости Ассоциации перед лицом минилатеральных форматов (в первую очередь – *Quad*)¹⁵, неспособности АСЕАН более выполнять функцию социализации Китая силами АСЕАН-центричных институтов¹⁶. При этом, если несколько лет назад дискуссия о проблеме центральности АСЕАН апеллировала в основном к внешним факторам¹⁷, ограничивающим ее, в первую очередь – американо-китайским противоречиям и их региональным проекциям, то теперь к внешним добавились также и внутрирегиональные факторы (в первую очередь слабость Ассоциации в деле урегулирования ситуации в Мьянме после захвата военными власти в этой стране 1 февраля 2021 г.)¹⁸.

В общей исследовательской дискуссии о том, как стоило бы странам Юго-Восточной Азии реагировать на усиление в регионе противоречий великих держав и продвижение их геополитических и геоэкономических проек-

тов стоит особо отметить опросы экспертного мнения, которые уже трижды (в 2019, 2020 и 2021 гг.) проводил сингапурский Институт исследований Юго-Восточной Азии. Их публикация в виде отдельных сборников – *The State of Southeast Asia* – согласно их названию претендует на то, чтобы представлять актуальный аналитический срез в отношении наиболее значимых параметров региональной ситуации. Соответственно, центральной темой всех уже опубликованных на данный момент сборников, была реакция стран региона на противоречия великих держав, политико-экономический и стратегический инструментарий их противоборства.

Согласно проведенным опросам, опасения экспертного сообщества по поводу того, что АСЕАН превращается в арену противоборства великих держав, стабильно занимают одни из самых высоких позиций среди наиболее значимых проблем региона. При этом, оценивая Китай как наиболее весомого экономического игрока в Юго-Восточной Азии (76,3% опрошенных), рост его экономического влияния в регионе приветствуют лишь 27,7% опрошенных, а у 72,3% он вызывает тревогу. С точки зрения политико-стратегического влияния положение Китая также оказывается доминирующим (49,1%), Соединенные Штаты находятся на второй позиции (30,4%), а опасение подобным положением дел высказывают уже 88,6% опрошенных экспертов¹⁹. При этом лучшим способом реагирования на рост китайско-американских противоречий опрошенные эксперты видят в укреплении единства самой Ассоциации и открытом выражении нежелания АСЕАН примыкать к какой-либо из сторон.

Выводы

Представленный краткий анализ ряда современных исследований политики США и Китая в регионе, реакции стран региона и АСЕАН на эту политику позволяет сделать несколько выводов.

В первую очередь стоит отметить, что в большинстве упомянутых публикаций прослеживается тема Китая как решающего фактора региональных изменений, что во многом действительно отражает сложившуюся ситуацию, однако в то же время в таковом качестве практически не рассматриваются США, их индо-тихоокеанская стратегия и ее трансформации при последних двух американских президентах.

Многие публикации делают особый акцент на проблеме прокси-вето Китая, указывая в первую очередь на Камбоджу, но также в отдельных случаях на Лаос и Мьянму как наиболее вероятных кандидатов в проводники интересов Китая внутри АСЕАН. При этом открытым остается вопрос, как в таком случае оценивать позицию Вьетнама, если он будет все более активно вовлекаться в формат *Quad+*, ведь элементы стратегии, подобной китайской, заметны и у стран четверки. Кроме того, существуют прецеденты влияния на АСЕАН Соединенных Штатов через своих союзников или квази-союзные государства (Филиппины, Таиланд, Сингапур), а в настоящее время ведется активная деятельность по восстановлению всей полноты союзных отношений, в особенности с Филиппинами и Таиландом. Отчасти эти задачи должен был решать визит министра обороны США Ллойда Остина в июле 2021 г. в Сингапур и Вьетнам, а также на Филиппины. Американский союз с последними оказался под вопросом после того как пришедший в 2016 г. к власти Родриго Дутерте карди-

нально изменил подход филиппинского руководства к союзному договору с США.

Большинство рассмотренных публикаций акцентируют внимание на острых вопросах современной региональной динамики, однако они далеко не в полной мере учитывают сложности внутрирегионального развития и проблемы в отношениях между самими странами Юго-Восточной Азии. Активизация отношений с Китаем таких стран как Филиппины или Камбоджа едва ли произошли по причинам их желания стать прокитайскими государствами. Во многих странах региона до сих пор не решены проблемы развития, а пандемия коронавируса нового типа приводит лишь к их усугублению. Ситуация осложняется также тем, что увеличивается разрыв между ожиданиями «века Азии» (ожиданиями того, что быстрый экономический рост будет продолжаться) и реальностью (экономический рост оказался возможным не для всех).

Достаточно однобокий взгляд на Китай, акцентирующий внимание на том, что именно он вызывает сложности, не позволяет в должной мере оценить действительную степень эффективности реакции на продвижение Китаем своих интересов со стороны США и их союзников. Быстрой институционализации *Quad* и провозглашению своих индо-тихоокеанских стратегий все большим количеством страны, включая Францию, Германию, Великобританию, сопутствует высокая степень их фрагментированности. Но самое главное, они пока что не дают равноценной экономической альтернативы тем странам, которые вовлекаются во все более активное взаимодействие с Китаем.

АСЕАН, проблемы ее дисфункциональности и способы ее преодоления, несомненно, будут оставаться в фокусе внимания экспертного сообщества по мере того как будут трансформироваться китайско-американские про-

тиворечия. При этом не всегда принимается во внимание тот факт, что институциональный дизайн Ассоциации сложился так, как он сложился, в особом историческом контексте. В случае Юго-Восточной Азии это был опыт колониального подчинения, когда страны региона не имели своей политико-экономической субъектности, а их судьба решалась без их участия. Аналогично институциональные форматы ЕС складывались с учетом конкретного исторического опыта европейских стран – стремления с помощью региональной интеграции избежать повторения печального опыта прошедших мировых войн и примирить ранее непримиримых соперников – Германию и Францию. Фактор схожих политических систем и ценностей позволил европейским странами создать свою особую и достаточно успешную интеграционную модель, которая долгое время воспринималась в мире как эталон региональной интеграции.

Эти соображения позволяют предположить, что едва ли переход к другим моделям и способам принятия решений может быть панацеей от имеющихся у АСЕАН проблем. Представляется, что более важный вопрос заключается не в эффективности или неэффективности консенсуса как способа принятия решений, а в том, что внутри Ассоциации так и не возникло собственного полноценного инструмента преодоления разрыва в уровнях развития старых и новых участников АСЕАН. Ответ на этот вызов пока что не найден внутри самой Ассоциации и вряд ли будет найден в процессе продвижения своих интересов в регионе Китаем и Соединенными Штатами.

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на «Тихом океане». М.: МОНФ, 1997.

² Hiebert M. Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge. Lanham: Rowman & Littlefield, 2020.

- ³ Strangio S. In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century. New Haven: Yale University Press, 2020.
- ⁴ Heydarian R.V. The Indo-Pacific: Trump, China, and the Struggle for Global Mastery. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020.
- ⁵ The Deer and the Dragon: Southeast Asia and China in the 21st Century. Ed. by Donald Emmerson. Singapore: ISEAS, 2020.
- ⁶ Womack B. China and Vietnam: The Politics of Asymmetry. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- ⁷ Strangio S. Op. Cit. P. 5.
- ⁸ Ibid, P. 7-8.
- ⁹ Ibid, P. 272-284.
- ¹⁰ Hiebert M., Op.cit., P. 7-10.
- ¹¹ Heydarian R.J. Op. cit.
- ¹² Ibid, P. 343.
- ¹³ Hoang Thi Ha. ASEAN Navigates between Indo-Pacific Polemics and Potentials/ ISEAS Perspective. 2021. №49. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-49-asean-navigates-between-indo-pacific-polemics-and-potentials-by-hoang-thi-ha/>
- ¹⁴ Ng J. Multilateralism in 2021: Better than 2020? / RSIS Commentary. 8 February 2021. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/multilateralism-in-2021-better-than-2020/#.YRbDANMzbjF>
- ¹⁵ Minilateralism in the Indo-Pacific. The Quadrilateral Security Dialogue, Lancang-Meong Cooperation Mechanism, and ASEAN. Ed. by Bhuhindar Singh and Sara Teo. Abington: Routledge, 2020.
- ¹⁶ Iwamoto K. ASEAN Defends its Indo-Pacific "Centrality" between Quad and China/ Nikkei. June 22, 2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/ASEAN-defends-its-Indo-Pacific-centrality-between-Quad-and-China>
- ¹⁷ Caballero-Anthony M. ASEAN Centrality Tested/ The Routledge Handbook of Asian Security Studies. Ed. by Sumit Ganguly, Andrew Scobell and Joseph Chinyong Liow. Abington: Routledge, 2018. P. 217-228.
- ¹⁸ Amador III J.S. The Continuing Erosion of ASEAN Centrality/ ASEAN Focus. March 30, 2021. P. 2-3.
- ¹⁹ Seah, S. et al., The State of Southeast Asia: 2021. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2021. P. 4.

Глава 3. РОЛЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ и ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА в ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО в XXI веке *

Масштабы противостояния СССР и США в годы холодной войны требовали от Вашингтона и его союзников формирования военно-политических структур в различных регионах мира для установления контроля над региональными процессами. Так, например, НАТО должна была отвечать за ситуацию в Северной Атлантике, СЕНТО – за обстановку на Ближнем Востоке, а такие форматы как СЕАТО, АНЗЮС и АНЗЮК охватывали, соответственно, Юго-Восточную Азию и Южно-Тихоокеанский регион. Судьба этих структур оказалась разной. Североатлантический альянс смог пережить холодную войну и адаптироваться к реалиям постбиполярного мира, однако другим организациям подобного типа в силу ряда обстоятельств этого сделать не удалось. При этом эти военно-политические блоки не исчезли бесследно, в большинстве случаев их участники сохранили довольно тесные связи в сфере безопасности, которые сформированы на основе двусторонних и многосторонних соглашений¹.

В начале XXI в. в силу ряда обстоятельств стала обозначаться тенденция к глобализации функций НАТО. В первую очередь это проявилось в проведении операций за пределами зоны географической ответственности, очер-

* Сведения об авторе: *Корнев Евгений Сергеевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов, korenev.es@mail.ru

ченной Североатлантическим договором (Афганистан, Ливия). Во-вторых, свидетельством подобного курса стало установление и развитие отношений в рамках институализированных и ситуативных партнерств с государствами, расположенными в различных регионах мира. В последние годы все больше внимания Североатлантический альянс начинает уделять взаимодействию с партнерами из Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона², что объясняется необходимостью борьбы с общими вызовами и угрозами, к числу которых, прежде всего, относится терроризм.

Однако, очевидно, что в нынешних реалиях такое сотрудничество объясняется ещё и стремлением Вашингтона осуществить сдерживание Пекина при помощи создания региональных партнерских форматов в рамках так называемого Индо-Тихоокеанского региона. При этом НАТО является удобным механизмом, который позволит США решить ряд своих задач на данном направлении. В настоящий момент наиболее интенсивное взаимодействие у Альянса складывается с Австралией и Новой Зеландией, которые официально входят в его глобальную партнерскую сеть. О готовности развивать отношения с этими странами, а также с государствами Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона в последние годы неоднократно говорил генеральный секретарь НАТО³.

На протяжении 2000–2010-х гг., пожалуй, одним из важнейших направлений сотрудничества Альянса с Австралией и Новой Зеландией было взаимодействие в рамках урегулирования ситуации в Афганистане. Обе страны приняли участие как в операции МССБ, так и в небоевой миссии «Решительная поддержка». При этом отдельно стоит отметить, что в определенные периоды австралийский воинский контингент превосходил по численности подразделения более половины государств-членов НАТО,

а среди стран, не входивших в Организацию, был вообще самым крупным⁴. Кроме того, Австралия и Новая Зеландия в течение более десяти лет участвовали в восстановлении Афганистана. Австралийские специалисты работали в рамках провинциальной группы реконструкции в провинции Урузган, а новозеландские эксперты даже руководили такой группой в провинции Бамиан⁵.

Учитывая тот вклад, который вносили Австралия и Новая Зеландия в реализуемые НАТО проекты, руководство Организации решило официально закрепить партнерские отношения с ними. Сделано это было в июне 2012 г. Тогда штаб-квартиру Альянса посетил новозеландский премьер-министр Джон Кей, который подписал с генеральным секретарем Альянса Андерсом Фогом Расмуссеном Индивидуальную программу партнерства и сотрудничества между Новой Зеландией и НАТО⁶. Спустя неделю генсек Альянса отправился в Австралию. По итогам переговоров с премьер-министром страны Джулией Гиллард была подписана Совместная политическая декларация Австралии и НАТО⁷.

Несмотря на различия в названиях оба документа оказались в чем-то похожими, поскольку закрепляли желание сторон осуществлять регулярные политические консультации по актуальным вопросам безопасности и вести совместную борьбу с терроризмом, пиратством и киберугрозами, обмениваться разведывательной информацией и повышать уровень оперативной совместимости военных подразделений⁸. В последующие годы нормативно-правовая база сотрудничества НАТО с Австралией и Новой Зеландией продолжала развиваться, что было вызвано стремлением сторон оперативно реагировать на происходившие в мире изменения и работать в рамках новой парадигмы Индо-Тихоокеанского региона⁹.

Еще одной страной ЮТР, которая помимо Австралии и Новой Зеландии в последние десятилетия осуществляла взаимодействие с НАТО по вопросам безопасности, является Королевство Тонга. Главным направлением сотрудничества государства с Североатлантическим альянсом стало участие тонганских военнослужащих в операции МССБ в Афганистане. Учитывая численность населения страны, едва превышающую 100 000 человек, направление королевством 55 военных в столь дальнюю командировку выглядит впечатляюще¹⁰.

Естественно, что Нукуалофа никаких собственных интересов в Афганистане не имела, поэтому отправку воинского контингента можно объяснить желанием тонганского руководства осуществить тренировку своих вооруженных сил в реальных боевых условиях, что было необходимо после прокатившихся по стране беспорядков в середине и второй половине 2000-х гг.¹¹, и продемонстрировать лояльность западным странам, которые в обмен на это могли предоставить финансовую помощь королевству или реализовать определенные проекты на его территории. Что касается других государств ЮТР помимо трех вышеупомянутых, то, необходимо констатировать, что они фактически никак не взаимодействовали с НАТО в последние два десятилетия. Их политика безопасности была полностью ориентирована на сотрудничество с Австралией и Новой Зеландией, а в отдельных случаях с США и Францией, которые стремились к тому, чтобы сохранить в регионе прочные геополитические позиции¹².

Если говорить об отношениях Североатлантического альянса с государствами ЮВА в 2000-2010-е гг., то стоит отметить, что они развивались не очень активно и в какой-то степени неравномерно. Дело в том, что с некоторыми странами НАТО вообще фактически не имела никаких связей (Бруней, Лаос, Мьянма), в то время как с другими

(Малайзия, Сингапур) взаимодействовала регулярно в определённый период времени. Это связано с тем, что в составе МССБ в Афганистане находились контингенты малайзийских и сингапурских военнослужащих, каждый из которых не превышал 50 человек на протяжении участия в операции¹³.

При этом Малайзия демонстрировала довольно высокий уровень заинтересованности в нормализации ситуации в Афганистане даже после того, как ее военные покинули территорию страны. Об этом, например, свидетельствует заявление, сделанное 21 июня 2016 г. постоянным представителем Малайзии при ООН Рамланом Ибрахимом, в котором он выразил поддержку усилиям НАТО по подготовке афганских вооруженных сил¹⁴.

Отдельно стоит отметить, что в последние годы малайзийская тематика в информационной повестке дня Североатлантического альянса присутствовала лишь в связи с различными происшествиями. Речь идет о политизации представителями НАТО ситуации вокруг катастрофы самолета *Malaysia Airlines*, который выполнял рейс МН17 и был сбит в Донецкой области Украины. Генеральный секретарь Альянса Йенс Столтенберг неоднократно упоминал эту трагедию в своих выступлениях как пример якобы имевшего место вмешательства России в войну на Донбассе¹⁵.

Для Североатлантического альянса самой важной областью для взаимодействия с партнерами в Юго-Восточной Азии в XXI в. стала борьба с терроризмом и пиратством, что было обусловлено взаимным интересом к этой теме. Тем не менее, можно говорить и о других измерениях отношений НАТО со странами региона в сфере безопасности, а также о совпадающих оценках определенных геополитических процессов, происходящих в ЮВА. К примеру, Североатлантический альянс, который позици-

онирует себя как организацию, не вмешивающуюся в дела, не относящиеся к ее компетенции, периодически все же комментирует ситуацию в Южно-Китайском море. Так, отвечая на вопрос в ходе ежемесячной пресс-конференции, состоявшейся 19 мая 2014 г., генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен заявил о том, что Альянс не вовлечен в события, происходящие в Южно-Китайском море, но считает, что Китай в силу своего статуса несет особую ответственность за соблюдение норм международного права при решении территориальных конфликтов в регионе¹⁶.

Пожалуй, одним из наиболее интересных примеров сотрудничества НАТО с государствами Юго-Восточной Азии в XXI в. являются отношения Альянса с Индонезией. Импульсом для их развития стало разрушительное цунами, причинившее масштабный вред индонезийской транспортно-логистической инфраструктуре. 15 февраля 2005 г. генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер выступил с заявлением, в котором сообщил о готовности Организации в координации с ООН оказать помощь Индонезии в ответ на запрос, направленный страной¹⁷.

18 апреля 2005 г. в индонезийский Ачех для ликвидации последствий стихийного бедствия были доставлены мостовые конструкции протяженностью 565 метров стоимостью свыше 6 млн евро, подаренные стране НАТО. Доставку дорогостоящего оборудования осуществили Нидерланды при поддержке Великобритании¹⁸. Кроме того, голландские инструкторы инженерной службы сухопутных войск в июле 2005 г. обучили бригады Министерства общественных работ и армейские подразделения Индонезии, которые в течение нескольких месяцев построили 4 моста в провинции Ачех¹⁹.

Тот факт, что именно Голландия была задействована в этом проекте, выглядит крайне символично, учитывая

исторический опыт голландского колониализма на индонезийской территории. Очевидно, что не только соображения гуманизма заставили руководство Североатлантического альянса осуществить поставку столь важного для Джакарты оборудования. В середине 2000-х гг. на фоне ошибок, допущенных в Афганистане и Ираке государствами-членами НАТО, в особенности США, Организация нуждалась в улучшении своего имиджа в исламском мире.

Реализация масштабного гуманитарного проекта в стране с крупнейшей в мире мусульманской общиной подходила для этого как нельзя лучше. Несмотря на позитивный итог акции по оказанию помощи индонезийским властям после этого на некоторое время практическое взаимодействие между НАТО и Индонезией почти прекратилось, хотя Джакарта представляла интерес для Брюсселя как партнер по борьбе с терроризмом, осуществляющий на протяжении многих лет контртеррористическую деятельность²⁰.

Индонезийский опыт в дальнейшем использовался Североатлантическим альянсом для усиления своего влияния в регионе Юго-Восточной Азии за счет поставок гуманитарных грузов. Так, например, 11 ноября 2013 г. транспортный самолет Ил-76 из консорциума НАТО по временному решению для стратегических воздушных перебросок (САЛИС) доставил из Дании на Филиппины генераторы, палатки, водоочистные устройства, продовольствие и оргтехнику²¹. Гуманитарная помощь была направлена по запросу партнера НАТО Швеции, для того чтобы поддержать страну после обрушившегося на нее тайфуна. Однако при детальном рассмотрении этот шаг со стороны НАТО не выглядит таким уж бескорыстным, поскольку в тот момент Китай наращивал свое влияние на Филиппинах²², и США, желавшие сохранить свои позиции в стране, были заинтересованы в организации различных гумани-

тарных акций, прямо или косвенно ассоциируемых у населения с Вашингтоном, для создания собственного положительного образа в филиппинском общественном мнении.

Еще в мае 2010 г., когда на финишную прямую выходил процесс подготовки новой версии Стратегической концепции НАТО, группа экспертов подготовила свои рекомендации по этому документу. Говоря о возможности развития отношений с партнерами в АТР, они не только упомянули о необходимости активно взаимодействовать с Австралией, Новой Зеландией, Республикой Корея и Японией, но и отметили тот факт, что Индонезия разделяет с НАТО «общую приверженность глобальному миру и верховенству закона»²³, что, по их мнению, Брюссель мог бы использовать в своих интересах. Однако в полной мере тогда этого сделать не удалось. Интересы Североатлантического альянса в определенной степени трансформировались, но повестка дня, связанная с вопросами безопасности в АТР, была еще не так ему интересна. В связи с этим в итоговой версии Стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне в 2010 г., отсутствуют конкретные сюжеты, посвященные сотрудничеству с государствами ЮВА и Индонезией, в частности, а рассматривается необходимость развития партнерских связей в других регионах мира²⁴.

В практическом плане сотрудничество Североатлантического альянса с государствами Юго-Восточной Азии по вопросам безопасности в 2010-е гг. помимо Афганистана осуществлялось в крайне ограниченных масштабах. Тем не менее, именно в этот период в Индонезии была сформирована интересная площадка для обсуждения проблем международной и региональной безопасности, поучаствовать в работе которой пригласили, в том числе, представителей НАТО.

В октябре 2010 г. заместитель генерального секретаря НАТО Клаудио Бизоньеро провел переговоры с послом Индонезии в Бельгии Арифом Хавасом Угросено, в ходе которых стороны договорились углубить диалог по вопросам безопасности. Одним из результатов той встречи стало приглашение официальных лиц Североатлантического альянса принять участие в работе первого Джакартского международного диалога по вопросам обороны, озвученное индонезийской делегацией. Этот масштабный форум, который по замыслу организаторов должен был стать главным механизмом координации в сфере безопасности в АТР, состоялся в Джакарте с 23 по 25 марта 2011 г. На него прибыли более тысячи высокопоставленных государственных деятелей из десятков стран, включая представителей Австралии, Китая, Новой Зеландии, России, США и государств АСЕАН. Президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно в своем выступлении заявил о необходимости налаживания сотрудничества в сфере безопасности на региональном и глобальном уровне.

Исполняющая обязанности помощника генерального секретаря по общественной дипломатии Стефани Бабст, которая стала первым официальным представителем Североатлантического альянса, посетившим Индонезию, выступила с речью, посвященной развитию партнерских отношений НАТО с Индонезией и государствами Юго-Восточной Азии в целом. В своем выступлении она напомнила о поставках мостовых конструкций, осуществленных Альянсом в 2005 г. для восстановления транспортно-логистической инфраструктуры индонезийской провинции Ачех после цунами, и выступила с инициативой по углублению сотрудничества Брюсселя и Джакарты, а также всех стран АСЕАН в сфере безопасности по тем вопросам, которые представляют взаимный интерес для сторон²⁵.

Стоит отметить, что участие в мероприятиях подобных Джакартскому международному диалогу по вопросам обороны стало для представителей НАТО в последние два десятилетия одной из важнейших форм взаимодействия с партнерами из Юго-Восточной Азии, которая позволяет даже при отсутствии официальных переговоров и обмена делегациями обсуждать актуальные вопросы безопасности. Так, например, председатель Военного комитета НАТО, главный маршал авиации сэр Стюарт Пич в июне 2019 г. перед тем, как направиться с визитом в Японию, принял участие в Международном форуме по безопасности «Шангри-Ла Диалог», состоявшемся в Сингапуре²⁶. На полях мероприятия он провел встречи с представителями государств ЮВА, обсудив с ними международную и региональную повестку дня.

Интересно, что «Шангри-Ла Диалог» стал площадкой, на которой на протяжении ряда лет проходили переговоры делегаций НАТО и КНР, включавших высокопоставленных дипломатов и военных обеих сторон²⁷. Такие встречи обычно проводились в преддверии контактов военных штабов Альянса и Китая для обсуждения спорных вопросов, связанных с ситуацией в Южно-Китайском море и на Корейском полуострове.

Североатлантический альянс и сам неоднократно организовывал мероприятия с участием государств ЮВА и ЮТР для выработки совместных решений по сложным вопросам. На рубеже 2000–2010-х гг. одной из наиболее актуальных тем для НАТО была борьба с пиратством, поэтому неудивительно, что Брюссель предложил партнерам со всего мира обстоятельно ее обсудить. В сентябре 2011 г. в штаб-квартире НАТО была организована встреча с представителями 47 государств и международных организаций, среди которых присутствовали официальные лица из Австралии, Индонезии, Малайзии, Новой Зелан-

дии и Сингапура. Мероприятие было посвящено обсуждению стратегии борьбы с пиратством в Индийском океане в контексте проводившейся на тот момент в Аденском заливе операции НАТО «Океанский щит». В ходе встречи стороны обменялись опытом антипиратской деятельности и наметили пути взаимодействия в этой сфере. По словам генерального секретаря Альянса Андерса Фогга Расмуссена, данное мероприятие продемонстрировало наличие тесных связей НАТО с партнёрами со всего мира и приверженность Брюсселя кооперативной безопасности²⁸.

Сотрудничество НАТО с государствами ЮВА и ЮТР в области борьбы с пиратством осуществлялось и на практике. В частности, Австралия и Сингапур оказывали поддержку Североатлантическому альянсу в ходе его антипиратской операции «Союзный покровитель», проходившей в период с марта по август 2009 г. у берегов Африканского Рога и в Аденском заливе. Тогда группа кораблей стран-членов НАТО, находившаяся в Юго-Восточной Азии и осуществлявшая первое в истории Организации развертывание в регионе, совершила переход к месту проведения операции у берегов Сомали, посетив при этом австралийский Перт, Сингапур и пакистанский порт Карачи²⁹. В январе 2014 г. Новая Зеландия присоединилась к операции НАТО «Океанский щит», проводившейся в районе Африканского Рога и в Аденском заливе, став всего лишь вторым после Украины государством среди ее участников, не входившим в Альянс³⁰. Спустя некоторое время Австралия тоже подключилась к этой операции.

Несмотря на то, что сотрудничество Североатлантического альянса с партнерами в ЮВА и ЮТР в XXI в. действительно осуществлялось в основном в сфере борьбы с терроризмом и пиратством, в последние годы оно получило новый мощный импульс, который, по всей видимости, будет определять направление его развития в даль-

нейшем. Речь идет о попытках создать новые партнерские форматы взаимодействия в АТР для ограничения стратегических возможностей КНР. При этом для достижения этой цели планируется использовать как потенциал системы глобального партнерства НАТО, так и сформировать самостоятельные военно-политические структуры, в которых центральную роль также будет играть Вашингтон.

Одним из важнейших элементов формирующейся политики китайского сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе в последние годы является Четырёхсторонний диалог по безопасности (*Quad*), который состоит из Австралии, Индии, США и Японии³¹. Первоначально в 2000-е гг. идею создания такого военно-политического блока, имеющего фактически антикитайскую направленность, активно продвигал японский премьер-министр Синдзо Абэ³². Однако тогда это объединение не удалось никак институализировать во многом из-за позиции Австралии, не желавшей идти на обострение отношений с Китаем.

Интерес к этому формату взаимодействия возродился в период президентства Д. Трампа, заинтересованного в мобилизации союзников особенно в АТР, которые могли бы стать частью большого геополитического проекта, ориентированного на военно-политическое сдерживание КНР³³. Позиция Австралии к этому моменту стала меняться, что сделало возможным перезапуск *Quad*. Новый президент США Дж. Байден не просто продолжил политику своего предшественника на этом направлении, но и, как представляется, вывел ее на более высокий уровень.

Об этом свидетельствует проведение в марте 2021 г. в формате видеоконференции первого в истории саммита Четырёхстороннего диалога по безопасности, в котором приняли участие лидеры США, Индии, Австралии и Япо-

нии³⁴. Участники встречи сошлись во мнении, что политика Китая может представлять угрозу безопасности Индо-Тихоокеанского региона, и это обстоятельство заставляет их наращивать взаимодействие по линии *Quad*. Поскольку сдерживание КНР в современных реалиях представляется крайне затратным и трудоемким занятием, к реализации этой задачи уже сейчас планируется привлекать новых партнеров. Не исключено, что к формату *Quad Plus* могут быть подключены не только Новая Зеландия и Республика Корея³⁵, но и отдельные государства Юго-Восточной Азии, если они выразят готовность участвовать в подобном геополитическом проекте. Хотя здесь пока больше вопросов, чем ответов, потому что даже участие Веллингтона в этой инициативе не гарантировано³⁶.

Вопрос о том, как следует реагировать НАТО на возвышение Китая, стал одним из центральных в повестке дня саммита Альянса, состоявшегося 14 июня 2021 г. в Брюсселе. Союзники отметили, что КНР демонстрирует неуважение к международному порядку, основанному на правилах, использует политику принуждения и инструменты дезинформации, наращивает свой ядерный потенциал и непрозрачно модернизирует вооруженные силы, а также взаимодействует в военной сфере с Россией³⁷. При этом государства-члены НАТО выразили готовность к сотрудничеству с Китаем во всех областях, представляющих взаимный интерес для сторон, включая развитие диалога по вопросам, связанным с изменением климата.

Однако в заявлении, принятом по итогам саммита Североатлантического альянса, по сути, фиксируются конкретные инструменты, которые позволят ограничить геополитические амбиции КНР, несмотря на то, что подобные формулировки прямо не используются, для того чтобы не провоцировать Пекин. Одним из важнейших инструментов является укрепление партнёрских связей с

ключевыми государствами АТР: «Мы укрепляем политический диалог и практическое сотрудничество с нашими давними партнерами в азиатско-тихоокеанском регионе – Австралией, Японией, Новой Зеландией и Республикой Корея – для продвижения безопасности на основе сотрудничества и поддержки основанного на правилах международного порядка. Мы будем обсуждать общие подходы к вызовам глобальной безопасности в тех вопросах, которые затрагивают интересы НАТО, обмениваться мнениями посредством более глубокого политического взаимодействия и стремиться к конкретным направлениям сотрудничества для рассмотрения предметов общей обеспокоенности»³⁸.

Очевидно, что в новой Стратегической концепции НАТО, которая будет принята на саммите Альянса в следующем году в Мадриде³⁹, вопросы, связанные с развитием партнерства с Австралией и Новой Зеландией, найдут свое отражение. Не исключено, что будут отдельно закреплены планы по развитию отношений Североатлантического альянса с государствами АСЕАН. На то, что такой вариант возможен, указывает желание союзников укреплять взаимодействие с государствами Азии, особенно с теми, что расположены в АТР, озвученное на недавнем саммите в Брюсселе⁴⁰.

Несмотря на продолжающийся процесс институализации *Quad*, повышение внимания американского руководства к концепции Индо-Тихоокеанского региона и согласование общих подходов к восприятию так называемой угрозы «возвышения Китая» в повестке дня «НАТО 2030»⁴¹ вовсе необязательно, что в конечном итоге в ближайшие годы появится полностью согласованная стратегия действий Североатлантического альянса в ЮВА и ЮТР, которая будет реализована на практике. Дело в том, что не для всех государств-членов НАТО задачи по развитию отно-

шений с партнерами, расположенными на таком удалении, и тем более по сдерживанию Китая являются актуальными. Для стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, например, жизненно важным является противодействие незаконной миграции, а не борьба с пресловутой «китайской угрозой».

В то же время у лидеров Альянса могут возникнуть противоречия в процессе разработки «дальневосточной» стратегии. Даже, если Великобритания, Нидерланды и Франция активно поддержат инициативы США по развитию отношений с государствами ЮВА и ЮТР, у каждой из этих стран может быть собственное видение реализации политики на данном направлении, учитывая тот факт, что все они имели колониальные владения в этих регионах и стараются сохранять здесь прочные позиции, хотя бы в некоторых сферах. Причем наиболее серьезное столкновение может произойти между Вашингтоном и Парижем, поскольку Франция в последнее время взяла курс на проведение более активной и самостоятельной политики в ЮВА и ЮТР, что может не понравиться США.

Китай, естественно, негативно относится к инициативам, нацеленным на формирование полноценного военно-политического блока в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющего явно антикитайскую направленность, об этом регулярно напоминают представители НОАК и МИД КНР⁴². Кроме того, Пекин внимательно наблюдает за попытками НАТО активизировать сотрудничество с партнерами в Юго-Восточной Азии и в Южно-Тихоокеанском регионе. Однако Китай не ограничивается дипломатическими демаршами и наблюдением за маневрами, осуществляемыми США вместе с союзниками⁴³.

КНР последовательно модернизирует свои вооружённые силы, уделяя особое внимание укреплению своего ядерного потенциала⁴⁴, ВМФ⁴⁵ и ВВС⁴⁶. Стоит отдельно

отметить, что КНР является единственным государством в мире, чьи оборонные расходы, несмотря на экономические кризисы и различные потрясения, неизменно растут на протяжении последних 26 лет, что позволяет ему уверенно удерживать вторую позицию в мире после США по общему количеству затрат на оборону согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира⁴⁷. Кроме того, для того, чтобы не остаться в изоляции, Китай наращивает взаимодействие с партнерами в АТР в области военно-технического сотрудничества⁴⁸, организует с ними совместные учения⁴⁹ и налаживает отношения с государствами ЮВА, умело используя любые открывающиеся для этого возможности, что нагляднее всего продемонстрировали действия китайского руководства после военного переворота в Мьянме в 2021 г., приведшие к усилению позиций КНР и ослаблению американского влияния в стране⁵⁰. Безусловно, такой комплексный подход Пекина к обеспечению национальной безопасности и наращиванию своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ближайшем будущем потребует от Вашингтона и его союзников дополнительных усилий для противодействия так называемой «китайской угрозе».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что взаимодействие НАТО с государствами ЮВА и ЮТР в XXI в. прошло 3 основных этапа:

1) 2001–2011-е гг. Самый длинный период связан с доминированием афганской проблематики в двусторонних контактах. В этот период США активно привлекали не только своих союзников по НАТО, но и партнеров из других регионов к операции в Афганистане. Свои воинские контингенты в этот период в состав МССБ выделили Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и даже Тонга⁵¹.

2) 2012–2016–е гг. Это своего рода переходный период, в котором существовала комбинированная повестка дня. Его начало можно связать с подписанием в 2012 г. двух важных документов: Совместной политической декларации Австралии и НАТО⁵² и Индивидуальной программы партнерства и сотрудничества между Новой Зеландией и НАТО⁵³, сформировавших основы для выстраивания широкомасштабного сотрудничества между сторонами в сфере безопасности, а окончание – с победой Д. Трампа на президентских выборах в США, поскольку новый американский лидер обозначил принципиально новую повестку дня для Североатлантического альянса, предусматривающую изменение подхода к отношению с союзниками и партнерами и постановку новых стратегических целей для Организации⁵⁴. В определенной степени такая трансформация взглядов руководства США привела к изменениям в партнерской политике НАТО.

3) 2017 г. – настоящее время. Данный этап характеризуется появлением в повестке дня отношений НАТО с партнерами в ЮВА и ЮТР темы сдерживания Китая. Это направление совместной работы нашло отражение в документах, подписанных в этот период⁵⁵, и в практической работе, которая велась сторонами на протяжении последних лет.

На основании результатов проведенного исследования можно выделить 3 группы государств ЮВА и ЮТР, с точки зрения их участия в геополитических проектах НАТО: 1) официальные партнеры (Австралия и Новая Зеландия) – эти страны входят в глобальную партнерскую сеть Альянса и активно взаимодействуют с ним по целому ряду вопросов безопасности; 2) потенциальные кандидаты на получение партнёрского статуса (Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины) – данные государства при определенных раскладах потенциально

смогут стать партнёрами НАТО. Такие обстоятельства, например, могут возникнуть в случае резкого ухудшения военно-политической обстановки в Южно-Китайском море, что может быть связано с попыткой Китая радикальным образом решить территориальные споры в регионе в свою пользу; 3) государства, которые не изменят в ближайшее время свой статус в отношениях с НАТО (государства Океании и другие страны ЮВА) – эти страны, во-первых, не представляют существенного интереса для самого Альянса либо в силу их скромных военных и экономических возможностей, либо из-за особенностей их политического режима (Мьянма), а во-вторых сами могут не пойти на формирование партнерства с НАТО из-за боязни потерять преимущества от торговли с Китаем и столкнуться с местью Пекина за подобный геополитический выбор.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ближайшее время США будут стремиться активизировать отношения НАТО с партнерами в ЮВА и ЮТР, для того чтобы успешнее осуществлять военно-политическое сдерживание Китая. В первую очередь это будет делаться за счет продвижения концепции Индо-Тихоокеанского региона и увеличения количества маневров с участием региональных партнеров. При этом большинство учений будет проходить на море и носить контртеррористический и антипиратский характер, хотя на практике будут отрабатываться тактические приемы, направленные на противодействие Китаю в Южно-Китайском море.

Не исключено, что в ближайшие годы при определенном раскладе Альянс может попытаться официально оформить партнерские отношения с отдельными государствами Юго-Восточной Азии, включив их также как Австралию и Новую Зеландию в разряд своих глобальных партнеров. Однако сами страны региона дадут согласие

на институализацию партнерства только в случае активизации террористических групп или попыток Китая силовым путем решить территориальные споры в Южно-Китайском море, что на данный момент выглядит маловероятно. Большинство из них будут осуществлять взаимодействие с НАТО, стараясь не связывать себя какими-то соглашениями, чтобы не обострять отношения с КНР.

Что касается Австралии и Новой Зеландии, то они в силу своего особого статуса отношений с НАТО и дальше будут активно подключаться к различным проектам Организации. Канберра уже сейчас становится важным компонентом в стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе за счет своего участия в таком формате как *Quad*. Вполне возможно, что Веллингтон при определенных обстоятельствах тоже может в ближайшем будущем присоединиться к расширенной версии этой геополитической инициативы. Уже сейчас Австралия и Новая Зеландия вместе с Японией и Республикой Корея включены в новый партнерский формат Североатлантического альянса в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который будет играть важную роль для реализации повестки дня «НАТО 2030». Брюссель планирует развивать с этими странами активное сотрудничество в сфере кибербезопасности и космоса, противодействия терроризму, нераспространения ОМУ и изменения климата. Попутно будут обсуждаться вопросы, связанные с ситуацией на Корейском полуострове.

Стоит отметить, что не все члены Альянса помимо США в ближайшие годы будут готовы приступить к очередной фазе глобализации его деятельности и активизировать сотрудничество в области безопасности с государствами Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона, поскольку это не отвечает их национальным интересам. Более активную политику по линии НАТО в рассматриваемых регионах готовы проводить в основном те

страны, которые имеют прочные исторические и экономические связи со странами ЮВА и ЮТР, либо охотнее других союзников реагируют на крупные американские геополитические проекты (Великобритания, Голландия, Канада, Франция). Вместе с тем, очевидно, что, например, Париж будет выстраивать и свою собственную игру в рамках рассматриваемых региональных пространств.

В итоге США придется сильно постараться для того, чтобы закрепить в повестке дня НАТО вопрос о необходимости интенсификации сотрудничества с государствами ЮВА и ЮТР. Уже сейчас этот процесс набирает обороты в рамках разработки концепции «НАТО 2030». Слишком сильный нажим Вашингтона на союзников может привести к ослаблению внутриорганизационного единства Альянса. В то же время нежелание учитывать интересы региональных партнеров при создании механизмов их сотрудничества с НАТО скажется негативно на американском влиянии в ЮВА и ЮТР, что в свою очередь отразится на позициях США в геополитическом противостоянии с Китаем.

¹ U.S. Relations With Australia. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-australia/>

² NATO Deputy Secretary General underscores Importance of Asia-Pacific Partnerships. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_147844.htm?selectedLocale=en

³ Генеральный секретарь НАТО завершает визит в Австралию и Новую Зеландию. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_168375.htm?selectedLocale=ru

⁴ Австралия увеличивает контингент в составе ИСАФ. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_8539.htm?selectedLocale=ru

⁵ Австралия вывела свой воинский контингент из Афганистана. URL: <https://rg.ru/2013/12/16/avstralia-site-anons.html>

- ⁶ NATO and New Zealand sign New Partnership Accord. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_88122.htm
- ⁷ NATO, Australia announce Plans to deepen Security Ties to meet Common Threats. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_88426.htm
- ⁸ Individual Partnership and Cooperation Programme between New Zealand and NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_88720.htm
- ⁹ Individual Partnership and Cooperation Programme between Australia and NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_08/20190820_190807-ipcp-australia.pdf
- ¹⁰ International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2011-01-25-ISAF-Placemat.pdf
- ¹¹ Six found Dead after Tonga Riots. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/6156878.stm>
- ¹² Пале С.Е. Взаимоотношения Франции с ключевыми игроками в ЮТП в первые десятилетия XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. №2. С. 201.
- ¹³ International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2011-01-25-ISAF-Placemat.pdf
- ¹⁴ Statement by Ambassador Ramlan Ibrahim Permanent Representative of Malaysia to the United Nations. URL: <https://www.kln.gov.my/web/guest/homepress-release-statement-by-ambassador-ramlan-ibrahim-permanent-representative-of-malaysia-to-the-united-nationsRedirect=true>
- ¹⁵ The Secretary General's Annual Report 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_116854.htm?selectedLocale=en
- ¹⁶ Monthly Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_109980.htm?selectedLocale=ru
- ¹⁷ Statement by the Secretary General of NATO on Assistance to Indonesia in the Aftermath of the Tsunami Disaster. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_21632.htm?selectedLocale=en
- ¹⁸ Из НАТО в Индонезию прибывают мосты. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_21692.htm?selectedLocale=ru
- ¹⁹ Подаренные НАТО мосты возведены в Индонезии. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_21448.htm?selectedLocale=ru
- ²⁰ Атнашев В.Р., Ворд К. Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 44.

- ²¹ NATO Strategic Airlift brings Relief to Typhoon ravaged Philippines. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_104943.htm?selectedLocale=en
- ²² Панарина Д.С. Политика США на Филиппинах на современном этапе: за и против // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 164.
- ²³ НАТО в 2020 году: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие: анализ и рекомендации группы экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_63654.htm?selectedLocale=ru
- ²⁴ Активное участие, современная оборона – «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru
- ²⁵ Джакартский международный диалог по вопросам обороны. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_71727.htm?selectedLocale=ru
- ²⁶ The Chairman of the NATO Military Committee commends Japan for long-term Partnership. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_166576.htm?selectedLocale=en
- ²⁷ NATO and China resume Military Staff to Staff Talks. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_155840.htm?selectedLocale=en
- ²⁸ NATO engages Partners around the Globe in Counter-Piracy Dialogue. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_78064.htm?selectedLocale=en
- ²⁹ НАТО возобновляет операцию по борьбе с пиратством. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_52016.htm?selectedLocale=ru
- ³⁰ New Zealand joins NATO's Counter-Piracy Mission Ocean Shield. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106317.htm
- ³¹ Против кого дружим: зачем альянс QUAD проводит первую встречу лидеров. URL: <https://iz.ru/1135470/nataliia-portiakova/protiv-kogo-druzhim-zachem-alians-quad-provodit-pervuiu-vstrechu-liderov>
- ³² Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. № 1. С. 39.
- ³³ Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 25.
- ³⁴ США пошли слоном. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4729395>

³⁵ Rudd K. Why the Quad Alarms China // Foreign Affairs. August 6, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-06/why-quad-alarms-china>

³⁶ Miller G. Arden's Foreign Policy Address Was Pro-US, But Not Necessarily Anti-China // The Diplomat. July 15, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/07/ardens-foreign-policy-address-was-pro-us-but-not-necessarily-anti-china/?fbclid=IwAR24DaaPGe1AlBoMIPx7hsdWzJiZVKWgmUftd2jslMm42CerXQAqlb5oOwI>

³⁷ Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга после встречи глав государств и правительств стран НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_184959.htm

³⁸ Заявление по итогам встречи на высшем уровне: обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 года. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru

³⁹ Short remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and Pedro Sánchez, Prime Minister of Spain at their Meeting in the Margins of the NATO Summit. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_184956.htm

⁴⁰ Заявление по итогам встречи на высшем уровне: обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 года. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru

⁴¹ NATO 2030: United for a New Era. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf

⁴² Jointly Safeguarding Peace, Stability and Development in the South China Sea with Dialogue, Consultation and Win-Win Cooperation. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/tyfls_665260/tfsxw_665262/t1811555.shtml

⁴³ China slams False Remarks by Head of US Indo-Pacific Command. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-08/13/content_4891825.htm

⁴⁴ Богданов К.В. Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 6. С. 82.

⁴⁵ Type 055 Destroyer Lhasa commissioned to PLA Navy: Defense Spokesperson. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-03/25/content_4881964.htm

⁴⁶ Разумов Е.А., Мишин В.Ю. Реформа Народно-освободительной армии Китая на современном этапе // Россия и АТР. 2018. №4 (102). С. 232.

⁴⁷ SIPRI Yearbook 2021 Summary Armaments, Disarmament and International Security. P. 12 URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-03/25/content_4881964.htm

⁴⁸ China-Cambodia Military Relations reach new high: Defense Spokesperson. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-07/29/content_4890642.htm

⁴⁹ China, Vietnam Navies wrap up 30th Joint Patrol in Beibu Gulf. URL: http://eng.chinamil.com.cn/view/2021-06/30/content_10056665.htm

⁵⁰ Муджумдар А. Санкции против Мьянмы: борьба за демократию и права человека или геополитика? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-protiv-myanmar/>

⁵¹ International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2011-01-25-ISAF-Placemat.pdf

⁵² Australia-NATO Joint Political Declaration. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_94097.htm?selectedLocale=en

⁵³ NATO and New Zealand sign New Partnership Accord. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_88122.htm

⁵⁴ Europe Needs to Push Back Against Trump. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/10/trump-europe-nato-transatlantic-push-back/>

⁵⁵ Заявление по итогам встречи на высшем уровне: обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 года. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru

Глава 4. ДИЛЕММЫ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ «ГЛОБАЛЬНОЙ МОРСКОЙ ОСИ» и АМБИЦИИ «ОРЛА» и «ДРАКОНА»*

Когда новый президент страны Джокو Видодо сменил Юдойоно осенью 2014 г., был взят курс на становление Индонезии в качестве «глобальной морской оси» и страну позиционировали в качестве государства-архипелага, которому следует расширить свое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В принятой Джакартой Стратегии морской политики страна определялась как срединная точка между Индийским и Тихим океанами¹.

В своем выступлении на Восточноазиатском саммите (ВАС) в ноябре 2014 г. Видодо отметил, что центр тяжести в геополитике и геоэкономике смещается с Запада в Восточную Азию, что требует особого внимания к морским сообщениям. В этой связи он высказал позицию Индонезии, чтобы «Индийский и Тихий океаны оставались мирными и безопасными для мировой торговли и не использовались как платформа для захвата природных ресурсов»².

Перед Вашингтоном открылись новые возможности для расширения «всеобъемлющего стратегического партнерства», установленного еще в ноябре 2010 г. во время

* Сведения об авторах:

Малетин Николай Павлович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, Москва, Россия, maletinnp@list.ru

Хохлова Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, начальник Отдела докторантуры и аспирантуры, МГИМО МИД России, Москва, Россия, nataliamgimo@inbox.ru.

визита Б. Обамы в Джакарту и для наращивания американского присутствия в ЮВА. На инаугурацию президента Видодо прибыл вице-президент США Дж. Байден.

Уже в период президентства Юдойоно Белый Дом рассматривал Индонезию в качестве бесспорного регионального приоритета в ЮВА, крупнейшего государства АСЕАН по территории и количеству населения, члена G20, крупнейшей мусульманской страны мира, располагающей богатейшими ресурсами и занимающей чрезвычайно выгодное геостратегическое положение на пересечении важнейших морских маршрутов. Интересам США, безусловно, отвечает стремление Индонезии к повышению своего авторитета в регионе и максимальному использованию выгодного архипелажного морского положения, а также связанного с этим наращивания мощи индонезийских ВМС и ВВС, что расширяет сферу двусторонних связей в области обороны и безопасности, включая развитие морской инфраструктуры Индонезии, модернизацию ее обороной промышленности.

Индонезия стремится в перспективе к достижению самообеспеченности своих вооруженных сил техникой и вооружением собственного производства по целому ряду направлений, не отказываясь от приобретения его и за рубежом у основных экспортеров. Американские специалисты оказывали содействие генштабу вооруженных сил и каждому из трех видов войск Индонезии в разработке стратегических планов обороны страны на 2015–2019 гг., причем по оценке нынешнего министра обороны Прабово Субьянто, предложенные программы были оптимальными³.

В апреле 2015 г. подразделения морской авиации Индонезии и США провели совместные учения в районе архипелага Риоу. Министр обороны Индонезии Р. Рьяку-ду в мае 2015 г. провел в США переговоры о новых постав-

ках авиационной техники, а также о сотрудничестве в борьбе против терроризма, включая подготовку войск спецназа.

Вместе с тем Видодо подчеркивал, что сплочение развивающихся государств и борьба за отстаивание их интересов – важнейшая часть внешнеполитической активности правительства. Так, по случаю 60-летней годовщины афро-азиатской конференции в Бандунге в апреле 2015 г., он подчеркнул, что их борьба за упрочение независимости еще не завершена и новый мировой порядок на основе справедливости, равенства и процветания еще не достигнут. От имени государств Азии и Африки он потребовал реформы ООН, чтобы повысить эффективность работы этой международной организации, которая на первое место ставит справедливость для всех народов. Призвав страны Азии и Африки держаться вместе против засилья «определенных групп государств», он выступил за создание нового мирового порядка, открытого для растущих экономических держав⁴.

Обозначив принципиальные внешнеполитические позиции, индонезийский лидер совершил визиты в страны, уже ставшие сторонами традиционного для внешней политики Джакарты треугольника – США, Китай, Россия. В марте 2015 г. Видодо нанес визит в КНР, а в октябре посетил с государственным визитом США.

В ходе переговоров с Б. Обамой констатировалось, что отношения между двумя странами, скрепленные общей приверженностью к демократии и правам человека «крепки как никогда». Американская сторона поддержала намерение Джакарты стать глобальным морским центром, ее лидерство в региональных делах и возрастающую роль на международной арене. Президент Индонезии приветствовал курс США на перебалансировку в сторону АТР.

В опубликованном лидерами двух стран совместном заявлении по итогам встречи отмечалось, что они осознают необходимость укрепления всесторонних партнерских отношений и намерены активизировать «глобальное или региональное сотрудничество» в сфере климатических изменений, экономики, энергетики и в других областях. Вашингтон выразил намерение и впредь сотрудничать с Индонезией в борьбе против терроризма в рамках американской программы оказания содействия антитеррористическим мерам, по каналам которой осуществляется финансовая, техническая помощь и обмен разведданными⁵. Были подписаны соглашения по экономическому сотрудничеству на общую сумму в 20 млрд долл.⁶.

Важным стал и документ о Всеобъемлющем оборонном сотрудничестве, который зафиксировал готовность к взаимодействию в сфере морской безопасности. Было заявлено о заинтересованности сторон в совместном развитии оборонной промышленности и совместном оборонном производстве⁷.

Джоко Видодо и Барак Обама
*Фото: ireastasia.ru*⁸

На состоявшейся пресс-конференции Обама отметил, что встреча поможет четче обозначить характер американо-индонезийских ключевых отношений стратегического партнерства. Президент Видодо поддержал позицию Обамы по глобальному потеплению и сообщил, что Индонезия, будучи крупнейшей экономикой в ЮВА, намерена присоединиться к продвигаемому Б. Обамой Транстихоокеанскому партнерству (ТТП)⁹.

В ноябре 2015 г. по инициативе президента США 12 стран (кандидатов было гораздо больше) подписали соглашение о создании ТТП. Параллельно Вашингтон вел переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) со странами ЕС, чтобы охватить соглашениями 60% мировой торговли и практически все ведущие экономики за исключением Китая, Индии и России. Одновременно с участием Китая, Индии и 10 стран АСЕАН формировалось Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Мировая торговля раскалывалась на мегарегиональные структуры, что меняло экономическую картину мира.

Хотя двусторонний торговый оборот в 2015 г. превысил 27 млрд долл. при положительном сальдо для Индонезии, однако уже к концу 2015 г. страна отказалась участвовать в ТТП, прежде всего из-за неготовности к такому шагу экономики страны. В качестве альтернативы у Джакарты имелся ВРЭП с участием стран АСЕАН, Китая, Японии, Индии при опоре на КНР, а также рассматривалась возможность присоединения к соглашению о Зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом.

США оказывали Индонезии разнообразную помощь, включающую подготовку кадров в вузах США, поддержку органов безопасности, системы госуправления, здравоохранения, защиты окружающей среды. Для этих целей выделялись многомиллионные суммы. Индонезию и та-

кие страны АСЕАН как Таиланд, Филиппины и Сингапур в США считают незаменимыми как партнеров в ряде случаев для балансирования Китая. Так, председатель комиссии по делам вооруженных сил Сената, небезызвестный ястреб Джон Маккейн, предлагал предоставить странам ЮВА 425 млн долл. для противостояния территориальным притязаниям Китая¹⁰.

Специальный саммит АСЕАН, состоявшийся в Калифорнии в середине февраля 2016 г., четко продемонстрировал антикитайскую позицию Белого Дома, направленную на дальнейшее сдерживание Китая, призывавшего асеановцев к сплочению по вопросу ЮКМ, что не встретило особого энтузиазма у членов Ассоциации, которые отказались от совместной с хозяином Белого Дома пресс-конференции. Зато он солировал на ней, заявляя о необходимости прекращения мелиорационных работ в ЮКМ и недопустимости милитаризации данной акватории, призывая быть сплоченнее в столь важных вопросах, шире пользоваться свободой судоходства. Обама подтвердил готовность США оказывать своим региональным союзникам и партнерам помощь в укреплении их морской безопасности.

Смена хозяина Белого Дома и приход в него Дональда Трампа в начале 2017 г. вызвали определенный оптимизм среди ряда индонезийских руководителей. Так, министр-координатор по морским делам и инвестициями Лухут Панджаитан, отметив, что внешняя политика Б. Обамы, направленная на разжигание противоречий между странами, и идеологические устремления его администрации приводили к нежелательным последствиям, высказал надежду на то, что Д. Трамп окажется прагматиком, не склонным к идеологическому и конфронтационному подходу на международной арене¹¹.

Однако Д. Трамп в самом начале своего президентства уже в марте 2017 г. включил Индонезию в число 16-ти стран, имеющих существенный положительный баланс в торговле с США, обвинив их в использовании нечестных приемов и прямом мошенничестве. На первое место вышел Китай с перевесом в 347 млрд долл., а Индонезия на 15-е – с перевесом в 13 млрд. В итоге, под угрозой оказались важные статьи индонезийского экспорта.

Дефицит в торговле с Индонезией составил около 3 млрд на 124 вида товаров. Министр торговли Индонезии заявил, что Джакарта не хочет торговой войны, от которой никто не выиграет, предупредил, что если давление продолжится, то Индонезия предпримет ответные меры. Вице-президент Ю. Кала назвал мошенником Америку, которая проповедуя свободу торговли, при Трампе сама встала на путь протекционизма¹². Он пригрозил, что в качестве ответных мер Индонезия может повысить тарифы на импорт из США сои, пшеницы, кукурузы и самолетов Боинг¹³. Председатель ТПП Индонезии Росан Руслани призвал искать новые рынки сбыта и «избегать американоцентризма» во внешнеэкономических связях страны¹⁴.

Президент Видодо даже заявил, что с избранием Трампа следует постепенно избавляться от ориентации на американский доллар как основную международную валюту, так как курс «рупия-доллар» все меньше соответствует основным реалиям индонезийской экономики и более важную роль играет соотношение «рупия-юань», поскольку в торговом обороте страны на Китай приходится 15%, а на США – 10%¹⁵.

Правительство Индонезии должно было по планам ускоренного развития вложить в ближайшие 5 лет 740 млрд долл. в развитие инфраструктуры. Средств явно не хватало, хотя экономический рост был стабилен. Для пополнения бюджета было решено «поприжать» иностран-

ные компании, занимающиеся разработкой недр страны, а наиболее крупные американские инвестиции в Индонезии сделаны в горнодобычу.

На рубеже 2016–2017 гг., когда правительство Индонезии в рамках курса на упрочение экономической самостоятельности страны во всех областях, требовало передачи себе 51% акций (в 2016 доля составляла менее 10%) и участия в установлении экспортных цен. Президент в случае отсутствия прогресса на переговорах сторон пообещал «принять меры»¹⁶.

Вице-президент США М. Пенс в апреле 2017 г. во время визита в Индонезию, в частности, должен был уладить эту проблему. На встрече с президентом Видодо он подчеркнул, что Трамп высоко оценивает всеобъемлющее стратегическое партнерство двух стран, которые совместно должны работать над тем, чтобы устранить препятствия на пути американского экспорта в страну. Индонезийская сторона констатировала, что получила заверения новой администрации о намерении совершенствовать американо-индонезийское партнерство в сфере торговли и инвестиций¹⁷. Во время визита Пенса представители бизнеса двух стран подписали соглашения на общую сумму 10 млрд долл. в сфере торговли и инвестиций. При этом индонезийская сторона высказала пожелание получить более четкое представление о торговой политике при новом президенте¹⁸.

Серьезные расхождения сохранялись у двух стран и по проблемам Ближнего Востока. Президент Видодо настоятельно предлагал добрые услуги индонезийской дипломатии в урегулировании конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке при сохранении нейтральной позиции, чтобы не терять возможности влиять на ход событий в этих регионах. В апреле 2017 ракетные удары США по Сирии были расценены Джакартой как односторонняя

военная акция без санкций Совета Безопасности, противоречащая нормам международного права. Индонезия призывала к более активной роли ООН в сирийском урегулировании¹⁹.

События в Ираке, Ливии, Сирии, да и опыт самой Индонезии подпитывают недоверие к политике США и Запада в целом. Вице-президент Ю. Калла осуждал насильственное насаждение демократии путем вторжения сверхдержав. Он считает, что ИГИЛ (запрещена в России) – итог этих вторжений. Ряд индонезийских военных и политологов отмечал, что за такими конфликтами просматриваются нефтяные и экономические интересы США на Ближнем Востоке. Генерал в отставке Прабово Субианто заявлял, что «США вошли в Ирак якобы для того, чтобы привнести туда демократию. Но они почему-то не пошли в Зимбабве, где тоже нет демократии. И сам же ответил «да потому, что в Зимбабве нет нефти»²⁰. Вице-президент Ю. Калла, выступая на о. Бали на международном Демократическом форуме 7 декабря 2017 г., призвал обратить внимание на Ирак, Сирию, на которые напала Америка, чтобы «принудить их к демократии». В итоге ситуация там резко ухудшилась. Он также заявил, что если обратиться к Ливии, то очевидно, что целью Запада там была не демократия, а нечто худшее²¹.

Когда Д. Трамп в конце января 2017 г. ввел ограничения на въезд в США граждан из стран с преимущественно мусульманским населением, Видодо отметил, что конкретно Индонезии этот запрет не касается и не стоит беспокоиться²². Однако эта мера вызвала осуждение в стране и президент, готовясь к выборам на второй срок, вынужден был учитывать мнение мусульманской общины страны, резко осудившей такие действия Трампа. Вскоре, приняв во внимание настроения в мусульманской общине Индонезии и в большинстве мусульманских стран, он и

вице-президент Ю. Кала стали заявлять, что индонезийское общество осуждает эту акцию, которая лишь усиливает подозрительность в отношении мусульман²³.

Министр иностранных дел страны Ретно Марсуди высказала глубокое сожаление в связи с этим шагом США²⁴. Обозреватели и политические деятели страны упрекали Трампа в том, что он неправомерно отождествляет ислам с радикализмом и терроризмом, заявляли о тревоге и беспокойстве со стороны многих индонезийцев этим шагом Вашингтона по отношению к мусульманам всего мира.

Президент даже говорил о превращении Индонезии во всемирный центр – узел сотрудничества цивилизаций, ведь девиз государства – «Единство в многообразии». В стране нет государственной или официальной религии. В Конституции 1945 г. записан принцип религиозности, который трактуется как равенство всех существующих в стране религий и свобода вероисповедания.

Отношение к США в стране двойственное. С ними как глобальным игроком необходимо сотрудничество, но политика на Ближнем Востоке, вмешательство во внутренние дела других стран постоянно настораживали и вызывали недоверие и подозрение в отношении американских планов.

В этой связи признание Трампом Иерусалима в качестве столицы Израиля в декабре 2017 г. привело к такому накалу антиамериканизма, которого не было со времен президента Сукарно. Видодо заявил, что этот шаг вызывает раздражение, испуг и возмущение²⁵.

Министр иностранных дел страны Ретно Марсуди вызвала посла США и по поручению президента заявила, что Индонезия осуждает решение Белого Дома²⁶. В своем выступлении на чрезвычайном саммите Организации исламского сотрудничества президент выдвинул план ока-

зания поддержки палестинскому государству, в котором, в частности, предусматривалось призвать страны, имеющие посольства в Тель-Авиве не следовать примеру США и предпринять соответствующие шаги по дипломатической линии, вплоть до пересмотра отношений с Израилем²⁷.

Американский представитель США в Совете Безопасности заблокировал проект резолюции с осуждением решения Трампа, а Вашингтон выступил с угрозами прекратить помощь государствам, поддержавшим антиамериканскую резолюцию. Сравнивая позицию Обамы и Трампа, бывший посол Индонезии в США и зам. министра иностранных дел Дино Джелал отметил, что правительство США всегда испытывало давление произраильского лобби, но в отличие от Б. Обамы президент Трамп ему не сопротивляется²⁸. Но когда мусульманские лидеры страны призвали к бойкоту американских товаров, вице-президент Ю. Калла решительно выступил против, отметив, что без оборудования и предметов повседневного обихода, произведенных в США, не могут обойтись ни нефтяная промышленность Индонезии, ни сами индонезийцы, которые не выходят из дома без айфона в кармане²⁹.

После заявления Трампа, что 128 государств, выступивших в ООН против решения Вашингтона «являются врагами США», МИД Индонезии ответил, что обе страны знают позиции друг друга и в конечном итоге угрозы не окажут серьезного воздействия на двусторонние отношения. Дипломатическая невоспитанность американского президента ловко и ядовито, по-восточному нивелировалась³⁰.

В январе 2018 г. в Джакарту прибыл министр обороны США Дж. Мэттис с целью укрепления стратегического партнерства между странами. В чем его захотели укрепить в Белом Доме, для индонезийцев не было секретом. Нака-

нуне Пентагон заявил, что геополитическое соперничество с Пекином будет для него приоритетным. На встрече с министром иностранных дел Индонезии американская сторона, высоко оценив роль Индонезии в регионе, заявила о необходимости укрепления двусторонних отношений, прежде всего в рамках всеобъемлющего партнерства. Дж. Мэттис был принят президентом Видодо и министром обороны Р. Рьякуду.

Индонезийская пресса писала, что цель визита – расширить в целом военное сотрудничество между США и Индонезией, которая модернизирует свои вооруженные силы и якобы проявляет растущую готовность противостоять территориальным притязаниям Китая³¹.

А посол США Дж. Донован на церемонии передачи Индонезии 24 истребителей F-16 в конце февраля 2018 г., отметив, что США гордятся своей ролью крупнейшего партнера Индонезии в сфере военного сотрудничества, подчеркнул, что это увеличивает возможности ВВС страны в проведении операций в морских просторах самых внешних пограничных районов Индонезии, как бы априори включая Джакарту в разряд партнеров США в противостоянии Пекину. В марте 2018 г. министр обороны США Мэттис в Вашингтоне во время встречи с министром иностранных дел Индонезии, назвав ее важнейшей страной ЮВА в географическом и дипломатическом отношениях, заявил, что для двух стран важно сотрудничать и делить ответственность за региональную безопасность³². Итак, из всех стран ЮВА Америка выбрала Индонезию. Мэттис назвал Индонезию важнейшей страной в ЮВА в географическом и дипломатическом отношениях. Но в конфликте держав в ЮКМ Джакарта не собиралась занимать чью-то сторону. Президент Индонезии в преддверье выборов был далек от демонстрации навязываемой ему американской дружбы. Кроме того, в ЮВА чувствовали, что

США уже не бесспорный лидер, который, хоть и не в близкой перспективе может оказаться не первым или не единственным первым.

Видодо на ежегодной встрече ВМФ и Всемирного банка на о. Бали в октябре 2018 г., довольно прозрачно намекая на США, отметил, что «в мире конкуренции и соперничества нет смысла упиваться победами посреди разрухи или быть величайшей экономикой в мире, которая идет на дно»³³. Этот явный пессимизм был адресован США.

Тем не менее, США оставались одним из основных торговых партнеров Индонезии. Американский рынок – одно из важнейших направлений экспорта Индонезии, особенно таких ее товаров как каучук, газ и нефть. США также один из основных инвесторов для Индонезии, а в торговле с США Индонезия, как и ряд стран ЮВА имела традиционное положительное сальдо.

Определенные надежды в Джакарте возлагались на визит в страну в начале августа 2018 г. госсекретаря США Майкла Помпео. Министр иностранных дел Индонезии заявила, что будут обсуждаться меры по упрочению партнерства между странами. Накануне переговоров М. Помпео заявил, что Индонезия является стратегическим партнером США, и Америка высоко ценит рост демократии в этой стране. В ответ Джоко Видодо сказал, что Индонезия не только гордится тем, что является крупнейшей страной ЮВА и самой большой мусульманской страной мира, но при этом еще и остается растущей демократией, не забыв добавив о необходимости для всех наций сохранять самобытность и взаимное доверие.

Также индонезийская сторона выразила надежду на сохранение преимуществ в тарифной системе, которыми Индонезия пользовалась до последнего времени. «Сооб-

щений о том, каков был ответ американской стороны не поступало», как отмечал А. Другов³⁴.

Но итоги переговоров министра обороны Индонезии Р. Рьякуду со своим американским коллегой Дж. Мэттисом в США в конце августа 2018 г. расценили позитивно. Они касались дальнейшего развития сотрудничества в различных областях и на разных уровнях, а также вопросов совместных военных учений, военнотехнического сотрудничества и совместной борьбы против терроризма.

8 ноября 2018 г. заместитель американского посла в Индонезии Хитер Вариава выразил особую гордость тем, что США являются одним из главных военных партнеров Индонезии. Это, как отмечает А. Другов, прозвучало несколько странно в свете постоянно декларируемой Джакартой политики неприсоединения³⁵.

Практически Индонезия не может не оглядываться на Вашингтон. Она параллельно вела переговоры о покупке российских SU-35, завершая переговоры о покупке истребителей F-16 у США. Планировалось приобрести две эскадрильи. Возможно, это страховочный шаг или просто курс на сохранение привязки к обоим перспективным поставщикам военной техники, тем более, что для Джакарты это чисто бизнес, без идеологии, хотя и менее приятный чем с Россией.

Приобретение американских самолетов, по словам маршала авиации, начальника штаба ВВС Юйю Сутисна - часть пятилетнего стратегического плана Индонезии, рассчитанного на 2020–2024 гг. Он сообщил, что Индонезия по-прежнему планирует приобрести и российские перехватчики SU-35, хотя в этом вопросе возникли задержки. Он не сказал, что они возникли по вине Америки, которая препятствует покупке российских самолетов, опираясь на положение, подписанное Трампом 2 августа 2017 г. «Зако-

на о противодействии неприятелям США через санкции в отношении лиц и организаций, которые участвуют в сделках с разведывательными или оборонными секторами Российской Федерации»³⁶.

В то же время, Джакарта отвергла просьбу Вашингтона разрешить посадку и дозаправку на своей территории американских самолетов «Посейдон», отслеживающих военную активность в ЮКМ, с которой обратился Помпео осенью 2020 г. во время визита в Индонезию³⁷. Более того, Помпео высказал пожелание, чтобы индонезийская сторона минимизировала экономическое сотрудничество с Китаем и активизировала военное сотрудничество с США для обеспечения безопасности индонезийских границ³⁸. Но Джакарта не собирается поддерживать американскую политику сдерживания Пекина³⁹. Подчеркивая свою нейтральную позицию, Индонезия всячески демонстрирует заинтересованность в продолжении диалога двух держав, избегая, как заявила министр иностранных дел «ловушки» американо-китайского соперничества. Джакарта не считает, что Россия и Китай представляют угрозу безопасности США, как утверждает американская администрация, выступающая против укрепления контактов Индонезии с ними. Джакарта, безусловно, недовольна беспардонным вмешательством Вашингтона в ее отношения с КНР и Россией, что бьет рикошетом по связям Джакарты с Пекином и Москвой.

В Индонезии также были далеко не в восторге от «дипломатических вывертов» Трампа. Он сам не только не приехал на саммит Ассоциации в ноябре 2018 г. в Сингапур и в 2019 г. в Таиланд, но и даже не направил в Бангкок вице-президента или госсекретаря. Во главе американской делегации был советник президента по национальной безопасности Роберт О'Брайен. В ответ президент Индонезии и еще 6 глав государств и правительств из стран АСЕАН

не пришли на двусторонний саммит с АСЕАН-США в Бангкоке, на котором представитель Вашингтона зачитал приглашение Трампа посетить его в Америке для «особого саммита». На заседании присутствовали лишь руководители Таиланда, Вьетнама и Лаоса. Бесцеремонность трамповской дипломатии не могла не шокировать вежливых азиатов.

Семь из десяти лидеров стран АСЕАН проигнорировали саммит с участием США в Бангкоке. 4 ноября 2019 г.

Фото: Thai PBS World⁴⁰

Всеобъемлющее партнерство двух стран давало Вашингтону основания надеяться, что Джакарта поддержит новую внешнеполитическую концепцию, продекларированную Д. Трампом осенью 2017 г. Закрыв обамовское ТТП, которое угрожало рабочим местам американцев, Трамп не мог оставить вакуум в обширном регионе, который успешно бы заполнял китайский Морской шелковый путь.

Сдержать Китай, не допустить его доминирования в Азии – это лозунг Обамы, подхваченный Трампом, взявшим «на прокат» у японского премьера Абе его еще в 2007 г. выдвинутую доктрину четырехстороннего альянса (квартета – *Quad*) в составе США, Японии, Австралии и Индии для обсуждения проблем безопасности и строи-

тельства т.н. «оси свободы и процветания». На встрече с Трампом в 2017 г. Абэ реанимировал свою идею и уже на саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. президент США заявил, что прибыл во Вьетнам – «в самый центр Индо-Тихоокеанского региона». Следует отметить, что с миролюбивыми идеями у американцев туговато. Белый Дом подхватывает чужие, приватизирует и американизирует их. Практически Обама взял на прокат японскую концепцию ТТП, а Трамп обобщил то, о чем говорилось и обсуждалось до него. Так уж устроен мир человечества и государств. В политике практически не важно, что сказано, но чрезвычайно важно кем сказано. На этот раз идея была высказана Д. Трампом, президентом самой мощной державы. Идея японская, но еще ранее безо всяких изысков практически реализованная американскими военными, так как именно таким образом обозначается Тихоокеанским командованием район его ответственности – от Японии на Востоке до Индии на Западе.

Очевидно, главная задача – не пустить Китай на запад с его МШП, а барьером сделать Индию, которой в этом будут помогать остальные участники квартета. Но Индия, как и АСЕАН не определилась в своей окончательной позиции в отношении характера американского мегарегионализма. В национальной стратегии безопасности США 2017 г., как и в Национальной стратегии обороны 2018 г. проводится мысль, что Китай бросает вызов американскому могуществу в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире. «Китайская угроза» конечно не военная, а экономическая, и возрастающее воздействие китайской «мягкой силы» – вот что пугает Белый Дом.

По утверждению политологов, «Индо-Тихоокеанский регион» уже стал «новой реальностью» по крайней мере, не только в теории, но и подтвержден определенными конкретными заявлениями и делами.

В связи с тупиком, в котором оказалось совещание министров иностранных дел стран АСЕАН в 2012 г. в Камбодже, на котором не смогли принять впервые за всю историю существования Ассоциации заключительного документа из-за серьезных расхождений по вопросу о территориальных спорах в ЮКМ, министр иностранных дел Индонезии Марти Наталегава выступил со следующей инициативой. Он предложил в мае 2013 г. новый расширенный вариант Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 г., который следовало заключить между членами Ассоциации и ключевыми ее диалоговыми партнерами, то есть практически между членами Восточноазиатского саммита – десятью странами АСЕАН, Китаем, Японией, ЮК, Индией, Австралий, Новой Зеландией, Россией и США. Он должен был носить название «Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве» и выполнить следующие задачи: способствовать укреплению доверия в регионе, создать условия для управления территориальными спорами и изменениями, происходящими там⁴¹. Разрешением споров АСЕАН не занималась, и никому такую функцию передавать не планировала.

Поскольку все перечисленные страны-аутсайдеры Ассоциации уже были связаны прежним договором 1976 г. после присоединения к нему, то новый, более широкий, оставляя АСЕАН в «водительском кресле», по мнению индонезийской стороны, ускорил бы урегулирование спорных территориальных проблем в ЮКМ. Однако идея так и не была реализована.

Индийская концепция ИТР основывается на внешнеполитической доктрине «Смотреть на Восток» премьера Нарасимхи Рао от 1991 г., поддерживаемой и нынешним руководством страны. Если в АТР Индия оказывалась как бы на отшибе, то ИТР практически интегрирует страну в

этот огромный регион. Австралийская версия ИТР была принята в 2016 г. и в ней сделан акцент на региональных и глобальных измерениях интересов страны. Японская концепция «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона включает два экономически растущих континента – Азию и Африку и два океана Индийский и Тихий, и в ней присутствует обширный экономический аспект. Американская версия в декабре 2017 г. была закреплена в Стратегии национальной безопасности США, в которой основное региональное противоречие было определено как отражение борьбы «свободного и репрессивного» миров⁴². Если с нашей точки зрения китайский МШП – это экономика и «ничего лишнего», то американский, австралийский и во многом японский варианты ИТР – военно-политические. В американской и австралийской версиях присутствует их старая стратегическая цель – ограничение свободы для Китая в регионе. А экономический аспект американской доктрины бледен и не конкретен, по сравнению с китайским МШП. Концепция ИТР, то есть «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», еще сырая по сравнению с китайским МШП, считает Е. Канаев⁴³.

Японская версия занимает как бы срединное положение между американско-австралийской и индийско-индонезийской. При ее сохраняющемся военно-стратегическом характере, в ней присутствует и обширный экономический аспект, распространяющийся на два континента и два океана⁴⁴.

Наиболее инклюзивные, по мнению Е. Колдуновой, – это индийская и индонезийская версии. Но у этих стран отсутствуют экономические возможности для их продвижения: так Индия готова выступать лишь в качестве источника лучших управленческих практик для своих соседей по региону. Что же касается Индонезии, то она

может утешиться тем, что ее министр иностранных дел еще 7 лет назад предложил проект «мирного регионализма и глобализма» – наиболее нормально нейтральный вариант понимания современного регионализма в рамках ИТР, что не приемлемо для Вашингтона, который всячески стремился вытеснить из политического лексикона прежний устоявшийся, но менее обширный «Азиатско-Тихоокеанский» (АТР).

Сам факт, что ни одна из стран Ассоциации, ставшей еще в середине 1990-х организатором регионального институционального сотрудничества в сфере безопасности (региональный форум АСЕАН), не была приглашена участвовать в созданном в 2017 г. «квартете», показал, что «центральность» АСЕАН и система созданных ею региональных институтов поставлены под сомнение, а «географический намек» на противостояние Китаю означал утрату важного элемента региональной стабильности. Более того, провозглашенные Трампом принципы «свободы, суверенитета и открытости», на которых создается ИТР, практически определяются США и их союзниками, а их содержание не совпадает с трактовкой многих азиатских стран, ряд из которых, по западным оценкам, не являются ни демократическими, ни свободными, ни открытыми, с их «гибридными» режимами и «дефектной демократией»⁴⁵.

Попытки США превратить акваторию двух океанов в зону противостояния США и Китая умаляло влияние ряда стран АСЕАН, и организации в целом, на обстановку в ИТР. Лидеры Индонезии, да и Ассоциации, не могут согласиться с утратой своим «детищем» центральной роли в этом обширном регионе, так как оно находится на стыке или в его сердцевине. Для Индонезии это стратегическая проблема, как отмечала министр иностранных дел страны. Газета «Джакарта Пост» даже опубликовала 21 декабря 2017 г. статью «В Индо-Тихоокеанской концепции Трампа Индонезии не уделено должного внимания».

Неслучайно в официальных заявлениях поддержка Индо-Тихоокеанской концепции Трампа завуалированно оговаривалась необходимостью упрочения стабильности и мира в регионе с упором на экономическое развитие, о чем заявляла министр иностранных дел Индонезии. Кроме того, Индонезия давала понять, что разделяет эту политическую концепцию, лишь как «определяющую роль АСЕАН в качестве важнейшей региональной конструкции», где Ассоциация занимает естественное срединное положение⁴⁶.

Если ранее администрация Обамы отмечала эту роль АСЕАН для АТР, то сейчас Джакарта хотела бы аналогичного подтверждения для всего Индо-Тихоокеанского региона, подправляя Трампа. Если обамовское ТТП – это, прежде всего, экономическое оружие против Китая и укрепление американского экономического доминирования, то ИТР скорее политического, военного и геополитического в целом.

*Джoko Видодо и Майк Помпео. Богор, Индонезия.
29 октября 2020 г. Фото: The Star⁴⁷*

В американоцентричной версии ИТР регион ЮВА становится ареной соперничества великих держав, о чем свидетельствует визит Помпео в Джакарту осенью 2020 г. Что касается самой концепции ИТР то, по мнению многих исследователей, она не ясна, закамуфлировано направлена на сдерживание Китая, на подрыв значения АСЕАН и ее основополагающих принципов и роли в региональном порядке, а кроме того, углубляет противоречия внутри Ассоциации. В такой ситуации министр иностранных дел Индонезии призвала членов АСЕАН внести вклад в создание «открытого, прозрачного, всеобъемлющего» Индо-Тихоокеанского региона. Она выразила надежду, что США и впредь будут содействовать миру стабильности и безопасности в ЮКМ дипломатическими методами⁴⁸.

Вполне логично, что Джакарта первой представила свою собственную концепцию ИТР для обсуждения в рамках АСЕАН, лидером которой она стремится выступать, чтобы сохранить за Ассоциацией центральную роль в формировании региональной структуры безопасности. На 13 саммите ВАС в Сингапуре в ноябре 2018 г. президент Видодо заявил, что «сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе должно строиться на таких основных принципах как центральность АСЕАН, открытость, транспарентность, инклюзивность, на подходе, основанном на общих правилах с целью укрепить взаимное доверие, уважение и выгоду»⁴⁹. Индонезийские дипломаты отмечали, что версия Видодо отличается от американской и японской. Штаты говорят о военной мощи, а японцы в основном об инфраструктуре для региональных стран, в то время как в предложенной «мягкой» индонезийской версии упор сделан на мягкий подход, на вопросы экономики, безопасности и человеческий фактор.

52-я встреча министров иностранных дел стран АСЕАН в Бангкоке летом 2019 г. одобрила «Видение

АСЕАН для Индо-Тихоокеанского региона». Министр иностранных дел Таиланда Дон Праматвинай назвал асеановский проект «более травоядным», чем стратегии других стран. Он отметил, что АСЕАН стремится к сотрудничеству во всех сферах со всеми без исключения диалоговыми партнерами.

29 июня 2019 г. на 34 саммите в Таиланде Ассоциация официально опубликовала свое «Видение» АСЕАН значительно отличающееся от американской версии как инструмента укрепления асеаноцентричного и всеобъемлющего регионального диалога по вопросам экономики и безопасности. В нем отмечается, что ЮВА находится в центре динамично развивающихся экономических и политических процессов в регионе, и поэтому АСЕАН должна играть ключевую роль в формировании нового геостратегического пространства⁵⁰.

В документе АСЕАН экономические планы организации увязаны с развитием многостороннего взаимодействия в ИТР. Страны Ассоциации принимают концепцию АТР как дополнительный источник привлечения зарубежных инвестиций и активизации уже существующих проектов экономического развития.

Вывод Трампом Америки из абамовского Транс-Тихоокеанского партнерства лишает США коллективного противовеса экономическому влиянию Китая в регионе, тем более, что провозглашенная Трампом концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) нечеткая и судьба ее при Байдене не ясна. Вице-президент США Майк Пенс в октябре 2019 г. заявил, что Китай занимается «военизацией» ЮКМ, а его проект «один пояс – один путь» в итоге будет использоваться в военных целях. Тем не менее, уже более 160 стран и международных организаций подписали документы о сотрудничестве с Китаем по совместному строительству в рамках этого проекта⁵¹, которому Белый

Дом будет при Байдене препятствовать как и при Трампе. Это прекрасно понимают в КНР и не случайно министр иностранных дел Китая Ван И на встрече с представителями прессы, едко заметил, что если четверка заявляет, что «Индо-Тихоокеанская стратегия не направлена против какой-либо страны, (имея в виду Китай и его «П и П») выразил надежду что их действия будут соответствовать их заявлениям и риторике»⁵².

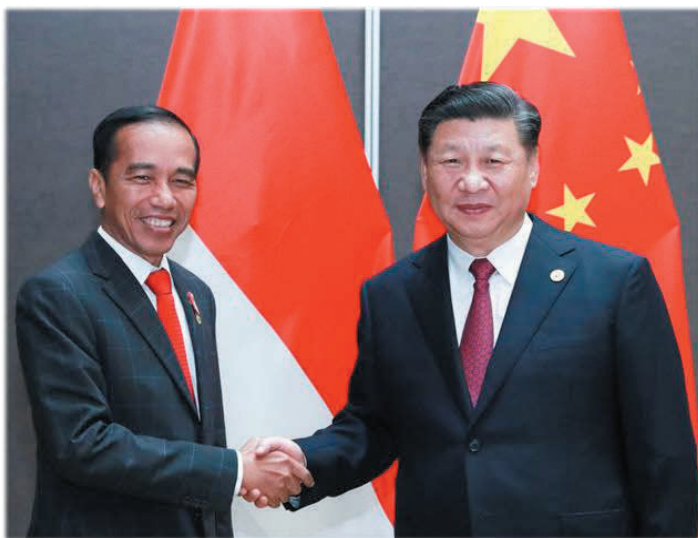
После вступления в должность президента США демократа Байдена в начале 2021 г. Концепция ИТР практически не разрабатывалась новой администрацией, которая, отвергая все прежнее, трамповское, была намерена найти свой ракурс азиатской политики.

Переходя к анализу современных отношений Индонезии и КНР, напомним, что Сусило Бамбанг Юдойоно, завершая свой второй президентский срок и касаясь характера индонезийско-китайских отношений на встрече с заведующим Международным отделом ЦК КПК Ван Чжулаем в сентябре 2014 г., особо подчеркнул, что за время его руководства страной с КНР было установлено прочное взаимодействие. Он выразил надежду, что новый президент Джоко Видодо продолжит этот курс⁵³.

Под лозунгом «1000 друзей и 0 врагов» Юдойоно удалось в целом сбалансировать внешнюю политику страны, сделать ее многовекторной. Вместе с тем, в этом курсе отмечался некоторый крен в сторону США. Новый президент Джоко Видодо стал проводить более активную азиатскую политику, учитывая изменения на международной арене и серьезное усиление позиций Китая, который, позиционируя себя как страну развивающуюся, практически уже стал общепризнанным азиатским лидером и второй глобальной мировой державой. В этих условиях Видодо вскоре после вступления в должность пред-

принял конкретные шаги, чтобы значительно активизировать отношения с КНР.

Бесспорно, это связано с общностью экономических интересов двух стран в сфере развития инфраструктуры в рамках китайского Морского Шелкового пути, берущего начало в ЮКМ и индонезийской концепции «морской державы», не говоря уже о других проектах, что требует согласования экономических планов и разработки новых подходов к внешнему миру⁵⁴. В ноябре 2014 г. президент свою первую зарубежную поездку совершил в Китай, где проходил форум АТЭС. В Пекине он заявил, что стремится придать более конкретный характер партнерству двух стран. Видодо попросил Си Цзиньпина, чтобы Китай принял более активное участие в развитии инфраструктуры, морского транспорта, железных дорог, портового хозяйства страны, так как у китайской концепции МШП и разработанной Джакартой доктрины «глобальной морской оси» немало общего⁵⁵.

Джоко Видодо и Си Цзиньпин
Фото: из открытых источников

После поездки в Пекин на встрече членов ВАС в Мьянме 13 ноября Видодо изложил свою доктрину «Индонезия – морская ось мира». Ее реализация призвана превратить Индонезию, государство-архипелаг, две трети которого занимает морская акватория с многочисленными проливами, находящуюся в центре двух океанов Тихого и Индийского, в мировую морскую державу.

С учетом того, что Индонезия и Китай еще при Юдойоно в 2005 г. установили отношения стратегического партнерства, для Видодо важно сохранить Китай в качестве своего главного восточного партнера, так как на Японию в ее современном сложном экономическом положении полностью полагаться, как было в период Сухарто, нельзя. В Азии произошла смена экономического лидера. Пекин выиграл проект на строительство ж/д Джакарта-Бандунг у японской стороны. Вернувшись в Джакарту Видодо заявил, что Китай совершил огромный скачок в своем развитии и призвал учиться у него и не бояться иностранных (в данном контексте китайских) инвестиций⁵⁶.

В декабре 2014 г. в посольстве Индонезии в КНР состоялся семинар с участием китайских бизнесменов по данной проблеме. И уже в начале 2015 г. объем китайских инвестиций в Индонезии составил 800 млн долл. и Китай вышел на 8 место с его 501 проектом⁵⁷. Но настороженность в отношении Китая у индонезийской элиты постоянно сохранялась. Так, генерал Мульдoko, занимавший пост командующего Национальной армией Индонезии, призвал командование вооруженных сил Китая от имени всех военачальников стран Ассоциации не допускать, чтобы развитие военного потенциала КНР в ЮКМ привело к дестабилизации обстановки в регионе⁵⁸.

Если первую встречу Видодо с лидерами КНР на саммите АТЭС называли ознакомительной, то в конце марта 2015 г. после поездки в Японию состоялся государ-

ственный визит в Китай, который подтвердил стремление двух стран укреплять «Всеобъемлющее стратегическое партнерство», уже был исключительно деловым. В Индонезии его расценили как успешный, считая, что президент удачно сыграл на возросших амбициях своего великого соседа. Причем он, по оценке прессы, вел дела с китайцами «чисто по-китайски», что они оценили⁵⁹.

Китайская сторона положительно отнеслась к решению индонезийского правительства прекратить вывоз необработанного рудного сырья, что сократит зависимость Индонезии от поставок китайской стали. Была достигнута договоренность о координации в реализации двух национальных проектов – китайского МШП и индонезийской «глобальной морской оси». Предусматривалось строительство в Индонезии морских портов, автомобильных и железных дорог, а также электростанций.

Главные темы, которые прежде всего интересовали Видодо: торговля, инвестиции, инфраструктура и промышленное развитие. К решению этой проблемы президент подошел «окольным путем». Он связал на встрече с руководителем Китая свою стратегическую цель превращения Индонезии в «глобальную морскую ось» с концепцией «Морского шелкового пути», предложенной Си Цзиньпином еще в 2013 г. в его выступлении в Джакарте перед членами парламента. Ранее, в речи на саммите АТЭС Видодо сказал, что стране нужно 24 порта, а также другие инфраструктурные сооружения и это шанс для китайской стороны.

Пункты заявления охватывают практически все стороны двустороннего взаимодействия и включают региональную безопасность, экономику, сотрудничество в области культуры и освоения космоса, а также в нем говорится, что две страны будут развивать «морское партнерство». Джоко Видодо отметил, что «Индонезия обладает богаты-

ми природными ресурсами, а Китай имеет знания и опыт в области инфраструктуры»⁶⁰. Сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании и достигнута договоренность о сотрудничестве в целом ряде отраслей. Президент заявил: «Мы разрабатываем план действий на 5 лет и конкретные шаги, которые принесут пользу обеим странам»⁶¹. Предусматривалось, что сотрудничество будет осуществляться между целым рядом министерств двух стран и затрагивать широкий спектр областей.

На встрече Видодо с премьером Ли Кэцзяном конкретно обсуждались экономические вопросы. Президент высказал пожелание, чтобы китайские инвесторы участвовали в развитии инфраструктуры в его стране, особенно в сооружении портов, судостроении и рыболовецкой отрасли. Ли Кэцзян добавил в этот список и интерес Китая к полезным ископаемым, имеющимся в Индонезии. Отметив, что Видодо является его «старым другом», он подчеркнул, что обе страны «разделяют много общих традиций и они вместе борются за мир во всем мире»⁶². Визит показал, что индонезийский президент выступал не в роли просителя, а в роли партнера, готового на взаимовыгодное сотрудничество в рамках сопряженности двух концепций.

Председатель Народного консультативного конгресса Индонезии Зулкифли Хасан заявлял, что Индонезия хочет полностью взаимовыгодных отношений и подчеркивал, что без поддержки Китая страна будет отставать от таких партнеров КНР как Малайзия и Сингапур. По его мнению, при правильной сопряженности китайского морского Шелкового пути и индонезийской «морской оси» сотрудничество между странами возрастет и отношения с КНР способствуют процветанию и благополучию Индонезии⁶³. Однако в стране не все так радужно воспринимали китайский проект и участие в нем Индонезии. Так губернатор особого округа Джокьякарты султан Хаменгкубуво-

но Х высказывал опасение, что Индонезия может просто превратиться в потребителя китайских товаров⁶⁴.

Скептики также отмечали, что модель китайско-индонезийского сотрудничества основывается на эксплуатации природных ресурсов страны, что не способствует росту индонезийской экономики и наносит вред природе⁶⁵. Передача же Китаю 24 важных портов страны на основании инвестиций будет лишь способствовать увеличению зависимости Индонезии. По мнению наиболее прагматичных критиков следовало бы улучшить условия контракта и усилить контроль за его исполнением, а также увеличить занятость в стране и получить новые технологии и знания, чтобы избежать жесткой привязки к КНР. Они предостерегали от чрезмерного сближения с великим соседом⁶⁶.

Тем не менее эйфория царил в Пекине и Джакарте, и стороны запланировали довести товарооборот к 2020 г. до 150 млрд долл.⁶⁷.

В ходе встречи с китайским руководством относительно животрепещущей темы о территориальных спорах в ЮКМ Видодо, как бы стоя над схваткой и не касаясь расхождений с Пекином по вопросу об островах Натуна, входящих в ИЭЗ страны, заявлял, что Индонезия хотела бы быстрого решения проблемы путем принятия Кодекса поведения сторон в ЮКМ и готова выступить посредником между Китаем и теми странами Ассоциации, которые имеют с ним территориальные споры⁶⁸. Безусловно, индонезийско-китайское взаимодействие, продемонстрированное во время визита, стало сигналом и другим странам, что можно с выгодой для себя встроиться в процесс реализации масштабных, глобальных стратегических планов, имеющих международный вектор.

В апреле 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл в Индонезию для участия в праздновании 60-й

годовщины Бандунгской конференции стран Азии и Африки. Ему был оказан горячий прием. Между странами значительно активизировались гуманитарные обмены. В мае 2015 г. в Индонезии состоялось первое заседание китайско-индонезийской комиссии, на котором были подписаны соглашения по сотрудничеству в сфере образования, науки и техники, культуры.

Визит в Индонезию Си Цзиньпина в конце июля 2015 г. по заявлению китайского посла Се Фена, способствовал укреплению взаимопонимания и дружественных отношений между лидерами двух стран, повышению делового сотрудничества во всех сферах. Была выражена надежда, что Индонезия примет участие в развитии Морского шелкового пути⁶⁹. В трактовке Пекина реализация концепции МШП будет способствовать взаимовыгодному сотрудничеству, смягчению противоречий по ЮКМ, что приведет к укреплению морской безопасности и процветанию стран лежащих по его маршруту. Это, безусловно, расширит и возможности для маневра китайского флота, который выйдет на оперативный простор путем создания логистических морских цепочек. В опубликованной в КНР в 2017 г. Белой книге отмечалось, что Китай будет брать на себя ответственность за глобальную и региональную безопасность и строить вооруженные силы, которые соизмеримы с его «международным авторитетом и интересами безопасности и развития». Было заявлено, что военный бюджет КНР к 2030 г. превысит 360 млрд долл., что позволит обеспечивать региональную безопасность⁷⁰. При обеспечении безопасности МШП Китай будет опираться на силы ВМФ, а страны региона на собственные силы береговой охраны. При этом основной базовой точкой в ЮВА для китайского МШП является Индонезия.

Во время поездки Видодо в Пекин в сентябре 2016 г. на саммит G-20 было оговорено много совместных проек-

тов в сфере туризма, морской и наземной инфраструктуры и инвестиций. Помимо ж/д Джакарта-Бандунг Индонезия предложила китайским инвесторам железнодорожный проект на курортном о. Бали. Индонезийское правительство попросило Джека Ма, ведущего специалиста по интернет-рынку, стать советником индонезийского комитета по электронной коммерции.

Бывший министр-координатор по экономическим вопросам Хайрул Танджунг отмечал, что «Китай и Индонезия должны дополнять друг друга, чтобы добиться хорошего сотрудничества и их потенциальные ресурсы могут удовлетворить потребности каждой из сторон»⁷¹. В мае 2017 г. Пекин пригласил высокопоставленных представителей из 100 стран для обсуждения плана строительства «Одного пояса и одного пути». С детальным анализом выступил руководитель КНР Си Цзиньпин. Поражающий своим размахом проект, выдвинутый им еще в 2013 г. получил поддержку огромного количества государств, которые наметили пути сопряженности своих планов экономического развития с создаваемой китайцами инфраструктурой. К лету 2017 г. торговля КНР со странами вдоль «Пути» превысила 3 трлн долл., а инвестиции Китая в проекты 50 млрд долл.

Вдоль «Пути» более чем в 20 странах позже было образовано 56 зон экономического сотрудничества и создано 180 тыс. рабочих мест. Китайские банки предоставляли для запланированных проектов щедрые инвестиции и кредиты. Проект КНР – открытый и доступный, в отличие от абамовского ТТП с его ядром из нескольких ведущих экономик мира во главе с США, был представлен как мультицивилизационный, для блага всего человечества и глобального развития. Пекин подает свой проект как новую модель международного взаимовыгодного сотрудничества, нацеленную, прежде всего, на азиатский, европей-

ский и африканский континенты. Но и страны двух Америк могут стать партнерами в рамках этой инклюзивной инициативы.

На форуме Видодо выразил убеждение, что развитие инфраструктуры в рамках инициативы «Пояс и путь» может стимулировать индустриализацию в других частях мира, что также будет способствовать борьбе с бедностью»⁷². Он призвал глав государств сотрудничать с Индонезией и ЮВА для развития и производства промышленного и пищевого сырья, подчеркнув, что Индонезия – одна из трех основных поставщиков продовольствия в мире, такого как какао, кофе, пальмовое масло, специи, а в области промышленного сырья – никеля, олова, меди, бокситов входит в первую тройку стран-поставщиков, а также располагает богатыми и доступными энергоресурсами.

Президент поставил задачу активизировать экономическую дипломатию и заинтересовать такие страны как Малайзия, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур. Упор же делается на Китай, который поддержал проекты строительства портов на Северном Сулавеси, Северной Суматре, а также проекты в области энергетики и промышленного развития на Восточном Калимантане, куда запланировали перенести столицу страны.

В июне 2017 г. в Пекине в рамках форума Индонезийско-Китайского сотрудничества: «Один пояс – один путь» и «Морская ось мира» состоялось подписание меморандумов о строительстве в Индонезии заводов по производству никеля и углеродной стали.

Китайский «Морской шелковый путь» и индонезийская «морская ось мира» – не конкуренты, а взаимодополняющие друг друга проекты выгодные и Китаю, и Индонезии, и стратегическое положение Индонезии между двумя океанами делает ее одним из важнейших пунктов в проекте МШП. Поэтому китайская сторона все более

охотно вкладывалась в Индонезию. КНР инвестирует в объекты и за пределами о. Ява, в частности на Сулавеси и Северных Молукках.

Между странами стал активно развиваться туризм. Индонезийская авиакомпания «Гаруда» открыла рейсы между о. Бали и Шанхаем, которые пользуются большой популярностью в КНР. Туризм – перспективное направление, однако свои коррективы внесла пандемия коронавируса. Китай – главный импортер индонезийской нефти. Но, по признанию индонезийской стороны, в этой сфере Индонезию не все устраивает, так как Китай импортирует сырье, перерабатывает его и продает за границу, в том числе и в Индонезию.

Индонезия наращивает добычу угля для поставок в Китай. Двусторонние экономические отношения при Видодо стали гораздо теснее, чем в предыдущие годы. При этом Индонезия всячески стремится увеличить долю добавленной стоимости, долю готовой продукции, чтобы не впасть в экономическую зависимость от КНР.

Индонезия не плывет на Запад. Она не колеблется в ориентации своего развития. Она рулит на Восток. Мегавати Сукарнопутри, бывший президент страны и лидер главной партии нынешней президентской коалиции в начале ноября 2018 г. во время поездки в Пекин заявила, что «мир нуждается в Китае, чтобы его экономическая мощь стала главной мощью всего мира». По ее мнению, правительство и народ КНР не прибегают к беспощадной практике в экономических делах и отвергают неравенство и несправедливость, присущие либеральной экономике⁷³.

Двусторонние связи продолжали углубляться. Премьер Ли Кэцян провел в мае 2018 г. в Богоре переговоры с президентом Видодо. Он сказал, что Китай и Индонезия являются друг для друга важными соседями, естественными партнерами по сотрудничеству, имеющими обширные

взаимные интересы и отмечают 5-летие со дня установления всеобъемлющего стратегического партнерства. Китай вместе с Индонезией готов прилагать еще больше усилий для дальнейшего развития отношений. Он отметил, что в нынешней обстановке в мировой политике и экономике совместное движение вперед и совместное планирование развития двумя странами, являющимися крупными развивающимися державами и ведущими региональными государствами, имеет важное стратегическое значение не только для их народов, но и региона и мира в целом⁷⁴. Китайская сторона особо отмечала, что сопряжение «Пояса и пути» с «Морской осью» будет способствовать развитию внутренней инфраструктуры стран, охваченных МШП.

В ноябре 2018 г. в Новой Гвинее на саммите АТЭС состоялась встреча Видодо и Си Цзиньпина, который отметил, что достигнут ряд важных договоренностей по углублению двусторонних отношений всеобъемлющего стратегического партнерства. Было отмечено, что в октябре стороны подписали меморандум о взаимопонимании по развитию «Пояса и пути» и «Морской оси мира» и сейчас необходимо активизировать сотрудничество. Китайская сторона высоко оценила выдвинутую Видодо инициативу «Регионального комплексного экономического коридора» и заявила о готовности как можно скорее начать практическое сотрудничество. Пекин намерен расширить импорт товаров из Индонезии, обмен и взаимодействие в сферах финансов, электронной коммерции, а также в гуманитарной области. КНР готова совместно с Индонезией работать над повышением уровня отношений АСЕАН–Китай, содействовать дальнейшему развитию сотрудничества в Восточной Азии, укреплению контактов и координации в рамках таких многосторонних механизмов как ООН, ВТО, G-20. Пекин заявил о стремлении активизировать координацию с Джакартой в рамках АТЭС, способ-

ствовать экономической интеграции в АТР и придать новый импульс экономическому развитию региона и мира.

Видодо подчеркнул, что Индонезия рада достижению с Пекином ряда важных соглашений о сотрудничестве, надеется на усиление двустороннего взаимодействия. Она выступает за развитие отношений АСЕАН с Китаем и готова поддерживать контакты и координацию с Пекином в международных и региональных делах⁷⁵.

По-прежнему остро стоял вопрос о ситуации в ЮКМ. Страны АСЕАН, особенно те, что имели официальные претензии к поведению Китая в акватории после подачи Филиппинами в международный суд в Гааге в 2013 г. иска к КНР, не скрывали, что надеются на серьезную поддержку Джакарты.

Еще в марте 2015 г. Видодо, находясь в Токио, заявил, что претензии КНР на большую часть ЮКМ не имеют международно-правового основания а уже на следующий день в Пекине пояснил, что позиция Индонезии в этом вопросе нейтральна и она остается честным брокером⁷⁶.

Джакарта обнадеживала асеановцев и в то же время не «нажимала» на Пекин. Выступая в октябре 2015 г. в Вашингтоне Джоко Видодо заявил, что Индонезия выступая за свободу мореплавания, отвергает любую попытку установить контроль и доминирование над морскими путями, превращать моря в арену соперничества и, сохраняя нейтралитет, готова играть активную роль в урегулировании споров между Китаем и определенными членами Ассоциации. Лейтмотив Джакарты – это призыв к США и Китаю сохранять сдержанность и избегать наращивания напряженности.

По мнению специалистов, перед АСЕАН и, конечно, прежде всего, перед Джакартой стоит сложная дилемма – поддержания баланса между асеановской солидарностью и необходимостью учитывать интересы Китая в ЮКМ.

Посол КНР Индонезии Се Фэн в середине июня 2015 г. пожурив асеановцев за то, что они не последовательны в выполнении Декларации о поведении сторон в ЮКМ от 2002 г., подчеркнул, что Китай, тем не менее, готов помочь ускорить процесс окончательной разработки Кодекса⁷⁷. В апреле 2016 г. в КНР министр-координатор по морским делам и инвестициям Лухут Панджаитан и китайский министр иностранных дел Ян Цзечи обсудили ситуацию в ЮКМ и подтвердили намерение уважать суверенитет их государств.

Индонезия продолжала аккуратную балансировку в отношениях с Китаем, все более мягко обволакивая его экономической заинтересованностью с тем, чтобы вывести за скобки двусторонних отношений вопрос об островах Натуна, где китайские рыбаки занимаются нелегальным рыбным промыслом в индонезийской ИЭЗ.

Вместе с тем Джакарта строила планы укрепления и модернизации своих вооруженных сил в районе архипелага Натуна. Увеличивался численный состав стратегического резерва и корпуса морской пехоты. Планировалось создание трех флотов, базирующихся в западном, восточном и центральном районах страны. В марте 2016 г. обстановка в районе архипелага осложнилась. Китайская береговая охрана, войдя в ИЭЗ Индонезии, отбила рыболовное судно, задержанное индонезийцами за незаконный вылов рыбы. Президент Видодо пообещал укрепить оборону и защиту островов. После этого на самом крупном из них – Натуна были развернуты подразделения спецназа с системами ПВО. Это могло бы стать поворотным моментом в отношении Джакарты к проблеме спорных территорий. Ранее она традиционно стояла в стороне и даже после инцидента весной 2016 г. решила оставаться на прежней позиции, что и продемонстрировала ее реакция на решение Арбитражного суда в Гааге летом 2016 г.

В Джакарте его оценили положительно, так как оно аннулирует притязания Китая в отношении его 9-пунктирной линии, которая также захватывает часть ИЭЗ Индонезии. Джакарта не осудила Китай за отказ выполнять решения суда, на чем настаивали некоторые члены Ассоциации, а также особенно США и европейские критики Пекина. Она призывала «не тыкать ему в нос» этим решением и успокаивала Китай тем, что он фактически ничего не потерял в результате процесса⁷⁸. Конечно, не всех членов АСЕАН такая позиция устраивала. Даже в самой Индонезии раздавались голоса, что ей не следует оставаться сторонним наблюдателем, когда речь идет о столь важной для АСЕАН проблеме. В то же время, бывший посол КНР в Индонезии Чень Шицю с удовлетворением отмечал, что позиция Джакарты понятна и фактически не может быть иной, так как у двух государств нет никаких спорных территорий в ЮКМ, поскольку Китай не претендует на острова Натуна и вопросы морских границ с Индонезией стороны могут обсудить в будущем⁷⁹. Однако это не снимало двусторонних противоречий. Архипелаг Натуна – южная часть ЮКМ богат запасами нефти и природного газа, богат рыбой, находится на пересечение торговых путей и имеет важное стратегическое значение. Индонезия при Видодо стала более решительно защищать свой территориальный суверенитет, охранять свои рыбные запасы и энергетические ресурсы.

Практически за два первых года его президентства до осени 2016 г. было потоплено около 200 рыболовных судов-нарушителей, среди которых и китайские. Видодо постоянно призывал США, Китай и страны АСЕАН на совместную борьбу против незаконного рыбного промысла, от которого Индонезия ежегодно терпела большие убытки, около 20 млрд долл.⁸⁰.

Джакарта традиционно заявляет, что проблем с островами Натуна нет, так как с Китаем нет общей границы, и Индонезия не претендует на острова Спратли. Кроме того Джакарта намекала, что жесткая позиция Пекина в отношении островов Натуна ухудшит его шансы в отношениях с АСЕАН. Так главный редактор газеты «Джакарта Пост» писал еще в июне 2015 г., что Индонезия объективный игрок в споре ряда стран АСЕАН и Китая и если Пекин утратит поддержку Джакарты, он потеряет и поддержку Ассоциации⁸¹. При этом, еще в конце 2015 г. начальник штаба ВВС Агус Суприатна призывал превратить архипелаг в индонезийский Перл-Харбор⁸². В марте 2016 г. Панджаитан выражал беспокойство тем, что китайская 9-ти пунктирная линия накладывается на воды, прилегающие к островам в индонезийском округе Натуна⁸³.

Несмотря на все увещевания из Джакарты в Белой книге КНР 2017 г. зафиксирована более жесткая позиция Пекина и прямо заявлено о бесспорном суверенитете Китая над спорными островами ЮКМ, а традиционная 9-ти пунктирная линия уже не упоминается⁸⁴.

Чтобы отсечь всякие претензии со стороны Пекина в 2017 г. в новой обновленной национальной карте Индонезии часть ЮКМ была переименована в «море Натуна», что встретило протесты со стороны Китая, который заявил, что две страны имеют взаимные морские претензии, но действия Джакарты, не меняя ничего, лишь усложнили ситуацию. Индонезия как обычно ответила, что не претендует на острова Спратли и не признает наличия каких-либо проблем с Китаем. Тем не менее, в апреле 2018 г. было принято решение о наращивании в районе архипелага Натуна военного потенциала, включая флот, авиацию и сухопутные войска.

Твердая позиция Джакарты определяется и тем, что в районе архипелага Натуна находятся большие запасы

природного газа и обширные рыбные угодья. Индонезия создавала военно-морскую базу на о. Натуна Бесар, чтобы защититься от «назойливого Китая», на что министерство обороны планировало выделить 200 млрд рупий⁸⁵. Это самая большая территория суши в архипелаге Натуна, там находятся части морской пехоты. База была открыта в середине декабря 2018 г. Оружие, размещаемое на ней, основано на ракетных комплексах американского производства, продажу которого одобрили США в 2016 г. Создание базы, безусловно, укрепило позиции Индонезии и, когда вокруг островов Натуна в конце 2019 г. снова обострилась обстановка, Видодо заявил журналистам: «нет никаких переговоров, когда речь идет о нашем суверенитете» и подтвердил, что отправит в район дополнительные военные корабли. Вскоре официальный представитель МИД Китая Гэн Шуан заявил, что «Пекин открыл дипломатические каналы» с Индонезией и подчеркнул, что «обе страны несут ответственность за поддержание регионального мира и стабильности»⁸⁶. При этом в резком обострении обстановки не заинтересована ни одна из сторон. И Джакарта и Пекин стараются характеризовать столкновения в районе Натуна как «недоразумения». Ведь по согласованным планам «сопряженный маршрут, который станет частью китайского «пояса и пути», а точнее его «Морского Шелкового пути» и индонезийской «Морской оси», пройдет через территориальные воды и порты Индонезии по Зондскому проливу между островами Ява и Суматра в Индийский океан. Важность этого для Китая в том, что это второй путь из Тихого океана в Индийский, менее загруженный, нежели Малаккский пролив и к тому же там нет такого присутствия американского флота занятого сдерживанием Китая. Для Пекина безопасность поставок нефти с Ближнего, Среднего Востока и Африки – задача жизненно важная.

Вполне естественно, что Китай готов вложиться в канал КРА, который планируется проложить по территории южного Таиланда через перешеек Кра, чтобы соединить таким образом Тихий и Индийский океаны в обход Малаккского пролива. В день через Малаккский пролив через порт Сингапур проходит 600 судов и перевозится более 15 млн баррелей, что в годовом исчислении соответствует 17% мирового производства нефти. Сингапурский порт уступает только шанхайскому. Малаккский пролив связывает Южно-Китайское море Тихого океана с Андаманским морем в Индийском океане. Самое узкое место Малаккского пролива имеет ширину 2,5 км и в случае чрезвычайных обстоятельств он может быть перекрыт, поставки грузов прерваны, а ВМФ разных стран просто окажутся запертыми с учетом американо-китайского соперничества в регионе.

В Таиланде еще в 1980-е годы стала активно обсуждаться идея строительства канала через перешеек Кра фактически параллельного Малаккскому проливу, что в то время встретило поддержку со стороны США (покровителя королевства). Канал соединил бы Андаманское море Индийского океана и Сиамский залив Тихого океана и способствовал бы ускоренному развитию экономики Таиланда. Согласно современному проекту предположительно длина может составить более 100 км, ширина 400 м, глубина 25 м. На строительство ориентировочно отводится 10 лет, а предварительная стоимость составила бы от 20 до 30 млрд долл. И сторонников, и противников проекта немало как в самом Таиланде, так и в ЮВА и странах других регионов (правительство Индонезии высказалось одобрительно, Сингапур негативно, Малайзия после возвращения к власти Махатхира Махамада отказалась от финансирования строительства, против, прежде всего, США, так как в результате строительства канала КНР по-

лучит свободу маневра). Китай готов финансировать (кредитовать) строительство канала и предоставить инженерную помощь, рабочую силу, так как у него появляется альтернативный маршрут из одного океана в другой, на котором не будет такого жесткого американского контроля и военного присутствия. Если же Таиланд «не потянет» этот проект, то Пекин готов взять его в лизинг на 99 лет. Поэтому китайские эксперты призывают Таиланд не терять время и немедленно приступить к разработке технико-экономического обоснования на пути реализации мечты, которая появилась в Таиланде еще 300 лет назад⁸⁷. Но США категорически против, и тайцы опасаются оказаться между Китаем и Америкой, стремящейся и далее безраздельно господствовать в Тихом и Индийском океанах. Дублер Малаккского канала открыл бы ВМС КНР дополнительные возможности по обеспечению безопасности морской торговли и гарантированных бесперебойных поставок сырья и энергоресурсов. Как отмечает Е.А. Фомичева, рано или поздно Таиланд одобрит строительство канала с Китаем как основным инвестором⁸⁸.

Этот канал мог бы стать еще одним рукавом, параллельным Малаккскому для китайского МШП. Поскольку важнейшей задачей «Морской оси» является модернизация индонезийских портов и всей морской инфраструктуры, которая свяжет крупные и мелкие острова архипелажного государства, то встраивание в китайский МШП будет достаточно органично.

Вызывает подозрение лишь чрезмерная превалированность в этом всем экономических интересов самого Пекина и его стремление «встроить» в эту помощь и проекты китайскую рабочую силу и подключить как можно больше китайских производителей и техники, сдвинуть туда свои грязные производства. И конечно, прежде всего, строить то, что важно для самого Китая сейчас и на пер-

спективу. Снова бизнес и ничего лишнего. Залогом успешности китайской бизнеса является «мягкая сила» и вообще помощь КНР, (хотя она и не так масштабна, как американская), преимуществом которой является, как справедливо отмечает А.С. Королев, фактически полное отсутствие ее обусловленности вопросами с демократизацией, правами человека, характером реформ и вообще трансформацией стран-реципиентов в ту или иную сторону. Практически ничего связанного с идеологией⁸⁹. Ничего кроме бизнеса.

Американо-китайское соперничество, американский план ИТР, куда включены и страны ЮВА, но нет Китая, заставляют Пекин активизировать усилия по реализации своего проекта, который в этих условиях объективно становится альтернативой Вашингтонским планам. Кроме того МШП – это комплексный геополитический проект КНР, направленный на укрепление экономических, политических и военных позиций Китая в ареале маршрута этого пути и как шаг к расширению его влияния в мире в целом. Предусмотрена скупка и модернизация старых портов и строительство новых на пути от ЮКМ до стран Ближнего Востока и Африки. Пока же идет период адаптации стран, расположенных по маршруту МШП, к этому проекту. По оценке авторов коллективной работы ИМЭМО, реализация МШП XXI века, как ожидается, будет одним из ключевых инструментов достижения Пекином глобального лидерства⁹⁰. Но перед этим, прежде всего, следует обеспечить надежный старт этого маршрута, который начинается в ЮКМ.

Проблемы пиратства, транснациональной преступности, необходимость совместных усилий по сохранению окружающей среды и предотвращению стихийных бедствий – все это требует совместных усилий стран АСЕАН и КНР, которые могут быть прописаны в Кодексе поведе-

ния сторон в ЮКМ. Г.М. Локшин считает решения саммита АСЕАН-КНР в Маниле осенью 2018 г. о разработке рамочного проекта Кодекса поведения сторон в ЮКМ в 2021 г. успехом Пекина⁹¹. Китай согласился отойти от двусторонних контактов и пошел на соглашение с АСЕАН как с блоком, а асеановцы смягчили критику его политики в регионе. Сейчас лишь Вьетнам – непримиримый оппонент Китая. Что касается Джакарты, то хотя она и переименовала часть ЮКМ в «море Северная Натуна», дальше лишь формального обозначения его границ, за которые Китаю не следует заходить, не пошла, правда, подкрепив свое решение важным компонентом в виде военной базы.

Военное строительство КНР на ряде островов ЮКМ уже достигло, как отмечают эксперты «точки невозврата» и Пекин лишь укрепляет статус-кво, чтобы превратить ЮКМ в часть МШП под своим контролем⁹². Что же касается гражданского аспекта, то у Китая в акватории ЮКМ самая большая в мире морская милиция.

Китай будет жестко отстаивать свои энергетические интересы не только потому, что они внушительны (запасы нефти заменяют 5-летний импорт сырой нефти Китая, а запасы газа – импорт более чем за 100 лет) так как КНР претендует на все запасы углеводородов⁹³. Г.М. Локшин и ряд других исследователей отмечают, что Китаю Кодекс не нужен вообще, что ему удастся и далее сохранять текущий статус-кво в этом вопросе⁹⁴. Однако ситуация меняется, и если Пекин рассчитывает на успех МШП, то какой-то вариант компромиссного документа будет необходим, так как Будущее «будущего Китая» – это реализация концепции «пояса и пути» и, прежде всего, в его морском исполнении, как уже достаточно продвинутом и наиболее важном.

Вряд ли в районе ЮКМ законсервируется нынешняя биполярная система противостояния США и КНР. В исто-

рии не может быть вечных великих держав, тем более единого гегемона. Г.М. Локшин отмечает, что баланс будет меняться в пользу КНР, которая уже сместила США с места главного торгового партнера АСЕАН. Он считает, что трамповская концепция ИТР еще остается достаточно сырой, а сами США, до сих пор не ратифицировавшие Конвенцию ООН 1982 г., не могут по своему усмотрению определять степень свободы судоходства в морях⁹⁵. Более того, позиция нового американского президента-демократа Байдена в отношении к трамповской концепции ИТР не ясна.

Китай рассматривает доктрину ИТР как направленную против себя, и всячески стремится оттянуть страны региона от США, и сам будет сдерживать их сотрудничество с Америкой как экономическое, так и, особенно, военное. Японская газета «Иомиури» 13 ноября 2018 г. отмечала, что руководство Китая потребовало от стран АСЕАН заранее получать от Пекина согласие на проведение совместных военных учений в ЮКМ со странами не входящими в этот регион. Китай активен в защите своих, как он заявляет, «законных национальных интересов». США со своей стороны всячески препятствуют расширению ВТС Индонезии и стран Ассоциации с КНР. В экономическом же плане США продолжают утрачивать в Индонезии свои позиции. В этих условиях сторонники большей самостоятельности и автономности Индонезии в реализации национальной концепции «морской оси» прекрасно понимают, что у страны на ближайшие десятилетия не будет финансово-экономических и технологических возможностей самостоятельно создать ее, и у КНР, которая первой заявила о готовности «вложиться», безусловно, есть преимущества. И очевидно, Америке не удастся «перехватить инициативу».

Она традиционно слишком обременена военно-политическим подходом в своих отношениях даже с госу-

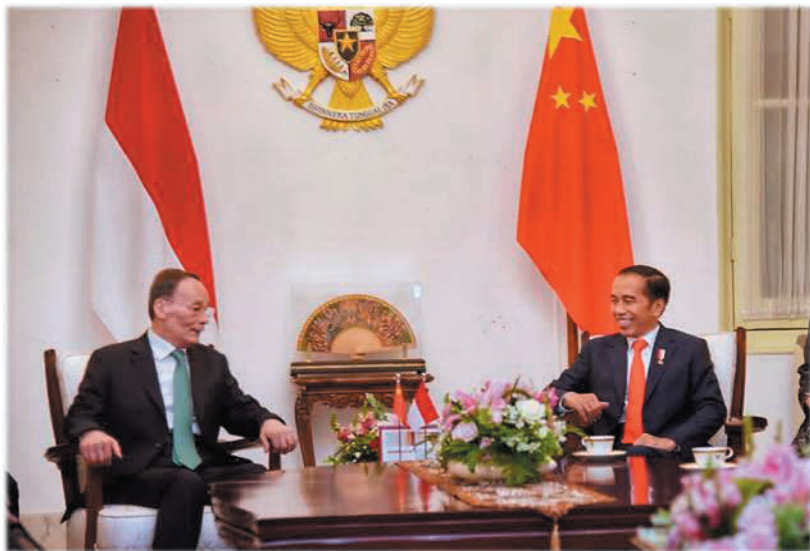
дарствами, которые с ней тесно связаны. Пекин же не выдвигает никаких идеологических или политических условий, прекрасно понимая, что решив геоэкономические проблемы, он автоматически получит и геополитические дивиденды.

Индонезия играет чрезвычайно важную роль в экономической стратегии Морского шелкового пути, в связи с чем Индонезия привилегированный партнер Поднебесной, которая очень активно начала создавать инфраструктуру в этой островной стране.

Первый проект – высокоскоростная железнодорожная магистраль Джакарта – Бандунг начал реализовываться еще до появления коронавируса. Планировалось увеличить протяженность ж/д сети на 9 тыс. км в ближайшие годы. Китай заявил об участии в сооружении 24 морских портов из запланированных 35, а также 15 аэропортов. Еще одной структурной сферой было намечено строительство 1 тыс. км автомобильных дорог, а в области энергетики создание сети мощных электростанций⁹⁶. И на этом число совместных проектов не заканчивалось, сотрудничество неуклонно расширялось, до того как пандемия не приостановила его.

Осенью 2019 г. по поручению китайского партийно-государственного лидера Си Цзиньпина заместитель Председателя КНР Ван Цишань совершил визит в Индонезию в связи с инаугурацией избранного на второй президентский срок Джоко Видодо. По итогам визита стороны особо отметили следующее: 1. КНР высоко оценивает усилия президента Дж. Видодо по продвижению индонезийско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства, его активную поддержку и участие в сопряжении инициативы «пояс и путь» со стратегией развития Индонезии. 2. Президент Индонезии заверил, что его новое правительство намерено и дальше укреплять двусторон-

ние отношения, содействовать сопряжению двух концепций и интенсифицировать взаимодействие по региональному экономическому коридору. Вступающий на пост вице-президента Мааруф Амин, принимая китайского гостя, назвал Китай «искренним стратегическим партнером Индонезии» и призвал Пекин расширять торговлю и наращивать китайские инвестиции. А покидающий пост вице-президента Юсуф Кала на встрече с Ван Цишанем отметил исторический аспект китайско-индонезийских отношений, особо подчеркнув, что обе страны являются хранителями культуры и традиций восточных цивилизаций и одновременно важными участниками «Группы 20»⁹⁷.

Ван Цишань и Джоко Видодо. Фото: ИА Синьхуа

Итоги визита Ван Цишаня закрепили китайский прорыв на индонезийском направлении как в плане геоэкономики, так и геополитики, так как Китай усилил свои позиции в важной зоне океанического маршрута «пояса и пути», а также диверсифицирует коридоры этого марш-

рута, значительно повышая уровень его безопасности, так как маршрут пройдет через территориальные воды и порты Индонезии по Зондскому проливу между Явой и Суматрой, который может выступать как определенная альтернатива Малаккскому проливу, омывающему Малайзию, Сингапур и индонезийский остров Суматру.

В ходе переговоров в КНР с министром иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди ее китайский коллега Ван И, указав, что в 2020 г. отмечается 70-летие дипломатических отношений между двумя странами, заявил, что Китай готов вместе с Индонезией содействовать достижению еще больших успехов в двусторонних связях. Он подчеркнул, что китайская сторона поддерживает свои предприятия во всестороннем развертывании сотрудничества с Индонезией в области разработки и использования вакцин. Стороны договорились создать «скоростной канал» для оказания помощи в обоюдном экономическом восстановлении. Он заявил о готовности китайской стороны совместно со странами АСЕАН обеспечить подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) и скорейшее заключение Кодекса поведения сторон в ЮКМ. Ретно Марсуди отметила, что Индонезия полностью согласна поддерживать позитивные двусторонние связи, готова в течение года подписать совместно со странами АСЕАН соглашение о ВРЭП и скорейшем заключении Кодекса, а также совместными с Китаем усилиями обеспечить мир и стабильность в ЮКМ⁹⁸. Также Ретно Марсуди заявила, что 2020 г. станет важным импульсом для укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран. Юбилей был отмечен в обеих странах новыми визитами на высоком уровне и дальнейшими планами упрочения всестороннего сотрудничества, за счет оживления глобальных планов двух государств.

Пекинская концепция «пояса и пути» в ее морской части практически синергична джакартской «Индонезия – глобальная морская ось», будущее двух стран неразрывно связано с морем, морские маршруты для них – наиболее выгодные логистические цепочки. Заявление Си Цзиньпина в июле 2013 г. о том, что «в 21 веке океаны и моря будут играть всё возрастающую роль в экономическом развитии нашей страны и ее открытия внешнему миру», так созвучно индонезийскому еще сукарновскому – «в море наше величие»⁹⁹.

Но в море надо работать. Параг Кханна в книге «Используй это или теряй» выдвигает интересный тезис о том, что в XXI веке пробивает себе дорогу новый экономический движитель – спрос и поставки, а не суверенитет. При созданных логистических цепочках, опоясавших континенты, реально господствует не тот, кто владеет территорией, акваторией или претендует на них, а тот, кто это все реально использует, управляет или как бы взял в лизинг¹⁰⁰. Ни земля, ни водные пространства фактически не являются богатством, если они не используются. Богатеет и развивается тот, кто их разрабатывает. Чтобы эти логистические цепочки не прерывались, нужны контролируемые морские пути. И Китай не откажется от своего патронажа над ЮКМ или господствующего там положения в той или иной форме, вплоть до договорно-компромиссной со странами Ассоциации при незначительных им уступках.

При Видодо значительно расширился диапазон и военно-технического сотрудничества Индонезии с Китаем, стремительно наращивающим свой военный потенциал. Раньше Индонезия и мысли не допускала о возможности совместных маневров с КНР. Но уже в октябре 2018 г. наблюдатели из Индонезии, Камбоджи, Малайзии и Мьянмы присутствовали в китайской провинции Гуандун

на первых совместных военно-морских учениях армий Китая и стран АСЕАН. (Свои корабли направили ВМС Брунея, Вьетнама, Китая, Сингапура, Таиланда и Филиппин.)

Джакарта делает упор на закупки у КНР морского вооружения в рамках своего курса «Индонезия – морская ось мира». Расширение ВТС с КНР – это и своего рода свидетельство, и сигнал о степени дружественности отношений между двумя странами. Недалеко, очевидно, и то время когда Индонезия из наблюдателей перейдет в разряд участников маневров и учений с КНР как в рамках АСЕАН, так, возможно, и на двусторонней основе, поскольку военные контакты продолжают расширяться.

Министры обороны Индонезии и Китая провели встречу в Пекине 17 декабря 2019 г. Китайский министр Вэй Фэнхэ отметил, что две страны являются важными соседями с разнообразными общими интересами и широкими перспективами сотрудничества. Стороны обсудили вопросы совместной подготовки и обучения персонала. Прабово заявил, что Индонезия уделяет приоритетное внимание развитию отношений с Китаем и хочет укрепить двустороннее партнерство в различных областях, включая оборону и безопасность¹⁰¹.

9 сентября 2020 г. по заявлению индонезийской стороны состоялся визит в Джакарту министра обороны КНР Вэй Фэнхэ, в ходе которого были обсуждены вопросы двустороннего сотрудничества в области обороны. Китайский министр отметил, что две страны являются важными соседями и с момента пандемии оказали друг другу помощь и поддержку. Они обе преодолевают все невзгоды, что отражает дружеский и добрососедский характер их взаимоотношений. Сторонам следует сообща двигаться вперед, углублять и расширять сотрудничество в различных областях и содействовать устойчивому и долгосроч-

ному развитию двусторонних отношений. Он призвал повышать уровень сотрудничества в области обороны и безопасности и прилагать усилия для дальнейшего развития двусторонних отношений.

Прабово Субианто поблагодарил китайскую армию за помощь, оказанную Индонезии в борьбе с пандемией. По его словам, Индонезия придает большое значение отношениям с Китаем и прилагает усилия для их дальнейшего укрепления. Индонезийская армия намерена совместно с китайской расширить практическое сотрудничество в таких областях как взаимные визиты представителей различных организаций, совместная подготовка, снаряжение, технологии, чтобы способствовать непрерывному развитию отношений между армиями обеих стран¹⁰². Пресса отмечала, что этот визит станет частью усилий Пекина по уравниванию влияния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно на фоне напряженности в ЮКМ¹⁰³.

Все это явилось реальным ответом на Индо-Тихоокеанскую концепцию Трампа, которую Китай рассматривает как угрозу его блокирования американскими флотами, с Востока и с Запада и будет сдерживать страны АСЕАН от поддержки этой доктрины и расширения в ее рамках прежде всего военного сотрудничества с США, как отмечает российский исследователь Г.М. Локшин¹⁰⁴. Критиковать концепцию ИТР как Пекин Джакарта не стала, и поэтому Видодо уже в ноябре 2018 г. на саммите АСЕАН в Сингапуре предложил Китаю практически присоединиться к ней, чтобы действовать заодно со странами Ассоциации уже в рамках реализации этой концепции, которая при Трампе становилась реальностью¹⁰⁵.

С учетом проблемы безопасности в регионе у АСЕАН и КНР, очевидно, не было другого выбора кроме как вместе реагировать на эти события. Президент Индо-

незии высказался за сотрудничество АСЕАН и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, так как концепция не изолирует страну от международных отношений и сотрудничества. Он выразил надежду, что Китай станет партнером Ассоциации в морском секторе, в том числе в области морской безопасности в Тихом и Индийском океанах и в сфере борьбы с загрязнением морской среды¹⁰⁶. Практически Джакарта за формальное присоединение к ИТР и реальное встраивание в китайский МШП и Восточно-азиатское региональное партнерство (ВРЭП), в котором АСЕАН выступает как центр.

Торговая война между США и Китаем, конечно, влияет на внешнеэкономические связи Индонезии, тем не менее, Китай в сфере экономики, торговли и инвестиций остается одним из главных партнеров Джакарты. В рамках проекта «Один пояс – Один путь» объем китайских инвестиций в индонезийскую транспортную структуру в 2019 г. составил 6 млрд долл., что считается недостаточным для роста транзита через Индонезию, нужны ресурсы как внутренние, так и иностранных инвесторов.

Китай первым предложил индонезийцам роль не послушного сателлита, а партнера по региональному переустройству, у которого имеется и глобальная проекция. Это свидетельство особой роли Индонезии в ИТР на магистральных путях транзита из одного океана в другой. Индонезийский проект органично сопрягается с китайским. Транспортная составляющая свяжет острова индонезийского архипелага, укрепит национальный суверенитет, создаст единую хозяйственную структуру. Пекин и Джакарта все чаще и конкретнее обсуждали ход выполнения договоренностей по сопряженности отдельных участков МШП и индонезийской «морской оси».

С 21 по 23 марта 2020 г. Заместитель главы Государственного комитета по делам развития и реформ КНР

Нин Цзичжэ прибыл с визитом в Индонезию, где провел две отдельные встречи с министром-координатором по морским ресурсам и инвестициям Лухутом Панджаитаном и министром госпредприятий с целью усиления сопряжения стратегии развития и содействия деловому сотрудничеству. Китайская делегация на месте изучила ситуацию со строительством высокоскоростной железнодорожной магистрали Джакарта – Бандунг, а также проект сотрудничества в сфере науки и образования в провинции Бали. Нин Цзичжэ и Панджаитан сопредседательствовали на первом заседании китайско-индонезийской объединенной комиссии по сотрудничеству в рамках инициативы «Региональный комплексный экономический коридор». Стороны обменялись мнениями по сотрудничеству в совместном строительстве «поояса и пути» и «Регионального комплексного экономического коридора», а также в сфере производственных мощностей и по другим важнейшим проектам, включая ключевые порты и промышленные зоны¹⁰⁷.

ЮВА в рамках концепции МШП стала важнейшим ближним зарубежьем и мягким подбрюшьем для Китая, укрепление отношений с которым усиливает безопасность страны и может служить опорной точкой для продвижения КНР на запад до африканского континента. Сделать этот путь безопасным и экономически эффективным и должна китайская «дипломатия добрососедства». Но у Джакарты, поставившей при Видодо такие амбициозные цели, нет достаточных ресурсов и средств, чтобы реализовать их, а Китай уже частично реализует проекты «морской оси» Индонезии, при этом не выдвигает политических или идеологических условий. Однако свои требования к продолжающемуся сотрудничеству внес коронавирус. Н.Г. Рогожина отмечает, что обещание превратить Индонезию в одну из крупнейших экономик мира зависит

сейчас от того, насколько быстро страна восстановится и насколько эффективно власти справятся с кризисом¹⁰⁸.

Министр иностранных дел Ретно Марсуди заявила в апреле 2020 г., что Индонезия и Китай помогают друг другу в преодолении вызовов, связанных с COVID-19. Страны сотрудничают с самого начала вспышки эпидемии. Китай помог стране в эвакуации ее граждан из Уханя в феврале 2020 г., а Индонезия предоставила Китаю медицинские средства. КНР оказала помощь оборудованием для тестов, комплектами индивидуальной защиты, аппаратурой искусственной вентиляции легких. Без такого сотрудничества индонезийцам было бы гораздо сложнее бороться с вирусом, – отметила она. В Индонезию уже было отправлено 3 млн доз китайской вакцины Sinovac на сумму в 3,5 млрд долл. и обсуждалась возможность отправки еще 15 млн доз¹⁰⁹.

В условиях поразившей практически все страны мира пандемии ряд обозревателей скептически оценивают перспективу строительства инфраструктуры по маршруту МШП, отмечая, что часть проектов уже заброшена. Так в «Независимой Газете» от 20 марта 2020 г. В. Скосырев пишет, что китайский проект заморожен, поскольку COVID-19 развеял мечту Поднебесной стать первой державой мира. Планы строительства застопорились. Пекин в первую очередь сохранит только те проекты, которые выгодны и необходимы прежде всего ему. В первую очередь это коснется стран ЮВА и особенно Индонезии, где работы уже приостановлены, а китайские специалисты пока не могут вернуться на стройки. Многие обозреватели полагают, что эпидемия не нанесет смертельного удара по «поясу и пути», но вынудит страны-реципиенты по-новому оценивать риски, связанные с ускоренной интеграцией и ростом экономической зависимости участников МШП от азиатского гиганта.

Возможности партнеров КНР оплачивать стройки значительно уменьшились, а Пекину приходится все больше средств тратить на наведение порядка у себя в стране. В итоге иностранные инвестиции Китая сократились более чем на 40%. Тем не менее, по оценке экономистов жизненно важные для КНР проекты выживут. Они прежде всего связаны с энергоресурсами, сельским хозяйством, металлом и пр.¹¹⁰.

Китайский «морской шелковый путь» и «индонезийская морская ось» уперлись в пороги коронавируса. Чтобы их преодолеть нужно выйти из зоны пандемии и новые капиталовложения, чего в КНР пока хватает. Проблема скорее уже в его партнерах по МШП. В отношении Китая сохраняется оптимизм. Да, кризис все задержал и даже немало отменил, но со временем все оживет, хотя, возможно, в урезанном масштабе.

Но даже в условиях пандемии свои территориальные претензии в ЮКМ Пекин урезать не собирается, хотя его действия в отношении других претендентов на острова все более дифференцируются. Д.В. Мосяков отмечает, что Китай как только оправился от пандемии сразу же продемонстрировал на примере отношений с СРВ, что не отказывается от контроля над 80% акватории ЮКМ и лишь признание этого даст его соседям шанс на ловлю рыбы и исследовательские работы на газ и нефть. Причем все это возможно только в сотрудничестве с ним¹¹¹. Давление на Вьетнам по-прежнему сильное, что ставит под вопрос принятие Кодекса, ориентировочная дата чего была согласована еще в 2018 г., когда КНР и страны АСЕАН заявили о своей готовности разрешить с помощью Кодекса Поведения сторон в ЮКМ конфликтную ситуацию.

После саммита АСЕАН – КНР в Сингапуре в ноябре 2018 г. премьер Китая Ли Кэцян заявил, что переговоры между КНР и АСЕАН о заключении Кодекса поведения

сторон в ЮКМ будут завершены в течение трех лет. Он отметил, что Китай и АСЕАН совместными усилиями смогли стабилизировать обстановку в ЮКМ и должны воспользоваться этим моментом, чтобы добиться существенного прогресса в переговорах по Кодексу на основе принятого единого проекта, который свидетельствует о том, что стороны достигли консенсуса по вопросу поддержания мира и стабильности, свободы полетов и навигации в Южно-Китайском море. Он подчеркнул, что это не только принесет выгоду АСЕАН и Китаю, но и станет стимулом развития свободной торговли, что в интересах всех сторон.

При этом премьер КНР подчеркнул, что консультации по Кодексу могут в значительной степени ускориться, если исключить вмешательство извне и установить региональные правила, которые будут всеми уважаться и тем самым доказать, что Китай и АСЕАН сами смогут поддерживать мир, стабильность и порядок¹¹². Министр обороны Китая Вэй Фэнхэ во время визита в Джакарту в сентябре 2020 г. отметил, что ситуация в ЮКМ в целом остается стабильной благодаря усилиям КНР и стран АСЕАН. КНР, будучи региональной державой и соседом Индонезии, рассчитывает на расширение диалога и консультаций с Джакартой, на совместную защиту мира и стабильности в ЮКМ¹¹³. Применительно к Индонезии по вопросу ЮКМ Китай занимает особую позицию. В отношении же ее соседей, выдвигающих свои претензии на спорные острова Пекин ввел закон, который разрешает китайской береговой охране открывать огонь по иностранным кораблям, которые заходят в ЮКМ и уничтожать сооружения и здания, построенные другими государствами на рифах в спорных зонах. В этой связи МИД Индонезии заявил, что данный закон не может применяться в индонезийской морской зоне. Создается впечатление, что Китай стремится

ся изолировать Индонезию от членов АСЕАН, непосредственно втянутых в конфликт с КНР по спорным островам.

Бесспорно, что будущее китайского мегапроекта тесно связано с отношениями КНР с АСЕАН, смягчением остроты спорных вопросов в ЮКМ, что повлияет на отношения Джакарты с Пекином. Кодекс вряд ли будет принят в установленные сроки по причине не только пандемии, но и ужесточающейся позиции Пекина, который официально использует тайм-аут включительно до 2021 г., а на деле в современных условиях, срок очевидно будет пролонгирован. Вместе с тем не исключено, что восстанавливающему свои позиции на маршруте «пояса и пути» Китаю придется учитывать интересы прибрежных стран АСЕАН в урегулировании территориальных споров в ЮКМ, поскольку, как отмечают российские исследователи А.А. Забелла А.А. и Е.Ю. Каткова, периферийная дипломатия Китая, то есть отношения его как центра с окружающими странами – это одно из главных и традиционных направлений его внешней политики. Однако с Индией, Японией и Южной Кореей китайская «дипломатия добрососедства» не столь эффективна как со странами ЮВА, и не случайно премьер-министр КНР Ли Кэцян подчеркивает, что «Китай всегда считал АСЕАН направлением своей периферийной дипломатии»¹¹⁴. Но Китаю чтобы выйти в «большой свет» требуется, прежде всего, пройти через периферийную зону путем диалога и консультаций, приглушить разногласия и споры. Потому ключом к процветанию и стабильности в регионе, по мнению Пекина, является построение единого интеграционного сообщества стран региона АТР. В Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эру», опубликованной в 2019 г., используется старый термин АТР, вместо ИТР, введенного в оборот с подачи Трампа четверкой стран в Маниле в 2017 г. Пекин делает упор на то, что страны ЮВА и КНР все бо-

лее осознают себя членами «сообщества единой судьбы», стремящимися к достижению стабильности, обеспечения национальной региональной безопасности. Ключом к процветанию и стабильности в регионе, по мнению Пекина, является построение единого интеграционного сообщества¹¹⁵.

Как отмечает Д.В. Мосяков, по сравнению с ИТР Пекин предложил странам ЮВА тщательно разработанный и экономически выгодный проект «Один пояс – один путь» в то время как четверка во главе с США не имеет для своей еще не очень четкой концепции ни таких денег и ни такой же, как у Китая политической воли, единства и определенного плана действий¹¹⁶.

В ноябре 2020 г. на саммите АСЕАН 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона включая 10 членов Ассоциации, Китай, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию, подписали крупнейшее в мире региональное соглашение о свободной торговле – РСЕП. На эти страны приходится почти треть населения планеты – 2,2 млрд чел. и 26 трлн долл. мирового ВВП. Специалисты отмечали, что Пекин никогда не возглавлял эту организацию. Это во многом было асеановское детище, но когда соглашение вступит в силу, Ассоциации будет трудно оставаться у руля. Рулить будет Китай¹¹⁷.

Вместо Заключения

*Пока Орел в облаках витает,
на земле Дракон сил набирает.*

Индонезия, как крупнейшая страна ЮВА, ведущее государство в АСЕАН, располагающее огромными природными ресурсам, морской акваторией и водными артериями, крупнейшее в мире мусульманское государство, занимающее в регионе важнейшее геостратегическое по-

ложение – в силу этих факторов не может не претендовать на одно из ключевых мест на китайской и американской азиатских «шахматных досках».

Джоко Видодо, ставший президентом Индонезии осенью 2014 г., практически в завершающий период второго президентства Барака Обамы, стремился сохранить тесные отношения с Вашингтоном. Успешно развивались политические контакты, торгово-экономическое сотрудничество и ВТС. Белый Дом, выступивший с амбициозной концепцией Транс-Тихоокеанского партнерства, не скрывал своей заинтересованности в присоединении к нему крупнейшей страны ЮВА, лидер которой дал предварительное согласие на это и приветствовал курс США на перестройку в АТР. Обама поддержал морские амбиции Видодо, рост влияния Индонезии в регионе и на международной арене. Однако к концу 2015 г. Джакарта отказалась от идеи вступить в ТТП в связи с неготовностью к этому своей экономики.

Более привлекательным для Индонезии оказался китайский проект Морского шелкового пути, предложенный китайским лидером Си Цзиньпином в его речи в индонезийском парламенте еще в 2013 г., который не требовал скорейшего жесткого реформирования экономического курса страны, что заняло бы много времени, а практически сразу же включал ее в китайский проект как активнейшего участника.

Свое президентство Видодо рассматривает как шанс ускорить экономическое развитие, понимая, что этого можно скорее добиться, укрепляя всесторонние связи с Китаем в рамках сопряженности национальной индонезийской концепции «глобальной морской оси» с китайским мегапроектом «один пояс – один путь» и, прежде всего, его морской составляющей – Морским шелковым путем, у которого не оказалось конкурентов, поскольку

пришедший вскоре в Белый Дом Дональд Трамп вообще отказался от обамовского ТТП и значительно ужесточил торгово-экономический курс страны.

Индонезию, у которой традиционно было положительное сальдо в торговле с США, Трамп «вывел» из числа развивающихся государств и лишил торговых привилегий, которыми она до этого пользовалась, повысил пошлины, что привело к сокращению экономического сотрудничества и объективно усилило тягу Индонезии к МШП и ВРЭП, где Китай объективно может занять ведущие позиции.

Вашингтон, оказывая на Джакарту беззастенчивое экономическое и политическое давление, стал активно вмешиваться в отношения Индонезии с Китаем и Россией в вопросах военно-технического сотрудничества.

Джакарта полагает, что в условиях острого американско-китайского соперничества будет вполне достаточно проведения с американцами совместных военных учений. Индонезия осуждала политику Трампа на Ближнем Востоке, его традиционную поддержку Израиля, перенос израильской столицы из Тель-Авива в Иерусалим, а также решение об ограничении въезда в США граждан из мусульманских стран.

Вывод Трампом Америки из обамовского ТТП лишал США коллективного противовеса экономическому влиянию Китая в регионе и его «поясу и пути». Экономическое ТТП Обамы было заменено военно-политическим ИТР Трампа с его идеей противостояния свободного мира миру репрессивному (куда попал и ряд стран Ассоциации). Трамповская концепция Индийско-Тихоокеанского региона не поддерживалась безоговорочно Индонезией, ввиду ее ярко выраженной антикитайской направленности. В «Видении АСЕАН» данной структуры определяющим направлением названы всеобъемлющий региональный

договор по вопросам экономики и договор безопасности. Кроме того, асеановцы с учетом специфики политических режимов в странах ЮВА, обошли молчанием активно проталкиваемые Вашингтоном проблемы прав человека, демократических принципов и свобод.

В концепции Трампа Индонезии не уделено должного внимания, в то время как в стратегии МШП Поднебесная ставит Индонезию на особое место. Китайский проект практически начинается с водных просторов этого государства-архипелага и через его проливы Китай выходит в Тихий и Индийский океаны.

Упор Трампа применительно к ИТР был сделан на геополитический аспект, в то время как экономическая составляющая явно не удовлетворяла Джакарту. Кроме того Индонезия и АСЕАН в целом оказались на периферии дискуссии по жизненно важному для них вопросу: будут ли США и другие члены «квартета» (*Quad*) координировать свои планы и действия с учетом «Видения АСЕАН».

Американское дипломатическое высокомерие при Трампе во время ряда саммитов АСЕАН, выразившееся, в частности, и в оскорбительно низком уровне вашингтонского представительства, не могло не вызывать антипатий. В отличие от США, Китай всегда присутствовал на встречах в верхах на уровне не ниже министра иностранных дел, следуя не только дипломатическому этикету, но и восточной воспитанности и правилам вежливости.

США и их союзники в рамках трамповской концепции ИТР не собирались координировать свои действия с Индонезией и АСЕАН в целом. А летом 2021 г. новый президент США Байден создал практически антикитайскую англосаксонскую «триаду» (*AUKUS*) со своими союзниками Англией и Австралией в зоне Тихого океана, отойдя от так и не успевшей реализоваться концепции Трампа.

Как трамповская ИТР, так и нынешняя байденовская концепция развития ТО, вытесняют Индонезию из важнейшего геостратегического пространства, роль ее в котором признавалась предшественниками Трампа и фактически отрицается в зоне Тихого океана в рамках англо-саксонского господства при Байдене.

Непредсказуемая американская внешняя политика пугает всех, в том числе и их союзников и партнеров и будоражит весь мир.

Американцы мечутся между различными направлениями и курсами своей внешней политики, начиная с Обамы, в отличие от тщательно продуманного, стратегически перспективного государственного курса пекинского руководства. Бывший посол Индонезии в США Дино Патти Джалал характеризует политику Вашингтона как «лишенную понимания текущей реальности в регионе». Государства ЮВА не боятся «китайкой коммунистической экспансии», чем их пугает Вашингтон, и в то же время, как отмечает обозреватель МЖ Вл. Гулевич, решительно отвергают американскую демократию, угрожающую их национальной самобытности и эффективному сотрудничеству в рамках существующих региональных и международных организаций.

Хотя США выделили Индонезии весной 2021 г. 3,5 млн долл. на борьбу с пандемией и общая сумма помощи достигла 14,5 млн. Индонезия лечится китайским препаратом. Как сообщил Интерфакс, 17 октября 2021 г. президент Индонезии привился китайской вакциной от коронавируса. Кроме того, в рамках стартовавшей массовой вакцинации в стране привились высокопоставленные представители министерства обороны, полиции и служб здравоохранения.

Американские проекты сотрудничества отягощены военно-политическими аспектами в ущерб экономическим, что кардинально отличает их от китайских.

Президент Видодо заявляет, что американская экономика уже утратила свою стабильность. И не случайно Китай и Индонезия отказались от доллара при расчетах между собой. Расчеты будут производиться в национальных валютах Индонезии и Китая – рупиях и юанях. Глава ЦБ Индонезии Перри Варджио выразил надежду, что отказ от доллара при расчетах приведет к росту экспорта Индонезии.

Объем торговли Индонезии и Китая в 2020 г. составил 71,4 млрд долл. США. При этом экспорт Индонезии достиг 31,7 млрд, что превысило на 13,62% показатель 2019 г. а импорт из Китая – 39,6 млрд, что на 11,8% ниже показателей того же года. Для сравнения – объем экспорта из Индонезии в США в 2020 г. составил 18,6 млрд долл.¹¹⁸.

В настоящее время индонезийско-китайские отношения всеобъемлющего стратегического партнерства стали одними из самых значимых двусторонних связей в Азии и оказывают все возрастающее влияние на обстановку в Индо-Тихоокеанском регионе. Важно то, что они имеют перспективную и взаимовыгодную направленность в будущее. В этом гарантия их сохранения и укрепления. Джакарта видит в Китае надежного, ответственного экономического и лояльного политического партнера, а со временем и военно-технического.

По темпам и содержательности сближения с Индонезией Америка значительно отстает от Китая. Так, госсекретарь США Блинкен, принимая в августе 2020 г. в Вашингтоне министра иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди, объявил о запуске стратегического диалога между США и Индонезией, инициатива которого была согласована еще несколько лет назад. В то время как министр

иностранных дел КНР Ван И заявил уже о создании комплексного механизма сотрудничества для претворения в жизнь договоренностей, достигнутых лидерами двух стран. Была поставлена долгосрочная цель формирования китайско-индонезийского сообщества с единой системой торговли и инвестиций, гуманитарном взаимодействии, сотрудничестве на море и в сфере здравоохранения. Индонезийский министр Панджаитан подчеркнул, что создание подобного механизма будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества между странами. Индонезия выражает желание сотрудничать с Китаем с целью ускорения создания «пояса и пути», который «обвяжет» разбросанные индонезийские острова и пройдет по индонезийской акватории. Глава ЦБ Китая, отметив, что Индонезия и Китай вышли на уровень многостороннего стратегического партнерства, заявил, что напряженность, нестабильность и неопределенность во всем мире не изменят отношений между двумя странами. Китай придает большое значение развитию двусторонних отношений и готов работать с Индонезией для достижения благополучия обеих стран и народов.

Сейчас Китай – основной приоритет для государств АСЕАН и ведущей страны региона – Индонезии, как отмечала «Джакарта Пост» еще 14 ноября 2014 г. На наш взгляд, если это еще не свершившийся факт, то явно преобладающая тенденция. В Джакарте понимают, что реализация ее собственных концепций возможна лишь при китайской инвестиционной поддержке, тесной сопряженности с китайским морским шелковым путем. Не воспользоваться такой возможностью, которую предоставляет китайский «пояс и путь», было бы очевидной стратегической ошибкой.

- ¹ The Jakarta Post. 13.11.2014.
- ² Хохлова Н.И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 70-81.
- ³ The Jakarta Post, 08.01.2015.
- ⁴ Antara News, 22.04.2015.
- ⁵ Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia. October 26, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/26/joint-statement-united-states-america-and-republic-indonesia>
- ⁶ Joint Statement by the United States of America and the Republic of ...
- ⁷ Antara News, 27.10.2015.
- ⁸ URL: <https://ireastasia.ru/wp-content/uploads/2020/04/6887288-3x2-940x627-1.jpg>
- ⁹ Соглашение о всестороннем партнерстве между Министерством обороны Индонезии и Министерством обороны США о создании рамочной системы по укреплению военных и экономических связей. URL: <http://treaty.kemlu.go.id/apisearch/pdf?filename=USA-2015-0346.pdf>; www.today.kz/business-and-economy/10625-indonesia-namerena-prisoedinitnya-k-tpp.html
- ¹⁰ The Jakarta Globe, 18.20.2015.
- ¹¹ Другов А.Ю. Индонезия реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития вып. XXXIV, ИВ РАН, 2017, С. 116.
- ¹² Suara Merdeka, 05.04.2017.
- ¹³ Antara, 27.03.2018.
- ¹⁴ Republika.co, 27.01.2017.
- ¹⁵ Suara Merdeka, 07.02.2017.
- ¹⁶ The Jakarta Post, 24.02.2017.
- ¹⁷ The Jakarta Post, 20.04.2017.
- ¹⁸ Republika.co, 24.04.2017.
- ¹⁹ Antara News, 07.04.2017.
- ²⁰ Antara News, 17.04.2017.
- ²¹ Garta News, 07.12.2017.
- ²² Antara News, 30.01.2017.
- ²³ Republika.co. 31.01.2017.
- ²⁴ The Straits Times, 29.01.2017.
- ²⁵ Republika.14.12.2017.
- ²⁶ Republika.14.12.2017.
- ²⁷ Republika. 14.12.2017.
- ²⁸ Antara. 21.12.2017.

- ²⁹ The Jakarta Globe. 20.12.2017.
- ³⁰ Suara Pemdaruan. 04.02.2018.
- ³¹ Suara Merdeka. 24.01.2018.
- ³² Antara. 27.03.2018.
- ³³ Antara. 24.10.2018.
- ³⁴ Другов А.Ю. Индонезийско-американские отношения на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 42, 2019, С. 109.
- ³⁵ The Straits Times. 05.08.2018
- ³⁶ Antara. 08.2018.
- ³⁷ URL: <https://www.aux.ru/news/2020/7/2/214184/>
- ³⁸ Голос Америки. URL: <https://www.golosameriki.com/a/pompeo-promises-cooperation-with-indonesia:m-south-china-sea/5640004.html>
- ³⁹ The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/10/indonesia-rebuffs-us-request-to-host-spy-planes-report/>
- ⁴⁰ Thai PBS World. URL: <https://www.thaipbsworld.com/trump-snubbed-by-asean-in-its-summit-with-us/>
- ⁴¹ Indonesia FM Seeks new Asian treaty to curb conflict // Channel News Asia, 17.05.2013. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/indonesia-fm-seeks-new-asian-treaty-to-cu/677940.html>
- ⁴² National Security Strategy of the United States of America. December 2017 / National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>. P.45
- ⁴³ Астафьева Е.М. Современное состояние конфликта в Южно-Китайском море (2018). Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития №4(41) 2018, С. 205.
- ⁴⁴ Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 43, 2019, С. 45.
- ⁴⁵ Democracy Index, 2018, P. 26.
- ⁴⁶ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения ACEAH, 03.07.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indotikhookeanskiy-region-tochka-zreniya-asean/>
- ⁴⁷ The Star. URL: <https://www.thestar.com/news/world/asia/2020/10/28/pompeo-in-indonesia-renews-china-attacks-as-us-vote-looms.html>
- ⁴⁸ Александр Королёв, Индо-Тихоокеанский регион ...
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Жэньминь жибао, 28/10/2019. URL: <https://Russian.people.com.cn/n320190/1028/c95181-9627049.html>

- ⁵² Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития, № 46, 2020, С. 40.
- ⁵³ Suara Pembaruan.com. 16.09.2014.
- ⁵⁴ Петрова О.Л. Реакция Индонезии на постановлении Гаагского суда по иску Филиппин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 32, ИВ РАН, Москва, 2016, С. 71–72.
- ⁵⁵ The Jakarta Post. 10.11.2014.
- ⁵⁶ The Jakarta Globe. 10.11.2014.
- ⁵⁷ Suara Pembaruan. 23.04.2015.
- ⁵⁸ Kompas. 22.12.2014.
- ⁵⁹ Петр Козьма. Президент Индонезии успешно сыграл на возросших амбициях Китая // URL: <https://politinform.su/23068-president-indonezii-uspeshno-sygral-na-vozrosshih-ambiciyah-kitaya.html>
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ The Jakarta Globe. 29.03.2015.
- ⁶² Петр Козьма. Президент Индонезии успешно сыграл...
- ⁶³ Antara News. 18.09.2015.
- ⁶⁴ Antara News. 11.05.2015.
- ⁶⁵ Петрова О.Л. Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 31, ИВ РАН, Москва 2016, С. 122.
- ⁶⁶ Antara News. 22.05.2015.
- ⁶⁷ Antara News. 23.04. 2015.
- ⁶⁸ Петр Козьма. Президент Индонезии успешно сыграл...
- ⁶⁹ Обзор: стремительно развиваются всеобъемлющие китайско-индонезийские отношения стратегического партнерства // Russian.news.cn, 23.07.2015. URL: http://russian.news.cn/2015-07/23/c_134440696.htm
- ⁷⁰ Петрова О.В. Инцидент в районе Натуна...С. 120.
- ⁷¹ Игнатьев С.В. Юго-Восточная Азия в проекте КНР «Морской шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, ИВ РАН, Москва, 2018, С. 42.
- ⁷² Antara News. 29.10. 2016.
- ⁷³ ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2810914/html>
- ⁷⁴ Antara News. 05.11.2018.
- ⁷⁵ Ли Кэцян провел переговоры с президентом Индонезии Джоко Видодо // China, 08.05.2018. URL: <https://russian.china.com/news/reports/1793/20180508/1279802.html>; Ли Кэцян провел переговоры с президентом Индонезии Джоко Видодо. URL: <https://www.trend.az/world/china/2900200.html>

- ⁷⁶ ИА REGNUM, 18.11.2018.
- ⁷⁷ The Jakarta Globe. 23.03.2015.
- ⁷⁸ The Jakarta Post. 15.06.2015; Журавлева Е.С., Малетин Н.П. ЮКМ – бурное море Тихого океана. МГИМО МИД России, Институт стран Востока, М., 2019, С. 182.
- ⁷⁹ Nasional Republika 27.04.2016; URL: <http://www.southchinassea.com/analysis/593-Thailand-and-the-South-China-Sea-issue.html>
- ⁸⁰ The Diplomat. 09.01.2015.
- ⁸¹ The Jakarta Post. 15.06.2015.
- ⁸² Antara News. 20.11. 2015.
- ⁸³ The Jakarta Post. 23.03.2016.
- ⁸⁴ Игнатьев С.В. Юго-Восточная Азия в проекте КНР... С. 43.
- ⁸⁵ Петрова О.Л. Инцидент в районе Натуна... С. 128.
- ⁸⁶ Индонезия и Китай снова делят Южно-Китайское море, 14.01.2020. URL: <https://fishretail.ru/news/indoneziya-i-kitay-snojva-delyat-yugno-kitayskoe-more-403992>
- ⁸⁷ Фомичева Е.А. Перспективы строительства Тайского канала как транспортного коридора в контексте Индо-Тихоокеанского региона // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 44, ИВ РАН, Москва, 2019, С. 49.
- ⁸⁸ Фомичева Е.А. Перспективы строительства Тайского канала... С. 56.
- ⁸⁹ Королев А.С. Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 37, 2017, С. 59-60.
- ⁹⁰ Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства/ под ред. В. Михеева, В. Швыдко. М.:ИМЭМО РАН, 2017. С 32.
- ⁹¹ Мосяков Д.В., Астафьева Е.М. Конфликт в Южно-Китайском море в системе современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, ИВ РАН, Москва 2018, С. 234.
- ⁹² Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, ИВ РАН, Москва 2019, С. 60.
- ⁹³ Yu Fu. South China Sea: How China Should Address the US-China Dispute // Global Times Mar. 08 2019. URL: <http://www.global-times.cn/content/1139119.shtml>
- ⁹⁴ Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США... С. 67-68.
- ⁹⁵ Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США... С. 65.
- ⁹⁶ ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2760166.html>
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3475918

- ⁹⁹ The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2016/03/maritime-strategy-with-chinese-characteristics>
- ¹⁰⁰ Parag Khanna. Use It or Lose It: China's Grand Strategy undefined and null Board of Contributors, Apr 9, 2016. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/use-it-or-lose-it-chinas-grand-strategy>
- ¹⁰¹ ИА REGNUM, <https://regnum.ru/news/polit/2810914.html>
- ¹⁰² Вэй Фэнхэ провел переговоры с министром обороны Индонезии, 2020-09-09 01:24:56 | Russian.News.Cn. URL: http://russian.news.cn/2020-09/09/c_139353455.htm
- ¹⁰³ ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/8057088.html>
- ¹⁰⁴ Локшин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море...С. 71.
- ¹⁰⁵ ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2518966.html>
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Синьхуа Новости. Russian.News/cn, 2019-03-24.
- ¹⁰⁸ Рогожина Н.Г. COVID-19 в Индонезии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. № 47, ИВ РАН, Москва 2019, С. 65–74.
- ¹⁰⁹ Cn | Russian.News, 23.04.2020.
- ¹¹⁰ Независимая Газета. URL: <http://www.ng.ru/themes/coronavirus/>
- ¹¹¹ Независимая Газета 20.03.2020
- ¹¹² Мосяков Д.В. Обострение обстановки в Южно-Китайском море как вызов Вьетнаму и странам АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 46, ИВ РАН, Москва, 2020, С. 8–9.
- ¹¹³ Китай надеется, что переговоры со странами Юго-Восточной Азии по вопросу Кодекса поведения в Южно-Китайском море. URL: <http://sluzhuotechestvu.info/2018/11/37042/>
- ¹¹⁴ Забелла А.А., Каткова Е.Ю. Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития, № 46, 2020, С. 37.
- ¹¹⁵ Xue Gong. The Belt & Road Initiative and China's Influence in Southeast Asia // RSIS, 01.01.2019. URL: <https://www.rsis.edu.sg/staff-publication/the-belt-road-initiative-and-chinas-influence-in-southeast-asia/>
- ¹¹⁶ Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М., 2019. С. 178, 160.
- ¹¹⁷ Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/413821-strany-azii-dogovorilis-o-sozdanii-krupneyshey-v-mire-zony>
- ¹¹⁸ Trend Economy. URL: https://trendeconomy.ru/data/export_h2?time_period=2020&reporter=Indonesia&trade_flow=Export&commodity=TOTAL

Глава 5. КРИЗИС в МЬЯНМЕ в КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ и МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (АСЕАН, ПЕКИН, ВАШИНГТОН)*

Военный переворот в Мьянме, совершенный 1 февраля 2021 г., аннулирование итогов всеобщих выборов ноября 2020 г., арест законно избранных парламентариев и лидеров Национальной лиги за демократию (НЛД), жестокая расправа с участниками Движения гражданского неповиновения (ДГН), протестующими на улицах городов – все эти события, безусловно, стали большим вызовом не только для народов Мьянмы, но и для соседних стран-участниц АСЕАН, для зарубежных партнеров по бизнесу, а также для Вашингтона и Пекина, для которых кризис в Мьянме стал дополнительным раздражителем.

В сложившейся ситуации не оказалось ни единой выигравшей стороны, а сама Мьянма столкнулась с угрозой полного хаоса и эскалации полномасштабной гражданской войны. Сложившаяся тяжелая ситуация заставила активизироваться все дипломатические круги, имеющие непосредственное отношение к региону или свои геополитические интересы. В поисках выхода из кризиса внешний мир столкнулся с двумя, казалось бы, противоречивыми вариантами решения. Первый – усилить давление на хунту и показать, что нелегитимное военное правление в Мьянме неприемлемо. Второй – не допустить изоляции

* Сведения об авторе: *Симония Аида Алексеевна* – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, *aida.simonia@gmail.com*

страны до такой степени, чтобы она полностью оказалась в руках Китая. КНР – ее крупнейший инвестор и торговый партнер, в 2019 г. на долю Китая приходилось более 30% внешней торговли Мьянмы, что сделало ее одной из стран Юго-Восточной Азии, наиболее зависимых от гигантского соседа на севере.

Эта зависимость является результатом западных санкций в отношении военного правительства, правившего Мьянмой до 2010 г. Новые санкции могут привести к еще большему влиянию Китая.

Помимо этого, кризис в Мьянме поставил перед международным сообществом старый, но не устаревший вопрос: когда демократические ценности сталкиваются с геополитическими интересами, какая сторона должна иметь приоритет? Дипломатия, основанная на правах человека, обычно принимает облик правосудия, но в то же время ей не чужды лицемерие и двойные стандарты. Это видно на примере внешнеполитического подхода США к некоторым странам, в частности, к Саудовской Аравии и Вьетнаму. США долгое время относились к абсолютной монархии Саудовской Аравии как к союзнику и предоставляли ей современные виды вооружений. В рамках стратегии сдерживания Китая США увеличили военные обмены с Вьетнамом, однопартийным *социалистическим* государством. Другой пример – США не являются государством-членом Международного уголовного суда, так как не готовы подвергать своих солдат риску судебного преследования за военные преступления.

Нет ничего невозможного в достижении обеих этих целей, и, по крайней мере, на данный момент администрация президента США Джозефа Байдена, похоже, пытается сделать именно это. США ввели новые санкции в отношении генералитета Мьянмы, но лишь спустя 10 дней с момента переворота.

Не исключено, что администрация Байдена, возможно, посылала некоторые сигналы военным Мьянмы за кулисами. Вашингтон мог разъяснить свою позицию хунте через Японию, Индию, или через Таиланд, которые имеют свои каналы связи с военными соседней страны. Известно, что США неоднократно призывали хунту отменить переворот. Демонстрируя очень жесткую позицию в отношении вооруженных сил Мьянмы, президент Байден также признавал риск того, что Мьянма может обратиться к Китаю, если на нее будет оказано слишком сильное давление. Поэтому из таких соображений вначале администрация президента Байдена ограничила сферу действия первого раунда санкций в основном военным руководством и членами их семей. Ситуация изменилась, когда жесткая реакция военных на протестные выступления привела к большому числу жертв среди манифестантов, лишь после этого США усилили свои санкции.

Попытки АСЕАН повлиять на военное руководство Мьянмы после переворота

В самом неудобном и даже двусмысленном положении оказалась Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), членом которой Мьянма стала в 1997 г. – спустя 30 лет после создания этой организации, т. е. вошла вторым эшелоном вместе с Вьетнамом, Камбоджей, Лаосом. За прошедшие годы АСЕАН несколько раз сталкивалась с непростым выбором линии влияния на своего «проблемного» члена, когда действия правящего в Мьянме военного режима вызывали резкую критику мирового сообщества, и Ассоциации приходилось реагировать на события в этой стране. После спровоцированного нападения на кортеж Аун Сан Су Чжи в центральной части страны в 2003 г.¹ Мьянма под давлением стран-участниц была вынуждена пропустить свою очередь занять кресло предсе-

дателя АСЕАН в 2006 г. После неудавшейся и жестоко подавленной военными «шафрановой революции» в 2007 г. АСЕАН снова оказалась в трудном положении. Продолжающийся с 2016 г. кризис рохинджа также осложнил ситуацию внутри АСЕАН и отношения с Мьянмой. И вот теперь военный переворот, совершенный 1 февраля 2021 года...

Степень давления Ассоциации на руководство Мьянмы всегда сдерживалась согласованными изначально принципами достижения консенсуса и невмешательства во внутренние дела друг друга, закрепленными позднее в уставе АСЕАН, принятом в 2007 г. и ратифицированном в 2008 г. Принцип невмешательства АСЕАН в дела государств-членов стал препятствием на пути урегулирования кризиса в Мьянме и в 2021 г. Устав АСЕАН закрепляет демократию и права человека в числе своих принципов, что подразумевает моральную приверженность каждого государства-члена этим идеалам. Но приверженность правам человека была подорвана тем фактом, что в отличие от Европейского Союза, членство в АСЕАН не основано на требовании, чтобы члены-участницы имели демократические политические системы, соответствующие универсальным ценностям. Кроме того все прошедшие годы в Ассоциации не было единства в подходах к кризисным явлениям в Мьянме. Если «старые» члены организации требовали реальной демократизации бирманского режима, то принятые в середине 90-х годов Вьетнам, Лаос и Камбоджа всегда занимали более осторожную позицию.

Государства – члены АСЕАН всегда использовали различные политические модели. Но в последнее время большинство из них перешли к той или иной форме авторитаризма, с новым акцентом на национальный суверенитет и принцип невмешательства в дела друг друга. В целом государства-члены игнорируют свои обязательства

по поддержанию таких универсальных ценностей, как защита гражданских свобод. Так называемые, по классификации западных политиков, авторитарные государства, которые в настоящее время составляют большинство членов АСЕАН, не могут эффективно критиковать и учить демократии государства – своих единомышленников.

Военный переворот, совершенный в Мьянме 1 февраля 2021 г., стал шоком для АСЕАН, он выявил ее фундаментальные недостатки как сплоченной региональной группировки. Поскольку кризис в Мьянме активизировал азиатско-тихоокеанскую дипломатию, АСЕАН оказалась под давлением, принуждающим ее справиться с кризисом в самом его разгаре. Хотя страны АСЕАН воздержались от введения санкций, тем не менее, некоторые ее члены резко высказались по этому поводу.

Президент Индонезии Джоко Видодо в окружении своих министров зачитывает резолюцию саммита АСЕАН по Мьянме 24 апреля 2021 г. Фото: © AP

Президент Индонезии Джоко Видодо еще 19 марта предложил провести специальный саммит для обсуждения этого вопроса. Малайзия, Сингапур и занимающий кресло председателя АСЕАН Бруней поддержали это предложение. Филиппины искали золотую середину, подчеркивая важность суверенитета Мьянмы, всё-таки выступали за «полное восстановление прежнего статус-кво»

и призывали хунту позволить свергнутому государственному советнику Аун Сан Су Чжи «сыграть свою историческую объединяющую роль».

С другой стороны, четыре страны Индокитая – Камбоджа, Лаос, Таиланд и Вьетнам – четко отдают приоритет принципу невмешательства и ведут себя относительно спокойно, хотя Бангкок заявил, что «серьезно обеспокоен». Лаос, Таиланд и Вьетнам присутствовали в качестве почетных гостей на военном параде в честь Дня вооруженных сил Мьянмы 27 марта – в тот самый день, когда военные учинили одну из самых жестоких расправ с протестантами.

Чрезвычайный апрельский саммит в Джакарте, инициированный Индонезией при поддержке Сингапура, Малайзии и Брунея стал решающим испытанием единства АСЕАН и её способности выступить посредником в кризисе, разделившем блок. Многие критики обрушились на АСЕАН за её бездействие, и крупные державы, включая США и Китай, призвали Ассоциацию взять на себя ведущую роль в посредничестве и разрешении кризиса. Однако попытка АСЕАН как-то урегулировать политический кризис в Мьянме оказалась, на наш взгляд, малорезультативной. Специальный чрезвычайный саммит АСЕАН по кризису в Мьянме, проведенный 24 апреля в Джакарте, оказался непродуктивным. Отсутствие единства во взглядах на ситуацию в Мьянме затрудняет достижение согласия в жестком подходе. Заявление председателя АСЕАН, или принятая резолюция о консенсусе, состоящая из 5-ти пунктов, представляет собой стандартный набор дипломатических клише. Принятый документ содержит:

1. призыв к прекращению насилия и сдержанности;
2. призыв к началу конструктивного диалога между заинтересованными сторонами;

3. решение назначить специального посланника АСЕАН для содействия в переговорах;
4. решение оказывать гуманитарную помощь по линии АСЕАН;
5. решение направить делегацию АСЕАН в Мьянму для встречи со всеми заинтересованными сторонами.

Из документа исчезли требования освободить Аун Сан Су Чжи и всех политзаключенных. Несмотря на то, что Индонезия, Малайзия и Сингапур продолжали настаивать на этом пункте и до саммита и во время его проведения, этот призыв не получил большой поддержки. Лидеры таких ключевых стран АСЕАН, как Таиланд и Филиппины, сославшись на разные причины, лично не присутствовали на саммите, а премьер-министр Камбоджи Хун Сен в своем выступлении даже не упомянул политических узников. Отсутствие этого пункта в опубликованном заявлении председателя саммита, отражает тот факт, что блок, ориентированный на единство, оказался неспособным противостоять одному из своих собственных членов. По окончании саммита даже возникла путаница в заявлениях некоторых лидеров и дипломатов. Выяснилось, что некоторые из них полагали, что итоговая версия резолюции все-таки содержала призыв к освобождению политзаключенных.

Итоги саммита вызвали резкую критику у политиков и экспертов именно в Таиланде. Директор Института безопасности и международных исследований при университете Чуалонгкорна в Бангкоке назвал саммит «отчаянным и запоздалым», который был проведен спустя почти три месяца после переворота, и за это время погибли уже более 730-ти гражданских лиц. Профессор обвинил организацию в том, что она продемонстрировала региональное признание старшему генералу Мин Аун Хлаину и армии Мьянмы в обмен на консенсус из пяти пунктов. Он

подверг критике некоторые пункты этого документа. В частности, он пишет, что «прекращение насилия между “всеми сторонами” может быть интерпретировано по-разному и дает возможность для манипуляций на практике, в то время как *тамадо* (вооруженные силы Мьянмы) является основным виновником жестокости по отношению к своему собственному народу, включая произвольные аресты, бессрочные задержания и физические пытки; в то же время *тамадо* не допускает возможность насилия для противостоящей стороны во имя долга и самообороны». Забегая вперед, отметим, что впоследствии так и произошло: участников ДГН стали обвинять в терроризме и насилии, а Аун Сан Су Чжи, находящуюся под арестом, – в подстрекательстве к мятежу. Далее профессор отмечает, что оценка военной администрацией числа погибших среди гражданского населения составляет менее половины от оценок правозащитных групп. В то же время более 4 000 политических заключенных были исключены из общей резолюции АСЕАН, состоящей из пяти пунктов. Любой эффективный и законный диалог должен был бы включать в себя роль гражданских заключенных, в том числе свергнутого лидера Аун Сан Су Чжи, чья Национальная лига за демократию (НЛД) дважды громко победила на выборах в 2015 и в 2020 гг. своего соперника – поддерживаемую армией Союзную партию солидарности и развития (СПСР). Фактически, немедленное освобождение политических заключенных и восстановление демократического управления на основе результатов голосования на выборах стали двумя основными пунктами, которые показали новую линию разлома АСЕАН².

Профессор пишет о снижении демократических стандартов в некоторых странах АСЕАН, особенно в Таиланде и на Филиппинах, и что это не сулит ничего хорошего региональному единству и его глобальной значимо-

сти. Комментируя отсутствие на саммите премьер-министра Прают Чан-оча, который первоначально пришел к власти в результате военного переворота в 2014 г., он подчеркивает, что Таиланд имеет самое большое влияние на военных в Мьянме и от него во многом зависит то, что произойдет в этой стране в будущем.

Заседание лидеров стран-участниц АСЕАН во время специального саммита 24 апреля 2021 г. в Джакарте.

Фото: © Indonesian Presidential Palace/Reuters

Далее в своем комментарии он отмечает, что «широкое сползание к более смелому и глубокому авторитаризму по всему региону – с многопартийными выборами или без них – в Камбодже, Лаосе, Таиланде и Вьетнаме, а также в Брунее и на Филиппинах, означает, что организация сможет собрать лишь минимум, если дело дойдет до борьбы с *тамадо*. Мин Аун Хлаин и его соратники, чьи действия многие считают преступлениями против человечности, очевидно, знают об усилении авторитаризма среди членов АСЕАН. В противном случае глава хунты не отправился бы на саммит»³.

Довольно резко прокомментировал позицию АСЕАН по этому вопросу и бывший министр иностранных дел Таиланда (2008–2011) Касит Пиромья. Он пишет: «Отсутствие у организации общей системы ценностей не позволяет ей признать, что отказ в свободе выражения мнений является нарушением прав человека. Хуже того, Ассоциация, по-видимому, признала, что закон может использоваться в качестве политического оружия для оправдания применения силы и разрушения демократии, свободы и справедливости». Далее дипломат утверждает, что «АСЕАН не хватает как воли, так и компетентности, чтобы служить общему благу. Поэтому она должна быть преобразована или заменена с целью расширения прав и возможностей людей. И основой её преемника должен быть принцип, согласно которому все государства-члены должны быть демократическими». Отмечая основные большие достижения организации, в частности, что «АСЕАН достигла своих первоначальных целей, принятых при ее создании в разгар холодной войны в 1967 г., которые заключались в прекращении конфронтационных территориальных споров и взаимного недоверия, в содействии сотрудничеству, миру и процветанию и в сдерживании экспансии коммунизма в регионе», бывший министр считает, что наступило время для ее реорганизации. Он предлагает гражданам региона обсудить предложение о создании нового Сообщества в Юго-Восточной Азии, выдвинутое 12 мая 2021 г. группой региональных политиков и мыслителей. Они разработали предложение о замене АСЕАН новой организацией, основанной на универсальных ценностях и демократических принципах. Это предложение также подразумевает отказ от принципа невмешательства, когда речь идет о правах человека. «Мы приглашаем граждан по всей Юго-Восточной Азии помочь в разработке этой концепции», – обратился политик к жителям ре-

гиона. По его мнению, «одним из решений для АСЕАН было бы в течение следующего десятилетия начать процесс, требующий от ее авторитарных государств-членов инициировать демократизацию или потерять свое членство. Хотя это может привести к расколу среди лидеров региона, окончательное решение принадлежит 650-ти миллионам жителей стран, входящих в АСЕАН, которые, без сомнения, предпочли бы жить без страха и принуждения»⁴.

Старший генерал Мин Аун Хлаин на саммите показал, что он не был настроен на компромисс и настаивал на том, что причиной переворота стала фальсификация итогов ноябрьских выборов 2020 г. Он не дал ни одного конкретного обещания, заявив лишь, что внимательно рассмотрит конструктивные предложения лидеров АСЕАН. При этом он подчеркнул, что соглашения будут выполнены только после восстановления стабильности в стране, намекнув, что ситуация может не улучшиться в течение некоторого времени. Так что получается, что генерал Мин Аун Хлаин уехал победителем, и многие считают, что он даже использовал саммит Ассоциации для легитимации своего правления. Телевидение Мьянмы демонстрировало

Старший генерал Мин Аун Хлаин

Фото: из открытых источников

населению страны кадры заседания АСЕАН, в котором старший генерал принимал равноправное активное участие – выступал с 30-минутной презентацией со слайдами и раздаточными печатными материалами, оправдывающими захват власти военными.

Дальнейший ход событий показал, что АСЕАН не имеет возможности обеспечить соблюдение даже этих пяти положений консенсуса. Организация считает, что ей нужна поддержка более широкого международного сообщества, особенно США и Китая, чтобы убедить военных Мьянмы пойти на компромисс. Поэтому на саммите было принято решение поручить министрам иностранных дел стран АСЕАН провести встречи с партнерами из КНР и США как можно скорее, еще до плановой 54-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН, которая обычно проходит летом.

Министры иностранных дел 10 стран-членов АСЕАН встретились 7 июня 2021 г. в Чунцине (КНР) со своим китайским коллегой Ван И, чтобы «обсудить региональные проблемы, включая продолжающиеся беспорядки в Мьянме». Встреча состоялась по запросу АСЕАН. В Чунцине состоялись первые личные встречи и переговоры между главами дипломатических ведомств АСЕАН более чем за год. Как сообщает государственная газета Мьянмы, на этой встрече присутствовал назначенный военной администрацией министр иностранных дел Мьянмы Вунна Маун Лвин⁵.

АСЕАН «оценит» помощь Китая в реализации принятого консенсуса из пяти пунктов по урегулированию кризиса в Мьянме, заявила министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди, поскольку региональный блок надеется ускорить медленный прогресс по итогам своего чрезвычайного заседания в апреле. «Текущая задача АСЕАН – немедленно реализовать принятый консенсус», – сказала Марсуди. «Поддержка Китаем АСЕАН в выполнении пяти пунктов консенсуса будет высоко оценена, поскольку это будет способствовать усилиям по достижению мирного урегулирования кризиса».

«В дополнение к обязательствам девяти стран-членов АСЕАН упорно работать над осуществлением пяти пунктов консенсуса, для успешного выполнения требуется также участие Мьянмы, включая военных. Специальные посланники должны иметь доступ для переговоров со всеми сторонами. Для этого необходимы обязательства со стороны вооруженных сил Мьянмы», – сказала министр иностранных дел Индонезии⁶. В то же время коллеги Марсуди из АСЕАН выразили озабоченность по поводу отсутствия значительного прогресса в достижении консенсуса.

За два дня до встречи в Чунцине прозвучал комментарий параллельного *Правительства национального единства Мьянмы*, сформированного законно избранными, но не допущенными к работе, парламентариями. Параллельное правительство национального единства Мьянмы заявило, что у него больше нет никаких надежд на то, что АСЕАН сможет помочь Мьянме, поскольку региональный блок взаимодействовал только с военным режимом, игнорируя законно избранное параллельное правительство. Протестующие против переворота тем временем выходили на улицы Янгона и сжигали флаг АСЕАН. Позднее они также отметили 14 июня – день рождения Че Гевары, используя фотографии аргентинского революционера, выкрикивая слоган «Искоренить фашистскую армию!» и другие лозунги. По словам местных жителей Янгона, Че Гевара – ключевая фигура Кубинской революции – стал «революционным символом» среди молодых бирманцев, особенно с апреля, когда мирные протестующие в городах начали сталкиваться с военными, вооруженными стрелковым оружием и артиллерией.

Накануне встречи глав дипломатических ведомств КНР и АСЕАН в рамках достигнутого консенсуса Мьянму посетили высокопоставленные посланники региональной организации генеральный секретарь АСЕАН Лим Джок

Хой и второй министр иностранных дел Брунея Эриван Пехин Юсоф. Они встретились с лидером переворота в Мьянме Мин Аун Хлаином и другими представителями военной администрации. Как сообщает рупор вооруженных сил Мьянмы *Myawady TV*, стороны обсудили сотрудничество АСЕАН с Мьянмой по гуманитарным вопросам. Но главной темой встречи был вопрос о назначении специального посланника АСЕАН в Мьянме.

Забегая вперед, отметим, что этот пункт принятого консенсуса, на первый взгляд несложный, оказался трудноразрешимым для Ассоциации. Первоначально предполагалось направить специального посланника АСЕАН в Мьянму в середине мая. Однако по состоянию на июль 2021 г., т. е. спустя пять месяцев после переворота и почти три месяца после апрельского саммита, дело не продвинулось. На должность специального посланника АСЕАН вначале рассматривались две кандидатуры: бывший министр иностранных дел Индонезии Хасан Вираджура и бывший замминистра иностранных дел Таиланда Вирасакди Футракул, в 1991–1994 гг. он был послом Таиланда в Мьянме, считается, что он, по-прежнему, имеет связи с военными кругами Мьянмы. Затем возникла идея назначить трех представителей Ассоциации, но пока речь шла об одной персоне на эту должность. Предполагаемый посланник должен выступить посредником в процессе диалога между различными партиями и помочь разрядить политический кризис в Мьянме. Помимо негативного отношения военной администрации Мьянмы к прибытию посланника в ближайшее время основным препятствием, по-видимому, опять стала разобщенность внутри группы. К предложенным ранее двум кандидатам Вирасакди Футракулу и Хасану Вираджуре присоединился третий кандидат малазийский дипломат Разали Исмаил, который был специальным посланником генерального секретаря

ООН в Мьянме в 2000-х годах, ему тогда было поручено содействовать национальному примирению и демократизации в стране⁷. Эти три страны Таиланд, Индонезия и Малайзия хотят, чтобы именно их человек был посланником. Особенно настаивает на своем кандидате Индонезия. Руководство страны считает, что именно Хасан в качестве специального посланника может придать импульс решению проблемы, и желает участвовать в этом процессе. Малайзия также заинтересована в получении должности посланника, но не настаивает на этом так сильно, как Индонезия. Третья страна-инициатор апрельского саммита – Сингапур не выдвинул пока своего кандидата.

На фоне этих непростых переговоров между некоторыми странами-членами АСЕАН, когда каждая сторона тянет одеяло на себя, вооруженные силы Мьянмы не чувствовали на себе давления, и не стремились предпринимать какие-либо действия по вопросу назначения посланника.

Спустя месяц с тех пор, как министр иностранных дел Брунея Эриван Пехин Юсоф представил старшему генералу Мин Аун Хлаину список кандидатов на должность специального посланника во время своего визита в Мьянму в начале июня, официального письма от военных об их выборе все еще не было. Разногласия между странами АСЕАН по поводу выбора посланника, по-видимому, играли на руку военным Мьянмы, которые хотели выиграть время для укрепления своего правления. К тому же военные, вероятно, склонялись в сторону тайского кандидата, так как похоже на то, что они «больше не интересуются индонезийской моделью демократического перехода, а предпочитают тайскую модель, где военные обладают превосходящими политическими рычагами и политическим влиянием». Мухади Сугионо, эксперт по международным отношениям в Университете Индонезии Гаджа

Мада, отметил, что, хотя апрельский саммит можно считать «прорывом» для АСЕАН, но, учитывая ее давнюю политику невмешательства во внутренние дела стран-членов, группе будет трудно занять твердую позицию в отношении вооруженных сил Мьянмы. «Мы все знаем, что тайская военная хунта пришла к власти, свергнув демократическое правительство страны. Это, несомненно, станет большой проблемой для АСЕАН при принятии решительных мер против Мьянмы». Тем временем Бруней, как нынешний председатель АСЕАН, настаивает на компромиссе, пытаясь убедить военных Мьянмы выбрать список, включающий всех троих посланников АСЕАН вместо одного. Но ответа от военных Мьянмы не поступило.

Проблема посланника также, по-видимому, тесно связана с внутренними и стратегическими повестками дня стран, выдвинувших кандидатов. Целью для этих стран стало «нечто большее, чем решение кризиса в Мьянме». Индонезия хочет сыграть свою роль в стабилизации ситуации в Мьянме, чтобы продемонстрировать свои возможности и укрепить позиции президента Джоко Видодо и других политиков, в то время как Таиланд хочет «обеспечить безопасность своих границ и защиту коммерческих интересов в Мьянме», – пояснил корреспонденту KYODO источник в АСЕАН. «С другой стороны, руководство Малайзии считает, что она не должна позволять Индонезии и Таиланду поступать по-своему без должного учета интересов Малайзии», таких как вопросы, связанные с беженцами рохинджа и проблемой рабочих-мигрантов из Мьянмы в их стране.

Хикмаханто Джувана, профессор международного права Университета Индонезии, сказал, что роль специального посланника заключается в том, чтобы «прислушаться к голосу народа Мьянмы и предложить создать временное правительство, которое проведет выборы под

наблюдением АСЕАН». Ассоциация также должна взаимодействовать с другими странами, особенно с Китаем, на который Мьянма во многом полагается, – сказал Хикмаханто. Вместо того, чтобы вмешиваться во внутренние дела Мьянмы, «Китай должен продемонстрировать поддержку действиям АСЕАН», – добавил он ⁸.

Некоторые члены АСЕАН, надеющиеся на скорейшее восстановление демократии в Мьянме, и стремящиеся более активно заниматься этим вопросом, тоже рассматривают влияние Китая на военных Мьянмы как способ обеспечить выполнение консенсуса.

Однако, несмотря на обещания хунты лидерам АСЕАН, насилие в Мьянме нарастало. По данным Верховного комиссара ООН по правам человека, на той же неделе поступали сообщения о нападениях на гражданских лиц. «Похоже, что никаких усилий по деэскалации насилия не предпринимается, а скорее наращивается присутствие войск в ключевых районах, вопреки обязательствам, взятым военными перед АСЕАН по прекращению насилия», – говорится в пресс-релизе Мишель Бачелет⁹. Комментарии Верховного комиссара М. Бачелет появились после того, как ранее на той же неделе в ООН поступило сообщение из Мьянмы, что солдаты стреляли в безоружных манифестантов в штате Кайя, и за последние три недели около 108 тысяч человек стали беженцами в результате насилия в этом штате на востоке Мьянмы ¹⁰.

Встреча министров в Чунцине дала возможность Китаю продемонстрировать свое стремление к укреплению связей с АСЕАН. Пекин видит, что у блока нет иного выбора, кроме как все больше зависеть от Китая и в борьбе с пандемией COVID-19, и с политическим кризисом в Мьянме – и это дает шанс Пекину утвердить свое лидерство в регионе.

Во время встречи министров иностранных дел Китая и АСЕАН министр Ван И заявил, что Китай продолжает играть конструктивную роль и поддерживает коллективное участие АСЕАН в делах Мьянмы, поскольку «ситуация в этой стране напрямую связана с интересами Китая». Ван И добавил, что Китай и АСЕАН разделяют схожие взгляды на ситуацию в Мьянме, и повторил предыдущие призывы Китая к прекращению насилия и проведению политического диалога. Китай также настоятельно призвал международное сообщество соблюдать цели и политику, провозглашенные в Уставе ООН, с тем чтобы оно «не предпринимало действий по введению односторонних санкций и не совершало неуместное вмешательство»¹¹. На встрече в Чунцине министр иностранных дел Мьянмы, назначенный хунтой, представил план «дисциплинированной демократии», разработанный военным руководством Мьянмы, тоже состоящий из пяти пунктов. Эта программа действий администрации на период военного правления, ведущих к будущим выборам, чем-то напоминает «дорожную карту перехода к дисциплинированной демократии» 2003 г.¹². Представленный план теперь неуклюже сочетается с консенсусом из пяти пунктов, выработанным в апреле лидерами АСЕАН в Джакарте. В итоговом документе-консенсусе из пяти пунктов по Мьянме, опубликованном министерством иностранных дел Китая после встречи в Чунцине, отсутствовало какое-либо упоминание о назначении специального посланника.

Вместо этого в новом консенсусе между Китаем и АСЕАН содержались пункты о предоставлении помощи в восстановлении экономики Мьянмы и в борьбе с COVID-19, о политическом диалоге, прекращении всех форм насилия и предотвращении односторонних санкций. В документе явно содержится намек на посреднические усилия ООН и других потенциальных участников, а

также предостережение от других форм «ненадлежащего вмешательства». Реакция Китая на переворот в Мьянме показывает, насколько ослабла выдающаяся региональная роль АСЕАН.

В заявлении министерства иностранных дел Китая по итогам встречи АСЕАН-Китай о Мьянме не упоминалось, хотя кризис в Мьянме был наиболее актуальной проблемой для обсуждения между двумя сторонами наряду с пандемией COVID-19 и ситуацией в Южно-Китайском море. Встреча в Чунцине принесла стратегические и символические выгоды Пекину и заверения АСЕАН, позволяющие Китаю и в будущем продвигать свои геостратегические интересы и удобную ему повестку дня, сохраняя при этом свою генеральную стратегию инициативы «Пояс и путь»¹³.

Реакция Китая на события в Мьянме

Все происходящее сейчас в Мьянме имеет к Китаю самое прямое отношение, поскольку он всеми силами стремится удержать свое преобладающее стратегическое присутствие в этой стране. Китай – крупнейший и жизненно важный торговый партнер Мьянмы, на его долю приходится около 30% ее внешней торговли, он также и один из крупнейших инвесторов в Мьянме – на Китай приходится до трети иностранных инвестиций в эту страну. Китай имеет там стратегические инфраструктурные проекты, включая энергетические трубопроводы. Мьянма для Пекина – это стратегический выход к Индийскому океану, это сухопутный коридор, позволяющий при необходимости обогнуть узкий Малаккский пролив на пути из Тихого океана к Африке, Персидскому заливу и Суэцкому каналу. Мьянма играет ключевую роль и в ещё более широких планах Китая по созданию транспортно-экономи-

ческих трасс нового Шелкового пути в южной и юго-восточной части Евразии.

Когда страна находилась под международными санкциями, это давало Пекину монопольные возможности. Но когда десять лет назад генералы Мьянмы начали осторожно открывать страну, этот шаг вызвал активизацию дипломатических и расширение экономических связей, появление новых иностранных компаний, стремящихся выйти на этот давно закрытый, слабо развитый рынок. Санкции были сняты, в Мьянму хлынул западный и японский капитал, у Мьянмы появилась альтернатива КНР. Почти полная экономическая монополия Китая на Мьянму казалась тогда практически законченной.

Победа и приход к власти демократических сил в 2016 г. еще больше изменили ситуацию. Тем не менее, Пекин быстро наладил отношения с Аун Сан Су Чжи и ее партией. Национальная лига за демократию и ее лидер, в свою очередь, культивировали удивительно дружественные отношения со своим могучим соседом.

В январе 2020 г. Мьянму посетил председатель КНР Си Цзиньпин, и тогда были достигнуты миллиардные договоренности о транспортном коридоре к порту Чаупхью в Индийском океане. Тем более что отношения с Западом у Аун Сан Су Чжи на тот момент были фактически на нуле. Говоря о политике Пекина в Мьянме, можно сказать одно – главное для Китая – это страна с ее территорией, а кто у власти в этой стране – это уже второй вопрос. Китайская дипломатия старается сохранять, так называемые, братские отношения (*пау-пхо*) при любом правительстве.

Таким образом, возвращение военных к власти в стране, казалось бы, будет приветствоваться Китаем, который будет рад снова видеть себя самым верным союзником Мьянмы в ее резко сократившемся пуле дипломатиче-

ских друзей. Чем более изолированной становится Мьянма, тем лучше для китайской экспансии.

Тем не менее, этот заманчиво прямолинейный сюжет является драматическим упрощением. Он игнорирует многочисленные факторы, такие как: дестабилизирующие последствия переворота, в том числе для крупных проектов, поддерживаемых Китаем; давняя настороженность бирманских военных по отношению к Китаю, включая личное недоверие лидера хунты из-за того, что Китай продолжает оказывать политическую и военную поддержку этническим вооруженным группам, базирующимся вдоль мьянманско-китайской границы.

Вопрос о поставках этническим группировкам нового китайского оружия, подпитывающего вооруженные столкновения в Мьянме, был поднят в январе 2020 г. во время встречи председателя КНР Си Цзиньпина с главнокомандующим вооруженными силами Мьянмы старшим генералом Мин Аун Хлаином в Нейпйидо. Дипломатическое решение Си Цзиньпином этого все более обостряющегося и болезненного вопроса было примечательно тем, что впервые он был публично озвучен верховным лидером Китая. Сначала последовали четкие заверения в том, что Пекин будет и впредь поддерживать Мьянму на международных форумах по военным преступлениям *тамадо* и возможному геноциду рохинджа, за который Мин Аун Хлаин рискует быть привлеченным к личной ответственности.

Затем Си Цзиньпин подтвердил, что Китай не допускает, чтобы его территория использовалась во вред его соседу, и что обвинения в том, что он снабжал этнические вооруженные организации в Мьянме боеприпасами и оружием, были необоснованными. Однако он добавил, что эти организации могут приобрести китайское оружие с помощью того, что в официальном отчете *тамадо* о

встрече было названо как «другие способы», и пообещал, что Китай «тщательно изучит» вопросы и «решит проблему». Оба прекрасно понимали, что подразумевается под выражением «другие пути». На самом деле основной, если не единственный, канал поставки оружия этническим вооруженным организациям, так называемому Северному альянсу, в Мьянме проходит через Специальное подразделение, управляемое Объединенной армией штата Ва (UWSA) – мощной, хорошо организованной и вооруженной этнической силой, действующей в рамках давнего соглашения о прекращении огня с *тамадо* и имеющей исторические связи с Пекином. Географически поставки оружия союзникам по Северному альянсу с 2011 г. проводились через территорию соседнего Лаоса. Как пишет интернет-издание *Иравади*, разъяснения Си Цзиньпина вызвали волну скептических комментариев СМИ в Мьянме, предполагающих, что Китай ведет двойную игру, направленную на то, чтобы сохранить своего меньшего соседа «нестабильным и слабым». Уточним, что до переворота как для Пекина, так и для Нейпидо главным камнем преткновения на пути к урегулированию была этническая ракхайнская Армия Аракана, входящая в Северный альянс, и эскалация войны, которую она ведет в сотнях километров от западного побережья Мьянмы в штате Ракхайн, где у Китая есть амбициозный план построить стратегический порт¹⁴.

Теперь, после обострения противостояния между *тамадо* и противниками военного правления, многие этнические вооруженные группировки встали на сторону Движения гражданского неповиновения (ДГН). Участились боевые столкновения этнических вооруженных отрядов с правительственными войсками. Бежавшие от репрессий молодые участники ДГН присоединились к этническим армиям и проходят там курс военной подготовки. Прави-

тельство национального единства в изгнании и все силы, противостоящие перевороту, объявили, что на базе уже существующей организации *Сил народной обороны* они намерены создать федеральную союзную армию¹⁵.

Судя по всему, китайцы полагают, что военный переворот удался и новая власть военных закрепилась надолго. 5 июня, за день до встречи министров в Чунцине, посол Китая Чэнь Хай встретился с организатором переворота и председателем Государственного административного совета (ГАС) старшим генералом Мин Аун Хлаином в Нейпидо, став первым послом, который сделал это. По сообщению посольства Китая, посол Чэнь Хай подчеркнул ценность и важность для Китая его традиционной дружбы с Мьянмой. «Китай искренне надеется на скорейшее восстановление мира и стабильности в Мьянме и поддерживает реализацию консенсуса между АСЕАН и Мьянмой. Китай будет продолжать играть конструктивную роль в этом отношении», – говорится в заявлении, в котором организатор переворота был назван «лидером Мьянмы».

С тех пор как военные захватили власть в феврале, в Мьянме проходили постоянные антикитайские демонстрации. Почти через пять месяцев после захвата власти военные продолжали ежедневно сталкиваться с протестами, хотя их число и сократилось по сравнению с первыми месяцами после переворота. Очевидно, что большинство граждан Мьянмы не желает, чтобы страной правила военная хунта, поэтому в стране продолжался рост насилия и целенаправленных жестоких действий, направленных против участников ДГН со стороны военных в некоторых частях страны. Несмотря на это, китайское правительство сделало вывод, что Мьянма вступает в еще один длительный период военного правления.

Ситуация в Мьянме, сложившаяся на пятом месяце военного правления после февральского переворота в редакционной статье журнала *Ирвади* описывается так: Мьянма движется к статусу *несостоявшегося государства*. В этнических штатах Кайя и Чин десятки тысяч людей стали беженцами в результате возобновившихся конфликтов между вооруженными силами Мьянмы, с одной стороны, и этническими вооруженными повстанческими группами и вновь возникающими гражданскими силами – с другой. Молодые активисты и студенты направляются в джунгли для прохождения военной подготовки; многие образованные молодые люди покидают Мьянму на фоне ежедневных взрывов и целенаправленных убийств по всей стране. Экономика находится на грани краха, как и система здравоохранения. Можно ожидать, что насилие с обеих сторон только усилится, и уже начался исход беженцев и диссидентов в соседние Китай, Индию и Таиланд.

Однако Китай заявляет, что его не беспокоит погружение Мьянмы в хаос. Его политика дружбы с Мьянмой «не зависит от изменений во внутренней и внешней ситуации в Мьянме и по-прежнему ориентирована на народ Мьянмы», – говорится в заявлении Министерства иностранных дел Китая, которое в качестве резюме сопровождало послание, переданное министром иностранных дел Китая Ван И его коллеге из Мьянмы Вунна Маун Лвину 8 июня 2021 г. в кулуарах Специальной встречи министров иностранных дел АСЕАН и Китая в Чунцине. «В прошлом, настоящем и будущем Китай поддерживал и будет поддерживать Мьянму в том, чтобы она самостоятельно выбирала путь развития, соответствующий ее национальным условиям», – говорится в сообщении МИД.

Между тем, давно разрекламированные братские связи Китая с народом Мьянмы «пау-пхо» стали быстро разрушаться. После того, как в феврале государственное

информационное агентство Китая *Синьхуа* назвало свержение избранного правительства и силовой захват власти, «масштабными перестановками в кабинете министров» антикитайские настроения достигли пика из-за нежелания Пекина осудить военные репрессии и, особенно после того, как народ Мьянмы понял, что Китай полностью встал на сторону хунты¹⁶. Потребители даже стали бойкотировать товары китайского производства из-за представления о том, что Китай поддерживает хунту¹⁷. В течение пяти месяцев страна была свидетелем крупнейших антикитайских протестов за последние десятилетия. Многие сейчас говорят, что потребуются годы, чтобы исправить ущерб, нанесенный имиджу Китая в глазах народа Мьянмы.

Будучи основным инвестором и поставщиком оружия в Мьянму, Пекин обладает значительным влиянием в Нейпидо. Стремясь защитить и продвинуть свои ключевые стратегические политические и экономические интересы в Мьянме, Пекин после переворота оказал давление на АСЕАН, чтобы она вступила в контакт с военной хунтой Мьянмы, иными словами, Китай тоже использует АСЕАН для легитимации военного режима.

Недавний отчет, размещенный в *Financial Times*, предполагает, что базирующийся в Пекине Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) оставил открытой дверь для финансирования проектов в Мьянме, даже если страна не вернется к демократии. Вице-президент АБИИ Йоахим фон Амсберг сообщил газете, что, хотя у банка на данный момент нет никаких новых проектов для Мьянмы, у него есть рамки для работы с «правительствами де-факто». «Мы не будем рассматривать форму правления, мы будем действовать согласно нашему контрольному списку», – сказал он¹⁸.

Такой явно прагматичный подход заставляет некоторых наблюдателей предположить, что, если западные фирмы уйдут из Мьянмы, их китайские коллеги будут только рады вмешаться и заполнить пустоту. Похоже, что так оно и будет. Но если оглянуться в совсем недавнее прошлое, то можно обнаружить глубинные разногласия между военными Мьянмы и Пекином. Пекин всегда считал *тамадо* некомпетентным и коррумпированным. Его загадочное поведение и непредсказуемые действия в прошлом не устраивали китайское правительство. Например, когда поддерживаемое военными правительство Тейн Сейна вступило в должность в 2011 г., генералы отвернулись от Китая, хотя Пекин ранее пытался защитить правительство от международных санкций. Именно военные нанесли наибольший ущерб экономическим и стратегическим интересам Китая. Отмена и угрозы пересмотреть существующие контракты на китайские инвестиции в Мьянму, а также потепление отношений с Соединенными Штатами во время «поворота администрации Обамы в Азию» отодвинули Китай на второй план. В качестве примера можно привести «замораживание» резко критикуемого населением и экологами проекта Мьитсоне. План предусматривает строительство дамбы и комплекса гидростроительных сооружений в месте слияния рек Мали и Нэмай в штате Качин, которые образуют исток реки Эйявади (Иравади). В этом месте Китай планирует построить мегаэнергетический проект, стоимостью 3,6 млрд долл. США с помощью китайского капитала; в связи с замораживанием проекта китайская компания, инвестировавшая в начальную стадию проекта, понесла огромные финансовые потери. Этим шагом руководство Мьянмы продемонстрировало тогда, что оно не боится вызвать недовольство Пекина – своего главного союзника в предыдущие годы. Но проект был всего лишь приостановлен в 2011 г., но не отменен.

Пекин же, в свою очередь, был склонен рассматривать мьянманских военных как «неблагодарных, жадных и плохих деловых партнеров»¹⁹.

*Аун Сан Су Чжи и лидер КНР на международном форуме
«Пояс и путь» в апреле 2019 г. в Пекине
Фото: из открытых источников*

Напомним, что Пекин поддерживал хорошие отношения с ныне свергнутыми правительственными чиновниками, включая государственного советника Аун Сан Су Чжи, которая в настоящее время находится под стражей. В последние пять лет правления НЛД Пекину удалось реализовать свой деловой потенциал в работе с ее правительством. Аун Сан Су Чжи часто посещала Пекин и отмечала необходимость поддержания дружественных отношений с Китаем ради экономического развития Мьянмы. При правительстве НЛД двусторонние экономические отношения значительно улучшились, при этом Мьянма активно поддерживала проект китайско-мьянманского экономическо-

го коридора в рамках китайской инициативы «Пояс и путь». Совсем недавно правительство Аун Сан Су Чжи также подписало Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP), соглашение о свободной торговле, к которому Китай проявляет большой интерес. Во время правления НЛД в Мьянме наблюдался значительный экономический рост. Это соответствовало экономическим интересам Китая, поскольку он заинтересован не только в природных ресурсах страны, но и нуждается в рынках сбыта своей продукции.

Инвестиции Китая в страну всё-таки в немалой степени зависят от того, есть ли в Мьянме стабильное, признанное на международном уровне правительство. Отсюда и сотрудничество с АСЕАН в стремлении обеспечить легитимацию военного режима на региональном уровне. В то же время Китай не может открыто осудить действия военных, такого прецедента никогда не было. Китайское правительство не осуждает смену режима в других странах, и Пекин не может сделать исключение в случае Мьянмы. Официально невмешательство во внутренние дела других стран уже давно является основным принципом внешней политики Китая. Не было причин ожидать, что Китай сделает исключение сейчас. Вскоре после захвата власти армией Мьянмы, 4 февраля, Совет Безопасности ООН (СБ ООН) опубликовал заявление для прессы, в котором выразил «глубокую озабоченность» в связи с переворотом, Китай и Россия заблокировали более жесткие формулировки, осуждающие военный переворот. Это согласуется с предыдущей практикой этих двух стран. Пекин никогда не поддерживал никакие подобные осуждения в ООН, и этот раз не стал исключением. Но в заявлении ООН, принятом «под редакцией КНР», все таки есть

призыв освободить Аун Сан Су Чжи и других лиц, содержащихся под стражей, выразивший поддержку демократическому переходу в Мьянме. В нем говорится, что члены СБ ООН «подчеркнули необходимость поддерживать демократические институты и процессы, воздерживаться от насилия и в полной мере уважать права человека, основные свободы и верховенство закона и "поощрять" продолжение диалога и примирения в соответствии с волей и интересами народа Мьянмы». Последующее заявление Министерства иностранных дел Китая по Мьянме может быть истолковано как призыв ко всем сторонам мирно решить проблему в соответствии с конституцией Мьянмы, что представляется относительно мягким заявлением²⁰.

В то же время некоторые политики из свергнутой НЛД, которые остались в стороне от деятельности параллельного Правительства национального единства, и сохранившие связи с Китаем, считают, что Пекин с самого начала скептически относился к шаткому обоснованию военного переворота и полагают, что Китай быстро теряет уверенность в способности организатора переворота Мин Аун Хлаина установить полный контроль над страной. И в связи с тем, что насилие и нестабильность в Мьянме усиливаются с каждым днем, они все чаще задаются вопросом, почему Пекин ничего не сделал для предотвращения переворота. Хорошо информированные источники и некоторые чиновники НЛД среднего ранга сообщили *Иравади*, что, по их мнению, китайские лидеры, включая министра иностранных дел Ван И, после ноябрьских выборов и даже ранее, были обеспокоены тем, что переворот неизбежен. Эти источники говорят, что китайцы знали, что это

произойдет, и у них были сомнения в мотивах военных, но ничего не сделали, чтобы предотвратить это.

В январе 2021 г., за 20 дней до переворота, Ван И посетил Мьянму, где встретился с президентом Вин Мьином и государственным советником Аун Сан Су Чжи в Нейпйидо. Этот визит был расценен как весьма знаменательный – Ван И был самым высокопоставленным китайским чиновником, посетившим Мьянму после уверенной победы НЛД на всеобщих выборах в ноябре.

*Глава МИД КНР Ван И и государственный советник
Аун Сан Су Чжи. Нейпйидо, 12 января 2021 г. за три недели
до переворота. Фото: из открытых источников*

Министерство иностранных дел Китая заявило, что визит Ван И продемонстрировал «ожидание и поддержку Китаем успешного формирования нового правительства Мьянмы, а также усилия Мьянмы по реализации нацио-

нального возрождения и обеспечению прочного мира и стабильности на пути развития, независимо выбранном страной, и в долгосрочных интересах народа Мьянмы». Старший генерал Мин Аун Хлаин, который тогда уже готовился к совершению государственного переворота, тоже встретился с министром иностранных дел Китая. К удивлению министра и других китайских чиновников, старший генерал воспользовался возможностью поделиться «выводами» военных, полученными в результате изучения списков избирателей страны, заявив, что они обнаружили ошибки и неточности, которые могли привести к возможности проголосовать «более одного раза» и «халатности при голосовании». Старший генерал также сообщил Ван И, что Аун Сан Су Чжи была замешана в коррупции, и проинформировал китайского дипломата о своих подозрениях в финансовых нарушениях в созданном государственным советником благотворительным Фонде имени ее матери До Кхин Чжи, а также о своем убеждении в том, что она неправильно распоряжалась избирательными фондами. Зная о коррупции и алчности генералов, китайцы были ошеломлены, но внимательно слушали своего хозяина. Однако некоторые военные офицеры, присутствовавшие на встрече, объяснили, что из «языка тела» китайского министра было ясно, что он не согласен с некоторыми обвинениями Мин Аун Хлаина. Наконец, старший генерал сообщил китайским официальным лицам, что популярность НЛД снижается, полностью игнорируя тот факт, что партия одержала еще одну уверенную победу на всеобщих выборах всего двумя месяцами ранее.

До выборов Мин Аун Хлаин в значительной степени полагался на оценки и прогнозы результатов выборов, составленные «учеными» – сторонниками армии, подразделениями военной разведки и региональными командирами. Они с уверенностью пришли к выводу, что НЛД ни за

что не повторит своих предыдущих сокрушительных побед.

Однако Китай сформировал иную точку зрения еще до ноябрьских выборов. Пекин предвидел, что НЛД снова победит, но при этом китайские политики также видели, что военные не согласятся с таким исходом. Перед Пекином встал вопрос: если возникнет серьезный политический конфликт, на чью сторону встанет Китай? До выборов Китай явно делал ставку на НЛД и Аун Сан Су Чжи. Китай поддержал правительство Аун Сан Су Чжи и хотел, чтобы НЛД снова победила на выборах в ноябре 2020 г. Ставку на НЛД сделал и председатель Си Цзиньпин. Визит Си в Нейпидо в январе 2020 г. был продуманным шагом, направленным на то, чтобы заявить о себе в быстро меняющемся политическом ландшафте Мьянмы. Некоторые китайские официальные лица, сопровождавшие Си, признали, что Пекин верит Аун Сан Су Чжи, поскольку она сдержала свои обещания в отношении китайских инвестиций и проектов, они также полагали, что Мьянме будет лучше, если она выиграет выборы и на второй срок.

Некоторые политики НЛД убеждены, что Китай и сейчас поддержал бы сценарий, при котором хунта обуздала бы свой нрав и вступила в переговоры со свергнутыми правительственными лидерами²¹.

По мнению историка и политолога Тан Мьин-У (внука генерального секретаря ООН У Тана [1961–1971]), международное сообщество должно согласиться с резолюцией СБ ООН, которая четко требует быстрого и мирного перехода к избранному гражданскому правительству. Китай тоже должен быть «на борту» – потому что нет замены участию Китая из-за его экономического влияния в Мьянме и его глубоких связей со многими этническими вооруженными организациями страны. Международные санкции, которые не затрагивают интересы Китая, могут иметь

всего лишь символическое значение, именно такими они и будут – символическими. Хунта сможет выжить только при молчаливой поддержке Китая. Но Пекин может сыграть и конструктивную роль. У него всегда были сложные отношения с генералами, он опасается нестабильности, предпочел бы вернуться к гражданскому правительству, и по-прежнему не уверен в своих следующих шагах. Дипломатия между Пекином и Вашингтоном будет иметь важное значение для достижения резолюции Совета Безопасности ООН и тем самым обеспечит необходимые рамки для международного сотрудничества по Мьянме²².

Председатель КНР Си Цзиньпин и государственный советник Мьянмы Аун Сан Су Чжи во время приема по случаю 70-летия установления дипломатических отношений. Нейпидо, январь 2020 г. Фото: из открытых источников

Тем временем Китай стал использовать так называемую «китайскую вакцинную дипломатию». С конца 2020 г. Китай взял на себя обязательство предоставлять вакцины против COVID-19 более чем 80 странам в рамках «Шелко-

вого пути здоровья» – фармацевтического расширения китайской инициативы «Пояс и путь». Вакцины, в основном, поступили в страны, уже участвующие в этой инициативе, с тем, чтобы они продолжали поддерживать и разрешать китайские проекты в области инфраструктуры в своих странах. Мьянма – одна из стран-участниц «Пояса и пути», и Пекин намерен инвестировать в многомиллиардные инфраструктурные проекты с севера на запад страны.

Программа вакцинации против COVID-19 в Мьянме затормозилась с момента военного переворота 1 февраля 2021 г., когда миллионы гражданских лиц отказались от прививок, а тысячи медицинских работников бастовали в знак протеста против военного правления. Несмотря на политический кризис и коллапс здравоохранения в Мьянме после военного переворота, люди неоднозначно реагируют на китайские вакцины. Некоторые считают, что это лучше, чем ничего, но другие объясняют свой отказ прививаться китайскими вакцинами в качестве демонстрации сопротивления хунте и ее союзнику Китаю, а также тем, что эффективность китайских вакцин в соседних странах подвергается сомнению.

При гражданском правительстве НЛД план борьбы с пандемией COVID-19 состоял в том, чтобы вакцинировать 40 процентов населения Мьянмы к концу 2021 г., при этом планировалось использовать 20 процентов вакцин, предоставленных программой COVAX, и 20 процентов вакцин, закупленных правительством и одобренных ВОЗ и Управлением по контролю за продуктами и лекарствами США. Этим планам положил конец государственный переворот. По данным министра здравоохранения д-ра Те Кхаин Вина, на 18 июля 2021 г. были вакцинированы около 1,6 млн человек, что составляет не более 2,8% населения. Тем не менее, министр заверил, что к концу года будут вакцини-

рованы 55% населения страны. Контролируемые режимом газеты продолжают призывать людей использовать любые вакцины, которые предлагает им власть²³. А в отношении Мьянмы дипломаты в ООН уже используют термин «государство – супер распространитель ковида» (COVID super spreader state)²⁴.

Новый вектор политики США в отношении Мьянмы после президентских выборов 2020 г.

После прихода к власти в Мьянме предыдущей военной администрации *Государственного совета по восстановлению законности и правопорядка (ГСВЗП)* в 1988 г. США заняли жесткую позицию по отношению к военному режиму. США прекратили экономическую помощь стране и военно-техническое сотрудничество. Неприятие Вашингтоном ГСВЗП усилилось после отказа военных признать результаты всеобщих парламентских выборов 1990 г., на которых оппозиция, представленная молодой, недавно созданной Национальной лигой за демократию (НЛД), одержала внушительную победу. Причем, лидер оппозиции Аун Сан Су Чжи и после присуждения Нобелевской премии мира (1991) оставалась под домашним арестом с июля 1989 г. Действия военного режима привели к введению санкций со стороны США в апреле 1997 г., которые в последующие годы расширялись. За годы частичной международной изоляции, когда санкции были введены только со стороны стран Запада, Китаю удалось выйти на лидирующие позиции в качестве торгового партнера Мьянмы и поставщика продукции военного назначения.

Соединенные Штаты годами выстраивали вокруг Китая – своего главного геополитического противника в XXI в. своеобразную «азиатскую дугу обороны» из стран-союзников. Мьянме, как и Таиланду, Малайзии, Вьетнаму, Филиппинам или Южной Корее, в этой стратегической

игре отводилась важная роль. Особенно активно внешняя политика США по отношению к Мьянме проявилась во время второго срока президента Б. Обамы. Он пытался скорректировать внешнюю политику США таким образом, чтобы она концентрировалась не только на Ближнем Востоке, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Администрация даже ввела тогда новый термин «перебалансировка» внешней политики. В 2011 г. состоялся первый в истории визит в Мьянму госсекретаря США – тогда в администрации Б. Обамы этот пост занимала Хиллари Клинтон. А в 2012-м, и сам Обама стал первым действующим президентом США, когда-либо посещавшим эту страну. Тот визит официально трактовался как жест признания заслуг Аун Сан Су Чжи в деле «уверенного продвижения Мьянмы по пути к демократии». В то же время целью этого визита было приблизить Мьянму к сфере влияния Вашингтона и отдалить ее от Пекина.

Первая зарубежная поездка президента США, через две недели после переизбрания на второй срок, в Юго-Восточную Азию и, в частности, в Мьянму, была довольно символична и красноречиво говорила о намерении Б. Обамы осуществить запланированный поворот внешней политики в сторону Азии с тем, чтобы расширить влияние США в противовес Китаю²⁵.

Но с приходом к власти республиканцев, внешняя политика США кардинально изменилась. Дональда Трампа Мьянма не интересовала вообще, и отношения с Китаем он выстраивал по другой формуле. Одновременно к власти в Мьянме пришла партия Аун Сан Су Чжи и гражданское правительство НЛД – то есть произошло то, чего добивались США в предшествующие годы. Но сотрудничества не получилось – скорее наоборот. Помимо равнодушия Дональда Трампа сыграл свою роль кризис с рохинджа, когда весь западный мир обвинил в гонениях

на этот народ именно Аун Сан Су Чжи, а потом уже вспомнили о военачальниках – главкоме и его заместителе. Как всегда дело в некомпетентности критиков, с одной стороны, и нежелании понять ситуацию – с другой. Все западные обвинители даже не потрудились разобраться в политических и исторических реалиях этой страны, которые лежат в основе кризиса рохинджа. Бывшие друзья Аун Сан Су Чжи стали, как в детских ссорах, отнимать обратно свои игрушки, т.е. отзывать награды и почетные звания, которыми наперегонки осыпали Аун Сан Су Чжи в прежние годы, когда она была, с их точки зрения, «иконной демократии». Правда, со стороны США негативная реакция не была столь ярко выражена, во всяком случае, они не отобрали у нее медаль Конгресса. Но если раньше она могла позвонить по телефону напрямую членам конгресса США, то потом она оказалась в изоляции.

*Вице-президент Джо Байден и Аун Сан Су Чжи
во времена президента Б. Обамы.*

Фото: из открытых источников

И вот теперь к власти в США вернулись демократы – в администрации Джозефа Байдена много людей из окружения его бывшего шефа, хорошо знакомых с Мьянмой, работавших там или посещавших эту страну. Да и сам Байден, будучи вице-президентом при президенте Б. Обаме, встречался с Аун Сан Су Чжи и в Вашингтоне, и в Янгоне.

Тем временем Китай, как растущая сверхдержава, успешно стремится стать незаменимым региональным экономическим локомотивом не только для Мьянмы, но и для всей Юго-Восточной Азии. Отчасти это связано с географией. Мьянма расположена между Китаем и Индией и обращена лицом к Индийскому океану. Китай – это гигантский ближайший сосед, а США, напротив, являются не только далекой сверхдержавой со своими внутренними разногласиями и проблемами, но и отстают в применении «мягкой силы» в борьбе за «сердца и умы» в ЮВА. По мере обострения стратегической конкуренции с Китаем США, по-прежнему, не хотят, чтобы Мьянма – эта геополитически важная страна ЮВА попала под влияние Пекина.

В своей программной речи по внешнеполитическому курсу США, произнесенной 4 февраля в стенах Государственного департамента, 46-ой президент США Джо Байден высказал свою главную мысль: «Америка вернулась. Америка вернулась. Дипломатия снова в центре нашей внешней политики. Как я уже говорил в своей инаугурационной речи, мы восстановим все наши союзы и вновь будем вовлечены в мировую повестку, и не для того чтобы отвечать на вызовы вчерашнего дня, а чтобы справляться с вызовами сегодняшнего и завтрашнего. Американское руководство должно ответить на разрастающийся ныне авторитаризм, включая растущие амбиции Китая в вопросе соперничества с Соединенными Штатами и уси-

лия России по нанесению ущерба и подрыву нашей демократии». В речи президента была упомянута и Мьянма, где 1 февраля был совершен военный переворот. «На протяжении последних нескольких дней мы тесно сотрудничаем с нашими союзниками и партнерами, чтобы объединить международное сообщество для решения проблемы военного переворота в Мьянме. Я также связался с лидером республиканцев в Сенате Митчем Макконнеллом, чтобы обсудить наши общие опасения по поводу ситуации в Мьянме, и мы едины в нашей решимости. Не может быть никаких сомнений: в условиях демократии сила никогда не должна стремиться подавить волю народа или пытаться отменить результаты заслуживающих доверия выборов. Военные Мьянмы должны отказаться от власти, которую они захватили, освободить правозащитников, активистов и чиновников, которых они задержали, отменить ограничения на средства телекоммуникации и воздержаться от насилия»²⁶.

Президент назвал Китай главным конкурентом Соединенных Штатов и пообещал противостоять Пекину с позиции силы. Свои обещания он подкрепил кадровыми назначениями, усилив администрацию специалистами по Азии и Юго-Восточной Азии, в частности. Новый госсекретарь США Энтони Блинкен, советник по национальной безопасности Джейк Салливан и координатор по делам Индо-Тихоокеанского региона Курт Кэмпбэлл в своей политике будут делать упор не на прямые контакты с Пекином, а на роль своих союзников в Азии, прежде всего Японии и Республики Корея, в отношении Китая. Это заметно проявляется в обновлении позиции «многосторонности», что фактически означает привлечение союзников для создания «круга сдерживания Китая».

Назначение 64-летнего Курта Кэмпбелла на должность координатора по делам Индо-Тихоокеанского реги-

она в Совете национальной безопасности США представляется очень важным. Он был помощником госсекретаря по странам Восточной Азии и Тихоокеанского региона при президенте Обаме и хорошо знает политиков и ситуацию в регионе. Именно ему приписывают авторство стратегии разворота внешней политики администрации Обамы, которая потом дала сбой при президенте Дональде Трампе. И теперь, возвращаясь в Индо-Тихоокеанский регион, США, по его мнению, должны активно участвовать в региональных саммитах и расширять сотрудничество со странами региона. Военный переворот в Мьянме, безусловно, стал неприятным сюрпризом для новой администрации в Вашингтоне. США осудили захват власти военными и стали снова вводить санкции, снятые Обамой.

Как широко отмечалось в СМИ, администрации президента Джо Байдена потребовалось пять месяцев, чтобы отправить высокопоставленного чиновника, а именно дипломата №2 заместителя госсекретаря США Уэнди Шерман, с визитом в Юго-Восточную Азию, с остановками в Джакарте, Пномпене и Бангкоке. Она прибыла туда 27 мая, чтобы подтвердить приверженность США идее централизации АСЕАН и обсудить ряд двусторонних и региональных вопросов, включая усилия по прекращению военного насилия в Мьянме, освобождение задержанных и восстановление демократического курса в этой стране.

В июле внешнеполитические контакты администрации президента Байдена в азиатском направлении активизировались. Госсекретарь США Энтони Блинкен принял участие в видеоконференции министров иностранных дел АСЕАН. Эта встреча с блоком 14 июля была первой с тех пор, как администрация Байдена начала функционировать в январе, и проходила на фоне обеспокоенности дипломатов и других официальных лиц тем, что Вашингтон не уделяет достаточного внимания региону,

который имеет решающее значение для стратегии противодействия нарастающему свою мощь Китаю. Обсуждая общерегиональные проблемы, касающиеся Южно-Китайского моря, Китая и АСЕАН, госсекретарь Э. Блинкен также заявил, что Соединенные Штаты «глубоко обеспокоены» ситуацией в Мьянме, и призвал группу принять меры для прекращения насилия и восстановления демократии в стране. Он призвал АСЕАН принять «немедленные меры» в соответствии с консенсусом и назначить специального посланника в Мьянму, освободить всех «несправедливо задержанных» в стране и восстановить процесс перехода к демократии в Мьянме²⁷.

В конце июля в Тяньцзине состоялись переговоры Уэнди Шерман с главой МИД КНР Ван И. Как утверждают в США, этот визит может стать прологом к саммиту президента США Джо Байдена с председателем КНР Си Цзиньпином.

Во время обсуждения наиболее актуальных вопросов безопасности в регионе на встрече с японскими журналистами в формате «круглого стола» в Токио 21 июля 2021 г. У. Шерман изложила также и свое видение дальнейшего развития ситуации в Юго-Восточной Азии. В частности, она сказала: «Соединенные Штаты, Япония и Республика Корея – все они верят в центральную роль АСЕАН и её важность как региональной организации... АСЕАН в весьма необычных непростых обстоятельствах достигла консенсуса по плану из пяти пунктов [по кризису в Мьянме] ... Мы поддерживаем их усилия. Но мы понимаем, что они почти не сдвинулись с места в вопросе назначения своего специального посланника и, возможно, консультативной группы, которая будет участвовать в этих усилиях. Мы все надеемся, что, как только будет объявлено об этом посланнике, им удастся вступить в переговоры со всеми сторонами в Мьянме, включая Национальную лигу за де-

мократию. Мы продолжаем настаивать на том, чтобы хунта вернулась на путь демократии и положила конец насилию, тюремному заключению и несправедливому задержанию людей, включая американца Дэниела Фенстера, журналиста, который был несправедливо задержан хунтой. Это очень тревожная ситуация, вызывающая озабоченность. Но мы все должны работать сообща и поддерживать АСЕАН в ее усилиях по продвижению вперед»²⁸.

Вслед за У. Шерман в конце июля глава Пентагона Ллойд Остин отправился в страны Юго-Восточной Азии – Сингапур, Вьетнам и Филиппины. Поездка Л. Остина стала первым после вступления Джо Байдена на пост президента США визитом высокопоставленного члена американского правительства в ЮВА. Анонсируя предстоящий визит министра обороны Л. Остина, пресс-секретарь Пентагона Дж. Кирби, сказал, что визит продемонстрирует важность, которую администрация Байдена-Харрис придает Юго-Восточной Азии и АСЕАН как важной части архитектуры Индо-Тихоокеанского региона. «Эта поездка подчеркнет неизменную приверженность США региону и нашу заинтересованность в поддержании основанного на правилах международного порядка в регионе и продвижении центральной роли АСЕАН»²⁹. Визит Л. Остина многие расценивают как дипломатический, он должен продемонстрировать значение, которое администрация президента Дж. Байдена придает ЮВА как «ключевой части Индо-Тихоокеанского пространства». Находясь на первом этапе тура по ЮВА, министр обороны США Л. Остин выступил 27 июля 2021 г. в рамках программы лекций Фуллертон в Международном институте стратегических исследований Сингапура с лекцией, в которой изложил видение администрации Джо Байдена для ИТР. В своей речи он заявил: «Теперь президент Байден ясно дал понять, что Соединенные Штаты будут руководить ди-

пломатией. И Министерство обороны будет здесь, чтобы обеспечить решимость и уверенность, которые американские дипломаты могут использовать в первую очередь для предотвращения возникновения конфликта. Как я уже говорил, всегда лучше затушить тлеющий уголек, чем пытаться потушить пламя». Далее он коснулся ситуации с кризисом в Мьянме: «АСЕАН также демонстрирует свою способность руководить решением наиболее важных вопросов региона. И мы приветствуем усилия АСЕАН по прекращению трагического насилия в Мьянме. Отказ вооруженных сил Мьянмы уважать неотъемлемые права бирманского народа и защищать их основное благополучие категорически неприемлем. Военные существуют для того, чтобы служить своему народу, а не наоборот. И поэтому мы призываем вооруженные силы Мьянмы придерживаться Консенсуса АСЕАН из пяти пунктов и установить прочный мир». Л. Остин также заверил друзей и союзников США, что Америка будет поддерживать их в противостоянии с Китаем³⁰.

Ранее, вскоре после апрельского саммита в Джакарте, 7 мая 2021 г. появилось сообщение, что Деловой совет США–АСЕАН, имеющий офисы в Вашингтоне, Нью-Йорке, Бангкоке, Ханое, Джакарте, Куала-Лумпуре, Маниле и Сингапуре, настоятельно призывает президента Джо Байдена назначить специального посланника по Мьянме, заявив, что «решительное руководство США может реально изменить ситуацию в условиях этого кризиса». По мнению совета, необходимо также заполнить пустующие должности американских послов в Сингапуре, Таиланде и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. «Правительство США должно полностью вооружить и развернуть свой дипломатический арсенал в АСЕАН, чтобы противостоять этому кризису, который включает в себя заполнение ключевых постов послов в Юго-Восточной

Азии и назначение специального посланника по Мьянме», – говорится в заявлении председателя и генерального директора совета А. Фельдмана. «Американское лидерство необходимо в этот критический момент, чтобы реализовать жизнеспособный путь вперед для Мьянмы и обеспечить стабильность в регионе»³¹.

По мнению эксперта по Мьянме Института мира в Вашингтоне Дж. Тауэра, Китай, возможно, полагает, что он успешно разработал сценарий развязки, который удержит военных у власти по милости Пекина. Но бешеная региональная дипломатия Китая – это шаг назад. Насилие в Мьянме будет продолжаться, как и разворачивающийся кризис региональной безопасности, вызванный экономическим коллапсом Мьянмы. Это оказывает давление на заинтересованные государства, такие как Индонезия, Малайзия и Таиланд, с тем чтобы они принимали трудные и смелые решения. Могут ли они начать работать за пределами обанкротившейся региональной Ассоциации? Могут ли они взять на себя ведущую роль в налаживании партнерских отношений с Индией, Японией, США или другими заинтересованными государствами? Может ли возникнуть новая конфигурация заинтересованных сторон, которая сможет выработать решительный ответ на реальную движущую силу нестабильности: вооруженные силы Мьянмы? Отвечая на эти вопросы, эксперт считает, что настало время тем, кто надеется увидеть жизнеспособное государство в Мьянме, признать суровую реальность: АСЕАН фактически была нейтрализована Китаем и потеряла всякую способность эффективно урегулировать региональный кризис, вызванный одним из ее членов.

Четырехсторонний диалог (Quad) по вопросам безопасности, теперь имеет шанс кардинально переосмыслить себя в качестве платформы региональной безопасно-

сти, которая может предпринять смелые шаги, которые АСЕАН не может или не будет предпринимать. Он должен начать с назначения своего собственного посланника по четверке, чтобы сосредоточиться на соседях Мьянмы, особенно Китае, и убедить Пекин в том, что неверное понимание стабильности Мьянмы подрывает региональную стабильность, которая является основой любой успешной экономической инициативы³².

Таким образом, на сегодняшний день мнения сходятся на необходимости назначения всеми заинтересованными сторонами – АСЕАН, США, Quad своих специальных посланников. Напомним, что уже назначенный специальный посланник ООН по Мьянме швейцарский дипломат Кристин Шранер Бургенер не имеет возможности посещать эту страну. Во время апрельского саммита в Джакарте она беседовала со старшим генералом Мин Аун Хлаином, но так и не получила приглашения, или разрешения, посетить Мьянму. Можно напомнить и о трудностях в работе многочисленных специальных представителей и специальных докладчиков ООН по Мьянме, которые заканчивались отказом во въездных визах в страну. Нет гарантии, что и новых спецпредставителей не постигнут те же препоны.

Заключение

Теперь подведем итоги о реакции международной дипломатии и мирового сообщества на события в Мьянме, и как дипломатические усилия повлияли на ситуацию в Мьянме. Совет Безопасности ООН трижды обсуждал ситуацию в Мьянме после переворота и 10 марта было опубликовано итоговое заявление. СБ ООН неоднократно призывал к сдержанности и восстановлению демократических преобразований в Мьянме, но на закрытом заседании 18 июня 2021 г. не удалось принять решение об эмбарго на

поставки оружия. Совет потребовал соблюдения конституционного порядка, но не осудил военный переворот напрямую из-за позиции Китая и России, которые защищали национальный суверенитет Мьянмы. Китай публично отверг санкции как «неуместное вмешательство» 3 июля во время 9-го Всемирного форума мира, проходившего в Пекине. Министр иностранных дел Китая Ван И заявил, что главная цель состоит в том, чтобы помочь Мьянме как можно скорее найти политическое решение путем диалога и консультаций.

Генеральная Ассамблея ООН приняла первую обязывающую резолюцию по Мьянме 18 июня, в которой осудила государственный переворот, призвала прекратить поставки оружия в страну и немедленно освободить Аун Сан Су Чжи, президента Вин Мыйна и других высокопоставленных гражданских должностных лиц. Генеральный секретарь ООН повторил свой призыв к освобождению Аун Сан Су Чжи вновь 1 июля – после массового освобождения заключенных в Мьянме. Он также выразил глубокую озабоченность в связи с продолжающимися запугиванием и насилием, а также произвольными арестами. В начале июля Верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет предупредила, что политический кризис в Мьянме может перерасти в «многомерную катастрофу в области прав человека», которая может привести к массовым нарушениям безопасности и последствиям в регионе. Специальный посланник Генерального секретаря ООН по Мьянме, швейцарский дипломат Кристин Шранер Бургенер, посетила соседние с Мьянмой государства, но ей не разрешили въехать в страну.

Международные ответные меры вне ООН включали моральные призывы, общественное осуждение и применение целенаправленных санкций. В заявлении министров иностранных дел и развития «большой семерки» от

5 мая прозвучало решительное осуждение переворота и призыв к немедленному прекращению насилия. «Большая семерка» пообещала поддержать усилия АСЕАН по урегулированию конфликтов. В середине мая США, Великобритания и Канада ввели новый раунд скоординированных санкций, которые были расширены с персональных в отношении военных деятелей до государственных, связанных с армией предприятий, известных как получателей значительных доходов от продажи драгоценных камней и древесины твердых пород. В начале июля США ввели дополнительные санкционные меры против 22 членов режима и их близких родственников, а также нацелились на три китайские компании за оказание поддержки режиму Мьянмы посредством деловых отношений с находящимся под санкциями конгломератом *Myanmar Economic Holdings Limited* (MEHL). США и Великобритания также ввели санкции в отношении Государственного административного совета, руководящего органа хунты, в то время как ЕС ввел санкции в отношении Организации ветеранов войны в Мьянме из-за ее тесной связи с вооруженными силами. В настоящее время под санкции ЕС подпадают в общей сложности 43 физических и 6 юридических лиц, связанных с этим режимом. Эти ограничения включают замораживание активов и запрет на предоставление средств включенным в перечень физическим и юридическим лицам. Все перечисленные лица также подпадают под запрет на поездки, который не позволяет им въезжать на территорию ЕС или пересекать ее транзитом³³.

Австралия, напротив, не ввела никаких новых санкций за последние четыре месяца после захвата власти, и некоторые эксперты находят ее бездействие в отношении военного лидера Мин Аун Хлаина как особенно озадачивающее. В первые дни после переворота Канберра действительно прекратила свою программу сотрудничества в

области обороны с Мьянмой. Она также перенаправляла помощь в целях развития таким партнерам, как Всемирная продовольственная программа ООН, чтобы не допустить поступления средств военному режиму. Давние ограничения на экспорт военной техники остаются в силе, как и санкции и запреты на поездки пяти офицеров, введенные в 2018 г. после того, как миссия ООН по установлению фактов задокументировала «акты геноцида в отношении мусульман-рохинджа Мьянмы». Но член миссии по установлению фактов, международный юрист по правам человека К. Сидоти сказал *Nikkei Asia*, что он был удивлен выбором, который правительство Австралии сделало в отношении применения санкций в первую очередь. «Они не ввели санкции в отношении двух человек, наиболее ответственных за то, что произошло с рохинджа – главнокомандующего и его заместителя», – сказал Сидоти. «Эти два человека также несут наибольшую ответственность за переворот и все, что произошло с тех пор». Он подозревает, что в случае с рохинджа ни Мин Аун Хлаин, ни его заместитель Со Вин не были подвергнуты санкциям, потому что Австралия хотела поддерживать связь с высшими военными чинами. Выступая на заседании Сената по бюджетным оценкам 3 июня, министр иностранных дел Австралии М. Пейн заявила, что вопрос о введении санкций все еще «находится на рассмотрении» и будет зависеть от «национальных интересов Австралии».

Бывший посол в Мьянме и президент Австралийского института по изучению Мьянмы К. Лэмб считает, что этот аргумент не выдерживает критики, и он не видит «никаких очевидных причин для бездействия». Одним из возможных объяснений такого мягкого подхода можно считать задержание австралийского ученого Шона Тёрнелла, который 6 февраля стал первым иностранным гражданином, арестованным в связи с переворотом. Он

ожидает суда в янгонской тюрьме Инсейн уже полгода, и ему может грозить более десяти лет тюрьмы за то, что он якобы пытался бежать из страны, располагая «секретной информацией». Может ли австралийское правительство воздерживаться от санкций, чтобы добиться его освобождения? Эксперты утверждают, что в такой стратегии было бы мало пользы. «Я полагаю, что сам Шон согласился бы с тем, что он один не должен быть причиной для того, чтобы правительство Австралии заняло позицию, которая удовлетворяет военных», – считает Лэмб. «Он задержан из-за его связи с Аун Сан Су Чжи», – сказал бывший посол в Мьянме Н. Коппел. «Я думаю, что главнокомандующий хочет добраться до Аун Сан Су Чжи, и Шона используют в качестве оружия в этой борьбе». Сидоти сказал, что заключение Тёрнелла в тюрьму является доказательством того, что нынешняя внешняя политика не работает и что военному режиму «наплевать на то, что думает Австралия». Пейн также указала на тот факт, что Япония, Южная Корея и члены АСЕАН тоже воздержались от введения новых санкций³⁴.

В середине мая Япония предупредила, что помощь Мьянме может быть заморожена после прекращения новых программ помощи, решение о которых было принято в феврале, когда Япония стремилась использовать свои рычаги в качестве главного донора для Мьянмы. Канада заявила, что ввела дополнительные санкции в отношении физических и юридических лиц, связанных с вооруженными силами Мьянмы, указав, что она готова предпринять дальнейшие шаги. Новая Зеландия ввела запрет на поездки для хунты Мьянмы и прекратила всю помощь, которая могла бы принести им пользу, фактически приостановив со страной все военные и политические контакты на высоком уровне.

*Премьер-министр старший
генерал Мин Аун Хлаин.
1 августа 2021 г.*

Фото: из открытых источников

Что касается главнокомандующего вооруженными силами Мьянмы старшего генерала Мин Аун Хлаина, то он остается фактическим лидером страны. 1 августа – ровно через полгода после переворота, старший генерал выступил по телевидению с обращением к народу. Он сообщил, что Государственный административный совет отныне будет считаться

временным правительством, а он сам берет на себя обязанности премьер-министра. Он заявил: «Мы выполним условия чрезвычайного положения к августу 2023 г. Я обещаю без оговорок, что выборы на многопартийной основе состоятся. Я гарантирую создание Союза [Мьянма], основанного на демократии и федерализме»³⁵. Он также заявил, что его администрация готова работать с любым посланником, назначенным АСЕАН.

На следующий день состоялась онлайн-встреча министров иностранных дел АСЕАН, в ходе которой было принято решение назначить специальным посланником региональной группировки в охваченной кризисом Мьянме второго министра иностранных дел Брунея Эвана Юсофа. Об этом было объявлено в совместном коммюнике, опубликованном 4 августа, через два дня после напряженной пятичасовой дискуссии. Источник в *тамадо* сообщил *Nikkei Asia*, что Мьянма «приняла» этот выбор³⁶.

За исключением незначительных изменений состав переименованного *временного правительства* остался прежним. Эксперты оценивают, что армейский лидер не намерен сдерживать экономический прогресс Мьянмы. В

Второй министр иностранных дел Брунея Эван Юсоф будет выполнять функции специального посланника АСЕАН в Мьянме.

Фото: © Reuters

отличие от предыдущего военного правления в Мьянме в 1980-х годах, полугражданский состав нового кабинета говорит о том, что военные готовы противостоять международному давлению и добиваться национального развития. Однако многие политики видят риск того, что Мьянма отстанет в своем развитии на несколько десятилетий и обратит вспять выгоды от демократического перехода.

Визит Мин Аун Хлаина в Москву в июне 2021 г. следует рассматривать как

новый дипломатический маневр старшего генерала после того, как в Нейпидо поняли, что поддержка со стороны АСЕАН и Китая может не быть такой прочной, как раньше. Тем более, что некоторые члены АСЕАН не скрывали своего негативного отношения к Государственному административному совету. Неготовность военного режима быстро стала реализовать принятый консенсус из пяти пунктов стал барометром его намерений. Поездка Мин Аун Хлаина в Россию в разгар международного осуждения февральского государственного переворота и на фоне продолжающихся усилий АСЕАН по установлению со-

трудничества с Мьянмой, также стала сигналом партнерам по диалогу, что Мьянма может еще больше сблизиться с Россией, если семья АСЕАН и другие решатся на усиление давления и станут добиваться изоляции режима. Помимо того, что Москва является основным источником импорта оружия для армии Мьянмы, Нейпйидо хорошо осведомлен о дополнительной стратегической ценности России как партнера в кризисные времена. В настоящее время связи Мьянмы и России достигли самого значительного уровня за всю историю двусторонних отношений.

Историк Тан Мьин-У считает, что правительствам, заинтересованным в мирном разрешении кризиса в Мьянме, необходимо опробовать различные инициативы с максимальной гибкостью, насколько это возможно, и использовать международную координацию. Он пишет, что «нет единого набора политических приемов, которые позволили бы вывести Мьянму из создавшегося положения». Нынешний кризис – это не просто результат февральского переворота, это результат десятилетий неудачного государственного и национального строительства, а также недостатков экономики и общества, в котором так долго было много несправедливости. «Сейчас необходимы серьезная дипломатия и хорошо подготовленные и продуманные практические стратегии. При этом есть все шансы, что в течение нескольких лет, а не волшебным образом в одночасье, Мьянма сможет стать мирной демократией, к которой так явно стремится ее народ»³⁷.

¹ О вооруженном нападении см. : Симония А.А. «Мьянма (Бирма) в тисках политического и экономического кризиса» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, М., ИВ РАН, 2003, С. 207–209.

- ² Thitinan Pongsudhirak. Myanmar's junta takes ASEAN for a ride. South-east Asian bloc in danger of whitewashing a heinous regime. Nikkei Asia. 28.04.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Myanmar-s-junta-takes-ASEAN-for-a-ride>
- ³ Ibid.
- ⁴ Kasit Piromya. ASEAN must be transformed or replaced. Nikkei Asia. 23.05.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/ASEAN-must-be-transformed-or-replaced>
- ⁵ Global New Light of Myanmar. Yangon, 7.06.2021.
- ⁶ Shotaro Tani. ASEAN meets with China as progress on Myanmar consensus stalls. Nikkei Asia. 7.06.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Coup/ASEAN-meets-with-China-as-progress-on-Myanmar-consensus-stalls>
- ⁷ Подробно о деятельности Разали Исмаила в качестве специального посланника Кофи Аннана в Мьянме см.: Симония А.А. ООН и Мьянма/Бирма // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIII. М., ИВ РАН. 2009. С. 96–116.
- ⁸ Siti Rahil and Chananthorn Kamjan. FOCUS: ASEAN deadlocked in selection of special envoy to Myanmar. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/fcb57b7aa094-focus-asean-deadlocked-in-selection-of-special-envoy-to-myanmar.html>
- ⁹ Bachelet issues strong warning of imminent further bloodshed and suffering in Myanmar. GENEVA. 11 June 2021. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/Media.aspx?IsMediaPageEN=true&LangID=R>
- ¹⁰ Nikkei Asia. 12.06. 2021.
- ¹¹ The Irrawaddy. 8.06.2021.
- ¹² Васильев В.Ф. «Дорожная карта к демократии» в Бирме/Мьянме // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., ИВ РАН. 2004. С. 106–116.
- ¹³ Thitinan Pongsudhirak. China Has Its Way With a Divided, Inert ASEAN. The Irrawaddy. 19.06.2021.
- ¹⁴ Подробно о поставках китайского оружия этническим армиям см.: Davis, A. China's loose arms still fuel Myanmar's civil wars. URL: <https://www.asiatimes.com/2020/01/article/chinas-loose-arms-still-fuel-myanmars-civil-wars/>
- ¹⁵ The Irrawaddy, 05.05.2021.
- ¹⁶ Those Who Support Myanmar's Junta Can Only Lose (Editorial). The Irrawaddy, 14 June 2021.
- ¹⁷ How the coup is destroying Myanmar's economy. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/06/23/how-the-coup-is-destroying-myanmars-economy/>

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Enze Han. China does not like the coup in Myanmar. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/02/06/china-does-not-like-the-coup-in-myanmar/>

²⁰ Ibid.

²¹ The Coup China Saw Coming in Myanmar – and Failed to Stop. The Irrawaddy, 9 July 2021. URL: <https://www.irrawaddy.com/>

²² Thant Myint-U. Myanmar's Coming Revolution. What Will Emerge From Collapse? URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/burma-myanmar/2021-06-11/myanmars-coming-revolution>

²³ Myanmar Junta Placing False Hopes in China's Vaccine Diplomacy. The Irrawaddy, 29 July 2021.

²⁴ Half of Myanmar's Population Could Have COVID-19 in Two Weeks, UN Told. The Irrawaddy, 30 July 2021.

²⁵ Подробно о внешнеполитической стратегии Б. Обамы см.: А. Симония. Мьянма: Арена «большой игры» за политическое влияние в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения, М., 2013, № 10, С. 76–84; Симония А.А. Первые шаги к стратегическому партнерству между США и Мьянмой / Тихоокеанское обозрение 2012–2013. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014, С. 209–231.

²⁶ The White House, USA. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210206/249082138.html>

²⁷ US prods ASEAN on Myanmar, rejects China's 'unlawful' sea claims. July 14, 2021 URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-prods-ASEAN-on-Myanmar-rejects-China-s-unlawful-sea-claims>

²⁸ Akane Okutsu and Eri Sugiura. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Transcript-Biden-s-No.-2-diplomat-on-Olympics-North-Korea-ASEAN>

²⁹ Ryo Nakamura. US defense chief Austin to visit Singapore, Vietnam, Philippines. 20.07.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/US-defense-chief-Austin-to-visit-Singapore-Vietnam-Philippines>

³⁰ Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Participates in Fullerton Lecture Series in Singapore. 27 July 2021. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2711025/secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-participates-in-fullerton-lecture-serie/>

³¹ US-ASEAN businesses urge Biden to appoint special envoy. 7 May 2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Coup/>

³² Jason Tower. China's subjugation of ASEAN is a great leap backward for Myanmar. Asia Nikkei, 16.06.2021 URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion>

³³ The Irrawaddy, 22.06.2021.

³⁴ Jessica Mudditt. Myanmar rights advocates blast Australian inertia on sanctions. 'It's crazy,' top lawyer says as Canberra resists calls to punish Min Aung Hlaing. Nikkei Asia, 02.07.2021.

³⁵ Myanmar army ruler takes prime minister role, again pledges elections. Nikkei Asia. 01.08.2021. URL.: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-army-ruler-takes-prime-minister-role-again-pledges-elections>

³⁶ ASEAN picks Brunei's Yusof as its special envoy to Myanmar. Nikkei Asia. 04.08.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/ASEAN-picks-Brunei-s-Yusof-as-its-special-envoy-to-Myanmar>

³⁷ Thant Myint-U. Myanmar's Coming Revolution. What Will Emerge From Collapse? - Foreign Affairs . July / August 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/burma-myanmar/2021-06-11/myanmars-coming-revolution>

Глава 6. КИТАЙСКИЙ ФАКТОР в КАМБОДЖИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Современная внешняя политика Камбоджи, как постоянно подчеркивает премьер-министр Хун Сен, зиждется на основах, которые были заложены отцом нации – королем Народомом Сиануком после провозглашения независимости страны в 1953 г.

Выбор внешнеполитического курса Камбоджи в постколониальный период являлся для молодого государства поистине судьбоносным решением. Н. Сианук хотел видеть свою страну независимой от великих держав, что, естественно, входило в противоречие с желанием участников «холодной войны» присоединить Камбоджу к одному из противостоящих блоков. В то же время он в полной мере сознавал невозможность развития национальной экономики без широкомасштабной внешней поддержки. Такую помощь, причем как с Запада, так и с Востока, Камбоджа могла получить лишь при условии проведения адекватной внешней политики. Ее важнейшим элементом Н. Сианук считал принцип равноудаленности от противоборствующих систем и в первые годы независимости неуклонно придерживался этого принципа, тщательно избегая проявления явных симпатий к кому-либо из международных партнеров. Формой, в которой камбоджий-

* **Сведения об авторе:** Бектимирова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, Россия, Москва, nabektimirova@yandex.ru

ские власти намеривались и даже первоначально пытались реализовывать нейтральный курс, была политика балансирования, с одной стороны, между великими державами, с другой – в отношении региональных соседей, имевших в Камбодже собственные, порой противоположные, интересы и долгосрочные планы. Однако в условиях жесткой биполярности в мире, высокого уровня конфронтационности и конфликтности в регионе Юго-Восточной Азии удерживать геополитическое равновесие, не втягиваясь в борьбу одних против других, было крайне трудно. Тем более, что сам принцип камбоджийского внешнеполитического нейтралитета носил не столько идеологический, сколько ситуативный характер.

Камбоджа, как небольшая по территории, населению и экономическому потенциалу страна, представляла собой фоновое государство, в целом, не сильно влиявшее на общерегиональный контекст. Зажатая между двумя более мощными соседями – Таиландом и Вьетнамом, отношения с которыми складывались неровно и хранили в исторической памяти кхмеров негативные моменты, связанные с посягательствами на её территориальную целостность, Камбоджа вынуждена была искать «гаранта» своей безопасности вне региона. В разные исторические периоды в качестве таких внерегиональных держав выступали КНР (в период правления Н. Сианука в 1960-е гг. и режима «красных кхмеров» в 1975–1978 гг.), США (при режиме Лон Нола в 1970-е гг.) и СССР (в период НРК в 1980-е гг.). Хотя во второй половине XX века в Камбодже неоднократно наблюдалась радикальная смена политических режимов, для всех них было характерно формальное сохранение конституционно закрепленного курса нейтралитета. От этой традиции не отступили и власти нового, образованного в мае 1993 г., государства – Королевство

Камбоджа, взявшего курс на восстановление политики внешнеполитического нейтралитета.

В конституции Камбоджи 1993 г. декларируется, что страна является независимым, суверенным, мирным государством, проводящим политику нейтралитета и неприкосновенности. В 53-ей статье Основного закона говорится, что Камбоджа придерживается политики мирного сосуществования с соседними государствами и со всеми странами мира, что она не вмешивается ни прямо, ни косвенно во внутренние дела других государств и все проблемы решает мирным путем на основе учета взаимных интересов¹. Конституция постулирует, что страна не входит в военные союзы и пакты, а также не размещает на своей территории военные базы иностранных государств, так как это противоречит политике нейтралитета. При этом указывается, что государство оставляет за собой право получать военную помощь от иностранных держав в виде вооружений, подготовки кадров и в других формах, необходимых для обеспечения самообороны, поддержания общественного порядка и безопасности страны².

В 1990-е годы перед правительством страны стояла насущная потребность диверсифицировать международные связи в условиях изменившейся системы международных отношений, новых стратегических задач развития – перехода к демократии и рыночной экономике, а также необходимости формирования нового политического имиджа. Упор был сделан на развитие отношений со странами региона и на восстановление связей с ведущими мировыми державами, в первую очередь, с США и КНР, контакты с которыми были прерваны по идеологическим соображениям в 1980-е годы.

Дипломатические отношения с КНР и США были восстановлены почти одновременно – в ноябре и декабре 1991 г. соответственно. В целом, отношения Камбоджи и с

США, и с КНР знавали как периоды теснейшего сотрудничества, так и открытого противостояния. Многие трагичные события в истории Камбоджи во второй половине XX в. были прямо или косвенно связаны с этими двумя державами. Негативный бэкграунд во взаимоотношениях с США касался периода массированных американских бомбардировок территории Камбоджи, свержения режима Нородома Сианука и вовлечения страны во вторую Индокитайскую войну в 1970-е годы. Так, премьер-министр Хун Сен публично обвинял американцев в том, что «если бы они не устроили переворот и не развязали в Камбодже войну, “красные кхмеры” бы никогда не пришли к власти»³. «Упреки» камбоджийцев к КНР касались её поддержки режима «красных кхмеров», которая, по мнению, Хун Сена, «помогала полпотовцам творить самые страшные злодеяния в Камбодже»⁴. Таким образом, политическая элита Камбоджи имела определенные предубеждения в отношении США и КНР, которые ей еще предстояло преодолеть. Многое зависело от того, как сами США и КНР намеривались выстраивать взаимоотношения с правящими элитами Королевства на новом этапе его политического развития.

Естественно, обе державы занимали особое место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи. При этом правящие круги страны придерживались единой точки зрения, которая состояла в том, что «американское влияние в ЮВА на разных поворотах истории может увеличиваться или сокращаться, а Китай является важным фактором для государств региона во все времена»⁵.

Следует выделить две особенности, характерные для внешнеполитической деятельности королевства в первое десятилетие – 1991–2003 гг. – его существования. Во-первых, к выработке внешнеполитического курса и его реализации был причастен довольно широкий круг госу-

дарственных деятелей, различной политической ориентации. Важную роль играли, как члены роялистской партии ФУНСИНПЕК, так и Народной партии Камбоджи (НПК). В 1993–1997 гг. должность министра иностранных дел занимал высокопоставленный деятель ФУНСИНПЕК – принц Нородом Сиривуд⁶, с 1997–1998 г. – его однопартиец Унг Хуот⁷. В 1998 г. пост главы МИДа перешел к представителю НПК – Хор Намхонгу, его заместителем был роялист Пуй Кеа. Разная партийная принадлежность высших дипломатов МИДа Камбоджи уже создавала определенный потенциал для альтернативности. Позднее, по мере консолидации власти НПК во главе с Хун Сеном, ситуация кардинальным образом изменилась. В условиях сильнейшей персонификации политического пространства страны премьер-министр стал главным лицом, принимающим важнейшие внешнеполитические решения. Его личные симпатии, антипатии, амбиции, его характерологические особенности стали влиять на внешнеполитический курс страны. Длительный опыт дипломатической работы[†], а также стремление «все держать под личным контролем» вселяли в Хун Сена уверенность в его способности самостоятельно без консультаций с советниками принимать решения во внешнеполитической сфере.

Во-вторых, в 1990-е годы западный вектор во внешнеполитической стратегии Камбоджи был преобладающим, что определялось ролью США и ЕС, как основных доноров по восстановлению королевства, контролировавших процесс его демократизации и реформирования социально-экономической сферы. Именно США и ЕС влияли на выделение финансовых траншей Всемирным Бан-

[†] Хун Сен занимал пост министра иностранных дел с 1979 г. по 1990 г. С 1985 г. совмещал его с должностью премьер-министра.

ком в зависимости от успехов в осуществлении политических и экономических реформ камбоджийского общества. Острейшая зависимость страны от внешней помощи вынуждала власти Камбоджи достаточно внимательно прислушиваться к мнению западных партнеров. К 2000-м годам ситуация несколько изменилась, западные страны уменьшили контроль над процессом демократизации в Камбодже и стали отдавать приоритет сохранению политической стабильности, как главного фактора для устойчивого экономического развития страны. Камбоджа же сумела диверсифицировать источники получения помощи, в первую очередь, за счет сотрудничества со странами Восточной Азии – Японией и КНР.

В 1993 г. два премьер-министра[‡] Хун Сен и принц Ранарит совершили первый официальный визит в КНР. Уже в ходе второго визита в Китай в июле 1996 г. Хун Сен заявил, что «Камбодже и КНР следует оставить в прошлом все взаимные подозрения»⁸. Знаковым в отношениях между КНР и Камбоджей стал 1997 г., когда в королевстве произошел, так называемый, июльский переворот, в результате которого НПК отстранила от власти насильственным путем принца Ранарита. Именно в этот непростой для Хун Сена период, когда на 52-ой сессии ГА ООН Камбоджу временно лишили места, а также отложили её вступление в АСЕАН, КНР поддержала камбоджийского премьера. Некоторые политологи считают, что в 1997 г. «Китай пригнул Хун Сена», другие же утверждают, что Хун Сен умело «разыграл китайскую карту». С этого времени Хун Сен не скрывал, что курс на расширение сотрудничества с КНР является одним из ключевых направ-

[‡] В 1993-1998 г. в стране было два премьер министра с равными полномочиями – принц Ранарит (первый) и Хун Сен (второй).

лений внешней политики Камбоджи. Премьер строго придерживался принципа «Китай – одна страна», а также соблюдал табу в двусторонних отношениях – никогда не касаться проблемы «красных кхмеров»⁹.

Уже с начала 2000-х годов премьер-министр стал все чаще говорить «о бескорыстной и неотягощенной никакими политическими условиями китайской помощи для развития четырех приоритетных для Камбоджи направлений – транспортной инфраструктуры, энерго и водоснабжения и человеческих ресурсов»¹⁰. В первое десятилетие XXI в. камбоджийско-китайское экономическое сотрудничество, быстро набравшее обороты, давало возможность кхмерским властям максимизировать не только экономические, но и политические выгоды. Уже в этот период экономический фактор использовался Хун Сеном как важнейший инструмент внутриполитической борьбы.

Развитие транспортной инфраструктуры на китайские средства (гранты и низкопроцентные кредиты) дало реальный толчок к диверсификации экономики, увеличению мобильности населения и повышению уровня жизни рядовых граждан, что позитивно влияло на внутриполитическую ситуацию в стране и способствовало имиджевому успеху премьер-министра, росту его популярности среди камбоджийцев. Все заслуги в развитии инфраструктуры приписывались лично Хун Сену, многим объектам присваивалось его имя. Как показывали опросы американских социологических служб в 2010–2012 гг., 80% населения считало, что страна под руководством Хун Сена движется в правильном направлении, обосновывая это успехами в сооружении инфраструктурных объектов¹¹.

Китай одним из первых признавал результаты парламентских выборов, тем самым, подтверждая легитимность власти Хун Сена. Подобная поддержка со стороны глобальной державы имела колоссальное значение для

премьера, особенно в условиях, когда парламентские выборы нередко оценивались международным сообществом как непрозрачные, нечестные и неконкурентные, а результаты их ставились под сомнение как мировой, так и камбоджийской общественностью.

Политическая и экономическая элита Камбоджи склонялась к более тесному сотрудничеству с Китаем также и из собственных интересов в надежде на личное обогащение. Непрозрачность каналов получения китайской помощи и условий реализации экономических проектов облегчала кхмерской бюрократии возможности получения прибыли. Общая культура ведения бизнеса – nepoтизм, коррупция, патронаж, система взаимных услуг – делала Китай в глазах правящего класса Камбоджи более привлекательным объектом для сотрудничества, чем США, взаимодействие с которыми требовало прозрачности и соблюдения законов. Важную роль в лоббировании интересов Китая играли влиятельные представители китайской общины в Камбодже, такие как Лао Менг Кхин – сенатор и личный советник Хун Сена, его жена Йией Пху – крупная фигура в местном бизнес сообществе, вице-президент Торговой палаты Фу Чан и др. Все эти люди являлись личными друзьями Хун Сена и крупнейшими спонсорами НПК. Таким образом, уже в первое десятилетие XXI в. политическое руководство Камбоджи в силу объективных и субъективных причин сделало выбор в пользу Китая, как главного внешнеполитического партнера.

Следует отметить, что в тот период правительство страны еще предпринимало некоторые усилия по осуществлению политики нейтралитета в традиционной для кхмеров форме балансирования между вне- и региональными акторами, в первую очередь, между КНР и США, КНР и Японией, КНР и Вьетнамом. При этом особенность

камбоджийской политики балансирования заключалась в том, что одним из постоянных элементов выстраиваемой Пномпенем системы «баланса» выступал Китай. Однако после 2010 г. внешнеполитическая стратегия Камбоджи в отношении Китая все больше реализовывалась в форме примыкания¹² и китайский фактор стал отражаться на камбоджийско-американских отношениях.

Именно в 2010 г. уровень сотрудничества между странами был поднят до всеобъемлющего стратегического партнерства. По случаю этого события председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «повышение уровня сотрудничества с Камбоджей – это важный политический выбор КНР»¹³. Китайская же пресса отмечала, что отныне «задача Китая состоит в том, чтобы помогать Камбодже поддерживать внутреннюю стабильность, наращивать экономический потенциал и играть большую роль в региональных и международных делах»¹⁴. Китай активно использовал потенциал своей экономической помощи Камбодже как эффективный геополитический инструмент.

Как фоновое государство Камбоджа стала все больше ретранслировать внешнеполитические установки Китая. Знаковым в этом отношении стал 2012 г., когда Камбоджа председательствовала в АСЕАН. В ходе встречи министров иностранных дел АСЕАН в Пномпене в июле 2012 г. глава МИДа Камбоджи Хор Намхонг отказался включать в заключительное Коммюнике какое-либо упоминание об обострении ситуации в Южно-Китайском море в районе мыса Скарборо, на чем настаивали Филиппины, а также о противоправных действиях Китая в ИЭС Вьетнама, аргументируя свою позицию тем, что данные вопросы относятся к сфере двухсторонних отношений этих стран с Китаем. В результате министрам иностранных дел стран АСЕАН так и не удалось выработать единую позицию по ситуации в ЮКМ, а также впервые за 45 лет существова-

ния Ассоциации не удалось принять общее Коммюнике по итогам встречи¹⁵. Подобная позиция Камбоджи негативно отразилась на ее международном имидже, западные политологи стали называть королевство «прокитайским» государством¹⁶. Однако это не привело к каким-либо подвижкам в позиции камбоджийских властей, которые по-прежнему продолжали именовать Китай «наиболее надежным другом».

С 2014 г. на постоянной основе начал работать китайско-камбоджийский межправительственный координационный комитет, одна из задач которого состояла в том, чтобы придать новый импульс всеобъемлющему стратегическому партнерству.

В последнее десятилетие премьер-министр Хун Сен постоянно подчеркивает, что Китай «мало говорит, но много делает для Камбоджи»¹⁷ и поэтому своей задачей лично он видит поддержку внешнеполитического курса КНР в регионе. По мнению американских аналитиков, безудержная пропаганда «безвозмездной» китайской помощи направлена на улучшение международного имиджа КНР¹⁸.

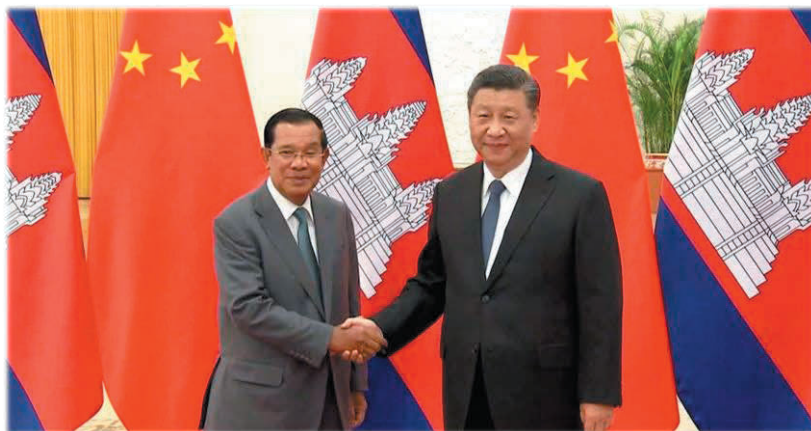
В последние годы в Камбодже наблюдается мощнейшее наращивание т.н. китайской «мягкой силы». В 2013 г. в Камбодже прошла ежегодная конференция «Институты Конфуция в Азии», выступая на которой Хун Сен, призвал учредить во всем мире день китайской культуры и китайского языка, а странам Азии пожелал не только «глубже приобщаться к китайской культуре, но и сделать китайский язык официальным»¹⁹. Позицию Хун Сена разделяют и другие представители политического истеблишмента. Так, председатель камбоджийско-

китайской ассоциации[§] – преуспевающий банкир Пунг Кхеау Се заявил, что видит одну из главных задач своей миссии в продвижении в Камбодже китайской культуры и языка. Руководители ассоциации утверждают, что стараются создать в Камбодже условия, которые позволят «сделать систему китайских школ массовой, как в материковом Китае». 2/3 учителей в ныне действующих школах – учителя из Китая²⁰. В Камбодже издаются 5 газет на китайском языке, владельцами которых являются местные окня**, тесно связанные с властными структурами. Все газеты имеют в своем штате значительное количество сотрудников из Китая. Как правило, редакционная политика в этих газетах нацелена на максимальную пропаганду позитивной информации о КНР и блокирование любых материалов, не отвечающих её интересам. С 2020 г. на постоянной основе функционирует камбоджийско-китайский аналитический Форум, задача которого «совместными научными исследованиями обосновывать значимость двухстороннего сотрудничества»²¹. Важным символом взаимной поддержки двух стран на международной арене стало публичное отстаивание Китаем права Камбоджи на «особый путь развития» в политической сфере, с которым начиная с 2016 г. ежегодно выступает на заседании комитета ООН по правам человека китайский представитель, когда обсуждается вопрос о ситуации в Камбодже²². Активно поддерживая авторитарный режим Хун Сена, Китай тем са-

[§] Образована в 2016 г.

^{**} Титул, который даруется королем крупным бизнесменам, пожертвовавшим не менее 100 тыс. долл. на различные экономические проекты.

мым увеличивает число своих союзников, выступающих за «национальные модели развития», альтернативные западной системе ценностей и управления.

Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Камбоджи Хун Сенем в Пекине. 5 февраля 2020.

Фото: © 2020 CGTN

Вот уже два десятилетия наблюдается невероятная интенсивность политических контактов между руководителями высшего уровня двух стран.

Китайские государственные деятели оценивают отношения с Камбоджей как «нерушимую, железобетонную дружбу»²³. Китайский посол в Камбодже Ванг использует любой предлог, чтобы публично заявить о том, что КНР и Камбоджа «отличные соседи, друзья, братья и партнеры», что никакие сложности, в том числе, пандемия, не могут остановить всеобъемлющее взаимодействие двух стран, еще одним свидетельством которого стало подписание в октябре 2020 г. соглашения о зоне свободной торговли между КНР и Камбоджей²⁴.

К настоящему времени КНР вышла на первое место по объему внешнеторговых связей с Камбоджей, которые достигли 9,5 млрд долл. К 2018 г. Китай профинансировал

строительство 70% всех объектов транспортной инфраструктуры, обеспечивал 43% потребностей в электроэнергии, предоставил 44% всех инвестиций и более 40% гуманитарной помощи²⁵.

В результате, экономическое и политическое взаимодействие с Китаем стало важнейшим фактором внутривнутриполитической жизни Камбоджи. Однако столь тесное сотрудничество правящих кругов Камбоджи с Китаем вызывает неоднозначную реакцию внутри самого камбоджийского общества. Как показывают социологические опросы, 56,5% камбоджийцев, признавая, что Китай вносит вклад в поступательное экономическое развитие их страны, тем не менее, выражают серьезное беспокойство по поводу столь мощного экономического присутствия Китая, считая, что оно чревато серьезными негативными последствиями для кхмерского общества²⁶. Так, по мнению кхмерских экспертов, чрезмерное засилье китайского капитала в свободных экономических зонах Камбоджи, к примеру, в провинции Преахсианук, приводит к вытеснению мелкого и среднего национального бизнеса, неспособного пока конкурировать с китайским, а также способствует монополизации рабочих мест китайскими рабочими в ущерб национальным трудовым кадрам. Непрозрачность многих китайских экономических проектов создает благоприятные условия для расширения коррупционной деятельности кхмерских властей. Обеспокоенность камбоджийской общественности вызывает и слабая проработанность экологической составляющей китайских инвестиционных проектов, что может иметь самые негативные последствия для окружающей среды. Местные власти с тревогой отмечают резкую активизацию в СЭЗ деятельности трансграничной организованной преступности.

Что же касается растущего политического влияния Поднебесной, которое объективно закрепляет доминиру-

ющее положение правящей Народной партии Камбоджи, то мнение рядовых граждан по этому вопросу в большинстве своем вообще негативное. Подобная ситуация вызывает серьезную обеспокоенность у 73,3% населения²⁷. При этом 23% респондентов и вовсе считают, что Китай заботится лишь о своих интересах и его цель – превратить ЮВА в исключительную сферу собственного влияния²⁸. Среди студентов высших учебных заведений 63,4% респондентов полагают, что Китай выстраивает свои отношения с Камбоджей исходя только из учета собственных интересов²⁹. По мнению президента Камбоджийской Академии наук Сок Тоутя, камбоджийско-китайские отношения на государственном уровне вызывают «истинную гордость и радость, а на уровне рядовых граждан все еще находятся под влиянием негативных стереотипов»³⁰. Камбоджийские власти знают о росте антикитайских настроений в обществе, однако Хун Сен считает, что он все держит под контролем и сможет справиться с этим вызовом.

Китай серьезно влияет на конфигурацию внешних связей Камбоджи с любой страной, но особенно с США, в связи с глобальным соперничеством Америки и Китая в регионе ЮВА. Как уже отмечалось, камбоджийско-американские связи отличались нестабильностью и имели негативный бэкграунд, связанный с периодом 1970-х гг. После 1994 г., когда дипломатические отношения между США и Камбоджей были восстановлены в полном объеме³¹, взаимодействие между двумя странами определялось не столько факторами международного и регионального характера, сколько ходом процесса демократизации камбоджийского общества. При этом США с недоверием относились к Хун Сену, считая его авторитарным политиком, и делали ставку на оппозиционных деятелей – принца Ранарита и Сам Ронгси. Многие годы американцы спонсировали оппозиционные партии – Партию Сам

Ронгси и Партию прав человека Кем Сокха, призывая их объединиться в рамках единой партийной структуры, что и произошло в 2012 г., когда была образована Партия национального спасения Камбоджи. Плотная опека со стороны США приучила лидеров оппозиции регулярно обращаться к Вашингтону с жалобами на те или иные действия Хун Сена, требовать оказать давление на официальные власти. Эти призывы, как правило, находили широкую поддержку в конгрессе США и, несмотря на более осторожную позицию Белого дома³², не раз приводили к введению санкций против отдельных представителей правящей элиты, что негативно сказывалось на двухсторонних отношениях. Впервые санкционный режим был объявлен в 1997 г. после так называемого июльского переворота. США, в частности, приостановили оказание Камбодже военной помощи, а помощь развитию, направлявшаяся ранее непосредственно правительству, стала реализовываться через сеть международных и местных неправительственных организаций^{††}. Использование НПО как агентов реализации программ помощи является устойчивым трендом внешнеполитической стратегии США в Камбодже. Так, к примеру, в июне 2021 г. американскую сторону не удовлетворила реализации камбоджийскими государственными структурами проекта по консервации природно-охранной зоны Прей Ланг. В результате они перенаправили финансирование в местные экологические НПО, заявив, что намерены не только повысить эффек-

^{††} Военная помощь была возобновлена в 2004 г. В 2004–2006 гг. Камбоджа получила военного оборудования и снаряжения на сумму 4,5 млн долл. Помощь развитию непосредственно правительству была возобновлена лишь в 2007 г., когда Камбодже было выделено 62 млн долл.

тивность проекта, но и поддержать местных активистов-экологов³³.

В 2017 г. в Камбодже функционировало более 100 американских НПО, задействованных в сфере здравоохранения, образования, экологии³⁴ и др. Их деятельность направлена не только на оказание конкретной социально-экономической помощи, но и на развитие активности и инициативы рядовых граждан, на установление тесных контактов с местным населением, на постепенное формирование основ гражданского общества.

Вопросы демократизации и прав человека всегда являлись камнем преткновения между правящими элитами Камбоджи и США. На любую критику американской стороны у премьера выработался стандартный ответ, что ситуация в Камбодже намного лучше, чем в других странах региона ЮВА. Так как Хун Сен не терпит, когда ему делают замечания, критикуют, дают указания, что подчас присутствует в манере общения американских дипломатов, то камбоджийский лидер нередко отказывается встречаться с американскими делегациями, чтобы избежать неприятной для него критики. Все возрастающая финансовая и политическая поддержка со стороны КНР развязывала руки правящему режиму, представители которого стали позволять себе достаточно резко реагировать на действия американцев. Так, к примеру, в 2013 г. США признали парламентские выборы в Камбодже несвободными и непрозрачными, и Белый дом заявил о намерении урезать помощь развитию. Хун Сен ответил довольно резко американцам: «Не надо так много говорить – урезайте вашу помощь, у нас есть кому её компенсировать»³⁵.

Новый импульс двухсторонним отношениям придал президент Б. Обама, который сразу же после прихода в Белый дом заявил о развороте политики США в сторону Азии. Для властей в Камбодже изменение курса прояви-

лось, в первую очередь, в установлении прямых контактов с американскими руководителями высшего звена. Так, в ноябре 2010 г. Пномпень посетила с официальным визитом Госсекретарь Хиллари Клинтон, в ноябре 2012 г. впервые в истории двухсторонних отношений – американский президент Б. Обама. В том же 2012 г. состоялся визит в Камбоджу министра обороны США Л.Е. Панетта, в марте 2015 г. в Камбодже с официальной культурной миссией побывала Мишель Обама. В январе 2016 г. Камбоджу посетил с рабочим визитом Госсекретарь Джон Керри.

*Президент США Барак Обама
и премьер-министр Камбоджи Хун Сен.
Фото: © 2012 CBS Interactive Inc.*

Стратегическая линия США в отношении Камбоджи в этот период была продиктована именно стремлением уменьшить экономическое и политическое присутствие Китая в королевстве. Так, в ходе своего первого визита в Пномпень госсекретарь Х. Клинтон в довольно жесткой форме призвала власти страны к более сбалансированной внешней политике, открыто заявила, что США не хотели бы видеть слишком сильное влияние только одной страны – Китая – в Камбодже³⁶. Джон Керри повел себя более

сдержанно и сразу объявил, что «он не намерен принуждать Камбоджу делать выбор между США или Китаем». На что, премьер-министр Хун Сен тут же парировал, что «Камбоджа давно уже сделала выбор, она остро нуждается в дружбе обоих государств»³⁷.

В целом, пик в развитии двухсторонних отношений пришелся на второй президентский срок Б. Обамы (2013–2016 гг.). Хотя в эти годы со стороны американцев высказывалось много нареканий на ситуацию с правами человека в Камбодже, по заявлению самого премьер-министра Хун Сена в 2016 г. отношения достигли невиданного доселе подъема³⁸. Существенное укрепление двухсторонних отношений признавала и американская сторона. Апофеозом камбоджийско-американских отношений стало участие премьер-министра Хун Сена в саммите США–АСЕАН в феврале 2016 г. в Калифорнии. Накануне саммита некоторые местные и международные правозащитные организации, указывая на проблему прав человека в Камбодже, выступали с громкой публичной критикой американской администрации за решение пригласить на саммит Хун Сена. Уже в первый день саммита Хун Сен выложил на своей странице в Фейсбуке около десятка фотографий высоких гостей форума и собственной персоны среди них. В комментариях он писал, что хочет проинформировать граждан своей страны о той высокой чести, которая была ему оказана американским президентом³⁹.

В тот период серьезно расширился спектр сотрудничества, он охватывал экономику, экологию, систему образования и культуры. Подъем отношений с США Хун Сен считал своей особой заслугой. Большое значение премьер уделял начавшемуся с 2009 г. развитию сотрудничества в военной области и сфере безопасности. США оказывали содействие Камбодже в подготовке армейских кадров для участия в миротворческих акциях и для проведения кон-

тртеррористических операций, помогали в разминировании территорий. С 2010 г. стали проводиться ежегодные американо-камбоджийские военно-морские учения «Ангкор Сентинел». Причем в рамках министерства обороны каналы сотрудничества с США в тот период курировали сыновья премьера – Хун Манет (начальник департамента по борьбе с терроризмом) и Хун Манит (начальник управления разведки и контрразведки). Уже в последние дни пребывания у власти администрация Б.Обамы предоставила Камбодже торговые преференции в поставках на американский рынок товаров туристического назначения, что было в высшей степени позитивно оценено бизнес сообществом Королевства, а также профсоюзными федерациями легкой промышленности, которые работают в тесном взаимодействии с Международной организацией труда (МОТ), Международной конфедерацией профсоюзов (МКП) и Американским центром международной трудовой солидарности (АЦТС). Одним из главных условий получения торговых преференций для Камбоджи на американском рынке является соблюдение страной международных норм трудового права, обеспечение трудовой безопасности наемных рабочих, а также развитие профсоюзного движения. Таким образом, расширение торговых преференций, как часть политики по экономической помощи Камбодже, американцы тесно увязывают и с программой по становлению гражданского общества. На это же было направлено и подписание в 2021 г. меморандума о сотрудничестве между Министерством труда Камбоджи и АЦМТС, который будет предоставлять профсоюзным организациям финансовую поддержку, помощь в подготовке кадров и юридическом обеспечении⁴⁰.

По данным социологов, в 2015 г. 62% камбоджийцев позитивно оценивали политику США в отношении их

страны⁴¹, а 38% и вовсе считали, что США – самый надежный внешнеполитический партнер Камбоджи⁴².

Хун Сен надеялся, что достигнутый уровень отношений сохранится и при следующем президенте – Д. Трампе (2017–2020 гг.), которому камбоджийский премьер-министр лично очень симпатизировал, так как считал, что тот не будет читать ему нравоучения по поводу прав человека и «давление» на Камбоджу существенно снизится. При Д. Трампе, как известно, во внешнеполитической повестке дня США не стояла задача продвижения во вне либеральных демократических ценностей. Это было выгодно политической элите Камбоджи, которая считала, что американская политика в отношении их страны будет носить более прагматичный, экономико ориентированный характер. В ответ на поздравления по случаю своего избрания на пост президента Д. Трамп направил Хун Сену письмо с заверениями в том, что американская администрация уважает суверенитет Камбоджи, строго придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других стран и выступает за свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион. Перемену в геополитическом термине – с АТР на ИТР – руководство Камбоджи восприняло исключительно сквозь призму нараставшего американо-китайского соперничества в регионе.

В целом внешнюю политику Д. Трампа в отношении Камбоджи можно охарактеризовать как полное «безразличие». Первоначально казалось, что даже и в отсутствие какой-либо особой заинтересованности со стороны США странам вполне удастся сохранить существовавший уровень взаимодействия. Позитивным знаком было сохранение для Камбоджи прежних объемов помощи в рамках Агентства по международному развитию, при том, что в целом сама программа Агентства подверглась сокращению, а также торговых преференций. Однако уже в пер-

вый год президентства Д. Трампа началось серьезное обострение отношений, инициатором которого выступила Камбоджа, что было вызвано исключительно внутриполитическими причинами.

В январе 2017 г. Министерство обороны Камбоджи в одностороннем порядке отменило на два года совместные военно-морские учения «Ангкор Сентинел», мотивировав это, «необходимостью решать более срочные проблемы», к числу которых были отнесены кампании по борьбе с наркотиками и подготовка к выборам в местные органы власти (июнь 2017 г.) и в парламент (июль 2018 г.). Официальное заявление об отмене камбоджийско-американских учений последовало вскоре после завершения в декабре 2016 г. широкомасштабных двухнедельных камбоджийско-китайских учений «Золотой Дракон»⁴³. Американское посольство в Пномпене небезосновательно расценило это как «пренебрежительный акт в отношении США и подбострастный в отношении КНР»⁴⁴. Как известно, накануне своей инаугурации и в первые месяцы президентства Д. Трамп неоднократно заявлял о намерении пересмотреть торговые отношения с Китаем, сделать их экономически более выгодными для США, делал двусмысленные заявления по поводу формулы «единого Китая». В этой ситуации неопределенности в американо-китайских отношениях политические элиты Камбоджи своей отменой предстоящих американо-камбоджийских учений продемонстрировали символическую поддержку Китая.

В апреле 2017 г. правительство Камбоджи без объяснения причин приостановило деятельность строительного батальона морской пехоты США, который выполнял гуманитарную миссию и занимался строительством в сельских районах страны различных объектов социального назначения. Всего силами данного батальона в 11 про-

винциях Камбоджи было ведено в строй медицинских и учебных учреждений на сумму 5 млн долл. США⁴⁵.

В ответ на «недружелюбное» поведение камбоджийского руководства американский посол в Пномпене господин Вильям Хейд публично напомнил о финансовом долге Камбоджи который, по мнению посла, она, «как успешно развивающаяся страна, вполне способна вернуть США»⁴⁶. В. Хейд пригрозил, что «американская сторона обратится в МВФ с просьбой ограничить выдачу Камбодже новых кредитов, как стране, которая не выполняет свои международные обязательства»⁴⁷.

Речь шла о кредите, предоставленном США правительству Лон Нола, которого они посредством военного переворота привели к власти в 1970 г. В период 1972–1974 гг. департамент сельского хозяйства США выделил Лон Нолу сумму в 274 млн долл. на закупки продовольствия, в котором остро нуждалась страна, так как в результате военных действий сельскохозяйственное производство было полностью дезорганизовано. Однако общеизвестно, что режим Лон Нола использовал деньги главным образом на военные нужды, т.е. на борьбу против той части собственного населения, которая сражалась в рядах Национального Единого Фронта Камбоджи (НЕФК). Кредит предоставлялся как беспроцентный в течение первых 15 лет, а потом под 3% годовых. В результате к 2017 г. общая сумма задолженности составила порядка 505 млн долл.⁴⁸. Вопрос о задолженности неоднократно обсуждался между сторонами, но разрешения так и не получил. В 1995 г. США предлагали Камбодже списать 58% долга, а остальную сумму заплатить. Но в тот период Камбоджа еще надеялась, что ей удастся убедить США списать весь долг, как «политически мотивированный». Однако американцы предпочли использовать долг как своего рода инструмент давления на камбоджийские власти. Так, в 2009 г.

после депортации камбоджийскими властями в Китай 20 уйгурских беженцев американские конгрессмены внесли в Акт о торговле с Камбоджей поправку, которая усложнила для правительства процедуру списания или сокращения долга⁴⁹.

После избрания Д. Трампа в камбоджийской прессе утверждалось, что Хун Сен намеревался официально обратиться к новому президенту с просьбой о списании долга. Однако после выступления американского посла тема «грязного» долга стала объектом публичных нападок со стороны Хун Сена. Так, на открытии морского фестиваля в провинции Преахсианук премьер, в частности, заявил: «Мне трудно объяснить камбоджийцам, почему мы должны отдавать долг за деньги, на которые закупались бомбы и пули, которыми убивали кхмерский народ. Мы не требуем от США оплатить нам ущерб, причиненный войной, в результате которой Камбоджа оказалась полностью разрушена[‡]. Мы просто хотим, чтобы Америка понимала свою ответственность за так называемый долг»⁵⁰. Тема долга затрагивалась и на международной конференции по правам ребенка, проходившей под эгидой ЮНЕСКО в Си-емреапе в 2017 г. В приветственной речи Хун Сен, говоря о трагических последствиях военных действий на Ближнем Востоке для детей региона, прямо указал на одного из виновников этих событий – США. Затем он вновь обратился к истории Камбоджи и, в частности, заявил: «Когда Америка вторглась в Камбоджу, сколько детей погибло, было

[‡] С целью уничтожения так называемой тропы Хо Ши Мина США сбросили на восточные районы Камбоджи около 500 тыс. т бомб.

ранено, стало инвалидами, умерло от голода? США вторгаются в чужие страны. Они спровоцировали Индокитайскую войну, убивали жителей нашей страны, а теперь требуют вернуть им долг»⁵¹. Хун Сен постоянно проводил аналогии между событиями 1970-х гг. в Камбодже и современной политикой США на Ближнем Востоке. Его фраза – они бросали бомбы на наши головы, а мы должны им за это платить – обошла все ведущие СМИ страны⁵². Как отмечали камбоджийские политологи, прежде Хун Сен вел себя осторожнее в отношении США и не позволял столь резких высказываний.

Камнем преткновения стала и проблема репатриации кхмерских граждан из США. Между странами действует меморандум 2002 г., по которому кхмеры, являющиеся резидентами США, совершившие уголовные преступления и отсидевшие положенный срок, высылаются обратно на родину. Всего в 2003–2017 гг. более 500 человек попали в данную категорию граждан. В среднем в год из США высылалось порядка 40 человек. В 2017 г. около 30 человек ожидали репатриации. Кхмерские власти не хотели выдавать им въездные документы, а американцы в ответ угрожали сократить помощь. Все репатрианты, хотя и имели камбоджийское гражданство, покинули Камбоджу еще в раннем детстве и не имели там ни жилья, ни родственников. Большинство обзавелись уже собственными семьями в США. Многие даже не владели кхмерским языком. Потеряв родных при «красных кхмерах», они проживали в лагерях для беженцев в районе тайландской границы, откуда и получили возможность уехать в США по программе помощи беженцам⁵³. Политика США в отношении кхмерских репатриантов, строго основывающаяся на принципах двухстороннего Меморандума 2002 г., была публично осуждена МИД Камбоджи как «направленная

на разделение кхмерских семей, проживающих в США», чего, по заявлению Министерства, оно «отныне больше не позволит делать»⁵⁴. Как оказалось, столь грозное заявление подразумевало намерение МИДа Камбоджи обратиться к американской стороне пересмотреть принципы Меморандума.

Усиление антиамериканской риторики объяснялось главным образом сложной внутривнутриполитической ситуацией, обусловленной близостью выборов в местные органы власти и в парламент. Руководству страны требовалось устранить с политической арены оппозиционную Партию национального спасения Камбоджи (ПНСК), – единственную, способную составить реальную конкуренцию правящей НПК в ходе очередного электорального цикла. ПНСК, позиционировавшая себя носителем либерально-демократических ценностей, пользовалась финансовой и информационной поддержкой США.

Разжигание антиамериканских настроений, которые в массовом масштабе в камбоджийском обществе отсутствовали, могли стать важным фактором «нейтрализации» главного внешнего критика режима Хун Сена. Как правило, после выборов оппозиция всегда обращалась за помощью к США, как определенному гаранту и витрине демократии, для оказания международного давления на Пномпень. Премьеру важно было показать, что США таковыми больше не являются и поэтому к их мнению можно не прислушиваться.

Власти Камбоджи обвинили оппозицию в подготовке «цветной революции» и попытке насильственного свержения правительства, что дало возможность начать судебный процесс против ПНСК и впоследствии ее распустить. Озвученная правительством официальная версия событий гласила, что планы по насильственному свержению законной власти готовились оппозиционной партией

при американской поддержке. США выступили с официальным опровержением, заявив, что никогда не имели намерения каким-либо способом влиять на изменение политического режима в Камбодже. Однако так как американцы не скрывали, что в рамках программы развития гражданского общества выделили оппозиционным партиям за последние двадцать лет не менее 4 млрд долл., а сотрудники американского посольства в Пномпене находились в постоянном контакте с лидерами оппозиции, то увязать действия ПНСК с поддержкой США не составило особого труда.

В результате в камбоджийской прессе развернулась мощная антиамериканская риторика. Власти позиционировали США как главного вдохновителя «цветной революции», а это означало, что мнение их главного внешнего критика не следует принимать во внимание, и что вообще любая критика политической ситуации в Камбодже со стороны США будет восприниматься как вмешательство во внутренние дела. Выступая на сессии ГА ООН в сентябре 2020 г., Хун Сен вновь упомянул о якобы предпринимавшейся извне попытке вмешательства во внутренние дела Камбоджи, подразумевая действия США. Премьер активно продвигает идею, которой придерживаются и руководители Китая, о том, что народы разных стран вольны в выборе модели развития, подходящей их условиям и традициям, что реализовать демократию можно разными способами и определять необходимую им степень демократичности могут только граждане данной страны.

Резкое сворачивание двухсторонних отношений при республиканской администрации фиксировали и социологические опросы. Так, по мнению 88,5% респондентов, при Д. Трампе уровень камбоджийско-американского взаимодействия существенно сократился⁵⁵.

Однако антиамериканская пропаганда не оказала негативного влияния на имидж Америки среди рядовых кхмеров, которые в целом продолжали воспринимать ее достаточно позитивно. 60% респондентов, участвовавших в социологических опросах, выражали полное доверие США как стратегическому партнеру в случае прихода новой посттрамповской администрации, которая, как они полагали, вновь обратит взоры на регион ЮВА⁵⁶.

Определенные позитивные подвижки в двухсторонних отношениях начались только в 2019 г. Они были во многом обусловлены некоторым смягчением политического климата в самой Камбодже, в частности, снятием домашнего ареста с лидера оппозиции Кем Сокха^{§§}. Он продолжал оставаться под следствием, но ему разрешалось свободно передвигаться по стране, встречаться с населением, но не заниматься политической деятельностью. В ответ на эти послабления представители американского посольства в Пномпене заявили, что будут лоббировать в Вашингтоне снятие визовых санкций, наложенных в отношении некоторых персон из правящей элиты Камбоджи. В начале 2019 г. в камбоджийскую столицу прибыла делегация США для ведения переговоров о возобновлении военного сотрудничества. В апреле 2019 г. в США для обсуждения вопросов по совместной борьбе с терроризмом был приглашен старший сын Хун Сена – генерал-лейтенант, заместитель главнокомандующего страны Хун Манет⁵⁷.

^{§§} Кем Сокха был арестован в 2017 г. по обвинению в государственной измене и попытке государственного переворота. В 2018 г. был переведен под домашний арест.

В первые месяцы пандемии премьер-министр предпринял важный шаг, направленный на улучшение имиджа страны. 16 февраля 2020 г. Хун Сен разрешил пришвартоваться в Преахсиануке круизному лайнеру *Westerdam*, конечным пунктом назначения которого должен был стать порт Йокогама. Однако власти Японии воспротивились высадке пассажиров, опасаясь распространения коронавируса. Позже лайнеру, на борту которого находилось около 1 500 западных туристов, отказали в заходе в свои порты Тайвань, Таиланд и Филиппины. Премьер-министр лично встречал пассажиров на берегу и дарил каждому национальный шарф – *кром*. Большую часть пассажиров – 651 человек – составляли американцы, которые потом в интервью корреспонденту *CNN* с восторгом рассказывали о теплой встрече, устроенной им местными властями. Свои действия Хун Сен мотивировал тем, что отсутствие паники, которое он на личном примере демонстрировал гражданам, является важным фактором успешной борьбы с эпидемией. Однако очевидно, что важнейшей составляющей этого шага было стремление расположить к себе общественное мнение в западных странах, продемонстрировать обстановку доброжелательства и отсутствие каких-либо публичных признаков авторитаризма, в которых премьера часто обвиняли правозащитники. Этот жест доброй воли премьера Камбоджи был позитивно встречен американским президентом Д. Трампом, который выразил благодарность Хун Сену. Американское посольство в Пномпене расценило действия Хун Сена как «в высшей степени гуманный акт»⁵⁸.

Системная активизация отношений началась лишь в 2020 г. и была обусловлена двумя причинами – сменой американского посла и 70-летним юбилеем дипломатических отношений. Осенью 2019 г. послом был назначен Патрик Мерфи, много лет работавший в ЮВА, отлично

знающий проблемы как региона, так и Камбоджи. В 2020 г. Камбоджа и США отмечали 70-летие установления дипломатических отношений. В Камбодже еще помнили масштабные торжественные празднования 60-летнего юбилея, который пришелся на президентство Б. Обамы.

Именно к 70-летней годовщине американская сторона приурочила целый ряд мероприятий, которые способствовали реальному оживлению контактов. Юбилейные празднования были выстроены американской стороной не как одноразовая акция, они были расписаны на весь год. Каждый месяц отводился под определенные мероприятия в той или иной сфере сотрудничества. Само разнообразие мероприятий свидетельствовало о том, что несмотря на имевший место в период администрации Д. Трампа застой в отношениях, сотрудничество между двумя странами охватывает широкий спектр направлений. Уже в январе 2020 г. была серьезно реанимирована программа экономического сотрудничества. В Пномпень прибыла солидная делегация американских бизнесменов, с которой обсуждались всевозможные проекты по развитию мелкого и среднего бизнеса. По мнению американских экспертов, в экономической сфере США должны действовать гибче, чем прежде и иначе, чем КНР – развивать бизнес не с государственными, а локальными структурами, внедряться путем активизации человеческих контактов, через мелкий и средней бизнес⁵⁹.

Американская торговая палата совместно с посольством разработала стратегию по продвижению американских товаров на кхмерском рынке. Важной частью этой стратегии является реклама американских брэндов (товаров и услуг), несколько десятков которых уже присутствуют в королевстве – Дженерал Электрик, Майкрософт, Форд, Амазон, Гугл, Фейсбук, Ватсап, Кока-Кола, Старбакс, Макдональдс. Поставлена задача продемонстриро-

вать их высочайшее качество, а также востребованность среди рядовых граждан. В целом в королевстве представлено немало американских компаний, но их в разы меньше, чем китайских. С американскими компаниями кхмерам труднее вести бизнес – у них сложнее условия работы, они требуют большей прозрачности и соблюдения законности. Американцев же отпугивает высокий уровень коррупции в Камбодже. Тем не менее, американские эксперты считают, что именно экономические связи должны стать базой для последующего, более углубленного взаимодействия в других сферах.

На государственном уровне была принята программа американской помощи развитию сельских районов Камбоджи, в частности, финансирования ирригационных сооружений, а также мелких и средних производителей на сумму в 50 млн долл. Американская сторона подтвердила сохранение за Камбоджей торговых квот на ряд изделий легкой промышленности на американском рынке, которые Камбодже предоставляются на регулярной основе еще с середины 1990-х годов, когда королевство входило в категорию одной из наиболее слаборазвитых стран мира. В целом, сфера двухсторонних торговых отношений оценивалась обеими сторонами как невероятно успешное сотрудничество. США вышли на второе место после КНР по объему внешнеэкономических связей с Камбоджей. В 2020 г. объем внешней торговли между КНР и Камбоджей составил 9,5 млрд долл., а между США и Камбоджей – 6,9 млрд⁶⁰. Причем, если в торговом балансе с КНР Камбоджа имеет солидное отрицательное сальдо, то с США – наоборот, положительное сальдо превышает 6,5 млрд долл. Даже в пандемический 2020 г. рост внешнеторговых связей между двумя странами составил 18%, а камбоджийский экспорт увеличился на 23%⁶¹. Основными экспортными товарами Камбоджи на рынок США являются одежда,

обувь, туристические товары, велосипеды и сельскохозяйственная продукция. Главная часть импорта из США представлена автомобилями и электроникой, спрос на которые имеет тенденцию к росту, особенно после того, как правительство Камбоджи весной 2021 г. снизило ряд таможенных тарифов на эти товары.

Американцы возобновили оказание помощи в образовании, здравоохранении и экологической сфере. Были разработаны и утверждены программы сотрудничества по борьбе с трансграничной преступностью: торговлей живым товаром, наркотрафиком, отмыванием денег, контрабандой культурных ценностей. Американское посольство организовало публичную церемонию по возвращению кхмерским властям 42 артефактов незаконно вывезенных из Камбоджи на территорию США. Был подписан договор о сотрудничестве между ФБР и национальной полицией Камбоджи.

Важное место в рамках сотрудничества заняла программа помощи по сохранению культурных памятников Камбоджи, которая финансируется из личного фонда посла. Она включает систему малых (10–200 тыс. долл.) и крупных (500–800 тыс. долл.) грантов, которые на конкурсной основе выделяются юридическим и физическим лицам, занимающимся реставрацией и консервацией архитектурных памятников. Продолжилось финансирование реставрационных работ в храме Бакхенг, на восстановление которого США уже потратили более 1,5 млн долл.⁶²

Важным имиджевым каналом остается помощь в рамках Агентства по международному развитию. В настоящее время она включает пятилетнюю программу с общим бюджетом в 11 млн долл. на развитие навыков чтения у детей 1–3 классов и реновацию школ. В 2020 г. через Агентство было выделено 52 млн на борьбу с пандемией.

Новый американский посол прилагал в 2020 г. максимум усилий для возобновления военного сотрудничества, в том числе совместных учений. Хотя камбоджийские власти охотно вели переговоры по данному вопросу, однако никаких реальных подвижек достичь не удалось. Тогда американцы решили активизировать гуманитарное сотрудничество с военными, в частности, предложили на безвозмездной основе организовать курсы английского языка для слушателей Университета национальной обороны Камбоджи, прислать преподавателей и обучающие материалы, что позитивно было воспринято кхмерской стороной.

Общую относительно благостную картину празднования 70-летия дипломатических камбоджийско-американских отношений испортили два события – снос в ноябре 2020 г. двух построек командного пункта на морской базе Реам. Одна была сооружена американцами в 2012 г., другая – американцами и австралийцами – в 2017 г. Причем, демонтаж был осуществлен без предварительного уведомления сторон. Лишь после американской ноты протеста МИД Камбоджи объяснил, что снос построек был обусловлен необходимостью модернизация порта Реам. По утверждению американцев, модернизация базы Реам является частью секретного договора о передачи прав на эту территорию китайцам на 50 лет. Официальные власти опровергают данную информацию и заявляют, что Конституция страны запрещает создание иностранных военных баз на территории Камбоджи. Достоверно известно лишь, что контракт на реновацию порта получили китайцы.

Публичная перебранка в камбоджийской прессе между американским послом и представителями Министерства обороны Камбоджи завершилась достаточно резким высказыванием министра обороны Теа Баня, заявив-

шего, что Камбоджа – суверенное государство и свободна развивать оборонную сферу в соответствии со своими национальными интересами, что «американцы не слишком много помогают кхмерам, но слишком много требуют от них». При этом министр с благодарностью говорил об усилившемся сотрудничестве Китая и Камбоджи в военной сфере и о низкопроцентном займе в 600 млн долл., выделенном китайцами для укрепления обороноспособности королевства⁶³.

Муассирование американцами темы базы Реам, отсутствие достоверной информации о ней, нервная ответная реакция кхмерских чиновников нанесли определенный репутационный ущерб Камбодже и вновь создали ей имидж «китайского агента влияния». Таким, достаточно противоречивым, был фон камбоджийско-американских отношений накануне прихода к власти в США новой демократической администрации во главе с президентом Дж. Байденом. Социологические исследования показывали, что камбоджийцы были уверены в активизации двухсторонних отношений при новом президенте, при этом 43% опрошенных считали это позитивным фактором. Однако 96% респондентов опасались, что Камбоджа вновь станет ареной соперничества между КНР и США.

15 декабря 2020 г. за три недели до окончательного объявления результатов выборов, премьер-министр Камбоджи направил Джо Байдену поздравление с его избранием на пост президента. В письме, в частности, говорилось, что правительство Хун Сена высоко ценит огромный политический опыт Байдена и полно решимости работать с новой администрацией, чтобы «поднять двухстороннее сотрудничество на более высокий уровень»⁶⁴.

Кхмерские эксперты первоначально источали определенный оптимизм, основанный на том, что, как показывал политический опыт их страны, президент-демократ

обычно проводил более мягкую политику в отношении Камбоджи, чем президент-республиканец. Однако, как только администрация Дж. Байдена озвучила новую внешнеполитическую концепцию, в которой важнейшей составляющей объявлялось продвижение демократии, то число скептиков относительно позитивных перспектив американо-камбоджийских отношений резко выросло. Именно продвижение демократии в Камбодже, на котором постоянно настаивают американцы и которому стойко сопротивляется правящая НПК, и является камнем преткновения в двухсторонних отношениях. Каждая из сторон оценивает процесс демократизации по-своему. Американский истеблишмент поддерживает тесные контакты с лидерами камбоджийской оппозиции, постоянно вызывающими к помощи США. Очевидно, что Америка и впредь будет усиливать давление на Хун Сена с тем, чтобы вернуть оппозиционеров, без которых она считает кхмерскую демократию неполноценной, в легальное поле. Хун Сен же никогда не пойдет на уступки в отношении некоторых из них, в частности, Сам Ронгси, которого он считает не столько политическим оппонентом, сколько личным врагом.

Знаковым событием 2021 г. стал однодневный рабочий визит в Камбоджу в начале июня заместителя госсекретаря США – Венди Шермон, в ходе которого состоялась ее встреча с премьер-министром. Визит В. Шермон был расценен политическим руководством страны как «имеющий важнейшее значение для укрепления и продвижения сотрудничества и дружбы между двумя странами»⁶⁵. Посещение Камбоджи американским дипломатом № 2 было обусловлено предстоящим в 2022 г. её председательством в АСЕАН. Американцы понимают необходимость активизации двухсторонних отношений, чтобы иметь возможность в большей степени влиять на повестку дня

АСЕАН в следующем году. Это будет вынуждать американскую сторону идти на определенные уступки и смягчить свою позицию по ряду спорных вопросов. К тому же, некоторые американские эксперты настаивают на необходимости изменить подход к Камбодже, перестать ее считать «прокитайской» страной, потерянной для США. По их утверждению, «потерянные элиты не означает потерянный народ»⁶⁶. В целом, председательство в АСЕАН объективно будет способствовать активизации контактов на высоком уровне между политиками двух стран.

Как следует из коммюнике⁶⁷ МИД Камбоджи, Хун Сен передал В. Шермон для Байдена предложения по двум вопросам, которые кхмеры давно поднимали – по реструктуризации долга и процедуре депортации на этническую родину американских кхмеров, нарушивших закон. В частности, кхмерская сторона предложила снизить процент по кредиту с 3 до 1%, выработать схему поэтапного возвращения долга, а 70% долга конвертировать в программу американской помощи в сфере образования, культуры и разминирования. Ход переговоров свидетельствовал о том, что скорее всего стороны смогут договориться о компромиссном варианте по долговым обязательствам Камбоджи.

В. Шермон заверила премьер-министра в интересе американских инвесторов к нефтегазовому сектору, ведь в декабре 2020 г. в Камбодже началась промышленная добыча нефти.

Как показала встреча, права человека по-прежнему оставались камнем преткновения в двухсторонних отношениях. В. Шермон, в соответствии с докладом Госдепа, дала критическую оценку ситуации с правами человека в Камбодже и призвала кардинально улучшить ситуацию к предстоящим электоральным циклам⁶⁸. В докладе Госдепа, опубликованном в марте 2021 г., в очередной раз содержа-

лась острая критика камбоджийского правительства, которое, по мнению американских правозащитников, «продолжает нарушать и ограничивать права человека, а также подавлять в стране политические свободы»⁶⁹. Пресс-секретарь правительства Камбоджи Пхай Сихан резко отреагировал на содержание доклада. Он, в частности, заявил: «Ни одна страна не должна брать на себя роль ментора. У каждой страны свой уникальный исторический опыт и собственный путь развития. Доклад лишь политизирует проблему прав человека и служит геополитическим амбициям США в регионе»⁷⁰. Жесткая позиция по правам человека в Камбодже, которую все эти годы занимали США, объективно оставляла правящим кругам Камбоджи мало пространства для маневра и вынуждала все в большей степени ориентироваться на Китай. Однако даже и в этой области в ходе визита В. Шермон появились косвенные признаки некоторых позитивных подвижек. Так, американский дипломат встречалась с оппозиционным политиком Кем Сокха, но нигде публично не упоминала о Сам Ронгси. А это уже некий компромисс со стороны американцев, ведь все-таки главным лицом оппозиции и яростным критиком режима всегда являлся Сам Ронгси.

В ходе встречи поднимался вопрос о базе Реам. Чтобы разрядить обстановку, министр обороны Камбоджи Теа Бань накануне приезда Шермон выступил с заявлением о том, что «Камбоджа долго искала денежные средства на реконструкцию базы Реам и смогла получить необходимую, очень значительную сумму, только от Китая, однако, по утверждению министра, это не означает, что Китай получит преимущественные права на пользование этой базой, которая будет принимать суда разных стран»⁷¹.

Желая продемонстрировать готовность сотрудничать с американцами по этому вопросу, Министерство обороны организовало для американского военного атта-

ше трехчасовую ознакомительную поездку на базу. Однако полковник Феррара остался неудовлетворен итогом, так как «ему не был обеспечен полный доступ ко всем объектам базы». Кхмерская сторона расценила данное высказывание как провокационное, заявив, что план визита был детально согласован с американской стороной, и что «ни одна страна никогда не позволит иностранному военному атташе иметь неограниченный доступ ко всем объектам военной инфраструктуры морской базы»⁷². Таким образом, ситуация с базой Реам продолжает вносить элементы конфликтности в двухсторонние отношения.

Еще один неприятный для кхмеров инцидент произошел с шестью камбоджийскими кадетами, обучающимися в престижных военных заведениях США, в том числе в академии Вест Поинт. В 2017–2018 гг. студенты получили через министерство обороны США стипендии на полный курс обучения в Америке. Однако летом 2021 г. правительство США заявило, что лишает их стипендий, так как некоторые программы двухстороннего сотрудничества в военной сфере сократились. Правительство Камбоджи заявило, что оплатит оставшийся срок обучения своих сограждан⁷³.

Данная акция носила символический характер. США хотели продемонстрировать свою неудовлетворенность позицией кхмерской стороны в сфере военного сотрудничества (база Реам, отмена военных учений). В тоже время они не желали нанести какой-либо ощутимый ущерб, в том числе финансовый, Камбодже. Кадетам оставалось учиться 1–2 года и сумма – около 1 млн долл., которую внесет за них государство, не разорительна для бюджета.

Однако независимо от истинных намерений США, данная история нанесла им репутационный ущерб. Во всех камбоджийских газетах были опубликованы матери-

алы о том, что США использовали кадетов, как пешки в своей геополитической игре в регионе.

Стороны подчас не могут прийти к консенсусу и по вопросам, где действительно наблюдается тесное сотрудничество, к примеру, в сфере борьбы с трансграничной преступностью, особенно, торговлей живым товаром. Камбоджийская сторона считает, что она выполняет все взятые на себя в этой сфере обязательства. По мнению же американцев, власти Камбоджи не предпринимают необходимых мер для серьезного улучшения ситуации.

В январе 2021 г. национальный комитет по борьбе с торговлей живым товаром Министерства внутренних дел Камбоджи в тесном взаимодействии с сотрудниками американского посольства подготовил отчет о проделанной за год работе. Однако 2 июля 2021 г. посольство официально опубликовало доклад Госдепа, в котором итоги работы кхмерской стороны вновь признаны неудовлетворительными. В докладе, в частности, отмечалось, что «камбоджийское правительство не выполнило необходимый минимум требований для искоренения торговли живым товаром, хотя и предпринимало серьезные усилия в этом направлении». Признавались успехи в создании базы данных по жертвам, мониторингу путей транспортировки, наказанию участников преступных группировок. В качестве главных слабых мест в работе государственных структур в этом направлении отмечалась всеохватывающая коррупция, недостаточная политическая воля властей в борьбе по искоренению торговли живым товаром, отсутствие в стране адекватной защиты жертв насилия со стороны государственных органов⁷⁴. В результате Камбоджа вновь осталась на прежнем месте – «Tier 2 Watch List» – во второй категории стран, деятельность которых не полностью соответствуют необходимым минимальным стандартам, но которые прилагают реальные усилия по её совер-

шенствованию. Деятельность таких стран требует дальнейшего мониторинга. Доклад Госдепартамента США вызвал крайне негативную реакцию со стороны официальных структур Камбоджи. Чоу Бун Енг – госсекретарь министерства внутренних дел и вице-председатель национального комитета по борьбе с торговлей живым товаром заявила: «Я не знаю, какие у США стандарты и что от нас хотят авторы доклада. Мы работаем в тесном взаимодействии с американцами в соответствии с нашими планами, возможностями и способностями, но каждый раз остаемся на прежнем месте»⁷⁵.

Усиливается соперничество между КНР и США и в реализации субрегиональных проектов сотрудничества со странами Меконга (Камбоджей, Вьетнамом, Лаосом, Таиландом и Мьянмой). Каждая из двух держав имеет собственный проект: Китай – Лангсанг-Меконг, США – партнерство Меконг-США. 3 августа 2021 г. состоялся второй саммит партнерства Меконг-США, сопредседателями которого были госсекретарь США Э.Блинкен и министр иностранных дел Камбоджи Прак Сокхон. Оба проекта создают дополнительные возможности для развития стран Индокитая и важно продуктивно воспользоваться ими, а не стать жертвами очередного противостояния двух глобальных держав.

Китай фактически «переиграл» США в период пандемии, активно используя «вакцинную» дипломатию. КНР предоставила Камбодже почти 10 млн доз вакцины в качестве гуманитарной помощи, а также обеспечил поставки 15 млн доз вакцины на коммерческой основе. Прибытие каждой новой партии вакцины сопровождалось выступлением китайского посла о том, что «камбоджийцы и китайцы как братья и друзья – члены “сообщества единой судьбы”, что Китай не только будет помогать Камбодже

бороться с пандемией, но и останется для нее прочной стратегической опорой...»⁷⁶.

Выступая с обращением к нации 1 июля 2021 г., Хун Сен заявил, что его стратегия опоры исключительно на Китай полностью оправдала себя. Он, в частности, заявил: «Меня спрашивают, почему я полностью ориентировался на Китай. А на кого я мог еще ориентироваться, кроме Китая? Скажите мне, кто бы еще нам помог? Вот – истинное положение дел. Многие обещали помочь, но на деле помог один Китай»⁷⁷. Выступая на международном форуме «Во имя человеческого благополучия: ответственность политических партий», состоявшемся 6 июля 2021 г. вновь поблагодарил публично Китай за помощь в борьбе с пандемией и вакцинацией населения, заявив что «Китайская помощь Камбодже – это инструмент укрепления ее политического суверенитета». Он, в частности, отметил: «Помощь китайских друзей на практике помогает нам не только развивать социально-экономическую сферу, бороться с бедностью, но и укреплять независимость в политической сфере»⁷⁸. Постоянное обращение Хун Сена к значимости китайской помощи в деле вакцинирования населения Камбоджи – страны с низким уровнем развития медицины являлось хорошей услугой для Китая в продвижении его «мягкой силы». Однако были причины и внутреннего характера, вынуждавшие премьера многократно разъяснять его позицию в данном вопросе. Во-первых, сам Хун Сен в начале пандемии заявлял, что не будет использовать вакцины, неодобренные ВОЗ. К моменту массовой вакцинации китайские еще не получили одобрения ВОЗ. Во-вторых, известно, что эффективность китайских вакцин невысока – не более 50% и насколько они смогут надежно предотвратить дальнейшее распространение вируса – не ясно. В третьих, именно действия четырех инфицированных китайских граждан, которые 20

февраля 2021 г. подкупили охрану, нарушили карантин и отправились в казино, дали толчок к началу второй волны пандемии в стране и вызвали рост негативных настроений в обществе в отношении китайцев⁷⁹.

Хотя США также внесли свою лепту в борьбу с ковидом в Камбодже, выделив 11 млн долл. на программы развития здравоохранения, это не имело такого позитивного резонанса, как помощь Китая. Партия вакцины *Johnson&Johnson* в 1 млн доз поступила в Камбоджу только 30 июля 2021 г., когда 70% взрослого населения было уже вакцинировано⁸⁰. Премьер-министр объявил о том, что американский препарат будет использован для вакцинации национальных меньшинств. Прибытие американской вакцины сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. В пресс-релизе посольства сообщалось, что всего с 1992 г. США выделили Камбодже помощи на сумму 1,5 млрд долл., в том числе 377 млн на развитие системы здравоохранения⁸¹. Однако никаких хвалебных комментариев со стороны премьер-министра в данном случае не последовало.

Таким образом, в ближайшие годы едва ли можно ожидать какой-либо перебалансировки во внешней политике Камбоджи. К числу объективных причин следует отнести уже упоминавшуюся экономическую зависимость от Китая – его инвестиций, помощи, инфраструктурных проектов, которая в предстоящие 2–3 года будет иметь тенденцию к серьезному увеличению. Если в течение почти двух последних десятилетий Камбоджа демонстрировала устойчиво высокие темпы экономического развития и входила в пятерку самых быстро растущих экономик Восточной Азии, то в 2020–2021 гг. ситуация кардинальным образом изменилась. Пандемия самым негативным образом отразилась на экономической сфере, оголив все ее слабые места – низкую конкурентоспособность, высокий

уровень логистических затрат, острый недостаток перерабатывающих мощностей в сельском хозяйстве, высокую зависимость от импорта комплектующих в легкой промышленности, малый сегмент производства продукции с добавленной стоимостью, высокий уровень теневого сектора. Последствия пандемии скорее всего сведут на нет прирост уровня доходов на душу населения, достигнутый как минимум за последние пять лет, и приведут к росту численности бедных слоев, в основном вследствие потери рабочих мест, разорения мелкого бизнеса и сокращения экономических возможностей теневого бизнеса.

Чтобы преодолеть форс-мажорные обстоятельства, стране потребуются серьезные финансовые вливания, за которыми она, скорее всего, будет обращаться к «самому надежному другу» – Китаю, который никогда не отказывал Камбодже в помощи. Правительство уже объявило, что в 2021 г. сумма внешних заимствований составит 20% национального бюджета, дефицит которого впервые за последние 20 лет достигнет 10% ВВП⁸². Таким образом, экономическая ситуация объективно вынуждает Хун Сена все более склоняться в сторону Китая, который, в свою очередь, рассматривает Камбоджу как единомышленника, готового продвигать китайскую повестку дня на региональной арене.

На 2022 г. в Камбодже намечены выборы в местные органы власти, в 2023 г. должны пройти парламентские выборы. Нестабильная экономическая ситуация может создать серьезные вызовы для партии власти. Уже в 2021 г. в стране отмечался рост забастовочной активности работников текстильной отрасли, неудовлетворенных уровнем государственной поддержки в условиях экономического кризиса⁸³. Чтобы иметь гарантии успеха на выборах, правящей НПК необходимо продолжать курс на изоляцию наиболее авторитетных оппозиционных лидеров – Сам

Ронгси и Му Сокхуа, которые были недавно приговорены к разным срокам тюремного заключения. Китай поддерживает политический режим Камбоджи, публично опровергает критику американцев внутренней политики Хун Сена, заявляя, что подобная критика строится на непонимании особенностей развития камбоджийского общества как постконфликтного, на шаблонном подходе к процессам демократизации в этой стране. Камбоджийскому премьер-министру импонируют подобные настроения и взгляды Поднебесной.

Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что рядовые граждане прекрасно осознают, что их страна, как, впрочем, и весь регион, стал ареной соперничества КНР и США. По данным 2020 г., 96,2% опрошенных камбоджийцев высказывали опасения, что в условиях растущего противоборства Китая и Америки в регионе ЮВА, их страна может превратиться в простую «пешку» и стать ретранслятором интересов одной из этих глобальных держав⁸⁴. 57,7% участвовавших в социологических опросах высказали мнение, что Поднебесная уже захватила лидерство в регионе⁸⁵. При этом лишь 26,7% респондентов приветствуют дальнейшее усиление китайского влияния в Камбодже и в ЮВА в целом. 42,9% опрошенных отдают предпочтение США, считая, что рост американского влияния помог бы создать более сбалансированную конфигурацию политического пространства⁸⁶. О необходимости более взвешенной политики говорят и кхмерские эксперты. Однако они же признают, что при нынешней правящей элите едва ли возможна какая-либо переориентация внешнеполитического курса Камбоджи. Дружить со всеми и держать ото всех определенную дистанцию у Хун Сена уже едва ли получится.

- ¹ The Cambodian Constitutions (1953-1993). Bangkok, 1995. P. 16.
- ² Конституция Камбоджи. Пном Пен, 1993. (на кхмерском языке). С. 17.
- ³ Brown M. & Zasloff J. Cambodia: Confounds the Peacemakers 1979-1998. L. 1998, P. 248.
- ⁴ Jeldres J.A. Cambodia's relations with China. A Steadfast Friendship. Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. By Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore, 2012. P. 82.
- ⁵ The Washington Post. 23.11.1993.
- ⁶ Правительства Камбоджи в 1945-2010 гг. Пном Пен, 2010. С. 172. (на кхмерском языке).
- ⁷ Там же. С. 181.
- ⁸ Jeldres J.A. Op. cit. P.88.
- ⁹ Jeldres J.A. Op. cit. P. 90.
- ¹⁰ См.: An. S. Assessment of Cambodia-US Relations 2009-2010. Working Paper. Phnom Penh. 2013.
- ¹¹ Электоральные процессы в странах ЮВА в XXI веке. Отв. редактор Бектимирова Н.Н. М., 2015. С. 236.
- ¹² См.: Королёв А. Стратегия средних стран в отношении великих держав. Опыт Малайзии. // Международные процессы. Том 16. № 1, 2018.
- ¹³ Xinhua. 12.04.2013.
- ¹⁴ China Daily. 01.03.2014.
- ¹⁵ Подробнее см.: Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в ЮКМ. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XX. М., 2013, №20, 17-39.
- ¹⁶ Kimkong Heng. Why Cambodia's image continues to falter. URL: <http://www.asiatimes.com>. 21.07.2020.
- ¹⁷ The Wall Street Journal. 06.09.2012.
- ¹⁸ Edel Ch. Cambodia's Troubling Tilt Toward China. URL: <http://www.foreignaffairs.com>, 17.08.2018.
- ¹⁹ Hun Sen. Speech at the Opening of the Conference of Confucius Institute. URL: <http://www.cnv.org.kh>, 29.05.2013.
- ²⁰ Pal Nyiri. Investors, managers, brokers and culture workers. // Chinese encounters in Southeast Asia. L. 2017. P. 37.
- ²¹ The Phnom Penh Post. 28.07.2021.
- ²² Бектимирова Н.Н. Камбоджа в 2016 г.: от политики диалога к политике конфронтации // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2016. № 32. С.74.
- ²³ Heimkhemra Suy. No simple solution to China's dominance in Cambodia URL: <http://www.eastasiaforum>, 20.12.2020.
- ²⁴ Phnom Penh Post. 25.07.2021. Соглашение вступит в силу в 2022 г.

- ²⁵ Heimkhemra Suy. No simple solution to China's dominance in Cambodia. URL: www.eastasiaforum.org. 20.12.2020.
- ²⁶ The State of Southeast Asia: 2020 survey report. ASEAN Studies Centre. Singapore. 2021. P. 16.
- ²⁷ Ibid., P. 18.
- ²⁸ Ibid., P. 35.
- ²⁹ UC Occasional Paper Series. V.1, Issue 1. The University of Cambodia. Phnom Penh. 2017. P. 53.
- ³⁰ The Phnom Penh Post. 28.07.2021
- ³¹ См.: 60-th Anniversary of Diplomatic Relations US-Cambodia. Phnom Penh, 2010. P. 6.
- ³² Thayer C.A. Cambodia-United States Relations / Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. By Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore, 2012. P. 98.
- ³³ The Phnom Penh Post. 17.06.2021.
- ³⁴ List of Foreign NGO which signed MoU with the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation. URL: <http://www.mfaic.gov.kh>
- ³⁵ The Phnom Penh Post. 05.08.2013.
- ³⁶ The Wall Street Journal. 01.11.2010.
- ³⁷ The Cambodia Daily. 06.02.2016.
- ³⁸ Бектимирова Н.Н. Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2017, № 35. С. 158.
- ³⁹ The Cambodia Daily. 19.02.2016.
- ⁴⁰ The Phnom Penh Post. 29.07.2021.
- ⁴¹ См.: Бектимирова Н.Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2015. № 26. С. 127.
- ⁴² UC Occasional Paper Series. V.1, Issue 1. P. 57.
- ⁴³ The Phnom Penh Post. 01.03.2017
- ⁴⁴ Hutt D. Cambodia, US duel over Vietnam War debt // Asia Times. 28.03.2017.
- ⁴⁵ The Cambodia Daily. 04.04.2017.
- ⁴⁶ Ibid. 06.02.2017.
- ⁴⁷ Hunt L. Should Cambodia Forget Forgiveness in its US Debt Controversy? // The Diplomat. 23.03.2017.
- ⁴⁸ The Diplomat. 23.03.2017.
- ⁴⁹ См. Бектимирова Н.Н. Традиционные факторы во внешней политике Камбодже на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2015. № 26. С. 125.

- ⁵⁰ Hunt L. Should Cambodia Forget Forgiveness in its US Debt Controversy? // The Diplomat. 23.03.2017; The Cambodia Daily. 26.12.2016.
- ⁵¹ The Cambodia Daily. 02.03.2017.
- ⁵² The Phnom Penh Post 02.03.2017.
- ⁵³ The Cambodia Daily. 30.12.2016.
- ⁵⁴ Ibid. 01.03.2017.
- ⁵⁵ The State of Southeast Asia: 2020 survey report. ASEAN Studies Centre. Singapore. 2021. P.39.
- ⁵⁶ UC Occasional Paper Series. V.1, Issue 1. P. 57.
- ⁵⁷ The Phnom Penh Post 09.04.2019.
- ⁵⁸ Подробнее см.: Бектимирова Н.Н. Политика властей Камбоджи в условиях пандемии Covid-19 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2020, № 47. С. 39.
- ⁵⁹ Edel Ch. Cambodia's Troubling Tilt Toward China. URL: <http://www.foreignaffairs.com>. 17.08.2018.
- ⁶⁰ Российская торговая палата. URL: <http://www.rcc-cambodia/com>; The Phnom Penh Post. 07.03.2021.
- ⁶¹ The Phnom Penh Post. 09.08.2021.
- ⁶² См.: 60-th Anniversary of Diplomatic Relations US-Cambodia. Phnom Penh. 2010.
- ⁶³ The Phnom Penh Post. 24.10.2019.
- ⁶⁴ The Phnom Penh Post. 17.12.2020.
- ⁶⁵ The Phnom Penh Post. 09.06.2021.
- ⁶⁶ Edel Ch. Op. Cit.
- ⁶⁷ Press Release 02.06.2021. The key Outcome of the Meeting Between Samdech Techo Prime Minister Hun Sen and the U.S. Deputy Secretary of State Wendy Ruth Sherman.
- ⁶⁸ Deputy Secretary of State Wende Sherman's Visit to Cambodia.//www.State.gov. June 1, 2021.
- ⁶⁹ The Phnom Penh Post. 31.03.2021.
- ⁷⁰ Ibid. 31.03.2021.
- ⁷¹ The Phnom Penh Post. 31.05.2021
- ⁷² Ibid. 13.06.2021
- ⁷³ Ibid. 01.07.2021
- ⁷⁴ The Phnom Penh Post. 05.07.2021
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ The Phnom Penh Post. 01.08.2021.
- ⁷⁷ The Phnom Penh Post. 01.06.2021.
- ⁷⁸ Ibid. 07.06.2021
- ⁷⁹ Chorn A., Stromseth J. Covid-19 comes to Cambodia. URL: <http://www.brooking.edu>, 19.05.2021.

⁸⁰ The Phnom Penh Post. 28.07. 2021.

⁸¹ Ibid. 10.08.2021.

⁸² The Phnom Penh Post. 25.03.2021.

⁸³ См.: Бектимирова Н.Н. Политика властей Камбоджи в условиях пандемии Covid-19.// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2019. № 47.

⁸⁴ The State of Southeast Asia: 2020 survey report. ASEAN Studies Centre. Singapore. 2021. P. 8.

⁸⁵ Ibid. P. 33.

⁸⁶ Ibid.

Глава 7. ТАИЛАНД в КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОБОРСТВА США и КИТАЯ в ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ *

Определить то, какое место Таиланд занимает в становлении новой модели международных взаимоотношений в Азиатско-Тихоокеанском и в Индо-Тихоокеанском регионе[†], можно опираясь на представление об общих тенденциях международной жизни на нескольких уровнях: глобальном, региональном и межстрановом. В самом общем плане, очевидно, что современный мир переживает кризис существующей модели капитализма, которая более не работает, а также общий кризис европейско-атлантической цивилизации, который проявляется в разных сферах – в экономике, морали, культуре, политике. Этот кризис неизбежно влечет крушение всей системы международных отношений. Однополярный мир американской гегемонии более не существует. На первый план выдвигает

* **Сведения об авторе:** *Фомичева Елена Алексеевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва, *elen-fomicheva@yandex.ru*

[†] Термин Индо-Тихоокеанский регион выдвинул индийский эксперт и аналитик Гурприт Кхурана, бывший морской офицер, в 2007 г., чтобы подчеркнуть роль Индии в регионе. В том же году этот термин употребил японский премьер Синдзо Абэ, имея в виду интересы Японии. Идею ИТР подхватили американцы с целью создать в регионе коалицию стран, противостоящих Китаю. Индо-Пацифика как термин стала употребляться некоторыми политиками и экспертами. Индонезия выдвинула свое видение концепции ИТР с центральной ролью АСЕАН, поддержанное членами Ассоциации.

ются сильнейшие соперники, которые реализуют свои собственные концепции международных отношений. Мир претерпевает кардинальные изменения. Этот кризис не одномоментен, он разворачивается во временном континууме и имеет несколько альтернативных вариантов развития. Сегодня трудно прогнозировать, каким путем пойдет развитие мира, можно лишь попробовать оценить возможные тенденции. Отчетливо проявляется соперничество США и Китая, противостояние США и России. Американская элита и американская бюрократия, которые определяют и осуществляют внешнюю политику США, стремясь утвердить свое главенство в будущей мировой структуре, все еще мыслят в парадигме господства Америки (что подтвердил новый президент США Дж. Байден) и противостояния экономическому конкуренту Китаю и экзистенциальному врагу России. В данном случае рассматривается противостояние США с Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в становлении которого как великой державы США сыграли определенную роль. Россия занимает в Азиатско-Тихоокеанском регионе особое место, ее значение и внешняя политика в регионе должны рассматриваться в общемировом контексте. Эта тема по широте охвата выходит за рамки отдельных регионов и требует специального рассмотрения.

Противостояние Китая и США носит по сути характер цивилизационного выбора, поскольку обе державы предлагают свое видение будущего устройства как в регионе, так и в мире в целом. Китай и США предлагают разные модели для мира. США в конечном итоге хотели бы видеть весь мир, разделенный на девять отраслевых и ресурсных хабов, которым бы руководил десятый, а именно США. Для внешнего использования эти цели вуалируются рассуждениями о демократии, но по сути дела американцы видят мир, где единолично главенствует Америка.

(Еще более далеко идущие планы изложены в книге Клауса Шваба «COVID-19: Великая перезагрузка», где предлагается как цель создание всемирного общества без государств под управлением ТКН, населенного людьми – функциями, по сути современными рабами, и немногочисленными «избранными», таким «золотым миллиардом»).

В противовес этому выступая на Давосском форуме в феврале 2021 г. Си Цзиньпин продвигал идею мултилатеризма, то есть мира разнообразия без давления единственной державы для развития всех народов. В арсенале китайской внешней политики есть также более общая идея «единой судьбы» и более функциональная «пояса и пути». Концепция «единой судьбы мира» дополняется планами Китая по воплощению концепции «единой судьбы с соседними странами» и предусматривает экономическое и социальное развитие евразийских регионов при очевидном лидерстве Китая. В давосской речи Си Цзиньпина прямо говорится о том, что Китай готов принять на себя роль мирового лидера. В практическом плане эти идеи реализуются Китаем через концепцию «Один пояс – один путь». И реальное усиление Китая, и открыто заявленная американцами борьба против Китая ясно демонстрируют нарастающее соперничество этих двух держав.

Инициатива «Один пояс – один путь» предложена в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином с целью активизировать международные многосторонние инфраструктурные проекты с использованием китайского, а также зарубежного капитала. К ней уже присоединились более 150 стран и международных организаций. Очевидно, что эта инициатива расширяет сферу влияния Китая на долгосрочную перспективу и в этой связи беспокоит США. (Байден предложил придумать нечто похожее в противовес Китаю).

Сегодня международная обстановка меняется так быстро и радикально, что вполне реально для Запада и, прежде всего США, попытаться выйти из кризиса через ограниченную войну, что могло бы сильно изменить всю картину международных отношений. Одним из возможных районов открытого военного столкновения США и Китая называют акваторию Тихого океана. В любом случае американо-китайское соперничество – это долгосрочная тенденция.

Администрация Дж. Байдена (с 2021 г.) заявляет, что США «вернулись, будут бороться за права человека [то есть вмешиваться во внутренние дела других стран – Е.Ф.], укреплять свои военно-политические союзы, противодействовать России и Китаю, которые являются наиболее серьезными противниками»¹. Более подробно задачи и методы США во внешней политике изложены в представленном в начале 2021 г. документе «Промежуточные стратегические наставления по национальной безопасности»². В документе говорится: «Перед лицом стратегических вызовов со стороны все более уверенно действующего Китая и создающей дестабилизацию России мы будем поддерживать боеготовность и обеспечим, чтобы ВС США оставались наиболее подготовленными и хорошо снабженными силами в мире. Соединенные Штаты никогда не станут колебаться, решая, стоит ли применить силу, если это необходимо для защиты наших жизненно важных национальных интересов»³. «Мы будем взаимодействовать с Китаем с позиции уверенности и силы». Таким образом, США настроены на утверждение своей гегемонии, вмешательство во внутренние дела других стран, проведение политики с позиции силы, называя своими противниками Китай (конкурент) и Россию (противник), для чего будут укреплять свои ВС, а также военные альянсы с перекладыванием части военных расходов на союзников.

Особое значение американо-китайское противостояние приобретает в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот географический регион с огромным потенциалом экономического развития чрезвычайно важен, поскольку на берегах Тихого океана расположены крупнейшая на сегодня экономика Китая, а также Япония, Южная Корея, успешно развивающиеся страны АСЕАН, Австралия. На другой стороне океана – США и страны Американского континента. Этот регион пронизан важнейшими путями морской транспортной инфраструктуры, которая соединяет его с другими океанами и морями. Он обеспечивает мировую торговлю и жизнедеятельность многих, в том числе крупных и влиятельных государств США, Китая, Японии, поскольку через тихоокеанскую акваторию проходят поставки энергоносителей, питающих экономику стран региона.

Обстановка в мире и в Тихоокеанском регионе, характеризующаяся соперничеством США и Китая, ставит перед странами ЮВА задачу в этих условиях найти такую формулу своей внешней политики, которая позволила бы сохранять независимость и создавать предпосылки для экономического развития, в том числе с привлечением капиталов, технологий и рынков сбыта крупных держав. Таиланд, как и другие страны региона, должен строить свою внешнюю политику, исходя из глобальной расстановки сил.

Стратегия США в регионе

В начале 2000-х гг. американцы были увлечены борьбой за контроль над Ближним Востоком, где они свергали правительства, развязывали войны, уничтожали государства, создавали хаос с целью утверждения своего контроля за добычей углеводородов и их транспортировкой. Они действовали в соответствии с концепцией Боль-

шого Ближнего Востока, разработанной в 2002 г., согласно которой изменения в регионе управляются извне (а именно из США) под предлогом демократизации авторитарных режимов. В соответствии с этой концепцией Вашингтон имеет право свергать любое правительство, которое, по мнению американцев, угрожает национальной безопасности США. В этот период они несколько ослабили внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону, который еще в конце XX в. рассматривался как потенциальный центр мирового экономического развития и возможный центр формирования новой системы миропорядка (по крайней мере, так это виделось политикам стран АСЕАН). В настоящее время на ИТР приходится 60% мирового валового продукта и более двух третей мирового экономического роста. По прогнозам, через 10 лет в этом регионе будет проживать две трети населения земли и будет сосредоточено две трети мировой экономики.

В определенный момент американцы поняли, что упускают регион, где усиливается Китай, который тем временем наращивал экономический и военный потенциал, укреплял свои позиции в АТР. Осознав это, США активизировали свою политику в регионе, что воспринималось как ответ на усиление Китая.

Три последовательных американских администрации пытаются перенастроить свою политику в регионе. Вначале произошел «поворот» президента Б. Обамы к Азиатско-Тихоокеанскому региону, затем «свободная и открытая Индо-Пасифика» Д. Трампа и политика Дж. Байдена по созданию военных антикитайских блоков в Индо-Тихоокеанском регионе. Пока все эти начинания Америки не имели особого успеха у стран АСЕАН.

При администрации Б. Обамы в рамках реализации его стратегии «поворота к Азии», был предпринят ряд мер, прежде всего, визиты на высоком уровне в страны ре-

гиона. Свой первый зарубежный визит после избрания президент Б. Обама в сопровождении госсекретаря Х. Клинтон совершил в Бангкок в ходе своей поездки по странам АСЕАН. Представители США вели речь о развитии экономических отношений со странами региона, о поддержке американцами свобод и прав человека, а также о военном сотрудничестве. Именно военное сотрудничество со странами региона они ставили во главу угла. Что касается «прав человека и свобод», прокламируемых американцами, то в регионе их в значительной мере воспринимают как инструмент давления США на внешнюю политику страны ЮВА и воздействия на их внутривнутриполитическую обстановку. Суть американской стратегии в регионе выразила Х. Клинтон в интервью журналу *«Foreign Policy»*: «США – тихоокеанская держава. Мы гордимся нашим европейским партнёрством и его результатами. Теперь наша задача состоит в том, чтобы создать сеть партнёрств и учреждений в Тихоокеанском регионе, которая была бы столь же долговечной и отвечала бы американским интересам и ценностям столь же полно, что и сеть партнёрств, которую мы создали на Атлантике. Это критерий всех наших усилий в этих областях. Наши договоры с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом являются опорной точкой нашего стратегического поворота к Азиатско-Тихоокеанскому региону»⁴. При этом американцы хотели часть расходов на военные нужды возложить на своих союзников в регионе. Однако перспектива увеличения военных расходов в интересах США была без восторга встречена в регионе.

Дж. Байден прямо назвал Россию и Китай противниками США, следовательно, и американская стратегия направлена против этих стран. В то же время усиление Китаем своего военно-морского флота в акватории Тихого океана и строительство китайцами искусственных остро-

вов, как и военных баз, вызывает беспокойство в некоторых государствах АСЕАН, что, казалось бы, создает предпосылки к сотрудничеству с США, однако их настороженность вызывает милитаристский настрой американцев. Страны АСЕАН не хотят вступать в прямую конфронтацию с Китаем.

Соперничество в Индо-Тихоокеанском регионе и роль АСЕАН

В этой обстановке получила развитие идея Индо-Тихоокеанского региона, высказывавшаяся Японией и Индией в 2007 г., каждой из стран в своих интересах и на своей концептуальной основе. В дальнейшем идея «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» стала рассматриваться как основа американской стратегии в регионе, ее активно продвигал Трамп в ходе своей поездки по странам региона в 2017 г. как инструмент противостояния Китаю⁵. В любом случае потенциал крупных региональных стран и давних союзников США – Австралии и Японии явно недостаточен, чтобы совместно с американцами противостоять могуществу Китая. Из азиатских стран эта роль под силу только Индии, которая сама имеет амбициозные планы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Индия и по территории, и по населению, и по экономическому и военному потенциалу – серьезный региональный игрок, имеющий пограничные проблемы с Китаем, который связан узами стратегического партнерства с Пакистаном, давним соперником Индии. Индия развивает свой военно-морской флот (хотя он уступает ВМФ Китая и США) и стремится играть активную роль на морях. Индия продвигает экономические и политические связи со странами региона, рассматривая его как сферу своего исторического влияния (действительно, воздействие Древней Индии, ее языка, культуры, религиозных представлений

на страны Юго-Восточной Азии трудно переоценить). В свою очередь, Китай также считает ЮВА зоной своего исторического влияния.

Идея политического расширения Тихоокеанского региона до Индо-Тихоокеанского, с опорой на четырехсторонний союз США-Японии-Австралии-Индии (так называемый *Quad*), фактически, – это предложенная американцами модель будущей расстановки сил в регионе. США развернули широкую дипломатию по сколачиванию антикитайского альянса, который в дальнейшем бесспорно будет и антироссийским.

В американском документе «Промежуточные стратегические наставления по национальной безопасности» (2021 г.) говорится: «Необходимо особое внимание уделять сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе и Западном полушарии. В частности, Вашингтон будет углублять партнерские отношения с Индией и Новой Зеландией, а также с Сингапуром, Вьетнамом и другими государствами АСЕАН»⁶. В этом контексте интересно и заявление адмирала ВМС США Ф. Дэвидсона – начальника Индо-Тихоокеанского командования. Выступая на слушаниях комитета Сената по вооруженным силам (2021 г.), он подчеркнул экономическое значение региона и заявил, что «военный баланс в ИТР становится все более неблагоприятным для Соединенных Штатов и наших союзников. С таким дисбалансом мы накапливаем риск, который может побудить Китай в одностороннем порядке изменить статус-кво, прежде чем наши ВС смогут дать эффективный ответ». Он особо выделил Тихоокеанскую оборонную инициативу, заявив, что она станет основой для создания сил передового базирования, позволит обеспечить глубоко эшелонированную оборону США и защиту их национальных интересов за рубежом, а также даст возможность

сдерживать агрессию и гибко реагировать в случае неудач в сдерживании противников⁷.

США предпринимают практические шаги – расширена зона ответственности 7-го оперативного флота США (части Тихоокеанского флота США с зоной ответственности в западной части Тихого океана и восточной части Индийского океана). В 2017 г. активизировался Четырехсторонний Диалог по безопасности (*Quad*). В Бенгальском заливе проводятся военно-морские учения *Malabar* с участием флотов США, Австралии, Японии, Индии. В 2021 г. к ним присоединилась Франция. Представители новой администрации США министр обороны Л. Остин и госсекретарь Э. Блинкен посетили Гавайи, Японию, Республику Корея и Индию, где продвигали свою концепцию политики коллективного противостояния Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе. Американцы считают ИТР – приоритетным театром военных действий и усиленно склоняют Индию к военному альянсу. Индия может ситуативно использовать *Quad* как некую поддержку в соперничестве с Китаем. Но маловероятно, что она будет вести военные действия против Китая в интересах США.

Таким образом, перспективы американской стратегии в широком Индо-Тихоокеанском регионе очевидны – сколачивание военного блока по типу НАТО с участием стран региона вокруг четверки основных участников с единственной целью – противостоять Китаю. США стремятся придать этому союзу, по преимуществу военному, широкий региональный характер с привлечением в него стран АСЕАН в качестве младшего партнера с очевидными антикитайскими целями.

Таиландский эксперт Кави Чонгкиттивон высказывает свое мнение об американской политике в регионе и дает ему оценку⁸. Он считает, что администрация Дж. Байдена успела создать три опасные ловушки, кото-

рые могут расколоть регион на части и привести к военным действиям: это совместные антикитайские действия, отношение к роли АСЕАН и американские интриги вокруг проблем субрегиона Большого Меконга. Прежде всего, США вовлекают в противостояние с Китаем своих союзников. Американцы дали понять, что не допустят первенства Китая ни в какой области, что США остаются ведущей державой и все, кто бросят им вызов, будут иметь проблемы. Таиландский эксперт выражает сомнения в успешности этой тактики в связи с внутренними и внешними проблемами США, а также учитывая отсутствие единства среди союзников США в АТР – Японии, Австралии, Южной Корее и существующие проблемы в их двусторонних отношениях. Во-вторых, отношение США к АСЕАН, где уже 5 лет нет американского представителя, воспринимается в регионе как неуважение к Ассоциации и низкая оценка ее роли. Наконец, попытка американцев через своих друзей в регионе противостоять Китаю, играющему ведущую роль в развитии субрегиона Большого Меконга. «В целом, – считает таиландский эксперт, – страны АСЕАН должны действовать в меняющейся международной обстановке дальновидно и в расчете на длительную перспективу. Иначе они могут оказаться вовлеченными в открытый конфликт. Учитывая напряжённые отношения США – Китай – Япония лидеры АСЕАН должны иметь ясный подход, чтобы не оказаться марионетками в игре сверхдержав»⁹. Эти выводы о складывающейся обстановке в регионе совершенно справедливы для Таиланда как члена АСЕАН.

В отличие от президента Д. Трампа, который концентрировал свое внимание на КНДР и КНР, президент Дж. Байден делает шаги для укрепления связи с союзниками в Юго-Восточной Азии. Знаком этого является создание поста координатора по Индо-Тихоокеанскому ре-

гиону и назначению на этот пост бывшего помощника госсекретаря Курта Кемпбела, одного из авторов «поворота к Азии». Администрация Байдена заявила о намерении противодействовать экономической политике Китая при помощи союзников в АСЕАН¹⁰. Однако США не предлагает членам Ассоциации привлекательной альтернативы экономического развития. В то время, как между членами АСЕАН и Китаем существует зона свободной торговли, с США ее нет. Подписание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) с участием Китая и АСЕАН еще более ослабляет позиции США. Таким образом, в плане экономического сотрудничества Китаю, в отличие от США, есть, что предложить странам ЮВА.

Американская концепция Индо-Тихоокеанского сообщества предусматривает вовлечение АСЕАН в новый союз с целью противостояния Китаю с акцентом на военно-стратегическое сотрудничество. Фактически речь идет о создании военного блока.

Однако у членов Ассоциации имеется собственное представление о сотрудничестве в этом регионе. Лидеры АСЕАН прекрасно понимают, что могут стать заложниками в игре амбиций великих держав. Принимая идею расширения региона до Индо-Тихоокеанского, лидеры Ассоциации выдвинули свою собственную концепцию сотрудничества в регионе, делая акцент на двух аспектах. Первое – центром такого сотрудничества должна стать АСЕАН (то есть, они предусматривают самостоятельную роль для Ассоциации, что является развитием концепции *ASEAN centrality*); второе – акцент в этой концепции делается на невоенное сотрудничество. Представления АСЕАН об идее Индо-Тихоокеанского региона нашли выражение в документе «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион». (*ASEAN Outlook on Indo-Pacific*). В документе как основа сотрудничества в регионе предло-

жен принцип «центральности» АСЕАН в политической конфигурации региона с использованием механизмов международного общения, выработанных АСЕАН и уже действующих, таких как многосторонние диалоговые форматы по вопросам азиатско-тихоокеанской безопасности с ведущими государствами мира, Региональный форум по безопасности АСЕАН, Восточноазиатский саммит и др. В отличие от американской концепции с ее упором на военное сотрудничество, смысл концепции, предлагаемой АСЕАН, – международная кооперация в целях мирного развития региона и всех стран, входящих в него. Сотрудничество предусматривается в следующих сферах: на море; в построении сетевых организационных структур между существующими региональными организациями, переговорными платформами и т.д.; в объединении транспортных инфраструктур; в создании единого открытого воздушного пространства; в развитии контактов между людьми в науке, культуре; в углублении экономической интеграции, финансовой стабильности и гибкости. Сотрудничество на море, включает разрешение споров в акватории океанов, свободу мореплавания, совместное решение экологических проблем сохранения океанов¹¹. Таиланд, как член АСЕАН, разделяет такой подход.

Понятно, что американцы не примут концепцию АСЕАН, лидеры которой будут использовать ее как переговорную позицию за сохранение собственной субъектности в предлагаемых США отношениях.

Американцы торопятся и, понимая, что АСЕАН будет отстаивать свою позицию в предлагаемом ими «четырехугольнике», администрация Байдена решила сделать акцент на отдельных странах-членах, а не на Ассоциации в целом. Поэтому вице-президент К. Харрис нанесла визит во Вьетнам, имеющий серьезные проблемы с Китаем в Южно-Китайском море, и в Сингапур, контролирующий

стратегический Малаккский пролив, где США имеют базы ВМС и ВВС.

Тайский взгляд на региональную политику

Рассматривая международную ситуацию, в которую вовлечен Таиланд, важно обратить внимание на то, как она понимается самими тайцами. Обычно от иностранных политологов-международников ускользает этот аспект, внешняя политика обычно рассматривается с позиций великих держав, что касается политических представлений стран региона, им уделяется меньше внимания. Видный тайландский журналист Кави Чонгкиттавон, оценивая визит вице-президента К. Харрис в регион в августе 2021 г., по сути дела, дает характеристику внешнеполитическим методам нынешней американской администрации. По его мнению, оскорбительный тон и уничижительная лексика в отношении Китая, использованные американским вице-президентом (а также госсекретарем Э. Блинкеном, министром обороны Л. Остином), неуместны в регионе. Рассматривать ЮВА через призму интересов США – контрпродуктивно. Он подчёркивает, что «ЮВА сосуществовала с Китаем тысячи лет и местные политики знают, как строить отношения с Срединным государством, а также и с другими странами». Это, по его мнению, объясняет, почему США сохраняют в регионе свое военное присутствие. «Как бы то ни было, страны Юго-Восточной Азии поддерживают всесторонние отношения с внешними державами для обеспечения стабильности и процветания – и, самое главное, их выживания»¹². В разгар борьбы с пандемией COVID-19 Китай предоставил региону большое количество вакцины (130 млн доз), и было бы наивным полагать, что Таиланд тотчас повернется к США, которые по словам К. Харрис, готовы предоставить вакцину (23 млн. доз) без каких-либо обязательств (как подчеркивают аме-

риканцы). «И это после Афганистана (воскликает тайландский журналист) и десятилетий американской дипломатической практики, привязанной к самым разным обязательствам, особенно относительно либерально-демократических ценностей!» Тайландский журналист упрекает К. Харрис в том, что она не уделила внимания роли и значению АСЕАН, отдав предпочтение новой американской концепции «четырёхстороннего диалога по безопасности». Фактически автор статьи недвусмысленно указал, что США не знакомы с историей и культурой стран ЮВА, не понимают местного менталитета и не намерены считаться с интересами стран региона, а пытаются грубо навязывать им свою волю.

Бегство американской армии из Афганистана нанесло удар по престижу Америки во всем мире и в странах АСЕАН. Администрации Дж. Байдена попыталась восстановить его через визиты высокопоставленных чиновников в регион (в том числе заместителя госсекретаря В. Шерман в Индонезию, Камбоджу и Таиланд; министра обороны Л. Остина в Сингапур, Вьетнам и Филиппины; а также участие госсекретаря Э. Блинкена в министерских встречах АСЕАН). Вице-президент К. Харрис сделала ставку на индивидуальной работе с Вьетнамом и Сингапуром и пыталась сместить акцент с военного аспекта, предлагая Вьетнаму вакцину от COVID-19 и развитие сотрудничества в здравоохранении. В частности, речь шла об открытии во Вьетнаме первого в регионе филиала Американского центра по контролю заболеваний. В Сингапуре она проводила идею о создании договора о цифровой торговле между несколькими странами региона, который мог бы охватывать цифровую безопасность и согласованные стандарты в новых технологиях, таких как искусственный интеллект и блокчейн.

Однако антикитайская риторика американских представителей и их явное стремление противопоставлять свою политику в странах региона Китаю, вряд ли принесет американцам успех, поскольку связи стран региона с Китаем в разных областях давно и прочно установились. Возобновление риторики времен Б. Обамы о «правах человека и западных ценностях» раздражает местных политиков, склонных в силу ряда причин к усилению авторитаризма.

Правительства здесь обеспокоены все более острым соперничеством между США и Китаем и доминированием так называемого «квартета», нового стратегического партнерства США, Австралии, Японии и Индии в американской дипломатии. АСЕАН боится потерять свою центральную роль в региональных действиях по обеспечению мира и безопасности. Для государств-членов очень важно, чтобы «четверка не расширялась и не затмевала АСЕАН»¹³. Как в этой связи развивается сотрудничество США с Таиландом, давним стратегическим партнером? Во-первых, заявленный Байденом акцент на некие «правила» (вместо международного права) и либерально-демократические ценности как основы внешней политики США, их насаждение по всему миру и «построение американцами наций в чужих странах» вызывает озабоченность в политических кругах Таиланда, имея в виду активное участие в политике военных и их авторитарные методы правления. По мнению тайландского аналитика Кави Чонгкиттавана, «такой подход может касаться союзников и друзей США, имеющих стратегическое значение, но не придерживающихся ценностей и норм, предпочтительных для Вашингтона. На ум приходят такие страны региона как Мьянма, Таиланд, Лаос и Камбоджа. Исключением является Вьетнам с его уникальным стратегическим значением для США». Американские планы «по-

строения наций и создания сообщества демократий» сузят их возможности сотрудничать со странами региона. Американцам следовало бы оставить намерения перестраивать чужие общества. В ЮВА такой подход вызовет обострение отношений США с Китаем и Россией, которые играют важную роль в регионе. Так, Россия продает здесь больше оружия, чем США. От экономического сотрудничества с Китаем выигрывают страны региона. За семь месяцев 2021 г. объем тайландо-китайской торговли вырос до 74,2 млрд долл., что на 30% больше, чем за тот же период прошлого года¹⁴. Поэтому американцам, по мнению тайского аналитика, не стоит вести игру против экономических связей стран региона с Китаем. Задача АСЕАН в условиях американо-китайского соперничества воспользоваться преимуществами сотрудничества со всеми странами в интересах стабильности и процветания.

Таким образом, планы американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе – сколачивание военного блока по типу НАТО с участием АСЕАН в качестве младшего партнера вокруг четверки основных участников с целью – противостоять Китаю, имеют мало шансов, поскольку не принимаются странами Ассоциации.

Очевидно, что нежелание АСЕАН вписываться в военное противостояние с Китаем в интересах США раздражает американцев, которые намерены форсировать создание военного блока в Индо-Тихоокеанском регионе. Поэтому они создают военный пакт с участием США, Великобритании, Австралии (AUKUS).

Усиление ВМС США, а также создание подводного флота Австралии (8 подводных лодок на атомных двигателях) очевидно создадут определенные проблемы для сравнительно слабых ВМС стран региона. Американцы также намерены вмешиваться в развитие территории Большого Меконга, где имеются противоречивые интере-

сы Китая, Мьянмы, Лаоса, Таиланда, Камбоджи, Вьетнама, и противодействовать там действиям Китая.

Экспансия Китая в Юго-Восточной Азии имеет долгую историю. В Китае с глубокой древности укоренилось в сознании представление об «универсальной монархии», где власть императора распространяется на весь мир, причем «Поднебесная» окружена варварами, которые с неизбежностью должны подчиняться Китаю¹⁵. Это представление оправдывало территориальную экспансию Китайской империи. Политическая экспансия Китайской империи в страны ЮВА выражалась в признании ими сюзеренитета Китая, который имел формальный характер и ограничивался, как, например, в средневековом Таиланде посылкой раз в несколько лет символического знака вассальной зависимости (*бунга масс*) ко двору императора, одновременно приплывшие из Сиам (Аютхай) корабли получали разрешение на торговлю к совей выгоде привезенными товарами. Политическая экспансия Китая была прервана с приходом в Азию западных колонизаторов, но сама идея не была забыта и после образования КНР была публично заявлена руководителем Китая. В августе 1965 г. на заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун указывал: «Мы обязательно должны получить Юго-Восточную Азию включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму Малайзию, Сингапур. Такой район, как ЮВА, очень богат, там очень много природных ископаемых, он весьма заслуживает затрат на то, чтобы его заполучить. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того как заполучим ЮВА, в этом районе можно будет увеличить наши силы: тогда мы будем иметь силы, противостоящие советско-восточному европейскому блоку, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада»¹⁶. Подобные культурно-исторические представления глубоко

укоренились в китайском мировоззрении, и, если сегодня напрямую они в таком виде не высказываются, это не значит, что тенденция к внешней экспансии позабыта. Динамика китайской экспансии в ЮВА, особенно в акватории Южно-Китайского моря подробно рассмотрена в цитируемой работе Д.В. Мосякова. Китай успешно развивает в ЮВА торговлю, инвестиции, интеграционные проекты, объективно способствующие экономическому развитию региона. Укрепляя свою военную силу и продвигая ВМФ в ЮКМ Китай одновременно на двусторонней основе усиливает контакты со странами АСЕАН в военной области.

США и Китай предпринимают также усилия для укрепления своего влияния в странах региона на двусторонней основе.

Таиланд, занимая стратегическое положение в центре Индокитайского полуострова, вновь, как в XIX в., оказался объектом интереса двух внерегиональных держав как стратегически важный объект и как государство, обладающее богатыми ресурсами. Тогда это были Англия и Франция, теперь – США и Китай. Тогда внешняя политика Таиланда строилась на противоречиях великих держав, сочетая элементы экономического сотрудничества и политического, а подчас и военного противостояния. Сегодня Таиланд стал неизмеримо сильнее, чем 200 лет назад, он является членом международного сообщества, различных организаций, в том числе АСЕАН. И с США, и с Китаем у Таиланда сложились долговременные устойчивые отношения.

Отношения Таиланда с США

На протяжении почти всей второй половины XX в. двусторонние отношения между этими странами доминировали в таиландской внешней политике. В период после Второй мировой войны вплоть до начала 1970-х годов

внешняя политика Таиланда строилась на безусловном союзе с США и односторонней ориентации на заокеанского партнера в разделившей мир в XX в. борьбе между социализмом и капитализмом. Америка еще в годы Второй мировой войны поставила задачу превратить Таиланд в центр своего влияния на Индокитайском полуострове. Для этого США предоставляли щедрую экономическую и военную помощь Бангкоку, развивали торгово-экономические отношения. Таиландская армия в основном оснащалась американским вооружением, реализовывались программы обучения и подготовки военных кадров, в ВС действовали американские военные советники, проводились совместные военные учения (до 40 в год), в стране располагались американские военные базы. В Таиланде была создана целая институциональная сеть, которая реализовывала принцип «американского присутствия». Страну наводнили финансируемые правительством США организации помощи в разных областях, включая сельское хозяйство, здравоохранение, планирование семьи, образование, науку и технологии, борьбу с трафиком наркотиков и с торговлей людьми. В стране работали *USAID*, Корпус мира и множество других подобных организаций. Крепкие связи сложились на государственном уровне, а также на личностном – между бизнесменами, между университетской профессурой, в военной сфере между тайландским генералитетом и американскими военными.

Таиланд стал участником Манильского договора об образовании военно-политического блока под эгидой США СЕАТО, существовавшего с 1955 по 1977 гг.¹⁷. На территории Таиланда размещались американские военные базы, отсюда американцы вылетали бомбить Вьетнам, Лаос, Камбоджу. Таиланд, как союзник США, хоть и небольшими силами, принимал участие в американской

войне против Вьетнама. Сотрудничество развивалось в военной, внешнеполитической, экономической сфере. Крепкие связи сложились между бизнесменами, в сфере высшего образования, в военной сфере между тайландским генералитетом и американскими военными. США исходили из незыблемости таких двусторонних отношений, тем более, что, несмотря на выход Таиланда из СЕАТО и распад этого блока, между Бангкоком и Вашингтоном сохранились обязательства в сфере безопасности. США продолжают считать Таиланд ключевым стратегическим союзником в Азии наряду с Австралией, Японией, Филиппинами и Южной Кореей. В декабре 2003 г. Таиланд был назван главным союзником США вне НАТО.

Односторонняя ориентация Таиланда на США стала меняться в середине 70-х годов, когда США потерпели поражение в войне во Вьетнаме, по требованию общественности американские войска были выведены из Таиланда (1975 г.), были установлены дипломатические отношения с Китаем, и Бангкок стал стремиться проводить более диверсифицированную внешнюю политику, развивая мирные отношения со всеми странами.

США исходили из незыблемости таких двусторонних отношений, поскольку между Таиландом и США сохранились обязательства в сфере безопасности в соответствии с Манильским пактом (1954 г.) и коммюнике Таната-Раска 1962 г. Таиланд продолжает оставаться среди главных стратегических союзников США в регионе. Посольство США в Бангкоке – одно из самых больших в мире. На севере страны, в Чиангмае, находится американское консульство. Таиланд имеет в США посольство в Вашингтоне и консульства в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анджелесе.

В начале XXI в. США несколько ослабили интерес к Таиланду, полагая, по-видимому, что сложившиеся двусторонние связи слишком сильны, чтобы кто-то мог их

поколебать. В настоящее время продолжая оставаться важным торговым партнером и крупным инвестором США уступает первенство Китаю и Японии, занимая третье место. Китай укрепил свое положение в Таиланде в торговле, инвестициях, в сфере военного сотрудничества, включая поставки вооружений Таиланду (где прежде доминировали США). ВС двух стран проводят совместные учения.

В современной ситуации политика балансирования Таиланда между США и Китаем сдвигается в сторону Китая. Это в значительной степени связано с настойчивой политикой Китая и с ошибочной тактикой США.

Американские военные всегда пытаются остаться там, куда пришли (за исключением тяжелых военных поражений, как во Вьетнаме). Из Таиланда в середине 1970-х гг. они были вынуждены уйти, но постепенно восстановили некоторые позиции. Они считают, что Таиланд предоставляет им уникальную инфраструктуру для военных учений, что позволяет проводить здесь крупнейшие международные военные учения *Cobra Gold*. Американцы использовали аэродром таиландских МВФ Утапао как единственный аэродром в ЮВА для масштабных военнотранспортных операций в Ираке и Афганистане.

В то же время, будучи уверенны в нерасторжимости союза с Таиландом США стали использовать тему прав человека и насаждения демократии по всему миру в отношении Таиланда, реагировать на военные перевороты в стране, что должно было удивлять таиландских политиков, поскольку на протяжении полувека США делали ставку на военные режимы в стране, поддерживали генералов, совершавших перевороты. После переворота 2006 г. были приостановлены программы военного образования и военного финансирования на 29 млн долл. После переворота 2014 г. США приостановили некоторые программы

и сократили масштаб совместных военных учений. За американцами последовали европейские партнеры. Это очень обидело тайландских генералов, находящихся у власти. Лишь после парламентских выборов в 2019 г. США сняли санкции. У тайцев накопились и другие претензии к США, связанные с вмешательством во внутренние дела страны, а также в связи с субсидированием Америкой своих производителей риса, что больно бьет по тайландскому крестьянству. Все это позволяет сделать вывод о том, что союзнические отношения двух стран переживают не лучшие времена и что «Вашингтон медленно, но верно теряет влияние на своего давнего стратегического партнера»¹⁸. Только Россия и Китай после переворота 2014 г. заявили, что не вмешиваются во внутренние дела Таиланда. Позиция американцев привела к определенному охлаждению в двусторонних отношениях, что было эффективно использовано Китаем.

Президент США Дональд Трамп и премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча. Белый дом, Вашингтон. 2 октября 2017 г.¹⁹

Таиландо-китайские отношения

Что касается отношений с Китаем, то они развивались постепенно – сначала с осторожностью, затем все энергичнее. Этому немало способствовали многочисленные и зачастую богатые и влиятельные представители этнических китайцев и их потомки, активные в бизнесе, в политике, отчасти в военных кругах. Многие из них до сих пор сохранили контакты со своими родственниками, проживающими в КНР.

В декабре 2014 г. Таиланд посетил премьер-министр КНР, в феврале 2015 г. – министр обороны КНР. В ходе визитов обсуждались вопросы экспорта тайландской продукции в Китай, военное сотрудничество, включая подготовку кадров, совместные учения, стратегическое сотрудничество, а также планы строительства транспортной инфраструктуры на территории Таиланда при участии Китая. В 2017 г. подписан контракт на закупку для ВМФ Таиланда 3-х дизельных подводных лодок китайского производства с поставками, запланированными на 2023 г. Стремление Таиланда укрепить свой ВМФ, причем в сотрудничестве с Китаем, демонстрирует отход от традиционных источников вооружений – США, Германии и др. Это, в свою очередь, может нарушить сложившийся в регионе баланс в военной области в пользу Китая. (Та же тенденция к усилению ВМФ наблюдается у других членов АСЕАН, что связывают с обострением соперничества в Тихоокеанском регионе). Именно покупка Таиландом подводных лодок у Китая вызвала озабоченность, поскольку она предполагает длительное и разноплановое сотрудничество между покупателем и продавцом. Таиланд также заказал у Китая 3 танка VT-4. Планируется открытие в Таиланде китайско-тайландского предприятия в Конкэне по производству, сборке, ремонту вооружения

для тайландской армии²⁰. Китай серьезно нарастил влияние и уровень сотрудничества. Он стал главным торговым партнером Таиланда и вторым инвестором. Впервые к военным учениям двух стран (начались при премьер-министре Таксине Чиннавате) добавлены учения ВМФ и морских пехотинцев. Очевидно, Таиланд не разделяет мнение о растущей угрозе в регионе со стороны Китая и старается поддерживать крепкие отношения и с Китаем, и с США. По мнению Шона Крипина из *Asia Times*, «Таиланд сегодня плохо вписывается в американскую стратегию в регионе».

США нуждаются в Таиланде как в союзнике, однако ошибки и неверная тактика поколебали этот союз. Не в интересах Таиланда выступать на стороне США против Китая, тем более, что США теряют позиции в мире и не способны и не намерены предложить Таиланду позитивную созидательную программу.

В то же время Китай находится на подъеме, превращаясь в державу № 1 в мире, активно развивает взаимную торговлю и капиталовложения с Таиландом. После установления дипломатических отношений в 1975 г., за 40 лет, двустороннее сотрудничество развивалось поступательно и непрерывно во всех областях: в торговле и инвестициях, в военной сфере, в туризме, в реализации крупных проектов транспортной инфраструктуры, в гуманитарной области. В настоящее время КНР – крупнейший торгово-экономический партнер Таиланда (обгоняя с 2007 г. США), в чем немалая роль принадлежит активным представителям тайско-китайского капитала, сосредоточившим в своих руках большую часть тайландской торговли и бизнеса. Китайские туристы вносят большой вклад в развитие туристической отрасли Таиланда, которая является источником иностранной валюты для бюджета страны. В 2019 г. Таиланд посетили 11 млн граждан КНР, что

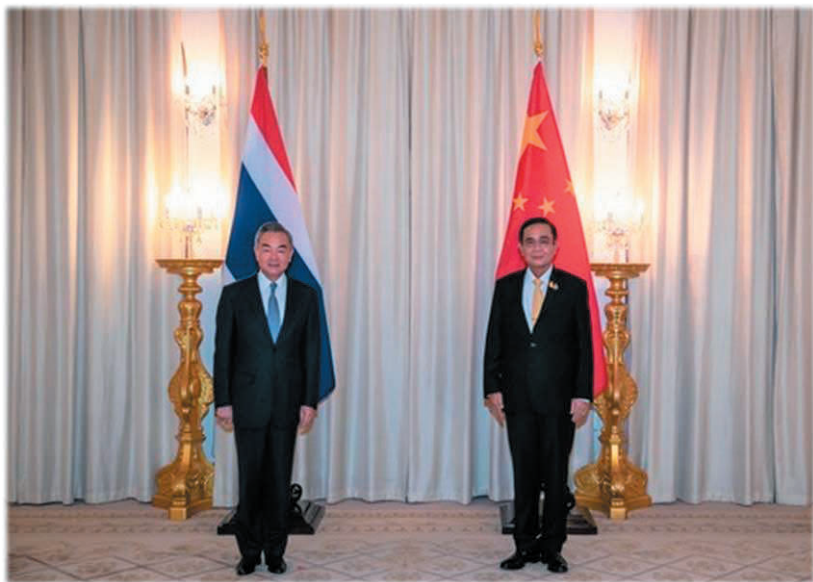
составляет 1/3 от общего числа иностранных туристов. Помимо торговли, инвестиций, культуры, активно развивается взаимодействие в военной области (с 1980-х гг.), включая поставки китайского вооружения Таиланду и проведение с 2005 г. регулярных совместных учений с привлечением ВМФ, морской пехоты, ВВС, сил специального назначения на территории обеих стран (Гуаньчжоу, Чиангмай). В 1990-е гг. подписан ряд двусторонних соглашений по торговле и инвестициям, заключено соглашение о свободной торговле (с США такого соглашения нет). У Таиланда и Китая есть несколько крупных проектов в сфере строительства транспортной инфраструктуры, сотрудничества в субрегионе Меконга (хотя здесь существуют серьезные противоречивые интересы), проекты строительства Тайского канала через перешеек Кра.

Развиваются двусторонние связи в гуманитарной области. В Китае и в Таиланде бытует выражение «китайцы и тайцы – одна семья». Культуры двух стран схожи, но есть и различия. Развитию двусторонних отношений в гуманитарной области придается большое значение. Китай настойчиво и последовательно наращивает свое влияние в такой сфере как отношения с гражданами Таиланда, в том числе с тайцами и гражданами страны с китайскими корнями. С 2020 г. Китайский Новый год по лунному календарю объявлен национальным праздником Таиланда.

В стране работают с десятков ассоциаций дружбы с Китаем, средств массовой информации, 16 отделений Института Конфуция (больше, чем в других странах АСЕАН), где около 900 тыс. таиландцев изучают литературный китайский язык (путунхуа) под руководством тысяч китайских учителей²¹.

Таиланд располагает девятью консульствами в Китае, среди которых консульство в Гонконге (самое большое из стран АСЕАН). В свою очередь, Китай имеет консуль-

ства на территории Таиланда в Чиангмае, Кхонкэне, Сонгкле, на о. Пхукет. В 2011 г. в Бангкоке был открыт Культурный центр Китая. Тайцы, в соответствии с планом развития своей «мягкой силы» за рубежом, планируют открыть свой Культурный центр, концепция которого широко обсуждалась на круглых столах в Чулалонгкорнском университете с участием студентов, профессорско-преподавательского состава, государственных чиновников, представителей министерства культуры. Цель – упрочивать контакты с местным населением через знание истории, культуры, межличностные контакты.

Премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча и министр иностранных дел КНР Ван И. Бангкок, 17 ноября 2020²².

Для Китая Таиланд важен как наиболее развитое государство в центре Индокитайского полуострова, торгово-экономический и инвестиционный партнер, а также одно из важнейших направлений в китайской стратегии

«пояса и пути» в регионе. Китай предлагает Таиланду крупные инфраструктурные проекты (строительство скоростной ж/д, модернизация обычных ж/д путей и шоссе- ских дорог от Китая через Лаос и тайландскую территорию до Сиамского залива), которые должны стимулировать экономическое развитие примыкающих к транспортным артериям регионов. Транспортная инфраструктура будет доведена до Сингапура. В перспективе будет создана транспортная сеть, которая объединит весь Индокитайский полуостров. При этом Китай предоставляет проект, инженерно-техническое обеспечение, квалифицированные инженерно-технические кадры, займы на проведение работ, а также подготовку тайландского персонала для обслуживания этих транспортных путей. В целом можно считать, что влияние США в Таиланде сокращается, а влияние Китая в разных сферах возрастает.

Заключение

Сегодня, как и другие страны ЮВА, Таиланд оказался в центре противодействия Китая и США. Для обеих держав важно на территории Таиланда препятствовать усилению влияния противоположной стороны. И у США, и у Китая сложились долгосрочные и тесные отношения с Таиландом. Для Таиланда нужно сохранить то позитивное сотрудничество, которое сложилось и с той, и с другой страной, и при этом не дать втянуть себя в противостояние в чужом конфликте. Важно также не оказаться в полной зависимости от внешних держав. Поэтому власти страны вновь возвращаются к испытанной в прошлом политике лавирования или, если угодно, разнонаправленности. В некотором роде Таиланд в наше время находится в ситуации, близкой к периоду XIX в., когда страна оказалась между двумя державами Францией и Великобританией. Тогда, чтобы сохранить национальную независи-

мость, тайские власти проводили дипломатию игры на противоречиях держав и одновременно стремились извлекать выгоду из сотрудничества с каждой из них. При этом тайцы опирались на поддержку нейтральной державы (тогда это была Российская Империя). Одновременно в стране осуществлялись разносторонние реформы по ее модернизации и укреплению. Такая точка зрения о сходстве исторической ситуации и сегодняшнего международного положения Таиланда высказывается руководителями страны, экспертами, представителями университетской профессуры. Анализ взглядов тайландских правящих кругов и аналитиков относительно внешней политики страны позволяет сделать некоторые выводы о культурно-исторических приоритетах и предпочтениях, о динамике отношений с партнерами, о стремлении к соблюдению баланса внешних сил с целью обеспечения развития страны и сохранения ее независимости, об опасностях попасть под влияние одной из держав. О приоритетности во внешней политике страны высказался премьер-министр Прают Чан-Оча в интервью журналу «*Time*». «Дружба между Китаем и Таиландом продолжается тысячи (!) лет, а с США около 200 лет, и мы сохраняем эти связи с дружественными нам странами. Китай – первый партнер Таиланда, второе и третье место у других стран, например, США. Они – хорошие друзья Таиланда. Таиланд – маленькая страна, поэтому мы должны поддерживать баланс в политике и международных отношениях со странами-друзьями». На вопрос, не ослаб ли тайландо-американский союз за последние годы, премьер-министр ответил: «Полагаю, что США занимались собственными проблемами, поэтому между ними и АСЕАН наступило некоторое охлаждение». Далее Прают Чан-Оча затронул тему тайландских капиталовложений в энергетический сектор США и сказал о планах развития двусторонней

торговли, особенно в сфере вооружений. «Мы должны проводить политику баланса и развивать международные отношения со всеми странами», – заявил он²³. Интересно, как тайландская общественность трактует опыт внешне-политической деятельности своей страны. Так, в статье, опубликованной 7 мая 2021 г. в газете *«Бангкок пост»*, профессором факультета Политических наук и директором Института безопасности и исследования международных отношений Чулалонгкорнского университета Титинаном Понгсудираком, подчеркивается, что Таиланд всегда вел игру между разными сторонами, имея альтернативные источники и решения, то, что можно назвать «многовекторностью», и это приносило стране успех. В период западного колониализма в XIX в. (сиамцы) вели игру между французами и англичанами и искали поддержки от нейтральной России для того, чтобы сохранить независимость. В Первую мировую войну тайцы выжидали и присоединились к побеждающей стороне. Во Второй мировой войне Таиланд присоединился и к странам Оси (открыто), и к союзным государствам (тайно). В годы холодной войны Таиланд встал на сторону США против «коммунистической экспансии», то есть против национально-освободительной борьбы народов Индокитая. Но даже и тогда, через год после подписания проамериканского Манильского пакта в 1954 г., представители тайландского правительства встретились в Бандунге на конференции Движения неприсоединения с представителем коммунистического Китая Чжоу Эньлаем (отношения между двумя странами были нормализованы не ранее, чем через два десятка лет)²⁴.

В этих высказываниях излагается одно из исторических направлений во внешней политике Таиланда: Таиланд – маленькая страна и должна балансировать между державами; Таиланд – может быть великой региональной

державой; Таиланду следует ориентироваться на крупнейшего международного актора. Кроме того, в этих словах сквозит обида на американского союзника. Американские демарши и санкции против своего старого союзника Таиланда после переворота 2014 г. оскорбили тайских генералов. Здесь, в регионе с его культурными традициями, такое отношение означает «потерю лица», что недопустимо. После проведенных в Таиланде в марте 2019 г. парламентских выборов и восстановления «демократическими процедурами правительства» (хотя те же военные во главе с Праютом Чан-Оча остались при власти) американцы заявили о полном восстановлении отношений, но многое уже нельзя отыграть назад. При Байдене американцы объявили о возврате к американским ценностям защиты демократии в мире. Это вызывает у тайландских военных, находящихся у власти, опасения новых санкций и поддержки США антиправительственных протестов в стране.

Достигим ли для Таиланда баланс между Китаем и США? Можно ли сказать, что влияние и присутствие Китая и США в Таиланде уравновешены? Вряд ли, скорее эти взаимоотношения находятся в состоянии постоянного дисбаланса. США предлагают Таиланду (и другим странам АСЕАН) военное сотрудничество в противостоянии с Китаем, практически военный блок. Такой союз может рассматриваться как фактор сдерживания влияния Китая в стране, но вызывает законные опасения, из-за ущерба сотрудничеству с Китаем, а также возможного военного противостояния с КНР. В этом случае Таиланд ничего не выигрывает, а несет ущерб. Китай, очевидно, более успешно строит отношения с Таиландом, поскольку предлагает транспортные проекты, которые будут способствовать экономическому развитию Таиланда. Но сотрудничество с Китаем чревато финансовой зависимостью от Пекина. В этой связи есть соблазн опереться на мощных

международных игроков, таких, как, например, Индия с ее международным весом и амбициями, соперничество которой с Китаем общеизвестно. Независимый журналист Гвен Дайре прямо называет *Quad* последователем НАТО, который должен стать для Китая тем, чем НАТО было для СССР: военным блоком для сдерживания и отбрасывания до полного уничтожения. Автор считает этот военный блок очень опасным для региона и для всего мира, более того – бессмысленным, а потому не нужным. Он задается вопросом «Зачем все это? Ведь Китай ни на кого не нападал и вряд ли собирается». Тем не менее, накачка напряженности в регионе продолжается – появился новый военный блок – США – Австралия – Англия с весьма воинственными планами создания подводного флота, оснащенного ядерными установками, что еще более обостряет и делает менее предсказуемой ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе.

В целом не лишним будет повторить бытующую в Таиланде поговорку «Китай и мы – семья. Наши связи больше, чем культура, это – кровь». Таиландо-китайские отношения развивались поступательно на протяжении нескольких десятков лет, но нынешнее сближение, к которому подтолкнули Таиланд американцы, имеет большое значение, знаменуя отход союзников от США (другой пример – Пакистан) и к сближению с Китаем в большой международной игре.

¹ ТАСС, 05.02.2021.

² ТАСС, 04.03.2021.

³ Bangkok Post, 20 April 2021.

⁴ Хиллари Клинтон, «Тихоокеанский век Америки» / «Форин полиси», 11 октября 2011 г. (перевод)

⁵ ТАСС, 05.02.2021.

- ⁶ Стрельцов Д. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. М., № 9, 2018 г.
- ⁷ ТАСС, 05.02.2021.
- ⁸ Иванов В. США открывают второй фронт // НГ, 15.03.2021.
- ⁹ Bangkok Post, 20.04.2021.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ White House Press Secretary Jen Psaki, 21.01.2021.
- ¹² ASEAN Outlook on Indo-Pacific. URL: <http://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/>
- ¹³ Bangkok Post, 31.08.2021.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Bangkok Post, 07.09.2021.
- ¹⁶ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012, С.10.
- ¹⁷ Мосяков Д.В. Цит. соч.
- ¹⁸ Shawn W. Crispin. When allies drift apart / Asia Times. 14.02.2009.
- ¹⁹ URL: https://gdb.voanews.com/ACEC9484-BA1D-4880-8DB1-EFF44C10B4FF_cx0_cy1_cw0_w1023_r1_s.jpg
- ²⁰ South China Morning Post, 05.09.2018.
- ²¹ Bangkok Post, 07.09.2021.
- ²² URL: <https://dknews.kz/storage/images/5f89f2801df33.jpg>
- ²³ Time, 21.06.2018.
- ²⁴ Bangkok Post, 07.05.2021.

Глава 8. СИНГАПУР МЕЖДУ ПЕКИНОМ и ВАШИНГТОНОМ: ПРАГМАТИЧНОСТЬ и РАСЧЕТ *

*«... страны региона не хотят выбирать между двумя
сверхдержавами...»*

Ли Сянь Лун

Прагматичность и расчет – это основополагающие принципы как внешнеполитической, так и внешнеэкономической доктрины Республики Сингапур. На сегодняшний день, несмотря на некоторые существующие разногласия и с КНР, и с США как по идеологическим, так и по внешнеполитическим и внутриполитическим вопросам, именно эти два государства являются важнейшими торгово-экономическими партнерами Сингапура и во многом успешное развитие этой страны зависит от продуктивного взаимодействия двух сверхдержав. «Мир и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе зависят от стабильных отношений между США, Японией и Китаем..., – писал в своих мемуарах первый премьер-министр и отец-основатель Сингапура Ли Куан Ю. – Если общее равновесие сил сохранится, то будущее региона является безоблачным, и Сингапур будет оставаться полезным для мира»¹. И эти слова, написанные более 20 лет назад, актуальны сегодня как никогда.

* Сведения об авторе: Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва, katy-ast@yandex.ru

**Сингапур и КНР:
внутренние и внешние факторы
в формировании двусторонних отношений**

Начнем по порядку. По данным *SingStat*, торговый оборот с КНР в 2020 г. составил 136,2 млрд синг. долл., и по этому показателю Китай – крупнейший торговый партнер Сингапура. На втором месте – ближайший сосед – Малайзия – 103,5 млрд, на третьем – США – 102,4 млрд долл. С 2009 г. в сфере торговли товарами и услугами между Сингапуром и КНР стоимость экспорта превышает стоимость импорта. Что касается США, то стоимость импорта превышает экспорт с 2006 г.² В сфере торговли услугами США находится на первом месте среди партнеров Сингапура, по данным на 2019 г. экспорт из США оценивался в 26,6 млрд, импорт – 49,2 млрд. На втором месте – Япония – 27,5 и 14,7 млрд долл., соответственно. Китай в этом списке на третьем месте – 25,6 и 18,7 млрд долл.³

Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в КНР, по состоянию на конец 2019 г., составил почти 147 млрд синг. долл., в страны Европы – 185,8 млрд, в США – около 32 млрд, в Японию – 31,5 млрд долл.⁴ При этом американские ПИИ в Сингапур в том же году – более 427 млрд долл., китайские – более 44 млрд, из стран Европы – почти 518,8 млрд долл. Весьма значимым партнером Сингапура является Япония – более 121 млрд долл. ПИИ в 2019 г.⁵

Для достижения столь внушительных показателей был пройден весьма сложный путь, ведь, что касается отношений с КНР, то до 1970 г. Пекин вообще не признавал существования независимой Республики Сингапур, а «Радио Пекина» называло Ли Куан Ю (премьер-министр Сингапура в 1965–1990 гг.) «гончим псом американского и британского колониализма»⁶. Однако уже в конце 1970-х гг. отношения между государствами изменились, и

к 1971 г. нападки Пекина на Сингапур прекратились. В том же году между странами были налажены первые контакты. Именно в 1971 г. представитель Сингапура в ООН поддержал резолюцию о принятии КНР в её члены, указав, что существует «единый Китай», а воссоединение КНР и Тайваня является внутренней проблемой, которую эти две территории должны разрешить между собой⁷.

Здесь представляется необходимым напомнить о том, что уже к началу последнего десятилетия XIX века три четверти населения Сингапура составляли китайцы⁸, и такое соотношение сохраняется и по сей день. При этом, несмотря на такую этническую близость, взаимодействие между независимой Республикой Сингапур и Китайской Народной Республикой долгое время носило весьма своеобразный характер, подтверждением чему может служить то, что официальные дипломатические отношения между странами были установлены только 3 октября 1990 г.

Причин этому несколько, одна из них – геополитическая – состоит в том, что образование независимого Сингапура в 1965 г., население которого по большей части составляли китайцы, было весьма негативно воспринято ближайшими соседями Сингапура по региону – Малайзией и Индонезией, где значительное китайское меньшинство играло непропорционально большую роль в экономике⁹. Сингапур оказался своего рода китайским анклавом в самом сердце малайского мира, и опасения его соседей были связаны с гипотетическим образованием в регионе «третьего Китая».

Правящие круги Сингапура во главе с Ли Куан Ю прекрасно осознавали своё весьма двусмысленное положение, и всеми силами пытались отмежеваться от навязываемых стереотипов в восприятии своей страны, выдвинув концепцию «сингапурского Сингапура» и «сингапурской нации»¹⁰. Кроме того, и в Сингапуре, и в Малайзии, и в

Индонезии существовали весьма сложные отношения с коммунистическими партиями, поэтому налаживание отношений с коммунистическим Китаем могло быть воспринято соседями Сингапура как прямой вызов политической стабильности региона.

Что касается установления дипломатических отношений между КНР и Сингапуром, то сингапурский лидер Ли Куан Ю твердо придерживался позиции, что документальное оформление этого события может произойти только после того, как все прочие страны ЮВА сделают это. Так и произошло.

*Ли Куан Ю приветствует Дэн Сяопина в Сингапуре.
12 ноября 1978 г. Фото: ИА Синьхуа*

Однако, несмотря на затягивание с установлением официальных дипотношений, сотрудничество двух стран в торгово-экономической сфере развивалось в весьма позитивном ключе еще с конца 1970-х годов. Впервые Ли

Куан Ю (с супругой и дочерью) посетил Китай в 1976 г., в своих мемуарах он довольно подробно описал эту поездку, оставившую у него весьма противоречивые впечатления. Но вскоре ситуация в КНР переменилась, «культурная революция» потерпела крах. В 1978 г. Дэн Сяопин – инициатор концепции «открытости и реформ», занимавший в то время должность заместителя Председателя КПК, посетил Сингапур. В сентябре 1981 г. в Сингапуре и Китае были открыты торгпредства обеих стран¹¹. В течение 1980–1990-х гг. Ли Куан Ю посещал Китай «практически ежегодно, пытаясь лучше понять цели и стремления китайских лидеров»¹². Последний визит Ли Куан Ю (в должности премьер-министра Сингапура) в КНР состоялся 3 октября 1990 г. и был приурочен к подписанию договора об установлении дипломатических отношений между странами¹³, хотя и в дальнейшем он регулярно посещал Поднебесную.

С момента подписания соглашения двусторонние связи стали развиваться ускоренными темпами, несмотря на сохраняющиеся идеологические разногласия и явное недовольство, высказываемое китайской стороной в адрес сингапуру-тайваньских отношений. Здесь необходимо отметить, что сотрудничество с Китайской республикой (Тайванем) Сингапур начал задолго до официального установления дипломатических отношений с материковым Китаем (КНР) – еще в 1967 г. Именно от Тайбэя Сингапур получил предложение об оказании помощи в создании сингапурских ВВС, а в 1969 г. в Сингапуре было открыто тайваньское торговое представительство. При этом «была достигнута четкая договорённость, что этот обмен торговыми представительствами не является формой взаимного признания государств или правительств»¹⁴. С 1973 по 1990 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю посещал Тайвань один-два раза в год, между ним и тайвань-

ским лидером Цзян Цзинго сложились прекрасные личные отношения¹⁵. Примечательно, что эти визиты не освещались в СМИ, дабы не вызывать недовольства как со стороны материкового Китая, так и соседей по региону ЮВА. Однако, после смены политического руководства Тайваня взаимодействие между странами перешло исключительно в сферу экономического и военно-технического сотрудничества, утратив качество межличностных дружественных отношений лидеров двух стран. Несмотря на это, именно Сингапур стал местом первых переговоров между КНР и Тайванем в 1993 г., которые, к сожалению, не привели к каким-либо положительным результатам¹⁶.

Большое недовольство в КНР вызвал визит сингапурского премьер-министра Го Чок Тонга (сменил Ли Куан Ю на этом посту в 1990 г.) на Тайвань в 2004 г., что даже привело к некоторой «заморозке» китайским правительством двусторонних отношений¹⁷. Но всё вернулось на круги своя.

На сегодняшний день КНР является важнейшим торговым партнером Сингапура наряду с США, Японией и странами Европы. Как крупный международный экспортер капитала Сингапур – второй по величине источник ПИИ в КНР, поступающих, в том числе, в крупные государственные проекты развития в Сучжоу, Тяньцзинь и Чэнду. Глобализация мирового хозяйства и капитала привела к созданию устойчивых связей двух экономик не только на уровне двустороннего сотрудничества, но и в рамках региональных и глобальных форм кооперации. При этом, правительство Сингапура постоянно развивает и наращивает торгово-экономические связи с различными странами, диверсифицируя и расширяя их, что позволяет не попадать в чрезмерную зависимость от КНР. Очевидно, что даже при условии активной реализации китайской

инициативы «Пояса и пути» (ИПП), Сингапур не окажется в полной экономической зависимости от Поднебесной.

Безусловно, ИПП открывает для Сингапура новые возможности. Именно Сингапур стал одним из первых участников Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ)¹⁸, созданного по предложению Китая. В целом, очевидно, что развитие инфраструктуры в непосредственной близости от Сингапура будет способствовать повышению спроса на сингапурские товары и услуги.

В Сингапуре ИПП рассматривают как конструктивный механизм позитивного взаимодействия Китая с регионом ЮВА и за его пределами, и для сингапурской стороны очень важно, чтобы конкретные проекты были экономически обоснованными, коммерчески жизнеспособными и приносили долгосрочные выгоды партнерам. ИПП должна быть открытой и инклюзивной, и не должна превращать регион в замкнутый блок, сосредоточенный на одной крупной экономике. По мнению сингапурской стороны, углубляя свои связи с Китаем, азиатские страны также должны развивать отношения с США, Европой, Японией и другими акторами, и конечным результатом ИПП должно стать усиление глобализации, а не разделение мира на конкурирующие сферы влияния. Но это в идеале, а на деле, как отмечает Джа Ян Чонг, адъюнкт-профессор политологии Национального университета Сингапура, «ограниченная прозрачность и нечеткое корпоративное управление в проектах ИПП могут способствовать коррупции и злоупотреблениям, что влечет за собой политическую нестабильность»¹⁹.

Некитайские китайцы Сингапура

Важной дилеммой в сингапуро-китайских отношениях, о которой косвенно упоминалось выше, является проблема пересечения этнической принадлежности

большинства населения Сингапура и национализма Поднебесной. В связи с тем, что более 70% сингапурских граждан – этнические китайцы, многие граждане КНР и даже официальные лица считают, что Сингапур должен быть на стороне Китая: если и не в полной мере, то с особым пониманием относиться к проблемам КНР, и даже проявлять некое сочувствие. Это утверждение относится, в том числе, и к территориальным спорам, и к отношениям КНР с США и Японией. Зачастую китайские официальные круги выражают удивление и даже гнев, когда официальная позиция Сингапура расходится с позицией Пекина. Первопричина такой реакции кроется в китайском национализме, базирующемся на увязке этнической принадлежности с политической лояльностью по отношению к КНР²⁰.

Однако Сингапур и его граждане китайского происхождения не разделяют чувства китайского национализма. Несмотря на исторические связи между китайскими националистическими движениями, этнические китайцы в Сингапуре в настоящее время имеют совершенно иные политические взгляды. Несмотря на то, что сингапурские китайцы могут говорить на *хань-юй* и разделять культурные обычаи, происходящие из нынешней КНР, «они являются гражданами Китая не больше, чем франко-канадцы являются гражданами Франции»²¹. Проект национального строительства Сингапура после обретения независимости по-прежнему направлен на создание «сингапурского Сингапура» и «сингапурской нации»²². Эта позиция имеет решающее значение, учитывая необходимость сплочения многонационального населения Сингапура и недопущения того, чтобы соседи характеризовали страну как потенциально враждебную китайскую «пятую колонну».

Безусловно, КНР – один из важнейших международных партнеров Сингапура, что во многом обусловлено ролью Поднебесной в процветании и стабильности в Азии в целом. В значительной мере будущее Сингапура во многом связано с успехами КНР. Но, при этом, основываясь на «стратегии баланса сил», Сингапур будет продолжать искать партнеров как внутри региона ЮВА, так и за его пределами по той простой причине, что такая диверсификация связей является эффективной стратегией управления рисками. Это означает, что у Сингапура есть стимул продолжать сотрудничество и с США, и с Европой, и с Австралией, и с Индией, и с Японией, и, безусловно, со странами АСЕАН.

Борьба «титанов»: как не попасть в опци

На сегодняшний день можно говорить о том, что наибольшую обеспокоенность в Сингапуре вызывает развернувшееся противостояние между США и КНР, которое уже давно вышло за рамки противоборства двух сверхдержав, затрагивая страны, вовлеченные в глобальную систему экономических связей. Уже в первые три месяца 2019 г. (начало «торговой войны») сингапурская экономика ощутила на себе негативные последствия: её рост был не только медленнее, чем прогнозировалось, но и самым медленным (в квартале) почти за десятилетие²³. Введение обеими сторонами конфликта пошлин на товары, стоимостью в миллиарды долларов, а также внесение Вашингтоном в «черный список» китайского технологического гиганта *Huawei* пагубно сказалось на глобальных производственных цепочках, участником которых является и Сингапур. По мере изменения структуры торговли между США и Китаем оказывается значительное косвенное влияние на остальную часть мировой экономики, и это будет

иметь весьма серьезные последствия для экономики Сингапура. И здесь, в этом «бушующем море», «спасательным кругом» для страны станет диверсифицированность сингапурских торгово-экономических связей.

Законодательные и административные запреты на передачу технологий задали новую парадигму в американо-китайских отношениях, поскольку распоряжение Д. Трампа от 15 мая 2019 г. об ограничении передачи информационно-коммуникационных технологий по соображениям национальной безопасности²⁴ имело весьма расплывчатую формулировку, запрещаая все транзакции, «представляющие неприемлемый риск».

Что касается некоторых разработок в области программного обеспечения, в частности, искусственного интеллекта, то, совершенно очевидно, что Поднебесная опережает Америку. Однако Китай явно отстает в области аппаратного обеспечения и находится в зависимости от зарубежных поставщиков, особенно при проектировании и производстве высококачественных полупроводниковых чипов. По данным на середину 2020 г., в Китае обеспеченность чипами собственного производства составляла лишь 20%, при этом в планах Поднебесной – достичь уровня 70% к 2025 г. Стремление правительства КНР уменьшить зависимость от США в этой области стало стимулом для расширения государственных вложений в местные технологические компании²⁵.

И вот налицо проблема: без аппаратного обеспечения программное обеспечение бесполезно, а ограничение экспорта чипов в Китай наносит вред и самим поставщикам. Свои пагубные последствия оказала и пандемия коронавируса COVID-19, затронувшая все глобальные производственные цепочки. В первом квартале 2021 г. Китай уже столкнулся с проблемой поставки чипов, и по прогно-

зам, это приведет к сокращению на 250 тыс. от запланированного количества выпуска автомобилей²⁶.

Абсолютно очевидно, что вводимые и торговые, и технологические ограничения – это лишь инструменты глобального американо-китайского геополитического соперничества. При этом необходимо отметить, что последствия этого противостояния в настоящее время реально наносят вред исключительно торгово-экономической сфере Китая, практически не оказывая влияния на статус КНР как одной из сверхдержав. Американская администрация полностью уверена в своей позиции, поскольку вводимые ей ограничения, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, негативно скажутся на экономических показателях КНР, и никаких стимулов для смягчения политики США в отношении Китая нет и не будет, если только Пекин вдруг полностью не капитулирует в сфере торговли, или не предпримет структурные реформы, которые коренным образом изменят его коммунистическую систему. Но этого не произойдет, и попытки Вашингтона «отделить» Китай от себя и своих союзников вряд ли достигнут цели, поскольку КНР является таким же жизненно важным узлом мировой экономики, как и США²⁷.

Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун на открытии диалога Шангри-Ла 31 мая 2019 г. выступил с довольно продолжительной речью, в которой выразил обеспокоенность складывающейся ситуацией, отметив, что на сегодняшний день двусторонние отношения между США и Китаем – это не просто взаимодействие двух государств: от того, как они смогут урегулировать трения между собой, зависит международная обстановка на десятилетия вперед²⁸.

*Премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун на открытии
диалога Шангри-Ла 31 мая 2019 г.²⁹*

Может быть, это будет повторением уже всем известных истин, но успешное экономическое развитие Китая принесло огромную пользу всему миру. Сегодня КНР – это мощная производственная база, снижающая издержки для мировых производителей, в первую очередь в кластере трудоемких товаров, а в настоящее время все в большей степени для дорогостоящего и высокотехнологичного производства. Поднебесная – это не только производитель, но и крупнейший покупатель широчайшего спектра товаров и услуг. Миллиарды людей во всем мире приобретают всевозможные товары, произведенные в Китае с использованием импортных компонентов и технологий. В то же время, рост Китая сместил стратегический баланс и экономический центр тяжести мира, и этот сдвиг продолжается.

Позиция Сингапура в отношении сложившейся ситуации предельно четкая, и Китай, и весь остальной мир должны адаптироваться к этой новой реальности. КНР должна признать, что она находится в совершенно новой ситуации, созданной её собственным успехом. Остальной мир должен признать, что Поднебесная будет продолжать расти и укрепляться, и невозможно и неразумно препятствовать этому. По мнению премьер-министра Сингапура, Пекин следует поощрять в качестве основного участника международной системы к тому, чтобы он играл соразмерную и конструктивную роль в наднациональных институтах, таких как МВФ, Всемирный банк и ВТО. Если Китай не сможет этого сделать, он создаст свои собственные альтернативы³⁰.

Что касается внешнеполитической и внешнеэкономической политики США, то Америке, по мнению сингапурской стороны, необходимо выработать новую стратегию, которая смогла бы интегрировать чаяния Китая в нынешнюю систему правил и норм. При этом очевидна необходимость разработки новых международных правил в области торговли, интеллектуальной собственности, кибербезопасности и пр., что обусловлено тем фактом, что ныне действующие правила и нормы были созданы без участия Пекина, и он вполне ожидаемо желает участвовать в этом процессе. Идеальным вариантом была бы не просто совместная американо-китайская работа в этом направлении, а и их сотрудничество с другими странами.

Также в Сингапуре придерживаются мнения, что если обе стороны будут относиться к своему торговому спору исключительно по существу, то спор помогут разрешить их торговые посредники. Однако, если одна из сторон будет использовать торговые правила, чтобы сдерживать другую, или одна сторона придёт к выводу, что другая пытается это сделать, то спор не будет решен, и по-

следствия будут гораздо серьезнее, чем потеря ВВП. неизбежно будут затронуты и другие области, включая инвестиции, технологии и отношения между людьми. Каждое действие, предпринятое одной стороной, будет рассматриваться как прямой вызов другой стороне и вызовет ответные действия³¹.

К сожалению, события первых месяцев 2021 г. демонстрируют эскалацию напряженности в американо-китайских отношениях: они стали более жесткими, и каких-либо тенденций к улучшению явно не наблюдается. К слову, еще в Стратегии национальной безопасности и национальной обороны США от 2018 г.³² Китай описывался как «ревизионистская держава» и «стратегический конкурент» Америки.

Американцы сегодня совершенно открыто говорят о сдерживании Китая. Этот негативный взгляд на Китай пронизывает практически весь американский истеблишмент. Сейчас можно совершенно определенно утверждать, что отношение американских деловых кругов к Китаю изменилось в худшую сторону, несмотря на то, что в недалеком прошлом американские компании были активными сторонниками экономического роста Китая. Причина благожелательного отношения к КНР была проста: США напрямую получали выгоды от роста экономических показателей Китая. Вашингтон решительно выступал за вступление Китая в ВТО, когда в США складывались протекционистские или нативистские настроения, и американские деловые круги выступали за хорошие отношения с Китаем. Теперь эта доброжелательность практически сошла на нет, потому что Китай не скорректировал свою политику в области торговли и инвестиций и, фактически, систематически ставит в невыгодное положение иностранные компании, работающие в Китае, в то время как китайские компании успешно работают в США.

Как представляется, основная проблема состоит в том, что США хотят большего доступа к китайскому рынку, а не просто использовать Китай для своих глобальных цепочек поставок. По мнению премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна, «Эта потеря доброй воли является серьезной проблемой для Китая, которую китайцы не в полной мере оценили и с которой они не справились»³³.

Что касается отношения к этому противостоянию в самом Китае, то, по мнению сингапурских правящих кругов, в Поднебесной крепнет мнение, что США пытаются помешать законным амбициям Китая, и независимо от того, идет ли Пекин на уступки или нет, Вашингтон никогда не будет удовлетворен. Большую тревогу вызывают попытки США навязать Китаю свою политическую систему и ценности, при этом, вполне очевидно, что все эти американские попытки обречены на провал. А в КНР нарастает национализм, по китайскому телевидению транслируются фильмы времен Корейской войны, в интернете даже циркулирует «американская песня торговой войны», основанная на музыкальном треке из популярного военного фильма 1960-х годов о борьбе с японцами в китайско-японской войне. Вряд ли в Китае можно найти кого-либо, будь то в правительстве, научных кругах или средствах массовой информации, кто готов высказаться за более позитивную и мягкую интерпретацию намерений США.

Фундаментальной проблемой в разногласиях между США и Китаем является взаимное отсутствие стратегического доверия. По мнению правящих кругов Сингапура, «это служит дурным предзнаменованием для любого компромисса или мирного решения. Но идти по нынешнему пути было бы серьезной ошибкой с обеих сторон»³⁴. С их точки зрения, никакой стратегической неизбежности в американо-китайском противостоянии нет, но при

обострении ситуации всё это может вылиться в очередную «холодную войну».

В Сингапуре считают, что непримиримого идеологического разрыва между США и Китаем не существует. Да, политическая структура Китая коммунистическая, но Пекин взял на вооружение рыночные принципы. КНР привлекает выгоду из существующих многосторонних институтов, и в целом, работает в их рамках, не пытаясь сегодня навязывать свою коммунистическую идеологию другим странам. Действительно, Пекин часто критикуют за то, что он слишком охотно ведет дела со странами и лидерами независимо от их репутации или положения, ссылаясь на невмешательство во внутренние дела других стран. Но при этом, Китай является крупнейшим торговым партнером фактически всех союзников Вашингтона в Азии, включая Японию, Южную Корею, Филиппины, Таиланд и Австралию, а также многих из их друзей и партнеров, включая Сингапур, и откровенная эскалация напряженности в американо-китайских отношениях не выгодна никому.

Как полагают в Сингапуре, в новой «холодной войне» нельзя будет провести четкие границы между другом и врагом, невозможно будет создать военные блоки, подобные НАТО или Варшавскому договору с четкой линией раздела, проведенной через Азию или посередине Тихого океана³⁵.

Нет никакой, даже слабой вероятности, что Китай сможет «уничтожить» США. При этом, вполне понятно беспокойство американцев, вызванное тем, что в некоторых областях Китай догоняет Америку. Но, даже если КНР где-то «догонит и перегонит Америку», пройдет немало времени, прежде чем Поднебесная сможет сравниться с США. Однако, ни осознание этого факта, ни отсутствие прямого активно-агрессивного американо-

китайского конфликта не облегчает современную ситуацию, поскольку длительный период напряженности и неопределенности также разрушителен, как и открытое противостояние. Что касается потерь в области экономического развития, то прогнозируется не только снижение уровня мирового ВВП на один-два процентных пункта, но и огромные недополученные выгоды из-за нарушения производственных цепочек.

Решение глобальных мировых проблем, таких как ядерное нераспространение, изменение климата и др. невозможно без полноценного участия США и Китая вместе с другими странами. Здесь надо отметить, что в отличие от Д. Трампа, который вышел из Токийского соглашения по климату, Дж. Байден вернулся в этот формат. В апреле 2021 г. прошла встреча глав-государств, в которой приняли участие как американский президент, так и лидер КНР³⁶.

Поиск путей решения американо-китайского противостояния – довольно трудная задача. Не секрет, что руководители обеих стран сталкиваются с мощным внутренним давлением. В США значительные слои американского общества утратили доверие к глобализации и многосторонности. Согласно опросу *Pew Research Center*, проведенному в 2018 г., почти половина всех американцев негативно относились к Китаю. В Китае также существует значительное давление на руководство страны, но оно иного рода – это внутренние проблемы, связанные с неравномерным распределением экономического роста, значительная бедность сельских районов, старение населения и рост ожиданий улучшения качества жизни.

Как отмечает Ли Сянь Лун, «в интересах и США, и Китая достичь такого соглашения, которое было бы политически приемлемо для обеих сторон, и убедить общественность своих стран принять его. Оба государства

должны поддерживать свои отношения, чтобы они могли сосредоточиться на своих насущных внутренних приоритетах и не отвлекаться на проблемные отношения с другими. Малые государства, такие как Сингапур, практически лишены влияния на крупные державы, однако у малых стран есть много возможностей для совместной работы по углублению экономического сотрудничества, укреплению региональной интеграции и созданию многосторонних институтов». И, как подчеркнул Ли Сянь Лун, «мы можем усилить наше влияние как группы и выдвинуть коллективную позицию по вопросам, которые важны для нас, будь то торговля, безопасность или технологии»³⁷.

Ещё одним из факторов, мешающих, по мнению сингапурской стороны, нормализации американо-китайских отношений, является несовершенство действующих многосторонних институтов, в частности, ВТО, в которую «США потеряли веру». Америка часто действует в одностороннем порядке, вводя тарифы и торговые санкции за пределами правил ВТО. Вашингтон предпочитает заключать двусторонние соглашения, ориентируясь при этом исключительно на собственную выгоду и мало заботясь о поддержании многосторонней системы, что не может не вызывать озабоченности у других участников мировой экономической системы.

Что касается Сингапура, то у него нет возможности не учитывать интересы других стран. Будучи «маленьким государством», он, естественно, находится в не очень выгодном положении в двусторонних переговорах. Поэтому, как подчеркивает руководство страны, необходимо реформировать и укреплять многосторонние институты, а не калечить или блокировать их работу, необходимо выстраивать более широкую региональную и международную архитектуру сотрудничества. Углубление экономиче-

ского сотрудничества, в свою очередь, приведет к повышению не только общего благосостояния, но и коллективной безопасности. Если у стран-партнеров будет больше заинтересованности в успехе друг друга, то, как следствие, у них будет больше стимулов для поддержания благоприятного и мирного международного порядка, что принесет пользу и большим, и малым странам. Необходимо развивать систему регионального и многостороннего сотрудничества, постепенно выстраивая систему более низких торговых барьеров и более высоких стандартов.

Сингапур поддерживает инициативы в области регионального сотрудничества, которые являются открытыми и инклюзивными платформами для конструктивного взаимодействия стран и углубления региональной интеграции. Эти инициативы должны укрепить существующие механизмы сотрудничества, ориентированные на АСЕАН. Они не должны подрывать их, создавать конкурирующие блоки, углублять линии разломов или заставлять страны принимать чью-либо сторону. Эти инициативы должны помогать объединять страны, а не разделять их. И это принципиальная позиция Сингапура.

Что касается американо-китайских отношений, то, как отметил Ли Сянь Лун, «американо-китайские отношения определяют направление международных отношений на долгие годы. Естественно, что обе державы будут бороться за власть и влияние, но конкуренция не должна неизбежно приводить к конфликту. <...> Мы надеемся, – подчеркнул он, – что США и Китай найдут конструктивный путь вперед, безусловно конкурируя, но в то же время, сотрудничая по основным вопросам, представляющим взаимный интерес»³⁸.

Не питая никаких иллюзий о причинах этой торговой войны и сингапурские правящие круги, и аналитики указывают, что этот конфликт является отражением более

глубоких проблем, с которыми США и Китай сталкиваются внутри своих стран, а также изменений в их отношениях друг к другу³⁹. В частности, Билахари Каусикан, бывший постоянный секретарь МИД Сингапура, отметил, что, вероятно, после мирового финансового кризиса 2009 г. Китай уверовал в собственную пропаганду о неизбежном упадке США, а вялую реакцию администрации Б. Обамы после инцидента в Скарборо в 2012 г. Пекин, возможно, ошибочно воспринял как новую норму американской внешней политики. Решимости китайской стороне также, вероятно, придали сложные внутриполитические проблемы в США после прихода к власти Дональда Трампа, сменившего на посту Барака Обаму⁴⁰. В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что уже к концу правления администрации Ху Цзиньтао и более активно под руководством Си Цзиньпина китайская внешняя политика приобрела триумфальный тон, и Китай стал преследовать свои экономические и стратегические интересы с возрастающей настойчивостью.

В настоящее время, несмотря на смену политического руководства США и вступление в должность нового американского президента Джозефа Байдена, обстановка как внутри Америки, так и внутри Китая не способствует достижению компромисса. В этой ситуации ни Вашингтон, ни Пекин не хотят показать слабость, и они полностью уверены, что время на их стороне.

Встреча высокопоставленной китайской делегации с представителями новой американской администрации Дж. Байдена на Аляске в марте 2021 г. не дает никаких поводов для оптимизма. Это были первые переговоры после неофициальной встречи Ян Цзечи и Майка Помпео в июне 2020 г. на Гавайях⁴¹. Начало встречи, на которой присутствовали с американской стороны госсекретарь США Энтони Блинкен и советник президента по нацбез-

опасности Джейк Салливан, а с китайской – курирующий внешнюю политику Китая член политбюро ЦК китайской компартии Ян Цзечи и министр иностранных дел Ван И, прошло в сложной обстановке взаимных обвинений. С американской стороны прозвучала критика в адрес Китая за экономическое давление на другие страны и нарушение прав человека в СУАР. В ответ Ян Цзечи обвинил США в лицемерии, указав на проблемы с нарушением прав человека в самой Америке и пр.⁴². Никаких внятных комментариев, принимающих ту или иную сторону, в официальных СМИ Сингапура не было, все сообщения в основном носили повествовательный характер без высказывания конкретной точки зрения. В принципе, такая позиция вполне обоснована тем положением, которое занимают и США, и КНР в системе торгово-экономических связей Сингапура.

Что касается мнения граждан Сингапура, то проведенный в 2021 г. опрос *ISEAS State of Southeast Asia* (Сингапур) среди политиков, ученых, аналитиков и деловых людей показывает, что поддержка укрепления связей с Китаем по сравнению с США снизилась, несмотря на интенсивные усилия Китая по «масочной дипломатии». В то время как 76,3% респондентов согласились с тем, что Китай является самой влиятельной экономической державой в регионе, 72,3% из них обеспокоены этим влиянием. И, несмотря на то, что большинство правительств стран Юго-Восточной Азии хотят извлечь выгоду из экономических связей с Китаем, население этих стран, в лучшем случае, скептически относится к роли Поднебесной⁴³.

Несмотря на тяжелый для всего мирового сообщества 2020-й год, когда в адрес Китая со всех сторон сыпались обвинения в том, что именно эта страна повинна в

пандемии коронавируса, отношения Сингапура и КНР развивались в весьма положительном ключе.

В частности, в декабре 2020 г. между странами был пописан пакет из 10-ти соглашений, направленный на расширение сотрудничества в различных областях, начиная со здравоохранения и заканчивая торговлей (примечательно, что в 2019 г. такого рода соглашений было 9).

8 декабря 2020 г. состоялся 16-й совместный совет по двустороннему сотрудничеству (JCBC), сопредседателями которого были заместитель премьер-министра Сингапура Хэн Сви Кит и вице-премьер Китая Хань Чжэн. Выступая перед местными СМИ по завершении сессии, г-н Хэн сказал: «Основная повестка дня этого года отражает широту и глубину нашего сотрудничества». Также он добавил, что «неизменная приверженность совместным проектам и сотрудничеству в сложных условиях пандемии COVID-19 является свидетельством устойчивости связей между двумя странами». По его словам, встреча в этом году также имела «особое значение», поскольку в 2020 г. исполняется 30 лет дипломатическим отношениям между Сингапуром и КНР⁴⁴.

Среди подписанных соглашений были два меморандума о взаимопонимании (MOUs), направленные на углубление сотрудничества в области общественного здравоохранения, – новый столп партнерства в рамках JCBC. Согласно одному меморандуму, министерство здравоохранения Сингапура будет работать вместе с Национальной комиссией здравоохранения Китая над укреплением сотрудничества в таких областях, как профилактика инфекционных и неинфекционных заболеваний и борьба

с ними, укрепление здоровья и первичная медико-санитарная помощь.

*Заместитель премьер-министра Сингапура Хэн Сви Кит
на 16-м Совместном совете по двустороннему
сотрудничеству 8 декабря 2020 г.*

Фото: Министерство связи и информации Сингапура

Еще один меморандум о взаимопонимании по обмену стипендиями в области политики здравоохранения был возобновлен после того, как он был впервые подписан в 2013 г. С его помощью обе стороны обмениваются медицинскими стипендиатами для работы в учреждениях, занимающихся вопросами профилактики заболеваний и борьбы с ними. Сотрудничество в области общественного здравоохранения будет включать совместную работу по разработке, производству и распространению вакцин, а также диагностике и терапии COVID-19, – заявил министр здравоохранения Сингапура Ган Ким Ен, который сопровождал г-на Хена вместе с девятью другими министрами. По словам г-на Гана, это сотрудничество будет полезно вне проблемы борьбы с коронавирусом. «Будут новые пандемии, поэтому важно создать эту платформу сотруд-

ничества между Сингапуром и Китаем, чтобы мы могли продолжать взаимодействие и развивать потенциал», – сказал он журналистам. Также он добавил, что не менее важно уделять внимание и другим проблемам со здоровьем, не связанным с пандемией, в частности, проблеме старения населения⁴⁵.

В рамках реализации двусторонних соглашений в области борьбы с коронавирусом 20 сентября 2021 г. в Сингапур из Китая поступили 100 тысяч доз вакцины Sinovac⁴⁶.

Еще одно подписанное соглашение было посвящено укреплению сотрудничества между биомедицинскими компаниями из Сингапура и индустриальным парком Сучжоу (Восточный Китай) в области коммерциализации продукции. Предполагается, что это партнерство также будет способствовать апробации новых концепций в зоне свободной торговли в провинции Цзянсу, расширяя рыночные возможности для сингапурских биомедицинских фирм.

Необходимо также упомянуть расширенный меморандум о взаимопонимании по вопросам экологической устойчивости, основанный на версии документа, подписанного между странами в 2018 г. Соглашение о сотрудничестве в этой области позволит Сингапуру и Китаю «укрепить коллективные действия посредством многостороннего сотрудничества». «В течение следующих двух лет Сингапур и Китай будут сотрудничать на региональных и международных платформах, таких как рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, а также дискуссии о международном зеленом развитии “Пояса и пути”», – сказала г-жа Грейс Фу, возглавляющая Министерство устойчивого развития и окружающей среды Сингапура⁴⁷. Обе стороны также будут

расширять сотрудничество по инициативам по нулевым отходам в китайско-сингапурском эко-городе Тяньцзинь.

Отдельный меморандум о взаимопонимании по таможенному твиннингу позволит Китаю и Сингапуру укрепить упрощение процедур торговли и безопасность. В соответствии с этим документом обе стороны будут обмениваться передовым опытом применения новых технологий и совершенствовать управление рисками путем обмена разрешительными данными.

Обе страны также взяли на себя обязательство расширять сотрудничество в области разрешения споров, безопасности пищевых продуктов, экологических действий и обмена знаниями между научно-исследовательскими институтами.

На JCBC обе стороны также отметили ключевые вехи в двусторонних проектах, таких как 5-я годовщина Демонстрационной инициативы по стратегическому взаимодействию Китая и Сингапура (CCI) и 10-я годовщина китайско-сингапурского города знаний Гуанчжоу.

Исполняющая обязанности министра Чунцинской инициативы Жозефина Тео заявила, что был достигнут «хороший прогресс» в областях, которые она определила приоритетными для сотрудничества, включая финансовые услуги и логистику. По данным за первые три квартала 2020 г. (в годовом исчислении), сингапурские компании сообщили об увеличении грузопотоков. Также проект CCI привлек к сотрудничеству 13 соседних провинций Западного Китая.

В ходе переговоров между сторонами были намечены три области дальнейшего сотрудничества между Китаем и Сингапуром: в области интернет-соединений, цифровизации и устойчивого развития, которые будут иметь решающее значение для постковидного мира.

Также обсуждались идеи дальнейшего открытия границ между двумя странами, включая более эффективное использование скоростных магистралей, увеличение частоты полетов и восстановление «нормальных» обменов людьми «в соответствующее время», что связано, в первую очередь, с нормализацией эпидемиологической обстановки⁴⁸.

В продолжение развития отношений между странами 31 марта 2021 г. министр иностранных дел Сингапура Вивиан Балакришнан встретился с государственным советником и министром иностранных дел Китая Ван И в китайской провинции Фуцзянь. Стороны обсудили перспективы возобновления туристических потоков, а также предложение Китая о взаимном признании «медицинских сертификатов». Необходимо отметить, что между странами уже действует соглашение о поездках в деловых и официальных целях, которое распространяется на шесть китайских провинций и муниципалитетов, непосредственно подчиняющихся центральному правительству – Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин, Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян⁴⁹.

А 13 сентября Ван И прибыл с ответным визитом в Сингапур, где он встретился с заместителем премьер-министра Хен Сви Китом и министром иностранных дел Вивианом Балакришнаном. Помимо традиционных заверений в дружбе и сотрудничестве, подтверждения всех ранее достигнутых договоренностей, произошел обмен мнениями о региональных и международных событиях, включая пути углубления сотрудничества между АСЕАН и Китаем, в связи с 30-летием диалога между АСЕАН и Китаем в этом году⁵⁰. На совместной пресс-конференции д-р Балакришнан заявил, что Сингапур надеется, что Китай и Соединенные Штаты смогут наладить «конструктивные отношения», несмотря на «неизбежную» конку-

ренцию. На следующий день Ван И встретился с премьер-министром Ли Сянь Луном в Истане.

Министр иностранных дел Китая Ван И и премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун в Истане. 14 сентября 2021 г.

Фото: Министерство связи и информации Сингапура

В своем посте на *Facebook* г-н Ли сказал, что он и г-н Ван «подтвердили давние связи» между Сингапуром и Китаем и провели «продуктивную и откровенную» дискуссию о международных и региональных событиях. «Сингапур приветствует продолжающийся вклад Китая в нашу часть мира и будет продолжать работать с Китаем над построением более гармоничного и мирного мира», – добавил он⁵¹.

Как бы то ни было, очевидно, что сингапуро-китайские отношения развиваются в положительном ключе и ни визиты первых лиц США, ни заключенные с ними договоренности или другие вопросы, по которым взгляды КНР и Сингапура расходятся (о чем речь пойдет ниже)

вряд ли кардинальным образом смогут изменить всестороннее развитие сингапуро-китайских отношений.

Сингапур и США: обоюдные ожидания и реальность

Что касается сингапуро-американских отношений в настоящее время, то, как и другие страны АСЕАН, Сингапур возлагает определенные надежды на новую американскую администрацию Дж. Байдена. По мнению Дьюи Фортуну Анвара, профессора Индонезийского института наук (P2P-LIPI), в целом жители Юго-Восточной Азии положительно отреагировали на смену американской администрации после четырех лет бурной внешней политики США при Дональде Трампе⁵².

Как показывают опросы общественного мнения в странах ЮВА, респонденты считают, что внешняя политика президента Дж. Байдена будет аналогична той, что проводилась при Бараке Обаме, учитывая тот факт, что Байден занимал пост вице-президента в той администрации. Растущее влияние Китая в регионе побудило Б. Обаму укрепить отношения США с союзниками по Юго-Восточной Азии и уделять больше внимания АСЕАН (при этом, большинство этих американских инициатив были прекращены Д. Трампом). После ухода Б. Обамы с поста президента в 2016 г. Дж. Байден настаивал на том, что новая администрация Трампа должна продолжать работать с АСЕАН, чтобы продвигать основанный на правилах международный порядок и развивать отношения с Китаем, где могли бы сосуществовать конкуренция и сотрудничество. Однако, явно пренебрежительное отношение Д. Трампа к АСЕАН, иллюстрацией которого являлась его неспособность назначить посла США в Ассоциации и

частые отлучки с саммитов, связанных с АСЕАН, привели к утрате доверия к Соединенным Штатам как надежному стратегическому партнеру среди стран ЮВА. Всё чаще государства Юго-Восточной Азии рассматривают политику США в отношении региона как некую функцию американо-китайских отношений.

Согласно опросу, проведенному институтом *ISEAS* (Сингапур) в 2020 г., большинство респондентов не доверяли США как надежному стратегическому партнеру. 77% респондентов отметили, что при Д. Трампе взаимодействие США с ЮВА сократилось, по сравнению с администрацией Б. Обамы. Несмотря на это, 60,3% опрошенных считали, что надежность США может повыситься со сменой американского руководства. Оправдаются ли эти надежды, покажет ближайшее будущее.

Аналогичный опрос сингапурского института *ISEAS* за 2021 г., опубликованный вскоре после инаугурации Дж. Байдена, показал гораздо более благоприятное отношение к США. 68,6% респондентов прогнозировали, что при Дж. Байдене участие США в регионе увеличится. Еще 55,4% считали Соединенные Штаты надежным стратегическим партнером и поставщиком услуг, а также опорой в области региональной безопасности⁵³.

И администрация Дж. Байдена оправдала надежды. В июле 2021 г. Сингапур посетил министр обороны США Ллойд Остин, а 22 августа с трехдневным визитом прибыла Камала Харрис – вице-президент США. На следующий день она посетила президента Сингапура Халиму Якоб в Истане, а затем встретилась с премьер-министром страны Ли Сянь Луном.

*Камала Харрис и Ли Сянь Лун. Сингапур.
23 августа 2021 г. Фото: © Reuters*

Выступая перед журналистами на совместной пресс-конференции с г-ном Ли, г-жа Харрис сказала: «Сегодня мы находимся в Сингапуре, чтобы подчеркнуть и подтвердить наши прочные отношения с этой страной и в этом регионе, а также укрепить общее видение свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и подтвердить наши взаимные интересы в мире и стабильности в Юго-Восточной Азии»⁵⁴.

В ходе встречи стороны подписали три соглашения об укреплении сотрудничества в области кибербезопасности, а также заключили новое климатическое партнерство.

По официальным сообщениям сингапурской стороны, потенциальное сотрудничество в области климата будет направлено на расширение финансирования, в т.ч. с привлечением частного капитала для создания устойчивой инфраструктуры, а также управления климатическими и экологическими рисками в финансовом секторе; раз-

витие инфраструктуры «зеленой» энергетики и транспорта, уменьшение выбросов углеводородов; консультации по установлению «зеленых» стандартов и пр.

Весьма примечательны новые соглашения в области обороны и кибербезопасности, подписанные еще до визита К. Харрис, но объявлено о которых было только 23 августа. Подробности соглашений не разглашаются, в общих формулировках они касаются сотрудничества в киберпространстве, целью которого является институционализация киберсотрудничества между оборонными ведомствами двух стран, Агентства кибербезопасности Сингапура и Агентства по кибербезопасности и инфраструктурной безопасности США, а также между Валютным управлением Сингапура и Министерством финансов США⁵⁵.

После завершения визита в Сингапур в планах К. Харрис стояло посещение Вьетнама, в котором не так давно уже побывал министр обороны США Ллойд Остин в ходе турне по странам Юго-Восточной Азии⁵⁶.

Выступление г-жи Харрис 25 августа в Ханое и её комментарии в Сингапуре о том, что Пекин использовал принуждение и запугивание для поддержки своих незаконных претензий в Южно-Китайском море, вызвало резкую критику со стороны Китая, обвинившего вице-президента США в стремлении вбить клин между Китаем и странами Юго-Восточной Азии.

Примечательно, что антикитайская направленность визитов г-жи Харрис в страны ЮВА не замалчивается в СМИ Сингапура, в публикациях открытым текстом написано «во время регионального визита, направленного на противодействие растущему влиянию Китая»⁵⁷.

Однако всё не так прозрачно и однозначно, как хотелось бы Вашингтону. В то время как прибытие г-жи Харрис в Ханой было отложено из-за «аномального инциден-

та со здоровьем», потенциально связанного с таинственным Гаванским синдромом, премьер-министр Вьетнама Фам Мин Чинь и посол Китая во Вьетнаме провели ранее не объявленную встречу, в ходе которой Чинь заявил, что Вьетнам не принимает чью-либо сторону во внешней политике, а посол Китая пообещал безвозмездно передать СРВ 2 млн вакцин против Covid-19⁵⁸. Китай является крупнейшим торговым партнером Вьетнама, и Вьетнам в значительной степени зависит от материалов и оборудования из Китая, правящие коммунистические партии двух стран поддерживают тесные связи. Действительно, территориальные споры в ЮКМ вносят ложку дегтя в бочку меда, но пойдет ли Вьетнам на крайние меры в наращивании своих связей с США для противодействия КНР – это большой вопрос. Да, американцы поставили во Вьетнам военную технику, в том числе катера береговой охраны, связи между Ханоем и Вашингтоном развиваются как никогда ранее, но и тут США сами себе ставят подножку, пытаясь надавить на Вьетнам со своими претензиями в области нарушения прав человека.

Чуть ранее мы уже останавливались на визите 13–14 сентября в Сингапур министра иностранных дел Китая Ван И, который встретился со своим коллегой Виваном Балакришнаном и премьер-министром Сингапура Ли Сянь Луном. Здесь хотелось бы более подробно остановиться на пресс-конференции, состоявшейся 13 сентября. Репортер *Lianhe Zaobao* спросил д-ра Балакришнана можно ли рассматривать визиты г-на Вана и вице-президента США Камалы Харрис как «часть дипломатического соперничества» между двумя сверхдержавами. В своем ответе д-р Балакришнан сказал, что на протяжении многих десятилетий присутствие США в регионе было «доброжелательным и конструктивным». Но подъем Китая – «самая значительная история успеха за последние 40 лет» – изме-

нил обстоятельства. «Прямо сейчас ... самый большой вопрос заключается в том, как подъем Китая ... повлияет на отношения с нынешней сверхдержавой – Соединенными Штатами – и будет ли по-прежнему применяться существовавшая в течение многих десятилетий формула экономической интеграции, свободной торговли, свободного потока инвестиций ...», – сказал он. «Сингапур надеется на то, что ... вы [КНР и США] сможете сотрудничать там, где это абсолютно необходимо ... И время от времени, если возникнут точки трения, мы надеемся, что конфронтация может быть сведена к минимуму», – добавил д-р Балакришнан.

Что касается сотрудничества в рамках АСЕАН, то, как подчеркнул д-р Балакришнан, Ассоциация «приветствует взаимовыгодное взаимодействие со всеми нашими партнерами по диалогу, включая Китай, в рамках инклюзивных механизмов под руководством АСЕАН ... на принципах центральной роли и единства АСЕАН, и поддерживает открытую, инклюзивную и основанную на правилах региональную архитектуру, которая зиждется на международном праве»⁵⁹.

Как нам кажется, д-р Балакришнан действительно выразил общую позицию стран Ассоциации в отношении соперничества США и Китая. Как и в частном случае с Ханоем, можно отметить, что эта позиция, как представляется, по умолчанию заключается в том, чтобы не принимать чью-либо сторону, одновременно повышая устойчивость АСЕАН, в том числе и к внешнему давлению. При этом, однако, согласно опросам *ISEAS*, если АСЕАН всё-таки будет вынуждена принять чью-либо сторону, картина иная: большинство респондентов отдадут предпочтение Соединенным Штатам, а не Китаю: 61,5% предпочли присоединиться к США в опросе 2021 г. по сравнению с 53,6% в опросе 2020 г.⁶⁰. Особенно примечательны измене-

ния в позиции четырех стран АСЕАН: в 2020 г. Камбоджа, Индонезия, Малайзия и Таиланд отдавали предпочтение Китаю, однако в 2021 г. вектор сместился в сторону США.

Согласно опросам *ISEAS*, 70–80% респондентов из стран АСЕАН считают Китай наиболее влиятельной экономической державой в регионе, и США по этому направлению сильно уступают Поднебесной. Китай считается самой влиятельной политической и стратегической силой в ЮВА, хотя популярность этого мнения в 2021 г. снизилась с 52,2% в 2020 г. до 49,1%, а США – возросло с 26,7% в 2020 г. до 30,4% в 2021 г.⁶¹. Вероятно, это обусловлено перспективными ожиданиями, связанными со сменой политической администрации в США, а также растущим недоверием стран ЮВА к Китаю из-за его всё более напористой внешней политики, особенно в ЮКМ.

Согласно всё тем же опросам, страны АСЕАН хотели бы видеть больше американских инвестиций в качестве альтернативного источника финансирования. Однако Соединенным Штатам предстоит тяжелая борьба за конкуренцию с Китаем в предоставлении ПИИ для развития инфраструктуры в регионе. В то же время, учитывая разнообразие государств-членов АСЕАН, акцент администрации Дж. Байдена на возрождении демократии, вероятно, получит неоднозначную ответную реакцию. Многие правительства стран АСЕАН, вероятно, с опаской отнесутся, к критике со стороны США недостатков демократии и обвинений в нарушении прав человека в ЮВА в целом, а не только в Мьянме.

Также необходимо отметить, что помимо больших ожиданий присутствует и некоторый скептицизм в отношении президентства Дж. Байдена. Ни для кого не секрет, что в настоящее время Соединенные Штаты сталкиваются со многими проблемами внутри страны, в частности, в области общественного здравоохранения, с экономическими

последствиями COVID-19, и, как ни печально, растущей поляризацией американского общества. Эти проблемы, без сомнений, могут ослабить потенциал США в ЮВА. Есть также опасения, что, как и Б. Обама, и в отличие от Д. Трампа, Дж. Байден ограничит количество свободы судоходства в ЮКМ, что может обострить реакцию Китая.

Еще большую озабоченность вызывают довольно частые и весьма резкие перепады во внешней политике США от одной администрации к другой. В таких условиях, у стран АСЕАН складывается четкое убеждение в «непредсказуемости и ненадежности США в долгосрочной перспективе»⁶².

Примечательно, что, по мнению американского аналитика Тэда Говера из Клермонтского университета, странам ЮВА будет не хватать жесткой политики Д. Трампа. Он утверждает, что стремясь к «повороту в Азию», Обама не сумел совместить увеличение американского военного присутствия в АТР с решительным ответом на милитаризацию Китая ЮКМ. Что касается политики нового президента США Дж. Байдена, то, как отмечает Говер, Вашингтон должен оказать дипломатическое, силовое и экономическое давление на Китай через «четверку» – партнерство США, Индии, Японии и Австралии (*Quad*), и обязательно продолжить демонстрацию военного присутствия США, в частности, FONOPS, чтобы бросить вызов экспансивным морским претензиям Пекина. Америка должна продолжить совместные воздушно-морские учения, такие как *Malabar* в Бенгальском заливе и *Balikatan* («плечом к плечу») на Филиппинах. При этом аналитик указывает на необходимость укрепления военного потенциала США в Тихом океане в целях противостояния китайской кампании по строительству насыпных островов и вытеснению американских сил за пределы первой и второй островных цепей⁶³.

Несмотря на то, что президент Д. Трамп увеличил военные расходы, чтобы компенсировать сокращение оборонного бюджета в период администрации Б. Обамы, у ВМС США все еще недостаточно судов для выполнения региональных обязательств.

Первый оборонный бюджет Дж. Байдена в идеале должен учитывать затраты на ВМФ в области расширения судостроения и с количественной, и с качественной составляющей, чтобы позволить американским ВМФ сохранить свою эффективность. Нет никаких сомнений в том, что это потребует дополнительных ассигнований на увеличение числа подводных лодок, а также фрегатов, беспилотных судов и кораблей, оборудованных по последнему слову техники.

Вполне очевидно, что США не смогут обойтись без финансирования разработок и вооружения собственных ВС радиолокационными и гиперзвуковыми системами вооружений, увеличения количества центров обмена разведданными с партнерами в ЮВА и Океании, а также более активного развертывания своих ВС в регионе и мер по укреплению существующих американских объектов в Японии, Южной Корее и на Гуаме.

В рамках ожиданий партнеров США в регионе ЮВА администрация Дж. Байдена должна продолжать и развивать не только свои усилия, но и отношения с Токио по предоставлению военно-морских, береговых и воздушных средств партнерам из ЮВА, у которых нет необходимых возможностей для защиты своих собственных владений, в частности, Филиппинам, Индонезии и Вьетнаму.

Однако, еще раз укажем, что не все внешнеполитические действия бывшего президента США Д. Трампа вызвали одобрение и понимание в государствах ЮВА, в частности, весьма негативно ими было воспринято явное пренебрежение Д. Трампа к участию в большинстве еже-

годных многосторонних форумов в Азии. И здесь для президента Дж. Байдена и ключевых лиц его кабинета есть реальная возможность исправить положение, возобновив участие США в региональных саммитах, включая соответствующие форумы под руководством АСЕАН, а также в ВАС и АТЭС⁶⁴.

При этом не стоит идеализировать ту роль, которую страны ЮВА и, в частности, Сингапур, отводят американскому политическому и экономическому влиянию в регионе. Ни для кого не секрет, что главный радетель за демократию и права человека во всем мире – Соединенные Штаты Америки, частенько сами грешат всякого рода нарушениями, а для Сингапура именно четкое соблюдение правил, процедур, норм закона, особенно когда они относятся к стратегическому сдерживанию сильных мира сего, является особенно важным.

Обращаясь в недавнее прошлое, отметим, что сотрудничество Сингапура и США началось до того, как КНР признала существование Республики Сингапур и установила с ней дипломатические отношения. Начало сингапуро-американских отношений⁶⁵ приходится на конец 1960-х гг. – время агрессии США против Вьетнама, когда в сингапурских портах стали ремонтировать и оказывать сервисные услуги американским ВМС (ремонт и дозаправка судов, программы отдыха и реабилитации американских войск) по соглашению, достигнутому в ходе визита в Сингапур советника американского президента Ю. Блэка и помощника госсекретаря США по Ближнему Востоку У. Банди⁶⁶. Для молодой Республики это был единственный шанс заполнить «вакуум» в доходах, образовавшийся после вывода с территории страны контингента вооруженных сил Великобритании. Это решение позволило Сингапуру избежать тяжелых кризисов как в экономике, так и в сфере обеспечения собственной без-

опасности. Таким образом, в разгар «холодной войны» США стали противовесом китайско-советскому влиянию в регионе ЮВА, поскольку только Америка была силой, способной играть эту роль⁶⁷.

Несмотря то, что американо-сингапурское сотрудничество развивалось весьма активно, руководство Сингапура всегда определяло свой внешнеполитический курс с позиций концепции «позитивного нейтралитета». Основа этого курса – принцип неприсоединения, но с оговоркой, что при возникновении угрозы непосредственно самому Сингапуру «он не сможет оставаться нейтральным»⁶⁸.

Отношения двух стран в области обороны и безопасности постоянно развивались: в 1970-х гг. США становятся основным поставщиком вооружения; в 1975 г. проходят первые двусторонние военно-морские учения; в 1978 г. ВМС США получили разрешение использовать сингапурскую авиабазу Тенгах для полетов над акваторией Индийского океана; с 1981 г. начали проводиться ежегодные командно-штабные учения *Tiger Balm*⁶⁹.

В 1990 г., за два года до закрытия последней американской базы на Филиппинах, Сингапур предпринял шаги для обеспечения постоянного присутствия США в регионе. Согласно Меморандуму о взаимопонимании (MoU) 1990 г., американские ВМС и ВВС получали расширенные права в использовании объектов на территории Сингапура для своих нужд. В 1991 г. для поддержки 7-го флота США (Сингапур стал портом регулярного захода) и координации двусторонних военно-морских учений в регионе ЮВА было принято решение о переводе штаб-квартиры COMLOG WESTPAC в Сингапур⁷⁰ (уточним, что 7-й флот является главным флотом передового базирования США в акватории Тихого океана⁷¹). В 1998 г. было подписано дополнение к Меморандуму 1990 г., согласно которому кораблям ВМС США, в том числе, авианосцам и подводным

лодкам, открывался доступ на новую военно-морскую базу Чанги. А в марте 2000 г. между министерствами обороны Сингапура и США было подписано Соглашение о взаимной технической и логистической поддержке. В 2012 г. был запущен механизм диалога о стратегическом партнерстве США-Сингапур (SPD). США принимали активное участие в создании ВВС Сингапура, предоставляя возможность обучения в США сингапурским пилотам.

Однако, необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на тесные двусторонние отношения в области обороны и позитивный взгляд Сингапура на роль США в регионе, это отнюдь не означает, что Сингапур желает быть частью возглавляемых США усилий по сдерживанию Китая. Во время визита вице-президента США Джо Байдена в Сингапур в июле 2003 г. Ли Сянь Лун в своем обращении к прессе подчеркнул, что «Сингапур дружит с Америкой, и с Индией, Японией, и Китаем и другими крупными державами. И мы хотели бы сохранить наши хорошие отношения со всеми»⁷². Такая позиция вполне объяснима, поскольку безоглядная ориентация на США может не только нести угрозу сингапуро-китайским экономическим связям, но и в случае возникновения серьезной напряженности или конфликта между Китаем и США поставить Сингапур в сложное и потенциально опасное положение. Вероятно, именно по этим причинам Сингапур отклонил предложение США о статусе «основного союзника» вне блока НАТО (*Major non-NATO ally*), которым Соединенные Штаты поощряют свои «любимые» страны. Тем не менее, Сингапур, не имея такого статуса, в рамках SCA пользуется почти всеми привилегиями союзника⁷³. По мнению Ричарда Битцингера, «это потому, что Сингапур не хотел бы официально называться союзником США. В каком-то смысле Сингапур – союзник США, который таковым не является»⁷⁴. Тем не менее, в октябре того

же 2003 г. было объявлено о намерении заключить двустороннее стратегическое рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности (SFA). Тот факт, что это соглашение было подписано только в июле 2005 г. свидетельствовал о сложности переговоров⁷⁵.

Вероятно, ожидания «оживления» отношений с США в Сингапуре связывают с тем, что в бытность свою вице-президентом Дж. Байден неоднократно указывал на важность развития не только экономических связей, но и сотрудничества в сфере обороны и безопасности, о чем он, в частности, заявлял во время своего визита в Сингапур в конце июля 2013 г. В течение долгого времени США занимали центральное место в сингапурской внешней и оборонной политике, но, при этом с завидной постоянностью Сингапур демонстративно избегал установления союзнических отношений, отдавая предпочтение стратегической автономии: формальный статус отношений Сингапура и США – партнеры по безопасности, а не союзники⁷⁶.

В начале декабря 2015 г. между странами было подписано новое расширенное соглашение об обороне по пяти направлениям: военному, политическому, стратегическому и технологическому, а также сотрудничеству в борьбе с нетрадиционными вызовами безопасности (терроризм и пиратство). Также стороны договорились усилить сотрудничество в гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий (HADR), кибербезопасности, биозащите и общественной коммуникации. В соответствии с DCA между двумя сторонами были введены новые диалоги на высоком уровне.

Важной повесткой переговоров министров обороны двух стран в тот период стали вопросы о разворачивании в Сингапуре американских авиаразведчиков *P-8 Poseidon* и американских боевых кораблей *LCS (Littoral Combat Ship)*⁷⁷.

Во второй половине июля 2016 г. прошли совместные американо-сингапурские учения *SARAT*⁷⁸ (в рамках серии двусторонних военно-морских учений ВМС США со странами Южной и Юго-Восточной Азии). В них, кроме традиционных участников – ВС Сингапура и ВМС США, был задействован американский корпус морской пехоты⁷⁹.

Очередные совместные сингапуро-американские учения прошли в южной части ЮКМ в международных водах в апреле 2018 г., в которых приняли участие два военных корабля ВМС Республики Сингапур, а со стороны США – авианосец *Theodore Roosevelt*, ракетный эсминец *Sampson* и ракетный крейсер *Bunker Hill*⁸⁰. 23 сентября 2019 г. премьер-министр Ли Сянь Лун и президент США Дональд Трамп возобновили ключевой оборонный пакт, который позволяет американским ВС использовать военно-воздушные и военно-морские базы Сингапура вплоть до 2035 г.⁸¹.

Своеобразной кульминацией сингапуро-американских отношений, по крайней мере, на сегодняшний день, можно считать государственный визит в начале августа 2016 г. премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна в Вашингтон, посвященный 50-й годовщине установления дипломатических отношений между странами. В преддверии визита Ли Сянь Луна в Белый дом президент США Б. Обама в интервью газете *The Straits Times* отметил: «Сингапур – это якорь присутствия США в регионе»⁸². Решение Белого дома о проведении государственного обеда в честь визита премьер-министра Сингапура вызвало большой резонанс в американских СМИ, поскольку «такой маленький» Сингапур стал первым из стран ЮВА, удостоенной подобной чести.

*Президент США Барак Обама произносит тост за
премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна на
Государственном обеде в его честь. 3 августа 2016⁸³.*

Но наивно было бы полагать, что такие «знаки внимания» со стороны США смогут поколебать Сингапур и нарушить *status quo nunc*, в частности, в отношении территориальных споров в ЮОКМ. Сингапур постоянно позиционирует себя «эффективным координатором и честным посредником» в этом конфликте, основным источником напряженности которого являются территориальные разногласия между Китаем, с одной стороны, и Вьетнамом, Брунеем, Малайзией, Филиппинами и Тайванем, с другой. В этом конфликте Сингапур не принимает ни чью сторону и призывает к разрешению всех споров в соответствии с Конвенцией по морскому праву 1982 г. Стабильность в ЮОКМ очень важна для Сингапура, и он стоит на позициях необходимости урегулирования конфликтов в соответствии с международным правом. В качестве координатора диалоговых отношений АСЕАН-Китай в 2016–2018 гг.,

Сингапур всеми силами стремился добиться прогресса в этом направлении, поскольку экономическое процветание страны напрямую зависит от соблюдения прав на свободу судоходства и авиаперелетов.

В целом, внешнеполитическую стратегию Сингапура в отношении территориальных споров в ЮКМ можно резюмировать следующим образом: оставаться нейтральным и актуальным, стремясь к стабильности и миру. При этом, нейтралитет Сингапура активен, а не пассивен. Сингапур, с одной стороны, следит за развитием событий в ЮКМ, с другой – надеется усилить свое региональное влияние и международный статус посредством участия в обсуждениях, касающихся вопросов региональной безопасности.

Позиция Сингапура в вопросах территориальных споров в ЮКМ предельно ясна: для АСЕАН лучший вариант – оставаться единой и вести переговоры с Китаем, при этом «не просто ладить со всеми, а утверждать примат международного права»⁸⁴. Однако, можно предполагать, что Китай никогда не сдастся, поскольку позиция Китая – всегда защищать свой суверенитет, хотя и Китай и США вряд ли позволят ситуации выйти из-под контроля.

Отношения между странами (имеются в виду Сингапур, США и КНР) в своем глобальном измерении весьма непростые. Так, например, подписанное в конце 2015 г. очередное американо-сингапурское соглашение о сотрудничестве в сфере обороны вызвало достаточно негативную реакцию со стороны руководства КНР, по мнению которого развертывание в Сингапуре американских самолетов *P-8 Poseidon* предполагало слежение за деятельностью Китая в ЮКМ, в то время как сингапурские правящие круги утверждали, что дислокация американских авиаразведчиков необходима для реализации программы оказания гуманитарной помощи в ликвидации последствий стихийных бедствий (HADR). Примечательно, что

всю вину за «региональную милитаризацию» КНР возложила на США без предъявления каких-либо претензий по поводу развёртывания авиаразведчиков *P-8 Poseidon* (и уже размещённых боевых американских кораблей) на территории Сингапура. Несмотря на то, что Президент КНР Си Цзиньпин всего за месяц до этих заявлений был с официальным визитом в Сингапуре, китайские чиновники, надеясь сгладить нарушения в отношениях в результате споров по ЮКМ, представили дружественные отношения между Китаем и Сингапуром как потенциальную модель отношений между Китаем и АСЕАН.

Для Сингапура в этом нет никакого парадокса. Тщательное уравнивание отношений между США и Китаем рассматривается как лучшая перспектива для обеспечения интересов страны.

Как уже отмечалось выше, в 2016–2018 гг. Сингапур являлся официальным координатором отношений между АСЕАН и КНР по вопросам урегулирования споров в ЮКМ. Необходимо уточнить, что Сингапур начал выступать посредником в решении этого вопроса в весьма непростое время – накануне вынесения вердикта Арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин к Китаю. В тот период было вполне очевидно, что, несмотря на то, что Китай явно преуменьшал значение арбитража, а, в итоге, как известно, и вообще не признал его решения, он всё же стремился заручиться поддержкой своей позиции.

В июне 2016 г. была созвана специальная встреча АСЕАН–Китай, на которой официальные лица Китая и Сингапура сели за стол переговоров. Необходимо подчеркнуть, что ещё до этой встречи представители стран АСЕАН опасались, что Китай превратит ее в некое «упражнение» по связям с общественностью для своих собственных целей, как сообщили эксперты и дипломатические источники *The Straits Times*. Поэтому представители

стран АСЕАН отказались от предложенного консенсусного заявления из 10 пунктов и приняли единое решение не участвовать в пресс-конференции с Китаем, а вместо этого выпустили совместное заявление, отражающее позицию АСЕАН.

По итогам встречи некоторые китайские СМИ и пользователи интернет-сетей стали обвинять Сингапур в «необъективности», при этом, они высказали опасения, что именно Сингапур понесет основную тяжесть потерь от обострения отношений Китая со странами АСЕАН. Эксперты отмечали также усиление давления со стороны США и некоторых государств-членов АСЕАН, которые настаивали на том, чтобы блок из 10 членов занял более жесткую позицию против Китая по вопросу ЮКМ.

В действительности же, совместное заявление АСЕАН, которое должно было быть опубликовано в Куньмине, отличалось значительной размытостью. Более половины заявлений касались событий в ЮКМ, которые АСЕАН «не может игнорировать», и которые «подрывают доверие и уверенность, усиливают напряженность, и которые могут потенциально подорвать мир, безопасность и стабильность в Южно-Китайском море». В заявлении прямо не указывалось на Китай, но подчеркивалась «важность немилитаризации и самоограничения в проведении всех видов деятельности, включая мелиорацию земель, которые могут вызвать напряженность в Южно-Китайском море». В конце концов, АСЕАН, после возражений Лаоса и Камбоджи, официально не опубликовала этот документ. Малайзия, однако, обнародовала его – а затем отозвала⁸⁵.

Таким образом, в течение более чем двухлетнего срока пребывания Сингапура на посту странового координатора отношений между АСЕАН и Китаем, одной из ключевых задач Сингапура стало обеспечение общих перспектив развития экономических отношений между Кита-

ем и АСЕАН для того, чтобы эти отношения не были подорваны углубляющимся кризисом в ЮКМ⁸⁶.

Руководство Сингапура не питает никаких иллюзий о том, что территориальные вопросы могут быть решены в ближайшее время, и всячески подчеркивает, что эти проблемы могут быть решены только самими сторонами конфликта. К сожалению, необходимо признать, что на сегодняшний день не удастся достичь каких-либо видимых результатов. Сингапуру необходимо поддерживать нейтралитет в спорах по ЮКМ, чтобы иметь возможность эффективно координировать отношения между АСЕАН и КНР. Споры вокруг ЮКМ повлияли и на отношения между странами внутри АСЕАН, и на отношения этих стран с внерегиональными державами. Периодическая эскалация напряженности между КНР и странами ЮВА, а также между Китаем и США не способствуют региональной стабильности. Позиция Сингапура в отношении присутствия США в регионе ЮВА остается постоянной в течение многих десятилетий: страна приветствует присутствие США в регионе, веря, что это необходимо для обеспечения мира, стабильности и процветания⁸⁷.

Выводы

Несмотря на все внешние факторы влияния, Сингапур придерживается весьма гибкой и прагматичной внешней политики, оставаясь нейтральным в вопросах международных отношений. Если говорить проще, то гибкость состоит в том, что Сингапур пытается не принимать ни чью сторону в конфликтах. Прагматичность же состоит в том, что Сингапур сотрудничает со многими странами, и в рамках этого сотрудничества активно создает международное дипломатическое пространство для максимального удовлетворения собственных национальных интересов⁸⁸. Во внешнеполитической концепции

Сингапура можно выделить два основных компонента. Во-первых, это упрочение позиций блока стран АСЕАН и, как следствие, опора на его основные силы. В частности, Сингапур стремится выстроить гармоничные отношения со своими главными (в геополитическом отношении) соседями – Малайзией и Индонезией, параллельно продвигая значимость роли АСЕАН в решении региональных вопросов, при этом полагаясь и на внешние силы, а если говорить конкретно, то – на США, и это – во вторых.

Прагматичность и расчет – это базис, на котором Сингапур выстраивает свою систему международных отношений, активно развивая связи с различными странами исключительно в целях достижения собственного благополучия. Другими словами, любое решение базируется на четком анализе его выгоды для Сингапура.

Сегодня, когда Юго-Восточная Азия, как регион, имеющий стратегическое положение, стал полем борьбы внешних держав, особенно США и КНР, основная цель внешнеполитической стратегии Сингапура заключается в защите своих интересов и обеспечении региональной стабильности путем установления стратегического баланса между основными акторами в АТР.

В современных условиях мировой глобализации для достижения целей экономического развития Сингапуру – стране с крайне ограниченными ресурсами – необходимы иностранные инвестиции и всемерное развитие внешней торговли. Действуя в этом направлении, сингапурские правящие круги стремятся продвигать экономическую дипломатию, устанавливать отношения с максимально возможным количеством стран и активно содействовать либерализации торговли и инвестиций. В этом процессе можно выделить два аспекта. Во-первых, Сингапур стремится укрепить экономическую и военную мощь страны, продвигая региональное сотрудничество, а, во-вторых, –

вовлекая в регион внешние силы, особенно США, отношения с которыми имеют большое значение как для национальной безопасности, так и для экономического развития Сингапура⁸⁹.

На сегодняшний день можно с очень высокой долей достоверности сделать вывод о том, что Сингапуру удается удерживаться и продуктивно функционировать в сконструированных им рамках, несмотря на давление как со стороны Китая, так и со стороны стран АСЕАН, и, к тому же, со стороны США.

Сингапур приложил много усилий для укрепления отношений с Соединенными Штатами и стал одним из важных американских партнеров в области безопасности в регионе ЮВА. Что касается Китая, то, в последние годы благодаря быстрому развитию он стал одним из главных экономических партнеров Сингапура. Но необходимо отметить, что для предотвращения возникновения какого-либо недовольства со стороны ближайших соседей по ЮВА Сингапур намеренно держится на расстоянии от Китая, особенно в политических вопросах и вопросах безопасности. Политика Сингапура в отношении ЮКМ определяется его стратегическими интересами и является отражением и продолжением его внешней политики, на которую оказывают значительное влияние уникальные исторические, геополитические и экономические факторы развития города-государства.

¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира – в первый». М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. С. 652.

² Официальный сайт Статистического бюро правительства Сингапура. SingStat Web Site. URL: <https://www.singstat.gov.sg/modules/infographics/singapore-international-trade>

³ Ibid.

- ⁴ Официальный сайт Статистического бюро правительства Сингапура. SingStat Web Site. URL: <https://www.singstat.gov.sg/find-data/search-by-theme/trade-and-investment/direct-investment-abroad/latest-data>
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира... С. 546.
- ⁷ Там же. С. 532, С. 548.
- ⁸ Pong Poh Seng. The Straits Chinese in Singapore: a Case of Local Identity and Socio-Cultural Accommodation. JMBRAS. 1969, vol. 10, pt. 1. P. 10.
- ⁹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира... С. 557.
- ¹⁰ Подробнее см.: Астафьева Е.М. Некоторые аспекты политики «нациестроительства» в Сингапуре: Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2010, №14, 278-294.
- ¹¹ Zheng, Yongnian; Lye, Liang Fook. Singapore-China Relations: 50 Years. World Scientific. 6 November 2015. P. 11.
- ¹² Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира... С. 586.
- ¹³ Там же. С. 603.
- ¹⁴ Там же. С. 532.
- ¹⁵ Там же. С. 534.
- ¹⁶ Там же. С. 540.
- ¹⁷ Там же. С. 30
- ¹⁸ TACC. URL: <https://tass.ru/info/2205258>
- ¹⁹ Ja Ian Chong. It's Complicated: Singapore-China Relations, An Overview. RISE, T.note n. 65 July 2018 (RISE series #20). URL: <https://www.twai.it/journals/rise/>
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Подробнее см.: Астафьева Е.М. Некоторые аспекты политики «нациестроительства» в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2010, №14, 278-294.
- ²³ The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/singapore-prepared-for-fallout-from-us-china-trade-war-dpm-heng>
- ²⁴ Ведомости.ру. 16.05.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/05/16/801521-trump>
- ²⁵ Harbr.com. 16.06.2020. URL: <https://habr.com/ru/company/vdsina/blog/511268/>
- ²⁶ BBC News. 05.02.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55950090>
- ²⁷ The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/no-sweet-spot-for-spore-in-us-china-tensions>

- ²⁸ Lee Hsien Loong. Speech 2019 Shangri-La Dialogue. Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/lee-hsien-loong-speech-2019-shangri-la-dialogue-11585954>
- ²⁹ URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/47972689162_9ace329e1a_o.jpg
- ³⁰ Lee Hsien Loong. Speech 2019 Shangri-La Dialogue...
- ³¹ Ibid.
- ³² Стратегия национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение, № 6, 2018. URL: 2018, https://drive.google.com/file/d/1-XkQNAekIBV4xBF11_T4mZuBfXAnaDPA/view
- ³³ Lee Hsien Loong. Speech 2019 Shangri-La Dialogue...
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Российская газета, 22.04.2021. URL: <https://rg.ru/2021/04/22/otkrylsia-klimaticheskij-sammit-liderov-40-gosudarstv.html>
- ³⁷ Lee Hsien Loong. Speech 2019 Shangri-La Dialogue...
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/sporeans-must-gird-themselves-for-the-long-haul-chan>
- ⁴⁰ The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/no-sweet-spot-for-spore-in-us-china-tensions>
- ⁴¹ Channel News Asia, 17 Mar 2021. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/asia/china-acting-aggressively-repressively-us-blinken-japan-14425890?cid=h3_referral_inarticlelinks_24082018_cna
- ⁴² News.ru. URL: https://www.newsru.com/world/19mar2021/china_scandal.html
- ⁴³ Channel News Asia. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/milk-tea-alliance-protests-southeast-asia-china-14444898?cid=h3_referral_inarticlelinks_24082018_cna
- ⁴⁴ Cheryl Lin. Singapore and China ink landmark number of agreements as countries mark 30 years of diplomatic ties. CNA, 08 Dec 2020. URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/business/singapore-china-30-anniversary-diplomacy-jcbc-13723426>
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/sinovac-stock-shipment-arrive-singapore-covid-19-ong-ye-kung-2190551>
- ⁴⁷ Cheryl Lin. Singapore and China ink landmark number...
- ⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/singapore-china-travel-border-restriction-vivian-balakrishnan-293101>

⁵⁰ Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/china-foreign-minister-wang-yi-singapore-2175031>

⁵¹ Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/china-singapore-wang-yi-lee-hsien-loong-meeting-relations-2175941>

⁵² Dewi Fortuna Anwar. What Southeast Asia wants from Joe Biden. CNA. 02.04.2021. URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/us-china-southeast-asia-asean-biden-joe-trump-confidence-14537738>

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Today online (Singapore). URL: <https://www.todayonline.com/singapore/singapore-us-ink-agreements-cybersecurity-climate-change-among-others-during-kamala-harris>

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Today online. URL: https://www.todayonline.com/singapore/us-vice-president-kamala-harris-lands-paya-lebar-air-base-official-visit-singapore?cid=h3_referral_inarticlelinks_03092019_todayonline

⁵⁷ Today online. URL: <https://www.todayonline.com/world/us-china-accuse-each-other-bullying-nations-0>

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/china-singapore-wang-yi-lee-hsien-loong-meeting-relations-2175941>

⁶⁰ Dewi Fortuna Anwar. What Southeast Asia wants from Joe Biden...

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.

⁶³ Ted Gover. Parts of Asia will miss Donald Trump's tough China policy, CNA. 08 Dec 2020. URL: https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/trump-biden-xi-china-us-relations-asia-diplomacy-trade-quad-tpp-13717928?cid=h3_referral_inarticlelinks_24082018_cna

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Подробнее см.: Астафьева Е.М. Сингапуро-американские отношения в контексте региональной безопасности в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2016, №32, С. 101-110.

⁶⁶ The Singapore Economy. Singapore, 1971, P. 352-369.

⁶⁷ Singapore-US defence relations: Enhancing security, benefiting region // The Straits Times, December 09, 2015.

⁶⁸ Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И. Внешняя политика Сингапура, М., 1989. С. 47.

⁶⁹ Подробнее см.: Астафьева Е.М. Сингапуро-американские отношения...

⁷⁰ Singapore and the US: Security Partners, Not Allies. URL:

<http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?id=168339>

⁷¹ В 2015 г. Министерство ВМС США A Cooperative Strategy For 21st Century Seapower, в которой указано, что для США господство на море является главным инструментом для решения политических задач, а также поддержания военного потенциала Америки в глобальном масштабе. В этом документе отдельно рассмотрен вопрос о значении АТР для обеспечения национальной безопасности США и защиты их интересов. (Владимир Иванов. Тихоокеанская поступь Белого дома. URL: <http://nationalsafety.ru/n134354>)

⁷² Singapore and the US: Security Partners, Not Allies...

⁷³ Подробнее см.: Астафьева Е.М. Сингапуро-американские отношения...

⁷⁴ Интервью Ричарда Битцингера. URL: <http://nationalsafety.ru/n141827>, 07.10.2015.

⁷⁵ Singapore and the US: Security Partners, Not Allies...

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ US, Singapore Ink New Defense Pact. The Diplomat, December 08, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/us-singapore-ink-new-defense-pact/>

⁷⁸ Cooperation Afloat Readiness and Training.

⁷⁹ S'pore-US Carat exercise kicks off // The Straits Times, July 20, 2016.

⁸⁰ Exercise between Singapore and US navies in southern reaches of South China Sea within international waters // The Straits Times, Apr 7, 2018.

URL: https://www.straitstimes.com/singapore/exercise-between-singapore-and-us-navies-in-southern-reaches-of-south-china-sea-within-0?fbclid=IwAR1Ugu5x5ClzcULAiZWLRgQL_QltjNSTWhexbhrWH-WkaEO5DMWHEp6U59k

⁸¹ Charissa Yong. PM Lee, Trump renew key defence pact on US use of Singapore air, naval bases. The Straits Times. 24 September 2019.

⁸² Official visit a sign of US emphasis on Asia, not just Singapore: PM Lee Hsien Loong. The Straits Times, 04/08/2016. URL:

<http://www.straitstimes.com/singapore/official-visit-a-sign-of-us-emphasis-on-asia-not-just-singapore-pm-lee-hsien-loong>

⁸³ The Straits Times. URL: https://static.straitstimes.com.sg/s3fs-public/styles/article_picture_780x520_/public/articles/2016/08/04/

39301527.2_39301860_-03_08_2016_-pixwashington.jpg?itok=N4cFuQID&timestampt=1470259677

⁸⁴ China will have to 'rethink approach' on South China Sea. The Straits Times, November 21, 2015.

⁸⁵ Singapore caught in the middle as China-Asean country...

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Jane Chan. Singapore and the South China Sea..., P. 42-43.

⁸⁸ Mingjiang Li, Hongzhou Zhang. Singapore's South China Sea policy: Implications for freedom and safety of navigation. URL: <https://www.researchgate.net/publication/290760424>

⁸⁹ Подробнее см.: Астафьева Е.М. Глава 11. Сингапур: стратегия «баланса сил» и её имплементация в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море // Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 308-343.

Глава 9. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АССИМЕТРИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВЬЕТНАМОМ и КИТАЕМ*

Обращаясь к вопросу взаимоотношений Вьетнама и Китая, нельзя не отметить их асимметричный характер, что можно проследить, в частности, в сотрудничестве стран в экономической и торговой сферах, а также во взаимодействии по партийным линиям.

Прежде всего, представляется необходимым дать характеристику понятию «асимметрия». «Асимметрию в международных отношениях можно определить как отсутствие тождественности между субъектами, имеющимися у них статусами, материальными и нематериальными ресурсами, тактиками и стратегиями международного поведения»¹. Таким образом, под «асимметричными отношениями» подразумеваются взаимоотношения государств, которые находятся в заведомо неравных условиях, например, отличаются друг от друга по территории, численности населения, обеспеченности природными ресурсами, темпам экономического роста, военному потенциалу, положению в региональной и мировой политике и др.

** Сведения об авторах: Шнаковская Марина Анатольевна, д.и.н., профессор кафедры Теории и истории международных отношений (ТИМО) Российского университета дружбы народов (РУДН), Россия, Москва, shpakovskaya@gmail.com;*

Нгием Ба Чи, Вьетнам, магистрант кафедры ТИМО РУДН, ngiem26@mail.ru;

Левченко Мария Николаевна, бакалавр кафедры ТИМО РУДН, Россия, Москва, scarlet.lion@mail.ru.

Кроме того, под асимметричными отношениями может подразумеваться сотрудничество между странами, в отношениях которых есть расхождения и сложности в решении ряда внешнеполитических вопросов. Примером могут послужить отношения Вьетнама и Китая.

Говоря об этих странах, первое, что хочется отметить, это несоразмерность территории и численности населения. По этим показателям Китай значительно превосходит Вьетнам. Так, согласно данным Всемирного банка, население Китая на 2020 г. составило 1 млрд 402 млн 112 тыс. человек, с годовым приростом населения 0,83%, население Вьетнама – 97 млн 338 тыс. 580 человек, с годовым приростом 1,12%. ВВП Китая в 2020 г. составил около 14 трлн долл. США, ВВП Вьетнама – 271 млрд долл.²

Взаимоотношения Китая и Вьетнама на всем протяжении сопровождались крайне непростой историей, отягощенной территориальными спорами, связанными с географическим расположением у истока стратегически важной реки Меконг. На характере отношений сказывался фактор традиционно доминирующего влияния Китая, связанного с его геополитическим положением – так называемый фактор «тирании географии»³.

Испокон веков Китай стремился распространить свое влияние на соседние территории, считая себя центром распространения государственности. По мере того, как росло могущество Китая, страна усиливала свое давление на соседние народы, что вынуждало их переселяться, свидетельством чему могут служить образованные на юге Индокитая нескольких государств, которые были основаны тайцами, пришедшими на юг полуострова из современной китайской провинции Юньнань. «Их первоначальное государство Наньчжао пало под ударами монголов в XIII веке, а позже было заселено китайцами и превратилось в одну из провинций “Срединной империи”».

Под китайским военным и демографическим давлением далеко на юг переселялись и бирманцы, исчезли практически все вьетские государства на территории современных китайских провинций Гуандун и Гуанси. Да и территория современного Северного Вьетнама почти тысячу лет находилась под контролем различных китайских династий, и только общее ослабление Китая в X веке и решительная борьба вьетнамцев за независимость позволила восстановить вьетнамское государство на крайнем юго-западе бывших когда-то очень обширных вьетских владений»⁴.

Распространение китайского влияния было приостановлено во время колониального периода, однако, после провозглашения КНР в 1949 г., завершения Второй мировой войны в 1945 г. и ухода европейцев из ЮВА Китай начинает проводить свою активную политику по возвращению в регион.

Влиятельными китайскими политологами была выдвинута стратегия внешнеполитического взаимодействия со странами ЮВА, которая подразумевала «возвращение территорий», которые ранее находились в зоне влияния Китая. Они стали включать в формирующийся с их точки зрения «Большой Китай» (материковый Китай, Тайвань, Гонконг и Макао) еще и Сингапур, а также зарубежную китайскую диаспору (главным образом ее «азиатскую» часть). Весьма конкретно эту мысль сформулировал китайский политолог Чжао Хун. По его мнению, под термином «Большой Китай» следует понимать «экономическую, культурную и историческую целостность континентального Китая с сателлитами»⁵.

Развитие отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии, как правило, разделяют на три этапа. Первый этап – с начала 50-х и до начала 70-х гг. XX в., когда во главу была поставлена концепция «пяти принципов

мирного сосуществования». Впервые данная концепция была озвучена в декабре 1953 г. Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в беседе с делегацией Индии.

Пять принципов мирного сосуществования включают в себя: 1. взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; 2. взаимное ненападение; 3. невмешательство во внутренние дела друг друга; 4. равенство и взаимную выгоду; 5. мирное сосуществование⁶.

Первый период характеризуется поддержкой местных коммунистических партий, победа которых гарантировала бы установление очень тесных связей с коммунистической партией Китая (КПК). В этом плане Китай принял активное участие во второй Индокитайской войне 1945–1954 гг., а именно в оказании помощи Северному Вьетнаму в борьбе за независимость.

Второй этап – начало 70-х годов и до конца 90-х, характеризующийся проведением двойной политики: признанием установившихся политических режимов и в то же время военно-политическим давлением на соседей.

В период второго этапа 1975–1991 гг. КНР не только оказывала помощь красным кхмерам в сражениях с вьетнамцами, но и начала в 1979 г. боевые действия против Социалистической Республики Вьетнам, в которых потерпела поражение. Желание распространить свое влияние в ЮВА четко отражалось и в словах политических лидеров КНР. Незадолго до начала культурной революции в Китае, в августе 1965 г., на заседании Политбюро КПК Мао Цзэдун объявил: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур...»⁷. Речь идет, конечно же, не о территориальном присоединении, а о присоединении к политическому блоку, во главе которого стоял бы Китай.

И, наконец, третий этап – современный, начавшийся в конце 90-х и сложившийся в начале 2000-х. Он характеризуется переходом Китая от агрессивной политики давления к политике добрососедства и сотрудничества. В этой политике «добрососедства» основу составляют четыре элемента⁸: 1. стратегическое вовлечение в интересах региональной стабильности; 2. стремление к более тесной экономической кооперации; 3. интенсификация культурных и политических обменов; 4. поддержка позитивных инициатив в региональной безопасности. Китай стал вести себя с малыми и средними странами региона не как с «верными подданными», а как с партнерами, с которыми Китай связывают, по выражению китайского аналитика Янь Сюэтуна, «общие интересы безопасности»⁹. Основным инструментом для продвижения интересов Китая стала экономическая дипломатия.

Вьетнам вынужден был считаться с такой тактикой поведения Китая, при этом рассчитывая, что «сильнейший ожидает уважения и почтительности к себе, а слабейший не жалеет для этого слов, но ждет, что его суверенитет при этом будет соблюдаться»¹⁰.

При формировании многовекторного внешнеполитического курса страны в новом тысячелетии вьетнамским руководством учитывались эти особенности отношений.

Важным этапом в выработке внешнеполитического курса Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) стал состоявшийся в Ханое 21–28 января 2016 г. XII съезд Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Основные направления внешней политики были отражены в следующих лозунгах съезда: «отстаивание принципов независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности страны, а также принципов государственного устройства и социалистического выбора страны; сохранение мира и стабильности; инициативность и активизация

в процессах международной интеграции; укрепление позиции СРВ в регионе и мире»¹¹.

При выработке внешнеполитической стратегии правительство Вьетнама учитывало следующие факторы: необходимость балансирования между КНР и США, а также активное участие в деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Вьетнамское руководство рассматривает сотрудничество с АСЕАН как важное направление внешнеполитического курса страны, ориентированное на региональную и международную интеграцию, поддержание независимости, самостоятельности, многофакторности, а также диверсификации международных связей¹². Также руководство Вьетнама рассчитывает на содействие Ассоциации в решении таких важных для страны проблем, как территориальный спор в Южно-Китайском море (Восточном море)¹³.

Говоря об отношениях Вьетнама с Китаем, необходимо отметить, что вьетнамское руководство за последние пять лет проводило политику, направленную на тесное сотрудничество с Китаем по ряду вопросов. В мае 2017 г. Президент СРВ Чан Дай Куанг, выступая на саммите «Один пояс, один путь» (ОПОП), который проходил в Китае, отметил, что «мир вступает в переломный период истории, когда прежние модели развития уже не столь эффективны, а взаимосвязанность и взаимозависимость стран возросли как никогда прежде»¹⁴. В ноябре 2017 г. во время визита председателя КНР Си Цзиньпина во Вьетнам в повестку дня был поставлен вопрос подключения Вьетнама к китайской инициативе. Практическая реализация данного шага должна быть выражена в концепции развития приграничных торгово-экономических связей «Два экономических коридора, один пояс». Также в 2017 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Вьетнамом и КНР о сотрудничестве в области включения ука-

занной концепции в рамки трансрегиональной китайской инициативы¹⁵. В данном случае для вьетнамской стороны интерес представляют возможности привлечения инвестиций в инфраструктурные проекты.

В решении различных вопросов международных отношений Вьетнам является решительным сторонником отказа от применения военной силы и сторонником стабильности и сотрудничества в регионе. В Белой книге СРВ 2019 г. была сформулирована политика «четырёх нет»: не вступать в военные блоки; не допускать размещения военных баз иностранных государств; не вступать в союзы с какой-либо страной против третьей; не применять военную силу или ее угрозу в международных отношениях¹⁶.

Благодаря своей последовательной внешней политике Вьетнаму удалось завоевать на мировой арене симпатии и поддержку, укрепляя свой международный имидж. 7 июня 2019 г. Генеральная Ассамблея ООН почти единодушно избрала Вьетнам непостоянным членом Совета Безопасности на 2020–2021 гг. – 192 страны-участницы ООН из 193 проголосовали «за»¹⁷.

Вьетнам, уже как непостоянный член СБ ООН, активно выступает с рядом инициатив, играя ключевую роль в ряде важных международных вопросов. На 75-ой сессии ГА ООН в сентябре 2020 г. СРВ выступила за разрешение территориальных споров мирными средствами. Президент Вьетнама Нгуен Фу Чонг отметил, что «вместе со странами в регионе и за его пределами мы привержены поддержанию и продвижению принципов мира, стабильности, безопасности на море, а также безопасности и свободы судоходства в Восточном (Южно-Китайском) море в соответствии с международным правом, в частности Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.», призвав тем самым мировое сообщество в очередной раз обратить внимание на проблему данного конфликта¹⁸.

Несмотря на свою добрососедскую и миролюбивую внешнюю политику, Вьетнам регулярно сталкивается с обострением ситуации в Южно-Китайском море и стране приходится, для отстаивания своих национальных интересов, прибегать к поддержке со стороны внешних игроков. Так в 2018 г. проводились совместные военные учения «Тихоокеанское партнерство 2018», Вьетнама и США, в которых руководство страны продемонстрировало готовность пойти на сближение с США по ряду вопросов, в случае прямой агрессии со стороны Китая на море¹⁹.

Говоря о военной составляющей, сравним военные бюджеты двух стран. Согласно данным SIPRI (*Stockholm International Peace Research Institute*) в 2020 г. расходы на военные нужды Китая составили более 244,9 млн долл. США, а Вьетнама – чуть более 6,3 млн.²⁰ Кроме того, Китай располагает вооружением собственного производства, в то время как Вьетнаму приходится закупать вооружение у других государств, в основном у России, что способствует поддержанию баланса сил в отношении конфликта в Южно-Китайском море. В свою очередь Китай скептически относится к такому сотрудничеству, так как считает, что страны, «напрямую не связанные с территориальным спором», не должны участвовать в разрешении конфликта²¹.

Активизация политики Китая и усиление напряженности в зоне ЮКМ явилось в определенной мере «подарком» для США, к этому времени значительно утратившим прежнее влияние в АТР²². Вашингтон готов оказать любую помощь оппонентам Китая, в частности Вьетнаму, обосновывая тем самым необходимость своего военно-политического присутствия в АТР. После недружественной акции со стороны Китая – потопления в апреле 2020 г. военными судами КНР вьетнамского рыболовецкого судна вблизи Парасельских островов, эксперты министерства обороны США заявили, что руководство Китая,

пользуясь сложившейся сложной эпидемиологической ситуацией, вызванной в мире COVID-19, в результате которой страны вынуждены были ввести режим строгого карантина и общение между правительствами стран проходило в онлайн режиме, стремится присвоить спорные территории себе²³.

Как известно, вспышка COVID-19 пришлась на новый 2019 г. по лунному календарю (конец января-февраль) и ее распространение началось с китайского города Ухань, провинции Хубей. Учитывая территориальную близость с Китаем, вьетнамское правительство незамедлительно предприняло меры для предотвращения распространения нового вируса во Вьетнаме. Жесткие меры карантина, привлечение военных помогли в короткие сроки избежать больших потерь во Вьетнаме и локализовать распространение инфекции. В результате усилия Вьетнама по борьбе с коронавирусом были позитивно оценены мировым сообществом²⁴. На протяжении всего периода пандемии COVID-19 Китай и Вьетнам поддерживали тесные контакты на высшем уровне, обмениваясь опытом по борьбе с вирусом, в том числе и в рамках диалога КНР-АСЕАН. В этой ситуации министр иностранных дел Китая заявил о том, что «с начала пандемии Китай и страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии начали осуществлять различные инициативы в сфере народного здравоохранения, а также создали платформу по сотрудничеству в поставках вакцин, что позволило углубить взаимодействие и обмен информацией в этой сфере»²⁵.

Более того, в ноябре 2020 г. в разгар пандемии коронавируса COVID-19 страны АСЕАН и их торговые партнеры, в частности и Китай, заключили в онлайн-формате Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое образует крупнейшую в

мире зону свободной торговли. Это соглашение укрепило экономические отношения Ханоя и Пекина по устранению последствий пандемии. Как заявил тогдашний премьер-министр Вьетнама Нгуен Суан Фук: «Соглашение вступит в силу, что поможет восстановлению экономики после пандемии COVID»²⁶.

Однако в 2021 г. обстановка с коронавирусом во Вьетнаме ухудшилась с проникновением нового индийского штамма на юг Вьетнама. Правительство страны в поисках необходимых доз вакцин от COVID-19 обратилось к Китаю²⁷. В конце августа 2021 г. в Ханое на встрече премьер-министра Вьетнама Фам Минь Тьиня с послом Китая во Вьетнаме Хун Ба, Фам Минь Тьинь подчеркнул необходимость дальнейшего сотрудничества между Пекином и Ханоем по профилактике и борьбе с коронавирусом, а также выразил надежду на продолжение поставок вакцин из Китая²⁸. Также премьер-министр Вьетнама указал на важность укрепления политического доверия между двумя партиями и двумя странами, и предложил сторонам найти пути решения торгового дефицита Вьетнама. Он выразил надежду, что Китай облегчит таможенное оформление и увеличит импорт вьетнамских товаров, а также устранил имеющиеся несогласованности в ряде проектов. В ответ на это посол Китая заявил о готовности содействия с китайской стороны в разрешении существующих вопросов как по политической линии, так и по экономической²⁹.

На XIII Съезде Коммунистической партии Вьетнама, (январь 2021 г.) обращалось внимание на необходимость выработки новой внешнеполитической стратегии с учетом новых реалий региональной и международной действительности. Работа Съезда Коммунистической партии Вьетнама прошла под девизом «Солидарность – Демократия – Дисциплина – Творчество – Развитие». На заседаниях

съезда был предоставлен ряд документов, которые, по словам Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга, неоднократно обсуждались на различных уровнях. Речь идет о борьбе с угрозами и вызовами безопасности страны. В своем выступлении на XIII Съезде КПВ министр общественной безопасности СРВ генерал армии То Лам выделил три основные угрозы в этой области для Вьетнама:

- «замыслы, подрывная деятельность, провоцирование беспорядков враждебными силами и реакционерами, [направленные на] свержение власти, с каждым днём становятся всё более коварными и опасными»;

- «угроза территориальной целостности на островах в Южно-Китайском море, связанная с выстраиванием отношений с крупными странами и сохранением авторитета партии и режима в глазах народа, с каждым днём всё более возрастает»;

- проблема «внутренней “самотрансформации” и “самоперерождения” [партийных кадров], вызывающая снижение доверия народа, обостряется».

Первая внешнеполитическая угроза была определена, как исходящая от США, вторая – напрямую затрагивает Китай, а третья – «имеет настолько комплексный характер, что вполне может быть связана одновременно с обеими обозначенными выше державами»³⁰.

Политика Вьетнама характеризуется балансированием между США и Китаем, что, по мнению руководства, позволит стране восстановить экономику после эпидемии коронавируса.

В Проекте Политического доклада к XIII Съезду КПВ отмечалось, что Вьетнам продолжит реализацию своей внешнеполитической линии, направленной на независимость, самообеспечение, диверсификацию и многовекторность; страна подтверждает политику «четырёх нет», зафиксированных в Белой книге СРВ 2019 г.; Вьетнам

остается надежным другом и партнером для всех стран, а также активным членом международного сообщества³¹.

Эти три направления подтвердили верность курсу внешнеполитической стратегии, принятой еще на XII съезде КПВ.

В развитие этих положений, на XIII Съезде были представлены новые подходы во внешней политике³²:

- первоочередными задачами дипломатии Вьетнама являются стремление к обеспечению мирной и стабильной международной обстановки, способствующие решению задач национального строительства и укреплению международного престижа Вьетнама;

- «современная и всеобъемлющая дипломатия» Вьетнама опирается на три основных принципа: партийность, государственность и народная дипломатия. Вьетнам уделяет значительное внимание возросшим возможностям дипломатии в современном мире. В этой связи, Вьетнам намерен совершенствовать структуру посольств и международных ведомств путем увеличения их кадрового состава, а также внесением необходимых изменений в инфраструктуру дипломатической службы с учетом современных внешнеполитических вызовов и угроз.

Также новые инициативы коснутся развития таких направлений в дипломатии, как цифровая дипломатия.

Вьетнам намерен расширять и «всеобъемлющую дипломатию», используя все ее возможности в решении политических, экономических, оборонных, социальных, культурных вопросов;

- были определены основные вызовы и угрозы, с которыми Вьетнам может столкнуться в ближайшее десятилетие, а именно: соперничество великих держав в регионе АТР, усиление локальных конфликтов, рост национализма и низкие темпы международной интеграции, что может затормозить и осложнить стремление Вьетнама,

направленное на обеспечение национальной безопасности и социально-экономического развития страны.

- основные усилия и направления дипломатии Вьетнама планируется направить на активное участие в таких международных организациях как АСЕАН, ООН, АТЭС, субрегион Большого Меконга и других международных и региональных институтах. Вьетнам будет стремиться к сбалансированному сочетанию и повышению активности двусторонней и многосторонней дипломатии. Приоритетное значение планируется уделять развитию и расширению двусторонних отношений с соседними странами, стратегическими партнерами, а также другими значимыми партнерами, что остается стержнем внешней политики Вьетнама.

¹ Дериглазова Л.В. Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2007. №295. С. 127.

² The World Bank. URL: www.data.worldbank.org

³ Локишин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. №21. С. 78.

⁴ Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. №17. С. 5-6.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Михневич С.В. Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. М.: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. С. 196-197.

⁷ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. Москва. «МГИМО – Университет». 2007. С. 19.

- ⁸ Haacke Jurgen. Significance of Beijing's Bilateral Relations. China and SEA Global Changes and regional challenges / Edited by Ho Khai Leong and Samuel C.Y. Ku. Singapore. 2005. P. 114.
- ⁹ Будаева С.В., Десятьрева Н.В., Хань Дань. Стратегия глобального добрососедства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. №8 (99). С. 56.
- ¹⁰ Локишин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. №21. С. 78.
- ¹¹ 12-й съезд КПВ – съезд демократии и инноваций / Báo Ảnh Việt Nam: 01.02.2016. URL: <https://www.interfax.ru/world/616546>
- ¹² Радио «Голос Вьетнама» - служба иновещания. URL: www.vovworld.vn
- ¹³ Vietnam in 2017: Power Consolidation, Domestic Reforms, and Coping with New Geopolitical Challenges. URL: www.viet-studies.net.
- ¹⁴ Терских М.А. «Один пояс, один путь» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I, № 2 (43), 2019. С. 167.
- ¹⁵ Шпаковская М.А., Ву Тхуи Чанг, Курылёв К.П., Понька Т.И., Дубровский И.Р. Экономический пояс Шелкового пути»: перспективы и вызовы для Вьетнама // Вопросы истории. 2020. №9. С. 160.
- ¹⁶ Quốc Phòng Việt Nam 2019 (Белая книга обороны Вьетнама 2019) // Nghiên Cứu Quốc Tế (Международные исследования) URL: <http://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2019/12/Sach-trangquoc-phong-VN-2019.pdf>
- ¹⁷ Чем Ханой заслужил международный авторитет // Независимая газета. URL: www.ng.ru
- ¹⁸ Вьетнам обратил внимание на проблему Южно-Китайского моря // ТАСС. URL: www.tass.ru
- ¹⁹ US voices concern over China's sinking of Vietnamese fishing vessel in East Sea / VietnamNetGlobal: 10.04.2020. URL: <https://vietnamnet.vn/en/politics/us-voices-concern-over-china-s-sinking-of-vietnamese-fishing-vessel-in-east-sea-632377.html>
- ²⁰ SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: www.sipri.org
- ²¹ Шпаковская М.А., Левченко М.Н. К вопросу о позиции России по разрешению конфликта в Южно-Китайском море // Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография). - М.: ИВ РАН, 2020. С. 110.

- ²² Локишин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I, № 2 (43), 2019. С. 61.
- ²³ CNN: Коронавирус в ВМС США даёт Пекину возможности в Южно-Китайском море / EurAsiaDaily. URL: www.eadaily.com
- ²⁴ Vietnam's War Against COVID-19 / The Diplomat. URL: www.thediplomat.com
- ²⁵ Китай поставил в страны АСЕАН более 190 млн доз вакцин от коронавируса / ТАСС. URL: www.tass.ru
- ²⁶ Азиатское партнерство. Почему регион может стать лидером постковидного мир / ТАСС. URL: www.tass.ru
- ²⁷ Vietnam receives China's Sinopharm COVID-19 vaccines / Xinhua. URL: <http://www.xinhuanet.com/>
- ²⁸ Премьер-министр Фам Минь Тьинь устроил прием для посла Китая во Вьетнаме / Báo ảnh Việt Nam. URL: vietnam.vn.net.vn
- ²⁹ Премьер-министр Фам Минь Тьинь устроил прием для посла Китая во Вьетнаме / Vietnam+. URL: www.ru.vietnamplus.vn
- ³⁰ Колотов В.Н. Стратегия развития Вьетнама в документах XIII съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021, № 1. С. 32-33.
- ³¹ Проект Политического доклада к 13 съезду партии: URL: <https://nhandan.vn/tin-tuc-su-kien/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-621155/>
- ³² Ibid.

Глава 10. АВСТРАЛИЙСКИЙ СОЮЗ МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ и ХАРИБДОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОИСК СВОЕГО ПУТИ *

Традиционно внешняя политика в Австралии интересуется рядового избирателя гораздо меньше, чем внутренние проблемы. Но это не упрощает положение государственных деятелей страны, которым интересы развития многих секторов экономики – в первую очередь, сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности – диктуют выход на международные рынки. Недаром внешнеполитическое ведомство Австралийского Союза (АС) именуется департаментом иностранных дел и торговли (DFAT), совмещая в своей деятельности эти две тесным образом связанные сферы политики.

Тот же дуализм прослеживается и в подходах АС к своим международным партнерам, из которых главными на сегодняшний день являются США и КНР. История внешнеполитических связей Австралии демонстрирует серьезные различия между ними, и если США стали для нее, главным образом, традиционным военно-политическим союзником, то за КНР закрепились роль основного экономического партнера. Такое распределение ролей вполне закономерно, если учесть особенности развития и становления этих трех государств и переплетение их судеб.

* **Сведения об авторе:** *Скоробогатых Наталья Сергеевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва. E-mail: arhip2212@yandex.ru

Появление китайцев у берегов Южного континента прослеживается с незапамятных времен, когда они отправлялись сюда за трепангами и другими дарами местных морей; экономические интересы и тогда преобладали. С началом поселения там британских колонистов отношения с северными соседями всегда складывались неровно, особенно после 1949 г., когда к власти в Китае пришла КПК во главе с Мао Цзедун. Только в 1972 г. категорическое неприятие коммунистического режима отошло на второй план, и были установлены двусторонние дипломатические отношения; австралийцев привлекал потенциал китайского рынка, хотя труднопреодолимыми оказались различия культур и политических систем¹. Однако рыночные реформы в КНР 1980-х гг. и быстрый рост ее экономики поменяли привычные знаки: коммерческий интерес возобладал в АС над былыми политическими опасениями.

История взаимоотношений с США не столь глубока по времени, но более гармонична. С XIX в. на Южный континент заходили американские китобои и торговцы; в годы первой мировой войны усилились политические симпатии; в 1940 г. установлены дипломатические отношения, и военно-политическое союзничество в годы Второй мировой войны переросло в самые тесные связи двух стран, которые закрепил в 1951 г. договор АНЗЮС. Всесторонние отношения строились на базе общей культурной основы, близости исторических судеб и геополитических интересов; возникавшие недопонимание и противоречия сглаживались в ходе переговоров².

Взаимоотношения США и КНР, которые в конце прошлого столетия стали одними из главных фигурантов на мировой арене и особенно в АТР, все чаще привлекают внимание исследователей и обозревателей. По словам австралийских экспертов, «возрождение Китая» и строи-

тельство того, что он называет «всеобъемлющей национальной мощью» с середины 1990-х гг. «сделало его важным игроком в мировой экономике и, естественно, решающей силой в Восточной Азии». А это неизбежно сказалось на отношениях США и КНР, «по своей сути бурных». Несмотря на давно налаженные глубокие и всесторонние экономические и политические отношения двух стран и их взаимодействие на международных форумах, превращение КНР в грозного конкурента США в качестве глобального лидера только усугубило сохранявшиеся противоречия. Китайские специалисты – как, к примеру, профессор и заместитель декана Школы международных исследований Пекинского университета Цинго Цзя – полагали, что проблемы возникали из неправильного понимания КНР: убеждение, что «подъем Китая – это не благое развитие, а опасный вызов превосходству США», породил политику сдерживания КНР в странах Запада; в ответ и «некоторые в Китае придерживаются схожих взглядов на Соединенные Штаты»³. Суммируя итоги отношений этих двух стран, д.п.н. Я.В. Лексютина подчеркивала, что «политика США в отношении КНР в период после установления дипломатических отношений в 1979 г. всегда была сложным сочетанием двух подходов – “вовлечения” и “сдерживания”, а двустороннее взаимодействие характеризовалось сложным сочетанием противоречий и сотрудничества». Принципиальные различия их идеологий, систем ценностей и политико-экономических моделей выливались в конфликты и споры по целому спектру вопросов: правозащитный комплекс; торгово-экономические трения; соперничество за лидерство в различных сферах и регионах. «При этом стабилизирующей основой отношений двух держав в XXI в. всегда оставалась сильная экономическая взаимозависимость, которую некоторые эксперты даже расценивали как “экономический баланс устра-

шения” по аналогии с существовавшим в годы холодной войны “ядерным балансом устрашения” между США и СССР»⁴. Вместе с тем, «особое место во внешнеполитической доктрине Китая занимают “коренные интересы” Китая, наивысшие в китайской иерархии национальных интересов. Их нарушение и пренебрежение ими со стороны других государств рассматривается китайским руководством как непосредственная угроза Китаю»⁵. И эти интересы далеко не всегда соответствуют видению мирового порядка из Вашингтона, оставляющего главенство за собой. Следовательно, конфликтность их отношений была предопределена. Еще в 2010 г. об опасности эскалации напряженности в АТР предупреждал американский политолог, профессор Чикагского университета Джон Миршеймер, подчеркнувший, что «рост Китая оказывает значительное влияние на глобальный баланс сил,... и, по всей вероятности, “стратегического превосходства США” в этом регионе больше не будет». По его мнению, «интенсивная конкуренция в области безопасности» между КНР и США чревата «значительным потенциалом для войны», ибо Китай «будет пытаться доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе так же, как Соединенные Штаты доминируют в Западном полушарии»⁶.

В этот непростой узел противоречий оказалась втянута и Австралия и, как младший партнер и союзник США, очутилась далеко не в самом удобном положении. Ибо «старший брат» в Вашингтоне всегда вел исключительно свою игру, далеко не всегда даже ставя Канберру в известность о своих намерениях. Впрочем, и позиция правящих кругов АС тоже не всегда являла собой пример безропотного подчинения интересам США. В 2014 г. китаевед, профессор Университета Гриффита (Квинсленд) Колин Маккеррас опубликовал весьма любопытную статью о динамике трехсторонних отношений АС, США и КНР. Он

подчеркнул, что со второй половины XX в. эти отношения не были однозначно гармоничны или враждебны: хотя «в большинстве случаев американское влияние было доминирующим», порой Австралия «демонстрировала достаточно инициативу», опровергая «предположение о том, что она была не более чем слепым последователем американского лидерства». Интересы австралийского бизнеса к необъятному потенциалу китайского внутреннего рынка всегда толкали правительства АС навстречу КНР: «идеология с обеих сторон отошла на второй план перед прагматикой». После реформ Дэн Сяопина на Западе возникли иллюзии относительно нового Китая; события в Афганистане в 1970–1980-х гг. объединили все три страны в оппозиции СССР; к середине 1990-х гг. «мир стал гораздо более глобализованным и взаимосвязанным», но это не отменило сохранявшихся противоречий между ними. Если бы не «общий вопрос о правах человека» в Тибете и в КНР, напряженности в отношениях было бы меньше. Однако рост военной мощи КНР уже с 2009 г. стал восприниматься в АС как серьезная угроза стабильности в регионе; на соответствующие заявления АС «реакция Китая была сдержанной, но, очевидно, весьма недовольной»⁷. Даже беглый обзор динамики трехсторонних отношений показывает, что на протяжении последних 70 лет чаша политических весов АС все же чаще склонялась к США. Общей платформой стала защита прав человека и демократических ценностей США и АС, которые стоят далеко не на первом месте в перечне китайских приоритетов, а также военно-политические соображения.

Свою лепту в непростые отношения соседей по АТР внесли и внутривнутриполитические факторы, в том числе официально принятая Канберрой в начале 1970-х гг. политика мультикультурализма, сыгравшая немалую роль в усилении китайского влияния в стране – как в плане быстрого

роста китайской диаспоры в АС, так и в плане расширения всесторонних контактов между двумя странами. Наиболее ярким проявлением этой тенденции стали регулярные кампании проазиатской направленности, инициированные правительствами Австралийской лейбористской партии (АЛП), ныне более склонной к политкорректным решениям. Так, к примеру, в 1980-х гг. правительство Р. Хоука запустило программу изучения азиатских языков в австралийских школах, которую в 2009–2011 гг. на короткое время возобновили лейбористы К. Радда.

Лейбористский лидер Кевин Радд ведет переговоры с Чау Чак Вингом из Ассоциации австралийско-китайской дружбы и обмена (ACFEA). Фото: ABC⁸

Впрочем, ожидаемой популярности китайский язык так и не достиг, и число изучавших его австралийских школьников с 2007 по 2015 гг. сократилось на 20%, несмотря на усилия властей всех уровней⁹. Особенно заинтересованы в сохранении таких программ были университетские

преподаватели, считавшие, что «низкий уровень образования на китайском языке в Австралии вызывает одно временно удивление и разочарование, учитывая огромное внимание, которое китайско-австралийские отношения получают от австралийских политических и деловых лидеров». Для австралийских интеллектуалов «взаимодействие с Китаем согласуется с политическим проектом, направленным на то, чтобы избавиться от колониального прошлого и монокультурной англоязычной гегемонии и принять глобально вовлеченное мультикультурное видение Австралии и ее места в Азии»¹⁰.

И китайские власти не преминули воспользоваться этим, всемерно укрепляя свои позиции. К 2019 г. Китай стал «крупным образовательным партнером Австралии»: действовали более 1 200 двусторонних партнерских соглашений между университетами, ряд крупных центров изучения китайского языка в АС и более 40 центров изучения австралийского языка в Китае. Было налажено научно-исследовательское сотрудничество в рамках австралийско-китайских совместных исследовательских центров и научно-исследовательских фондов. В апреле 2015 г. 8 вузов АС стали первой университетской зонтичной группой, подписавшей договор с китайским стипендиальным советом о повышении двусторонней мобильности студентов и ученых¹¹. С 2008 г. посольство КНР финансировало Федерацию китайских ученых в Австралии, Австралийско-китайский институт при Университете НЮУ и Австралийско-китайский институт искусств и культуры при Университете Западного Сиднея, а также десятки институтов Конфуция при крупных австралийских университетах. По словам профессора Чонги Фена, одним из политических последствий этого курса стало то, что большинство китайских мигрантов в АС не отличали КПК от китайской нации, рассматривали антикоммуни-

стические идеи и действия как антикитайские и дискриминировали всех, кто не поддерживал коммунистическую пропаганду¹². Не секрет и то, что так называемые классные комнаты Конфуция и институты Конфуция в зарубежных университетах – для Китая основной способ распространения «мягкой силы» по всему миру. Преподаватели проверяются правительством КНР и получают работу только в том случае, если они показывают «хорошее политическое качество» и любовь к «Родине»; и АС занимала третье место в мире по числу программ Конфуция, после США и Великобритании. Лидеры Ассоциации китайских студентов и ученых, в которой в 2019 г. состояли 5 500 из 8 600 китайских студентов, получали финансирование и отправляли отчеты в посольство КНР в Канберре¹³.

Вследствие этой зависимости научное сотрудничество австралийских университетов с их китайскими коллегами попало в центр внимания спецслужб АС, особенно когда речь шла о разработке массовых технологий наблюдения и военных технологий, что ставило под угрозу национальную безопасность страны. Так, крупным игроком, который закрепился в Австралии, стала *Global Tone Communication (GTCOM)*, мощная корпорация по добыче данных, контрольный пакет акций которой принадлежит китайскому правительству. Ее руководство объявило, что с веб-сайтов и социальных сетей добывало данные на 65 языках со скоростью 16 тыс. слов в секунду, поддерживало связи с несколькими австралийскими университетами и делилось технологиями и данными с китайским технологическим гигантом *Huawei*, который занесен в черный список США из-за проблем безопасности и шпионажа¹⁴.

Вместе с тем китайские студенты стали и мощным ресурсом экономического давления. В 2020 г. иностранные студенты привезли в АС около 35 млрд долл., вклад китайцев составлял около 1/3 этой цифры¹⁵. При этом они

решительно отстаивали свои права и на помощь привлекали всех – от австралийской общественности и СМИ до дипломатических служб КНР. Так, еще в начале пандемии 2020 г. группа из 135 китайских аспирантов и 30 студентов отправила в государственную таблоидную газету КНР *Global Times* электронное письмо с жалобой на задержки с получением австралийской визы, заявив, что стали жертвами «политически мотивированных неудач», обвиняя в своих бедах прохладные отношения между Пекином и Канберрой¹⁶. Безусловно преобладает патриотизм по отношению к КНР: «студенты демонстрируют нерушимую гордость за свою Родину». «Я думаю, что быть китайцем, когда ты за границей, значит больше, чем просто быть китайцем... в КНР», – сказал один из них; и главная задача большинства – делать то, что «полезно для Китая». Зачастую политизированные китайские студенты мешали профессорско-преподавательскому составу или сокурсникам «выражать критические мнения» о Китае¹⁷. На почве политических расхождений случались и открытые конфликты, выливавшиеся на улицы австралийских городов. В августе 2019 г. в Мельбурне, Сиднее и Аделаиде на митинги собирались тысячи активистов из двух противоположных групп: одни несли лозунги «Поддержи жителей Гонконга против тирании», другие «Гонконг – это часть Китая»¹⁸. Эти события вынудили СМИ признать, что «австралийские университеты стали зависеть от китайских доноров, студентов и организаций, которые часто лояльны Пекину и нетерпимы к инакомыслию». Китайское консульство в Брисбене высоко оценило «спонтанное патриотическое поведение» прокитайских активистов, что побудило министра обороны Австралии пойти на экстраординарный шаг – «предостеречь иностранных дипломатов от попыток подавления свободы слова»¹⁹. Ранее, в 2017 г. сотрудники китайского посольства организовали

грандиозный студенческий митинг для встречи премьер-министра Ли Кэцяна во время его визита в АС, а служащие Федеральной полиции с благоговением вспоминали события 2008 г. на ралли Олимпийского огня, когда сотни зафрахтованных автобусов доставили 10 тыс. китайских студентов в Канберру из соседних штатов «для защиты Факела». «Если бы австралийское посольство в Лондоне обратилось с подобным призывом к австралийским студентам в Лондоне, там было бы два студента и собака», – заметил один из них²⁰.

Китайские студенты из продемократического и из пропекинского лагерей в Университете Квинсленда, 2019 г. Фото: ABC²¹

Гуманитарное проникновение КНР сопровождалось и мощным экономическим напором. Правительства и представители крупного бизнеса АС охотно заключали крупные сделки с КНР, и эти экономические контакты заслуживают отдельного рассмотрения, ибо очень часто они становятся предметом самых ожесточенных споров как в АС, так и за его пределами. На уровне официальных документов очень осторожно говорилось, что «наши отношения с Китаем никогда не были более сложными, а во-

просы, связанные с Китаем, никогда не были более важными для наших национальных интересов»; и «для национальной устойчивости и процветания Австралии важно, чтобы мы продвигали весь спектр национальных интересов Австралии, включая безопасность и экономические и торговые интересы»²². Экономическая выгода остается, тем не менее, весьма мощным козырем для правящих кругов АС. DFAT подчеркивал, что КНР с 2007 г. является крупнейшим торговым партнером, на долю которого приходится более 30% австралийского экспорта и около 18% австралийского импорта. В 2019 г. товарооборот Австралии с Китаем вырос на 17%, а в предыдущие 5 лет увеличивался в среднем на 12% в год; в 2019–2020 гг. двусторонняя торговля достигла 251 млрд долл., австралийский экспорт в Китай вырос на 9% и достиг 168 млрд долл. Китайско-австралийское соглашение о свободной торговле (*ChAFTA*) 2015 г. «приносит огромные выгоды Австралии, укрепляет наши конкурентные позиции на китайском рынке, стимулирует экономический рост и создает рабочие места». КНР оставался крупнейшим экспортным рынком услуг, особенно в сфере образования и туризма. Даже в период пандемии COVID-19, в 2019–2020 гг. из Китая прибыло более 4,6 млн посетителей, что «не только способствовало развитию австралийской экономики, но и повысило понимание Австралии в Китае»²³.

Однако, несмотря на провозглашенное еще в 2014 г. премьер-министром Австралии и президентом Китая «всеобъемлющее стратегическое партнерство» двух стран, рост коммерческих операций и благоприятные перспективы, многое истораживало непредвзятого наблюдателя. К примеру, условия ведения бизнеса в Китае разительно отличались от австралийских, и зачастую правительству АС приходилось защищать своих граждан китайского происхождения, попавших в беду на их исторической ро-

дине²⁴. Кроме того, увлечение китайского экономического потенциала и расширение всестороннего сотрудничества привели к тяжелой зависимости австралийской экономики от КНР и глубокому проникновению китайского делового мира в АС. Газета *Daily Mail Australia* в 2019 г. писала: «Власти Австралии начинают понимать, что попали в капкан доступных китайских денег и теряют свою независимость. Китай с пугающей скоростью скупает австралийские земли, инфраструктуру и предприятия, намереваясь распространить власть и влияние за пределы своей страны». По опубликованным данным, КНР владела аэропортом в Западной Австралии, 9 млн га австралийской земли (2,3% территории страны), несколькими угольными шахтами и ветряными электростанциями, частью водных ресурсов и т.д. За последнее десятилетие Китай вложил в Австралию более 150 млрд долл., инвестировав или приобретя в собственность австралийские компании²⁵.

Порой соображения коммерции превышали пределы здравого смысла. Достаточно вспомнить весьма сомнительную сделку властей Северной территории, по условиям которой в 2014 г. китайская группа *Landbridge* арендовала на 99 лет порт города Дарвин, через который половина грузопотока направлялась в КНР. Сумма контракта составила 506 млн долл., и в рамках этого соглашения китайцы обязались в течение 25 лет инвестировать в развитие портовой инфраструктуры более 200 млн долл. с целью превращения Дарвина, который позиционируется как «ворота в Азию», в более привлекательный для туристов город²⁶. Этот шаг спровоцировал мощный скандал, куда были вовлечены и США, которые сочли, что китайцам интересна не столько сама гавань, сколько возможность шпионить за расположенной рядом американской военной базой. Задачей американских военных, в числе прочих, была и подготовка специалистов для формирова-

мого в Дарвине австралийского аналога морской пехоты для охраны побережья страны и проведения морских десантных операций. Согласно проведенному в 2015 г. опросу, и абсолютное большинство (89%) австралийцев считали контракт с китайской фирмой угрозой национальной безопасности. Если учесть тот факт, что владелец компании *Landbridge* миллиардер Е Чэн – бывший офицер НОАК и высокопоставленный партийный функционер, то эти опасения становятся более существенными, несмотря на успокоительные заявления представителей МИД КНР²⁷. В том же ряду более чем сомнительных сделок стоит и соглашение 2018 г., в рамках которого федеральное правительство выделило грант в размере 6 млн долл. на добычу газа в АС для китайской компании *Westside*, которая, кстати – часть все той же *Landbridge Group*²⁸.

В последние годы отношения стали особенно напряженными вследствие резкого обострения противоречий между традиционным военно-политическим союзником АС – США и ключевым торговым партнером – Китаем, при администрации Дональда Трампа ставшие барометром современной международной ситуации. Точка зрения США была изложена в статье директора национальной разведки США Джона Рэтклиффа в декабре 2020 г.: «Китайская Народная Республика представляет самую большую угрозу для Америки сегодня и самую большую угрозу демократии и свободе во всем мире со времен Второй мировой войны». Данные разведки показывают, что «Пекин намерен доминировать над США и остальной планетой экономически, военно и технологически. ... Я называю его подход экономическим шпионажем “грабь, тиражируй и заменяй”. ...Сегодня мы должны смотреть ясными глазами на факты перед нами, которые ясно показывают, что Китай должен быть главным фоку-

сом национальной безопасности Америки в будущем. Другие народы должны понять, что это верно и для них. Мир оказывается перед выбором между двумя совершенно несовместимыми идеологиями»²⁹. Рэтклиффу вторили госсекретарь Майкл Помпео и генеральный прокурор Уильям Барр; но пресс-секретарь МИД Китая Хуа Чуньин отвергла высказывания Рэтклиффа как неудачную попытку «раздуть китайскую угрозу»: «Это просто очередная мешанина лжи, сфабрикованная соответствующими ведомствами правительства США, которая продолжается уже довольно давно»³⁰. Тем не менее, эксперты заговорили о процессе разрушения глубокой экономической взаимозависимости между США и Китаем в ходе начавшейся торговой войны с КНР: «Механизмом, запустившим маховик взаимных претензий и противоречий, стал курс Трампа на принуждение Китая провести дальнейшую либерализацию его экономики и внешнеторгового режима, а также привести экономическую политику страны в соответствие со взятыми на себя обязательствами в рамках ВТО»³¹.

В связи с этим нынешний премьер-министр АС Скотт Моррисон оказался в очень непростой ситуации. Его предшественники стремились сохранить определенный баланс между Вашингтоном и Пекином, соблюдая равноудаленную дистанцию между США и КНР, и некоторым из них удавалось с трудом, но удерживаться на двух стульях, по преимуществу задабривая китайцев. Однако жесткому политику Моррисону, представителю правого крыла Либеральной партии Австралии (ЛПА), этот трюк удастся значительно хуже. На его персональной странице в официальном правительственном сайте он четко обозначил свои приоритеты: «Поддерживать нашу экономику сильной, Обеспечить безопасность австралийцев, Сплотить австралийцев»³². Этим задачам он оставался

верен и в выстраивании своего внешнеполитического курса, и следование этой линии оказалось не из простых. По словам обозревателей, Моррисон «унаследовал глубокую заморозку». Стратегия его предшественников «попытаться преодолеть растущую пропасть между двумя сверхдержавами, удерживая ногу в обоих лагерях», привела к тому, что Малколм Тернбулл стал последним премьер-министром Австралии, в сентябре 2016 г. посетившим Китай. После введения законов об иностранном вмешательстве 2018 г. и запрета телекоммуникационному гиганту *Huawei* поставлять оборудование в мобильную сеть Австралии 5G отношения двух стран начали ухудшаться. Надо сказать, что именно Моррисон, как исполняющий обязанности министра внутренних дел, отверг заявку *Huawei* на строительство австралийской сети 5G³³. Внешняя политика АС стала в определенной степени продолжением и его достаточно жесткой линии на посту министра по делам иммиграции: интересы АС – превыше всего. Статус «региональной державы с глобальными интересами» диктовал широкие взаимосвязи как с ближайшими соседями, так и на мировой арене в целом. В первую очередь, внимание правительства АС было обращено на ближайших соседей – ЮВА и АТР, где, по мысли австралийских дипломатов, главенство должно отдаваться принципам свободы торговли: «Это является для нас фундаментальным принципом. Мы получили огромную выгоду от открытой торговли и инвестиций. ...По этой причине наши официальные лица и министры активно проявляют инициативу во взаимодействии с США, Китаем и другими странами, а также действуют через такие форумы, как «Группа двадцати», чтобы гарантировать, что политика протекционизма не одержит верх»³⁴.

Но лично Моррисон вызывал особую неприязнь в КНР: еще в период выборов 2019 г. власти КНР использо-

вали все информационные каналы для давления на китайских австралийцев, что само по себе очень смахивало на косвенное вмешательство во внутреннюю политику АС. Анализ аккаунтов в социальных сетях, тесно связанных с китайским правительством, показал их негативное отношение к правительству либералов и его главе³⁵. Китайские социальные сети возмутились тем, что он назвал США «другом», а КНР – «клиентом». Моррисон пытался описать, как, по его мнению, Австралия может поддерживать отношения и с Пекином, и с Вашингтоном в условиях торговой напряженности между двумя великими державами: «Вам не нужно выбирать чью-то сторону. Вам не нужно уходить от отношений, которые у вас есть. Ты стоишь за своих друзей и за своих клиентов». Эти слова не понравились и в АС: против высказался лидер лейбористской оппозиции Билл Шортен, и бывший либеральный министр иностранных дел Джули Бишоп не поддержала лидера своей партии: «Я думаю, что наши отношения с Китаем – это глубокое и взаимное уважение. Мы партнеры... наши отношения – это отношения равных»³⁶. Несмотря на давление, главным союзником, безусловно, оставались США. В ежегодном докладе Департамента иностранных дел и торговли за 2019–2020 гг. подчеркивалось, что «Соединенные Штаты играют центральную роль в процветании и безопасности Австралии и вносят жизненно важный вклад в наши индо-тихоокеанские интересы»³⁷. Партнерство осуществлялось в самых различных сферах: внешней политике, обороне и безопасности, экономике, энергетике, окружающей среде, образовании, правовых вопросах. Австралийско-американский альянс и Австралийско-американское соглашение о свободной торговле (AUSFTA) 2005 г. «занимают центральное место в двусторонних отношениях, которые выигрывают от широкого сотрудничества между правительством, академиче-

скими кругами и бизнесом». Двусторонняя торговля в 2019–2020 гг. составила 80,8 млрд долл., более 97% несельскохозяйственного экспорта АС в США (за исключением текстиля и одежды) стали беспошлинными. Страны тесно сотрудничают в рамках «Большой двадцатки» и на глобальных и региональных торгово-экономических форумах, включая ВТО и АТЭС³⁸. Регулярные встречи руководства двух стран проходят в рамках Австралийско-американских министерских консультаций, высокопоставленные чиновники АС регулярно встречаются с американскими коллегами по широкому кругу самых различных вопросов.

Совпадения взглядов Моррисона на международную ситуацию с представлениями американского президента Д. Трампа стали поводом для самой резкой критики премьер-министра. Внешнеполитический курс коалиции рассматривали в контексте общего поправления западных политиков и как слепое следование курсу Трампа, который, к слову сказать, после победы Моррисона на выборах 2019 г. позвонил, чтобы поздравить его: «Оба лидера подтвердили критическую важность давнего союза и дружбы между Соединенными Штатами и Австралией и обязались продолжать тесное сотрудничество по общим приоритетам»³⁹. По мнению обозревателей, политика Моррисона «резко контрастировала с политикой его предшественников». Отказавшись «смотреть на мир через призму интернационализма», и в противовес «негативному глобализму» и «неподотчетной интернационалистской бюрократии», Моррисон поставил превыше всего интересы своей страны: «Только национальное правительство, особенно подотчетное посредством избирательной урны и верховенства закона, может защищать свои национальные интересы. Мы никогда не сможем ответить перед более высоким авторитетом, чем народ Австралии». В этом усмотрели «от-

голоски Трампа», и в октябре 2019 г. теневой министр иностранных дел Пенни Вонг обвинила Моррисона в использовании риторики, «напоминающей правый национализм» в США: он «знает, что националистическая повестка дня в США является анти-иммиграционной, но это в равной степени анти-торговая повестка дня. ...Вы не можете быть сторонником свободной торговли и антиглобалистом... Даже если Скотт Моррисон стремится следовать за президентом Трампом в закрытии Австралии для иммиграции, он никогда не сможет закрыть Австралию для торговли»⁴⁰. Неодобрение австралийских интеллектуалов вызвала и оценка премьер-министром альянса с США – «это наше прошлое, наше настоящее и наше будущее» – которая, по их мнению, шла «дальше, чем кажется разумным и, безусловно, необходимым»⁴¹.

Скотт Моррисон и Дональд Трамп

Фото: из открытых источников

Отражением его позиции стал государственный визит Моррисона в Вашингтон в сентябре 2019 г. и самый дружественный прием, оказанный ему. По словам обозревателей, «Белый дом в буквальном смысле раскатал крас-

ную дорожку для Австралии, вечного друга и союзника. Президент Дональд Трамп подарил г-ну Моррисону официальный визит, изобилующий редкой пышностью государственного обеда, ... первый для австралийского лидера со времен эпохи Говарда – Буша»⁴². Единомыслие Трампа и Моррисона в подходах к международной ситуации было очевидно, и журналисты обеспокоились: «Австралия находится между патриотом-президентом США, готовым затянуть свою торговую войну с Китаем, и торговым партнером, который может нанести значительный ущерб австралийской экономике в мгновение ока». Особенно заметным стало почти одинаковое послание по КНР. Она больше не должна рассматриваться как развивающаяся страна – это статус, который позволяет ей претендовать на уступки в вопросах торговли; к ней «следует относиться как к развитой стране и принимать правила и ответственность, которые с этим связаны». Вместе с тем, Моррисон повторил и то, что Австралии не нужно выбирать между КНР и США: «Соединенные Штаты – наш великий союзник, Китай – наш всеобъемлющий стратегический партнер»⁴³.

Главное, что слышали в Пекине, были слова Моррисона: «По мере того, как страны прогрессируют и развиваются, обязательства и то, как правила применяются к ним, также меняются»; и Китай должен взять на себя те же экологические обязательства, что и другие развитые страны⁴⁴. В октябре 2019 г. во время визита в Джакарту на инаугурацию президента Индонезии Джоко Видодо состоялась встреча Моррисона с вице-президентом Китая Ван Цишанем. КНР отверг какую-либо реклассификацию торгового статуса Китая, лишившую его ряда преимуществ в международной торговле; и обсуждение этого вопроса продолжалось почти вдвое дольше запланированного получаса. Моррисон подтвердил, что «Австралия является

независимым, суверенным государством», и подчеркнул, что «мы никогда не будем чувствовать себя загнанными в какую-либо двоичную оценку этих отношений»: проамериканские или прокитайские⁴⁵.

Именно вследствие этих обстоятельств, во время бурных выборов 2020 г. в США осторожный Моррисон старался сохранять максимальный нейтралитет: «И мы будем терпеливы и будем ждать результатов их процесса. ... Я работаю с президентом Соединенных Штатов в качестве премьер-министра Австралии, и мне нравятся очень продуктивные рабочие отношения с президентом, и я всегда буду ставить интересы Австралии на первое место в этих отношениях»⁴⁶. Избрание новым президентом США Джо Байдена журналисты связывали с ухудшением ситуации для Моррисона; в частности, то, что Байден «поставил изменение климата в центр своей международной повестки дня, оставило Австралию без фигового листа и без места, где можно было бы спрятаться»⁴⁷. Однако приход к власти демократов мало изменил общие рамки отношений АС и США, и позиции австралийского правительства по экологическим проблемам оказались совсем не так провальны, как считали прогрессивные обозреватели. В июне 2021 г. Грегори Шеридан, австралийский журналист и редактор газеты *The Australian*, отметил, что на недавних переговорах в формате G7 «единственным лидером, который хоть сколько-нибудь реалистично высказывался об изменении климата, был сам Моррисон». Премьер-министр АС на цифрах показал, что на один только Китай приходится больше выбросов парниковых газов, чем на всю «Большую семерку», где они стабильны или снижаются, а выбросы в развивающихся странах быстро растут. Западные страны под угрозой «какого-то нелепого европейского углеродного тарифа» проигрывают Китаю, который «будет развивать свою экономику и свои вооруженные си-

лы, свободные от этих ограничений». Призыв «посмотреть правде в глаза», кажется, был услышан в Европе⁴⁸. Более того, в условиях, когда позиции Америки в Азии ослабли вследствие роста доминирования Китая, выяснилась «высокая степень общего» в подходах к КНР правительств Моррисона и Байдена на базе «огромного чувства общей цели» в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В то же время готовилась двусторонняя встреча Байдена с председателем Си Цзиньпином; и в АС внимательно следили за ходом переговоров, ибо «указания о том, где Байден будет противостоять Си и где они договорятся, является критическим моментом для Австралии»⁴⁹.

Очевидно то, что гораздо тяжелее сказалась приверженность Моррисона американскому союзнику именно на отношениях с КНР. И если Пекин старается всеми силами сохранить почтительную вежливость к США, то с АС вовсе не церемонится, перейдя в наступление по всем направлениям, стремясь, таким образом, реваншироваться прежде всего в собственных глазах. Градус симпатий пекинского руководства к Австралии опустился до границ допустимого минимума. Ответом функционеров КПК стали массированные торговые санкции, фактически запрещавшие ввоз австралийских товаров в КНР, и поток публичных оскорблений в адрес главы правительства АС, что больно ударило по австралийским поставщикам и репутации премьер-министра⁵⁰. Об официальном визите Моррисона в Пекин не идет и речи; редкие встречи премьер-министра АС с председателем КНР Си Цзиньпином проходили только в рамках международных форумов: в июне 2019 г. во время встреч G20 в Осаке, в декабре 2018 г. во время встреч G20 в Буэнос-Айресе, в ноябре 2018 г. во время встречи лидеров АТЭС в Порт-Морсби⁵¹. Обозреватели подчеркивали: «В Пекине нет красной ковровой дорожки для Австралии»⁵². Моррисон не выказал ни малейшего

желания отступить: он «дистанцировался от риторики торговой войны США, в то же время широко поддерживая необходимость реформы Всемирной торговой организации», что было расценено как «отчасти ловкая дипломатия, отчасти экономическая необходимость». Было очевидно, что «Пекин держит его на расстоянии»⁵³. Свой вклад вносили и приглашенные в АС специалисты из КНР: бывший член КПК, профессор международных отношений Университета Жэньминь Ван Ивэй в 2019 г. предупредил, что Австралия не должна полагаться на своих союзников: «Возможно, США предадут вас, и не обязательно защитят. ...Вы всегда демонстрируете свою лояльность к США, но у США есть глобальные соображения. В истории они пожертвовали многими союзами. ... Если идет война, будь то горячая война или холодная война, вы – первая жертва этой войны». Он сказал, что шансы премьер-министра быть приглашенным с официальным визитом в Китай будут зависеть от заключения «твердой сделки» типа инициативы «Пояс и путь», чтобы визит не был «пустой тратой времени»⁵⁴. Другими словами, предлагалось полное подчинение интересам КНР. Однако Моррисон остался верен себе.

Вместе с тем события развивались стремительно. В 2019 г. вслед за США Канберра раскритиковала власти КНР из-за нарушений прав человека в Синьцзяне и Гонконге, выразив свою «озабоченность на соответствующих многосторонних форумах, таких как Совет по правам человека»⁵⁵. В 2020 г. вслед за Великобританией премьер-министр С. Моррисон заявил, что его страна «активно рассматривает» возможность предоставить убежище жителям Гонконга после вступления в силу законов о национальной безопасности в КНР. В знак протеста против этого законодательства более 200 граждан АС гонконгского, тибетского, уйгурского и вьетнамского происхождения

митинговали в Брисбене, и мультикультурная Австралия не могла не отреагировать на это событие. Китайские чиновники были непреклонны: «Дела Гонконга являются внутренними делами Китая. Мы надеемся, что австралийская сторона примет объективный и рациональный взгляд на законодательство, будет соблюдать международное право и основные нормы международных отношений и прекратит вмешиваться в дела Гонконга и внутренние дела Китая»⁵⁶. За первые 12 месяцев действия китайского закона десятки активистов, разыскиваемые полицией национальной безопасности Си Цзиньпина, бежали из Гонконга в Великобританию, Тайвань и Австралию, а правозащитники описали город как находящийся на «быстром пути к превращению в полицейское государство». В 2021 г. Австралия приостановила действие договора об экстрадиции с Гонконгом и предложила продлить визы 10 тыс. гонконгцев, которые уже находились на ее территории⁵⁷. Ту же позицию заняли и США. В ходе виртуального саммита лидеров стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в июле 2021 г. Байден в очередной раз подчеркнул приверженность США свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону; а по завершении встречи Вашингтон объявил о санкциях в отношении 7 китайских чиновников, обвинив Пекин в подавлении демократии в Гонконге⁵⁸.

Вторая проблема была связана с мощными кибератаками на парламент Австралии, ее политические партии, а также объекты промышленности, школы, больницы и правительственные органы, которые с 2019 г. неоднократно фиксировали австралийские спецслужбы. Австралийские эксперты по кибербезопасности утверждали, что эти акции стоит рассматривать как ответ на очередное ухудшение отношений Пекина и Канберры. Пекин полностью отрицал свою причастность к нападению: по сло-

вам официального представителя МИД КНР Чжао Лицзяня, «Китай является убежденным сторонником кибербезопасности и самой большой жертвой кибератак. Нападения и обвинения против Китая абсолютно беспочвенны и бессмысленны»⁵⁹. В начале 2021 г. взломы приобрели всемирный характер. ЕС, Австралия, США и их союзники обвинили Китай во «вредоносной кибератаке», включая массовый глобальный взлом программного обеспечения *Microsoft Exchange*, и призвали «привлечь Китайскую Народную Республику к ответственности» за этот «образец безответственного, разрушительного и дестабилизирующего поведения в киберпространстве». Правительство АС высказало свою обеспокоенность тем, «что Министерство государственной безопасности Китая привлекает хакеров-контрактников, которые совершили кражу интеллектуальной собственности с использованием кибертехнологий для личной выгоды и предоставления коммерческих преимуществ китайскому правительству»⁶⁰.

Ситуацию усугубила объявленная пандемия COVID-19, когда еще резче обозначились трудности, с которыми сталкивалась Австралия. В апреле 2020 г. она первая в мире потребовала провести международное расследование о причинах возникновения и обстоятельств распространения коронавируса из Уханя. Предлагалось, что Канберра обсудит с Вашингтоном роль ВОЗ и КНР в предотвращении распространения пандемии; в том числе речь шла и о реформе ВОЗ, о необходимости наделить ее более существенными полномочиями, которые позволят «въезжать на территорию стран для расследования источника вспышек болезней без приглашения», чтобы «избежать их повторения в дальнейшем». В мае уже 120 стран мира поддержали идею Австралии о независимом расследовании истоков коронавируса, и она встретила широкую поддержку внутри страны.⁶¹

Ответом на заявления австралийских чиновников стало мощнейшее давление – экономические санкции КНР по всем ключевым направлениям сотрудничества. Сама по себе пандемия и сопровождавшие ее ограничения стали мощным ударом по экономике страны; по оценке экспертов, потери экспортных отраслей АС варьировались от 8 до 12 млрд долл.; наиболее уязвимыми считались туризм и образовательные услуги⁶². Если учесть самую тесную зависимость горнодобывающей и сельскохозяйственной отраслей АС от поставок в Китай, ответные действия КНР сделали эти проблемы еще более болезненными⁶³. С мая 2020 г. наступили «трудные 6 месяцев для австралийских экспортеров сельскохозяйственной продукции: последовали санкции на вино, хлопок, омары, древесину и ряд других товаров из АС. В ноябре 2019 г. экспорт австралийского угля в Китай сократился на 96%; введены запреты и тарифы на сумму более 20 млрд долл. на ввоз австралийских вин, ячменя, морепродуктов, меди, древесины и хлопка. Пекин ввел пошлины в размере 80% на ячмень и 107–212% на вина, поставляемые из Австралии, а также запретил поставки говядины от ведущих австралийских производителей; кроме того власти призвали сограждан воздержаться от поездок в Австралию, а студентам рекомендовали выбрать для дальнейшего обучения другую страну, обвинив АС в «расизме»⁶⁴. Газетчики в АС забили тревогу: «Что действительно не дает экспортерам спать по ночам, так это то, что неясно, что произойдет со всей их продукцией. ...Австралийцы хорошо едят и пьют, но мы вряд ли сравнимся с аппетитами или кошельками 1,3 миллиарда китайцев. Другие страны по всему миру будут стремиться купить некоторые из наших товаров, но они, возможно, не будут готовы платить за них столько, сколько Китай». Попытки министра торговли Саймона Бирмингема дозвониться до своего китайского коллеги не

увенчались успехом – ему просто не ответили⁶⁵. КНР обвинила премьер-министра АС в «опрометчивом участии в попытках администрации США сдержать Китай ... Канберра должна понять, что она ничего не получит от Вашингтона в обмен на свой сговор в его схемах, в то время как Австралия заплатит огромную цену за свою ошибочную оценку»⁶⁶. Неудивительно, что большинство западных СМИ назвали произошедшее китайской местью Канберре за поддержку США в торговой войне с КНР. Пекин, привычно уклоняющийся на международной арене от прямой конфронтации, сообщил, что никакого запрета нет, а все происходящее – лишь последствия спада производства и неизменной приверженности политике декарбонизации⁶⁷.

Такой подход китайского руководства заставил пересмотреть свои позитивные взгляды на коммерческие связи с ним даже бывшего премьер-министра АС Тони Эбботта, в 2015 г. заключившего договор о свободной торговле с КНР. В июле 2021 г. он упреждал Великобританию от экономической зависимости от Пекина, который «рассматривает торговлю как стратегическое оружие, которое можно включать и выключать, как кран, чтобы награждать друзей и наказывать врагов». Призыв к осторожности в отношениях с КНР сопровождался горьким признанием: «Мы должны признать, что свободная торговля с Китаем – это миф», ибо «он является стратегическим конкурентом, который гораздо более грозен, чем старый Советский Союз, потому что он все больше внедряется в мировую экономику и может оказывать экономическое, а также военное давление на свои цели»⁶⁸. В этой связи, возможно, не лишено повода для беспокойства и намерение правительства КНР ввести новый вид платежей в цифровой валюте для определенных категорий трансграничных транзакций в качестве условия доступа на китайский рынок. Это озна-

чало, что компаниям, желающим сотрудничать с Китаем, придется делать это на еще более жестких условиях, и Резервный банк, Банк Содружества и Национальный банк Австралии объявили о начале исследовательской работы по изучению потенциального использования и последствий цифровой валюты⁶⁹.

Экономические меры сопровождались и политическими шагами. В ноябре 2020 г. представитель МИД Чжао Лицзянь опубликовал список из 14 пунктов – претензии КНР на действия Австралии, включая «ошибки в вопросах, касающихся основных интересов Китая, таких как Гонконг, Синьцзян и Тайвань», действия в Совете по правам человека, поддержку вступления Тайваня в ВОЗ, а также блокировку китайских инвестиций в АС по соображениям национальной безопасности. Австралии рекомендовалось «предпринять конкретные действия для исправления своих ошибок». Премьер-министр АС отклонил их: «Если это – причина напряженности в отношениях, то, похоже, напряженность заключается в том, что Австралия просто остается Австралией» Он отказался пойти на компромисс в жизненно важных для его страны вопросах иностранных инвестиций, телекоммуникаций и управления системами защиты. Моррисон заявил, что КНР ошибалась, полагая, что Австралия действовала по указанию США: она заключила торговые и оборонные соглашения с другими странами и установила свои правила иностранных инвестиций в соответствии со своими национальными интересами⁷⁰.

К борьбе правительств подключились журналисты. В отличие от весьма сдержанной, а то и прокитайской прессы АС, китайские СМИ не жалели грязи, которую выливали на Моррисона, пользуясь любым удобным случаем. Для них виновной в ухудшении отношений двух стран стала, естественно, Австралия, которая превратилась в

главного «прихвостня» США. Причем если США, традиционному противнику, в этом информационном наступлении доставалась относительно сдержанная критика, то с АС не церемонились. Так, призыв к Пекину министра внутренних дел АС Питера Даттона ответить на вопросы о происхождении вируса один из сотрудников посольства КНР в Австралии прокомментировал просто: «Очевидно, что ему пришли инструкции из Вашингтона, чтобы он действовал в русле пропагандистской войны США против Китая. Некоторые австралийские политики, как попугаи, повторяют то, что говорят американские силы, и идут вместе с ними в политическую атаку на Китай. Их действия демонстрируют невежество, мракобесие и отсутствие независимости, что вызывает печаль». Редактор китайского официального издания *Global Times* Ху Сицзинь отреагировал еще грубее: «Австралия всегда тут как тут, всегда гадит. Как жвачка, прилипшая к подошве китайского ботинка. Иногда самое время взять камень и отскреести ее»⁷¹. Журналисты КНР отмечали, что АС «воздаёт злом за добро», что «позиция Австралии намного превышает средний уровень “сдерживания Китая” западными странами». Самое главное, что АС «нужно действительно изменить свое отношение к Китаю и внести коррективы в свои действия, вместо того, чтобы, с одной стороны, помогать Соединенным Штатам “кусать” Китай, а с другой, — делать дешевые заявления о том, что она “не выбирает ничьей стороны”». Читатели газеты в своих комментариях и вовсе не стеснялись в выражениях, предлагая «Австралию, эту проамериканскую дуру, ...безжалостно забить до смерти!», «заставить ее надолго запомнить этот урок», «научить этих деревенщин с Запада, как вести себя на Востоке», и, как венец всего, «этого бешеного пса нужно уничтожить»⁷².

Не принес облегчения и 2021 г. В апреле 2021 г. министр иностранных дел Марис Пейн объявила, что АС использует право вето в рамках принятого в конце 2020 г. закона, запрещающего штатам и территориям подписывать соглашения с иностранными державами, противоречащие внешней политике страны. Федеральное правительство применило свои полномочия для защиты национальных интересов Австралии и аннулировало две сделки 2018 и 2019 гг., заключенные между штатом Виктория и КНР в рамках китайской инициативы «Пояс и путь» (BRI), а также меморандум о взаимопонимании между департаментом образования Виктории и Ираном 2004 г. и ее соглашение о научном сотрудничестве с Сирией 1999 г. Сенатор Пейн заявила, что все они «несовместимы с внешней политикой Австралии или неблагоприятны для наших внешних отношений»⁷³. Отказ от соглашений Виктории по BRI произошел еще до того, как они были полностью сформированы: первоначальный меморандум 2018 г. был кратким и обещал торговое, финансовое и политическое сотрудничество; детали более подробно прописаны в 2019 г. рабочей группой под сопредседательством премьера Виктории Дэниела Эндрюса и заместителя председателя Национальной комиссии по развитию и реформам Китая Нин Цзичже, подписавших Рамочное соглашение BRI. Совместные проекты включали «участие китайских инфраструктурных компаний в программе строительства инфраструктуры Виктории», а также «производство, биотехнологии и сельское хозяйство»; также речь шла и о развитии торговли. Эндрюс с большим трудом согласился на отмену сделки: «Эти отношения слишком важны для фермеров, для производителей, для рабочих, для прибыли компаний Виктории и, следовательно, для процветания нашего штата»⁷⁴. Он упорно настаивал на том, что КНР является важным торговым партнером,

способствует росту рабочих мест в Виктории, и призвал правительства других штатов и федеральный центр последовать его примеру: «Мы всегда надеемся, что федеральное правительство будет иметь такой же подход к нам, чтобы тесно сотрудничать с Китаем, ... что каждый штат и территория, и действительно Союз, будут иметь сильное партнерство и дружбу с Китаем»⁷⁵. Отмена сделки вызвала гнев Пекина: посольство Китая назвало этот шаг «провокационным» и предупредило, что действия Канберры «неизбежно нанесут дальнейший ущерб двусторонним отношениям и, в конечном итоге, только навредят самим себе»⁷⁶. Заговорили и о мести: официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь призывал АС «немедленно исправить свою ошибку, немедленно отменить соответствующее неправильное решение и не продолжать наносить соль на рану и без того сложных китайско-австралийских отношений. В противном случае Китай обязательно ответит твёрдо и решительно». Заместитель посла Ван Синин предупредил: «Китай – не корова. Я не думаю, что кому-то может прийти в голову идея доить Китай, когда он в расцвете сил, и замышлять в результате его убить»⁷⁷. В итоге Государственный комитет по делам развития и реформ Китая в мае 2021 г. объявил о решении приостановить на неопределенный срок всю деятельность в рамках механизма Стратегического экономического диалога между Китаем и Австралией (*China-Australia Strategic Economic Dialogue/ChASED*). Этот шаг обрывал все дипломатические контакты с Пекином, замораживая дискуссии между ключевыми должностными лицами ниже министерского уровня. Подход правительства АС к китайско-австралийскому сотрудничеству власти КНР оценили как «мышление времен холодной войны и идеологических предубеждений»⁷⁸. В ответ министр торговли АС Дэн Техан сказал, что он «разочарован», но добавил, что Канбер-

ра все еще открыта для дискуссий, расценивая *ChASED* как одну из «главных двусторонних экономических встреч с Китаем». Прекращение общения между двумя странами было расценено как продолжение мер «око за око». Правительство Австралии в свою очередь объявило, что намерено изучить вопрос о пересмотре договора с китайской компанией *Landbridge*, получившей в лизинг порт Дарвин, по соображениям национальной безопасности⁷⁹.

В мае 2021 г. в ответ на введение китайских экономических санкций против АС госсекретарь США Энтони Блинкен заверил, что его страна поддержит Австралию в ее противостоянии с КНР. Однако помощь дипломатическая отнюдь не гарантирует помощи экономической: законы рынка явно преобладают, и примеры налицо. В 2020 г. в парламенте АС рассматривали новый кодекс для игроков медиарынка для устранения «критического переговорного дисбаланса между австралийскими медиакомпаниями и цифровыми платформами *Google* и *Facebook*», согласно которому технологические гиганты обязаны обсуждать с местными издателями и вещателями выплаты за используемый ими новостной контент австралийских СМИ, что сбалансирует доходы тех и других. Тут же торговые представители США призвали Австралию отказаться от закона, «очевидно вредящего двум американским компаниям»⁸⁰. А *Google* пригрозила закрыть доступ к своему поисковику пользователям на территории Австралии, так как «кодекс создает необоснованный и неуправляемый финансовый и операционный риск для нашего бизнеса». Премьер-министр Моррисон ответил, что его правительство не намерено менять свою позицию: «Австралия устанавливает правила того, что можно делать в стране. Их устанавливает парламент и правительство, и именно так все работает здесь. Мы рады людям, которые хотят работать по правилам, но мы не станем реагировать на угро-

зы»⁸¹. В конечном итоге сторонам удалось договориться. Недавняя история с отказом КНР от закупок австралийского угля тоже весьма показательна. В 2020 г. Китай ввозил из АС 2,5 млн тонн энергетического и коксующегося угля; в 2021 г. это число стало равно нулю. Существенный дефицит КНР восполнил импортом угля из Южной Африки, Колумбии, Индонезии, России и Монголии – и экспортом коксующегося угля из США с объемом поставок 300 тыс. тонн в месяц⁸². МИД КНР откровенно и подстрекачески заявило, что торговля Австралии пострадала, потому что это была «кошачья лапа» США, а затем предположило, что Америка вторгается на китайский рынок в вакууме, оставленном австралийцами. Обозреватели отмечали: «Пекин всегда ищет дипломатический клин. Немногие наблюдатели верят, что Китай отступит от своего давления на Австралию, несмотря на провал своей тактики до сих пор»⁸³.

Выходом из создавшейся ситуации могла стать диверсификация экономических связей и поиск новых торговых партнеров. В частности, в 2020 г. Евросоюз был готов помочь Австралии с поставками австралийской говядины, ячменя и вина, от которых отказался КНР. Но процесс согласования интересов очень медленный: в 2020 г. ЕС и Австралия завершили седьмой раунд переговоров по двустороннему торговому соглашению. «Очевидно, что Австралия хочет получить доступ к европейским рынкам в качестве основного экспортера сельскохозяйственной продукции, и она будет более заинтересована в этом, учитывая, что происходит с Китаем», отмечали эксперты⁸⁴. Даже с традиционным союзником и партнером – Великобританией, переговоры не обещали быть легкими. В апреле 2021 г. во время визита министра торговли АС Д. Техана в Лондон министр торговли Великобритании Лиз Трасс планировала бросить вызов «ледяному медленному про-

грессу» в переговорах о торговых сделках, заявив, что Австралии необходимо продемонстрировать «какое-то серьезное движение» по соглашению о свободной торговле. Австралийского министра собирались «усадить в неудобное кресло» и характеризовали как «неопытного по сравнению с Лиз». В ответ высокопоставленный чиновник DFAT отметил, что комментарий был «очень неуважительным», а пресс-секретарь британской оппозиции по торговле Эмили Торнберри заявила, что эти замечания были «вопиющим проявлением высокомерия и неуважения»⁸⁵. Впрочем, уже в июне премьер-министр Моррисон встретился со своим британским коллегой Борисом Джонсоном в Лондоне, и на совместной пресс-конференции они сделали заявление по соглашению о свободной торговле Австралии с Соединенным Королевством, которое стало первой независимой сделкой Великобритании после *Brexit*. «Таким образом, это также прелюдия к дальнейшим сделкам, и это путь к всеобъемлющему и прогрессивному Транстихоокеанскому партнерству», – сказал Джонсон. Моррисон согласился: «Благодаря этим соглашениям наши экономики стали сильнее. Это самое всеобъемлющее и амбициозное соглашение, которое заключила Австралия». Помимо сделки о свободной торговле, главы правительств двух стран обсудили изменение климата, оборону, совместную работу по вопросам безопасности и расширение дипломатического присутствия Великобритании в Тихом океане⁸⁶. Бывший премьер-министр АС Эбботт призвал к осторожности подхода к торговым соглашениям: «Я не выступаю за отказ от более свободной торговли, просто подчеркиваю важность проведения различия между странами, которые действительно открыты для бизнеса, и странами, где бизнес больше похож на политику другими способами. ... Как граждане всего мира, мы должны желать успеха всем странам; но как сторонники демокра-

тии и верховенства закона, иногда может быть лучше отдать предпочтение тем, кто разделяет наши ценности»⁸⁷.

АС также возлагал определенные надежды на тесное партнерство с Индией – как паллиатив утраченным выгодам и противовес КНР. В 2019 г. Индия стала 5-м по величине торговым партнером Австралии (после Китая, Японии, США и Южной Кореи, значительно уступая им по объему оборота в финансовом исчислении), население ее составило более 1,3 млрд человек, и за последнее 10 лет число австралийцев родом из Индии превысило 700 000. Тогда же DFAT разработал экономическую стратегию сотрудничества с Индией до 2035 г., направленную на стимулирование двусторонней торговли, чтобы сделать Индию одним из главных экспортных направлений к 2035 г. в 3-х ключевых областях (агробизнес, ресурсы и туризм) и в 6-ти «перспективных секторах» (энергетике, здравоохранении, финансовых услугах, инфраструктуре, спорте, науке и инновациях)⁸⁸. Однако Индия достаточно жестко отстаивает свои интересы. Так, при подписании соглашения Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), переговоры по которому заняли 8 лет, она в конечном итоге вышла из состава участников в 2019 г. Причина – «долгая история экономического протекционизма»: правительство Нарендра Модии опасалось, что это нанесет ущерб производственному и сельскохозяйственному секторам его страны⁸⁹.

Невозможность договориться напрямую привела КНР и АС к обращению в международные инстанции. Причем КНР стал использовать свои связи как явное средство давления на Австралию. В середине 2021 г. Пекин потребовал от ООН понизить статус состояния окружающей среды всемирно известного кораллового Большого Барьерного рифа (ББР) и официально занести его в список «находящихся в опасности». При этом не упоминался Ки-

тай, уничтожающий рифы в Южно-Китайском море при создании искусственных островов военного назначения, и тот факт, что федеральное правительство и правительство Квинсленда обязались выделить 3 млрд долл. в рамках своего плана «Риф-2050» для борьбы с разрушением рифа, вызванным потеплением температуры океана. Требование лоббировал вице-министр образования КНР Тянь Сюэцзун – председатель ЮНЕСКО и куратор Комитета всемирного наследия. Такое изменение статуса ББР ставило под угрозу 64 тыс. местных рабочих мест и стоило туристической отрасли северной Австралии 6,4 млрд долл. В этом тоже увидели еще одно звено в цепи «усилий Китая по экономическому наказанию Австралии»⁹⁰. Впрочем, министру окружающей среды АС Сьюзан Лей в ходе визита в Европу удалось убедить членов комитета заблокировать решение ЮНЕСКО о снижении статуса здоровья рифа, Комитет Всемирного наследия учел предоставленные факты и объявил, что ББР не будет объявлен «в опасности»⁹¹.

В 2021 г. была вовлечена в споры и Всемирная торговая организация, куда Пекин подал иск против Канберры в связи с антидемпинговыми и компенсационными мерами АС в отношении ряда товаров китайского импорта. Как уточнил представитель министерства коммерции КНР Гао Фэн, в 2019 г. Австралия расширила антидемпинговые меры в отношении ввозившихся из Китая железнодорожных колес и ветровых установок, а в 2020 г. и китайских раковин из нержавеющей стали. «Китай надеется, что Австралия примет конкретные меры для исправления своих неверных действий и как можно скорее вернет двусторонние торговые отношения в нормальное русло»⁹². Министр торговли АС Дэн Техан заявил, что удивлен действиями КНР: «Нормальным ходом событий было бы получение некоторого уведомления об их озабоченности по

поводу мер, которые мы приняли, через соответствующий комитет ВТО или через официальных лиц, поднимающих этот вопрос по двусторонним каналам. Мы ничего такого не видели». Австралия ввела 10,8% тарифы на китайские ветряные башни в 2014 г., 60,2% пошлины на раковины из нержавеющей стали в 2015 г. и 17,4% тарифы на железнодорожные колеса в 2019 г. (по сравнению с китайскими запретительными тарифами 2020 г. просто смешные). Техан подтвердил желание построить «конструктивные» отношения с Китаем: «Очевидно, что Китай имеет право предпринять эти действия, но мы будем энергично защищать введенные нами пошлины» – и призвал КНР сесть за стол переговоров⁹³. В свою очередь, и правительство Австралии обратилось во ВТО по поводу мер Китая, вводивших существенные пошлины на австралийское вино и ячмень, охарактеризовав их как «экономическое принуждение»⁹⁴.

Военно-политические проблемы становятся все более актуальными и многоплановыми в связи с амбициями КНР в АТР. Оборонительные концепции АС опираются не в последнюю очередь на союзные отношения с США, с которыми традиционно динамично развивается сотрудничество в области безопасности. США видят в АС важный элемент своей системы противоракетной обороны в регионе, используя военные базы австралийских ВВС в Дарвине и Тиндале. АС продолжал сотрудничество в рамках неформального объединения «Пять глаз» по тесному взаимодействию в сфере разведки (США, Великобритания, Новая Зеландия, Канада и Австралия), к которому, как партнеры, подключались страны ЮВА.

Следование за американским партнером порой дорого обходилось АС. В ноябре 2020 г. командующий Австралийских сил обороны Ангус Кэмпбелл опубликовал доклад, в котором говорилось о 39 убийствах, совершенных австралийским спецназом в 2005–2016 гг. в Афгани-

стане, жертвами стали как солдаты, так и мирные жители. Кэмпбелл «искренне и безоговорочно» извинился перед афганским народом за «проступки» своих подчиненных⁹⁵. Последствия оказались серьезнее, чем ожидалось: посыпалась критика военных в левых СМИ и появились сообщения о том, что 9 военнослужащих Австралии совершили суицид на фоне публикации этого доклада⁹⁶. Не остался в стороне и Китай: официальный представитель МИД КНР, пресс-секретарь китайского правительства Чжао Лицзянь «решительно осудил» действия австралийцев, заявив, что доклад «полностью разоблачил лицемерие прав человека и свободы, которые эти западные страны всегда воспевают». Он опубликовал в *Twitter* фальшивку, на которой изображен ухмыляющийся австралийский солдат, представляющий нож к горлу афганского ребенка. Правительство АС обратилось с протестом к китайскому руководству, связалось с *Twitter* с требованием удалить это изображение и потребовало извинений от китайского правительства: «Это совершенно возмутительно и не может быть оправдано ни на каком основании, китайскому правительству должно быть совершенно стыдно за этот пост»⁹⁷. Извинений не последовало. А Чжао Лицзянь за его грубые нападки и напыщенные оскорбления в адрес АС в духе дипломатии «воина-волка» пошел на повышение до заместителя директора пекинского Информационного департамента⁹⁸. Официальный же представитель МИД Китая Хуа Чуньин посоветовала: «Австралийское правительство должно провести некоторый душевный поиск и привлечь виновных к ответственности, а также принести официальные извинения афганскому народу и дать торжественное обещание, что оно никогда не повторит подобных преступлений»⁹⁹. Вследствие скандала «отношения Австралии с Китаем упали до самой низкой точки почти за 50 лет». Но возмущение в АС на сей раз было всеобщим: к

бывшим премьер-министрам страны Дж. Говарду и Э. Эбботту присоединился лидер оппозиционной АЛП Энтони Альбанезе, назвав выпад китайцев «беспричинным, подстрекательским и глубоко оскорбительным». Говард заявил: «Это ужасное оскорбление нашей страны и ужасное оскорбление служащих, которые носят австралийскую форму, которой мы безмерно гордимся»¹⁰⁰. Завершилась история в апреле 2021 г.: премьер-министр объявил, что австралийские войска покинут Афганистан и будут возвращены домой в соответствии с выводом американских войск, объявленным президентом Байденом. Моррисон подчеркнул: «Австралия продолжает поддерживать переговоры между афганским правительством и талибами. Мы призываем обе стороны взять на себя обязательства по мирному процессу, ради обеспечения которого погибло так много австралийцев»¹⁰¹.

Давний конфликт в районе Южно-Китайского моря (ЮКМ) – «зона открытого противостояния Китая и США» – в определенной мере угроза и для АС¹⁰². Постоянная палата третейского суда в Гааге в 2016 г. признала незаконными притязания Китая на территорию большей части ЮКМ, и год спустя отставной генерал США и бывший директор ЦРУ Дэвид Петреус призывал Австралию «быть твердой» с Китаем, назвав его претензии на значительную часть ЮКМ «возмутительными»¹⁰³. В июле 2020 г. и постоянный представитель Австралии в ООН подтвердил, что китайские «исторические права» в ЮКМ несовместимы с Конвенцией ООН по морскому праву. Обозреватели расценили позицию Австралии как «рассудительную твердость», в отличие от представителей США, которые утверждали, что «в XXI в. нет места хищному мировоззрению КНР»¹⁰⁴. В 2021 г. госсекретарь США Э. Блинкен заявил, что новая администрация поддерживает принятые Д. Трампом ключевые

изменения в американской политике в отношении ЮКМ, и притязания КНР на богатую энергоресурсами акваторию считал «абсолютно незаконными», обвиняя Пекин в попытках создать «морскую империю». По его словам, «нигде морской порядок, основанный на правилах, не находится под большей угрозой, чем в Южно-Китайском море»¹⁰⁵.

Противостояние обостряется тем фактом, что военные потенциалы США и КНР быстро сближаются: эксперты японского издания *Nikkei Asian Review* провели анализ возможностей КНР и США для определения победителя в вероятном морском противостоянии этих стран и пришли к выводу, что война США с Китаем будет «сражением почти равных». В ближайшее десятилетие КНР может сократить нынешнее отставание, если американцы не примут никаких действий¹⁰⁶. Оборонительные ресурсы АС не идут в сравнение с потенциалом США или КНР. С 2014 г. около 7% бюджета страны уходит на оборону – это 4-я по значимости статья после социальной безопасности населения, здравоохранения и образования. Австралийские военные специалисты делали упор на неизменность союза с США, который призван защитить страну в глобальном плане, и прогнозировали, что Китай будет продолжать действовать в непосредственной близости от Австралии, где пролегают важные для него морские торговые маршруты и располагаются шельфовые запасы углеводородов¹⁰⁷. Они традиционно старались держаться примирительных позиций в отношении КНР, хотя признавали, что появление китайских военных кораблей у берегов АС «стало мощной демонстрацией растущего стратегического влияния Китая»: «Послание Пекина Австралии и региону было безошибочным: Китай находится на пороге превращения в морскую державу и будет отправлять свои корабли, куда ему заблагорассудится». Обозреватели

склонялись к тому, что использование «эффективной, хорошо финансируемой оборонной дипломатии с гораздо большей вероятностью принесет результаты, чем стратегия, основанная главным образом или исключительно на жесткой силе»¹⁰⁸. Этот подход имел вполне ощутимое основание: ограниченность оборонных ресурсов АС. Его вооруженные силы были крупнейшими в Океании, но уступали практически всем армиям азиатских стран. В 2020 г. общая численность личного состава Австралийских сил обороны (АСО) составляла 59,7 тыс. военнослужащих и более 28,5 тыс. резервистов¹⁰⁹. Попытка усилить защиту страны заставляла ее правительство вкладывать немалые средства в перевооружение. Так, в начале 2021 г. планировалось потратить 1 млрд долл. на первый этап разработки новейших ракет для ВМФ; и это не первый случай крупных инвестиций в модернизацию АСО. Как объяснила министр обороны Линда Рейнольдс, «новые возможности позволят создать сильный и надёжный сдерживающий фактор, который обеспечит стабильность и безопасность в регионе», важный для «укрепления морской безопасности Австралии»¹¹⁰. Опасаясь неизбежного военного столкновения, Моррисон объявил, что его правительство потратит 580 млн долл. на модернизацию военных баз в северной Австралии, оговорившись, что это «не нацелено на Китай», а предназначено для укрепления связей АС с США и «достижения мира». Реакция Пекина была стандартно предсказуемой: МИД КНР осудило авторов заявлений как «нарушителя спокойствия», назвав комментарии «крайне безответственными», а посол Китая Чэн Цзинье заявил что Австралия «отравила атмосферу и нанесла ущерб основам двусторонних отношений»¹¹¹.

Еще одна попытка сбалансировать это противостояние – поиск новых союзников и партнеров, в первую очередь в государствах, которым так же угрожает чрезмерное

возвышение Китая. При этом рассчитывать на соседей по ЮТР явно не приходится, а наблюдающаяся активность КНР в островных государствах здесь – явная попытка как минимум потеснить АС в этой части Тихого океана¹¹². В октябре 2019 г. подготовленный группой австралийских исследователей Института Лоуи доклад по изучению финансовой политики КНР в ЮТР показал растущую роль Китая в этом регионе и предупреждал, что Австралия может оказаться здесь в стратегическом невыгодном положении. «Масштабы кредитования КНР и отсутствие у стран-получателей сильных механизмов защиты приемлемости их долга означают наличие явных рисков», говорилось в документе. Китай является единственным крупнейшим кредитором в Тонга, Самоа и Вануату, а конкуренция между крупными державами дает тихоокеанским странам возможность добиваться выгодного финансирования и лучшего управления проектами. Выход для АС, по мнению экспертов, один – увеличить свой бюджет помощи островным соседям¹¹³. Кроме того, сложившееся положение чревато и с точки зрения военной безопасности. АС однозначно обозначает ЮТР как сферу своих жизненно важных интересов и пытается «не допустить превращения своего непосредственного окружения в источник угроз национальной безопасности и появления там военных баз потенциально враждебных государств»¹¹⁴. В наши дни китайское влияние в островных тихоокеанских государствах, которые Канберра всегда считала своей геополитической вотчиной – в Вануату, Тувалу, Соломоновых о-вах, Папуа-Новой Гвинее, Фиджи, Новой Каледонии – проявляется не только в предоставлении кредитов на их нужды. Они регулярно получают от Китая щедрые финансовые предложения; например, объем китайских капиталовложений в том же Вануату – 243 млн долл., тогда как австралийские инвестиции не превышают здесь полумиллиона. Кроме

того, Пекин обсуждал с Вануату возможность открытия там китайской военной базы – всего в 2 тыс. км от австралийского побережья, что стало темой обсуждения на самом высоком уровне в АС и США. Контроль над островными государствами Тихого океана для Австралии стал необходимым условием обеспечения собственной безопасности¹¹⁵.

В связи с этим концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) с начала XXI в. стала еще одной составляющей внешней политики АС. Австралийские стратегические программы подчеркивали, что в ИТР, наряду с США, Китаем и Индией, всё большую роль играют Япония, Южная Корея и Индонезия. Ведущая позиция США в отношениях с союзниками в регионе не подвергалась сомнению: американский «ядерный зонтик» был гарантией «защиты от тех угроз, с которыми Австралия не способна справиться самостоятельно». Главными проблемами всегда выступали «обеспечение достаточного уровня финансирования АСО и тщательное выстраивание отношений с Пекином и Вашингтоном»¹¹⁶. При администрации Трампа идея строительства Индо-Пацифики приобрела вид преимущественно американской стратегии, чья цель – политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая, создание жесткого «каркаса», не позволяющего Пекину занять доминирующие позиции в регионе. Помимо традиционного военно-политического союза АНЗЮС, все большее место приобретают отношения в формате «Четырехстороннего диалога по безопасности», или «Квадро» (*Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad*), объединяющего США, Японию, Австралию и Индию, и участие в совместных военных учениях этих стран. Еще в 2007 г., когда премьер-министр Японии Синдзо Абэ инициировал «Квадро», Китай подал официальные протесты каждому правительству, рассматривая этот шаг как объединение

соседей против него. «Четверка» была возрождена в 2017 г., а в 2019 г. дипломат П. Теш подчеркнул: «Австралия твёрдо привержена формату «четверки». Мы рассматриваем Квадро как ценный стратегический диалог между демократиями-единомышленниками, который основан на общем видении процветания и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе»¹¹⁷. Продолжаются консультации министров обороны США и АС по вопросам совместного патрулирования в ЮКМ и Индийском океане и расширение численности и состава учений по развертыванию морской пехоты в австралийском Дарвине; проводятся регулярно военно-морские учения с участием стран-союзниц.

Участников «Квадро» Пекин называет «Азиатским НАТО» и считает, что деятельность данной структуры направлена на сдерживание КНР. В марте 2021 г. китайский военный эксперт Сун Чжунпин не исключал возможности объединенных вооруженных сил США, Японии, Австралии и Индии сдержать Китай, обвиняя США в «тактике волчьей стаи»: «США считают себя альфа-самцом стаи и надеются, что еще больше стран присоединятся к ним в качестве участников стаи». Впрочем, по его мнению, эти страны «не смотрят в одном и том же направлении», и сомнительна общность их интересов; гораздо больше они заинтересованы в торговле с КНР, которая не пойдет ни на какие уступки¹¹⁸. Альтернативная стратегия КНР была изложена Си Цзиньпином еще в ноябре 2012 г. в виде «периферийной дипломатии» Китая, в выдвижении различных многосторонних инициатив континентального масштаба. Воплощением ее стали, в частности, инициатива «Один пояс и один путь» (BRI) и участие в проекте Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), ставшего крупнейшей в истории региональной торговой сделкой, охватывавшей 30%

мировой экономики с участием 15 стран (АСЕАН, АС, КНР, Индия, Япония, Новая Зеландия и Республика Корея). «Пояс и путь» призван помочь поддерживать экономический рост в КНР за счет китайских компаний, использующих китайские материалы и рабочую силу для строительства инфраструктуры в других странах, а также увеличить влияние Китая за рубежом, сделав страны экономически зависимыми от него по схеме «дипломатии долговой ловушки», успешно опробованной им в других странах¹¹⁹. Характерно, что участниками ВРЭП стали, помимо стран АСЕАН, и традиционные союзники США в АТР – Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. В отличие от американской Индо-Пацифики, проекты КНР не предполагают жестких союзнических обязательств со стороны стран-участниц, а сам Китай не меняет своего внеблокового статуса. Кроме того, отказ США от участия в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) объективно резко сузил «американские возможности комплексной реализации проекта Индо-Пацифики и экономического сдерживания Китая»¹²⁰.

Не полагаясь только на экономические блага, Канберра углубляла военно-политическое сотрудничество с США и Индией в рамках стратегии противостояния КНР в Индийско-Тихоокеанском регионе. Хотя в 2018 г. Индия заблокировала участие АС в ежегодных совместных с Японией и США военных учениях *Malabar* из-за опасений, что это усугубит ситуацию в период пограничного спора Индии и КНР, в 2020 г. планировалось обговорить соглашение по использованию военных баз и проведению совместных учений АС и Индии¹²¹. В ноябре 2020 г. Австралия подписала договор о военном сотрудничестве с Японией, что в Пекине восприняли как угрозу.

В середине июля 2021 г. у северного побережья Австралии возле Квинсленда проходили крупнейшие

двухнедельные военные учения *Talisman Sabre*, в которых задействовано в общей сложности свыше 17 тыс. военнослужащих из США, АС, Японии, Великобритании, Канады, Южной Кореи и Новой Зеландии; Индия, Индонезия, Германия и Франция выступали в качестве наблюдателей. Накануне в районе учений был замечен разведывательный корабль ВМС КНР. Вскоре Пекин направил туда и второй высокотехнологичный, оснащенный передовыми системами связи корабль наблюдения для сбора разведданных. Аналогичная картина наблюдалась и в ходе проводимых раз в 2 года военных игр *Talisman Sabre* в 2019 и 2017 гг.: Китай внимательно изучал, как силы США взаимодействуют со своими союзниками¹²². Обозреватели сочли прибытие китайских судов «тревожным событием»; высокопоставленные австралийские военные определили действия Китая как провокационные и недружественные¹²³. В то же самое время в 2017 г. в Австралии принимали высокопоставленного генерала Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Вэй Ляна, прибывшего с визитом «доброй воли» и встречавшегося с представителями высшего состава министерства обороны АС, с которыми «обменялся мнениями по вопросам региональной безопасности». Этот визит не единичен: в ноябре 2020 г. генерал Ван Цзяочэн, ответственный за командование Южным театром военных действий НОАК, обсудил спор в Южно-Китайском море, когда провел переговоры с представителями министерства обороны в Канберре¹²⁴. Таким образом, КНР не выпускал из поля зрения ни одно из оборонительных мероприятий АС.

В начале 2021 г. причиной очередного обострения отношений стал Тайвань, глава МИД которого Джозеф Ву заявил о потенциальной возможности нападения КНР и призвал Канберру оказать Тайваню военную помощь. Пекин не исключал плана нанесения ракетных ударов по во-

енным целям и ключевым объектам Австралии в случае вмешательства АС в назревающий вооруженный конфликт. По словам *Global Times*, «австралийские ястребы должны чётко обозначить свои намерения. Если они достаточно смелы, чтобы координировать военные шаги с США по тайваньскому вопросу и послать войска в Тайваньский пролив для войны против Китая, они должны понимать, какую катастрофу они призовут на свою страну»¹²⁵. Неудивительно, что в середине 2021 г. США заговорили о необходимости присутствия постоянных боевых сил на пороге АС, чтобы дать отпор КНР в ИТР и «реагировать в случае необходимости». Американские законодатели и военные чиновники полагали, что ВМФ из подразделений США, Австралии, Японии и Южной Кореи заставит военных стратегов Пекина остановить аннексию Тайваня. Пожизненный председатель Си Цзиньпин угрожал в ответ, что Китай при необходимости применит военную силу¹²⁶. И это еще один шаг на пути эскалации напряженности в регионе.

В этой связи нельзя не учитывать и внутривнутриполитические факторы. В частности, мощным рычагом давления на правительство АС стало и вмешательство КПК во внутренние дела АС через быстро растущую китайскую диаспору. Из беженцев эпохи коммунистического Китая и «жертв кровавой расправы на площади Тяньаньмынь», над которыми в 1989 г. прилюдно рыдал премьер-министр АС Р. Хоук, в наши дни австралийские китайцы превратились в многочисленную и влиятельную часть электората, превысив по численности коренных жителей Австралии – аборигенов, а китайский язык ныне стал вторым по распространенности в АС¹²⁷. Важность китайской диаспоры признавали и австралийские официальные лица. По их словам, «китайское сообщество – это самый большой актив, который мы имеем в этой стране для управления

тем, что будут представлять собой сложные отношения с Китаем в течение следующих десятилетий,... и мы нуждаемся в их помощи в управлении этими отношениями»¹²⁸.

Однако помощи от диаспоры правительству АС ожидать сложно. Еще в 1980-х гг. Сэм Фэн основал «независимую общественную газету на китайском языке» *Pacific Times*, работающую в самом тесном контакте с дочерними компаниями зарубежной пропагандистской организации КПК – Китайской службы новостей, которые владеют 60% акций 40%-ной доли господина Фэна в мельбурнской компании *Australian Chinese Culture Group Pty Ltd*. Результаты этой совместной сделки сказываются на содержании газеты, материал для которой поставляется непосредственно из Пекина¹²⁹. Ныне помимо китайских газет, три коротковолновых и длинноволновых радиоканала вещают на мандаринском и кантонском диалектах, не говоря уже об активно работающих китайских социальных сайтах в АС, которые стали главными поставщиками информации: более 100 китайских новостных аккаунтов публикуют новости для жителей Австралии. Эти статьи часто носят сенсационный характер и полны дезинформации, а также критики в адрес АС; но для китайских студентов, проживающих в Австралии и плохо владеющих английским, просмотр *WeChat* – китайского социального медиа-гиганта с более чем 1 млрд зарегистрированных пользователей – это «обязательное занятие каждый день». В АС в 2018 г. насчитывалось порядка 2,5 млн его пользователей¹³⁰.

В защиту прав диаспоры выступают и политики АС китайского происхождения, которые в наши дни есть во всех партиях и на всех уровнях власти. В федеральном парламенте они заседают с 1990 г., в парламентах штатов и территорий – с 1988 г. Среди них Пенни Вонг, лейбористский сенатор от Южной Австралии с 2002 г. и федеральный министр в 2007–2013 гг.; член палаты представителей

с 2013 г. Ян Гуденоу, а с 2019 г. и Глэдис Лю от ЛПА. Несколько представителей *хуацяо* занимали пост лорда-мэра Дарвина в период 1980–2010-х гг. и становились мэрами крупных городов АС¹³¹.

Мощное финансовое воздействие оказывают китайские предприниматели, ставшие донорами всех ведущих политических партий АС. Так, в период 2013–2015 гг. они вложили более 5,5 млн долл. в казну крупнейших в стране Либеральной партии Австралии и, особенно щедро, Австралийской лейбористской партии, которые, в свою очередь, активно привлекают выходцев из китайской диаспоры в свои ряды¹³². Случаи прямой коррупции или nepосредственных связей с КПК в среде австралийских политиков и связанные с ними громкие скандалы становятся порой предметом судебных разбирательств и достоянием самой широкой общественности. Из последних – лейборист Сэм Дастиари и либеральный депутат Глэдис Лю. С 2003 г. уроженка Гонконга использовала свое влияние в Мельбурне, став одним из самых эффективных сборщиков средств на нужды ЛПА в своем штате. Упорная и настойчивая дама впоследствии подчеркивала, что «собрала более 1 миллиона долларов для партии, организовав мероприятия как большие, так и малые, централизованно..., а также на местном уровне для депутатов и кандидатов»¹³³. В 2019 г. на федеральных выборах она получила кресло депутата палаты представителей от ЛПА по округу Чисхолм, став первой китайкой, когда-либо избранной в нижнюю палату федерального парламента. Вскоре ею заинтересовалась Австралийская разведывательная организация по вопросам безопасности (*Australian Security Intelligence Organisation*), обвинив в продвижении интересов КНР в АС и связях с организациями, близкими КПК. Тем не менее, Моррисон выразил свою поддержку депутату его партии и назвал критику Глэдис Лю расово

мотивированной, ибо ее противники «стремятся очернить австралийское китайское наследие»¹³⁴.

Хуан Сянмо (второй слева) с Эрнестом Вонгом, бывшим премьер-министром Джулией Гиллард и Сэмом Дастиари. Г-н Хуан предоставил крупные пожертвования основным политическим партиям. Фото: ABC¹³⁵

На позицию премьер-министра явно оказали влияние как 1,2 млн австралийцев китайского происхождения – важная часть электората для коалиции, так и ценность каждого депутата для правительства, когда численный перевес депутатов парламента от коалиции над основным соперником – АЛП – невелик, и бросаться даже одним из них политически опасно¹³⁶. А громкий скандал вокруг Дастиари ускорил принятие в 2018 г. нового законодательства по ужесточению контроля над иностранным вмешательством, заставив лиц, работающих на иностранные компании и правительства, декларировать свою деятельность. Сенатор Вонг тогда заявила: «Мы не допустим, чтобы они подвергались иностранному вмешательству, и

мы не допустим скрытого подрыва нашей политики иностранными интересами. Эта цель должна быть поставлена перед всем парламентом»¹³⁷. В рамках этого закона предусматривалась и уголовная ответственность за «ключевые преступления, связанные с угрозами национальной безопасности, особенно теми, которые исходят от иностранных руководителей». Реакция КНР на принятое законодательство была гневной – хотя, казалось бы, какое дело КНР до вопросов внутренней безопасности АС? Но это, вкупе с позицией АС по ЮКМ, считали одной из главных причин обострения отношений с КНР в 2018 г.¹³⁸.

Китайцы-австралийцы активны в отстаивании своих прав и для своей защиты используют все те же обвинения в расизме, прекрасно зная, что их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, зато они очень хорошо работают в политкорректной атмосфере. С 2015 г. два года тянулось разбирательство дела супружеской пары – предпринимательницы Шери Ян и ее супруга Роджера Урена, бывшего высокопоставленного сотрудника австралийской разведки и дипломата. В 2016 г. после признания своей вины дама была на 20 месяцев заключена в тюрьму в США за подкуп председателя Генеральной Ассамблеи ООН Джона Эша. Между тем, в доме супругов хранились строго засекреченные документы с информацией западных агентств об операциях китайской разведки, которые Урен взял в Управлении национальных оценок, прежде чем уйти со службы в 2001 г.¹³⁹. В 2019 г. его арестовали в Канберре по обвинению в нарушении законов о секретности; и супруга тут же все свела к «одной профессиональной ошибке» мужа, использованной против него в политических целях, чтобы «раздавить его, раздавить нашу семью и раздавить австралийских китайцев, которые любят Австралию». К слову сказать, любительница Австралии Ян практически не жила в АС, предпочитая США (куда отправила на учебу свою

дочь) и Пекин, где живут ее родители. Неприятности объяснила просто: «Я сама себя критикую. Если бы Роджер не женился на девушке из материкового Китая, этого бы с ним никогда не случилось»¹⁴⁰. То же самое наблюдалось в 2018 г., когда правительство АС вынуждено было всерьез обратить внимание на чрезмерный рост влияния КНР в АС. И тут же громко начали протестовать те самые представители хуацяо, заявившие о «расистском характере» дискуссии. «Это почти похоже на то, как толпа Линча была послана, чтобы допросить каждого из нас, китайцев-австралийцев, о нашей лояльности», – заявила Эрин Чу, соучредитель лоббистской группы *Asian Australia Alliance*¹⁴¹.

*Шери Ян и Роджер Урен. Фото: ABC*¹⁴²

Отношение к правительству АС в среде выходцев из КНР было, как минимум, настороженное: в 2020 г. лидеры диаспоры были разочарованы австралийским политическим классом, ее представители предупреждали, что Ав-

стралия может потерять свою китайскую диаспору, которая богата успешными бизнесменами и очень интернациональна в своем мировоззрении¹⁴³. Таким образом, роль китайцев с австралийским гражданством в условиях мультикультурализма значительно возросла. Быстрый рост их рядов, увеличивающийся с каждым годом, прочные экономические позиции и заинтересованность в них правящих и академических кругов, значительная степень социальной сплоченности и тесные связи с исторической родиной превратили австралийских хуацяо в один из серьезных рычагов давления на правительство АС.

Противовесом им выступил другой фактор, усилившийся в АС в последние десятилетия – правые настроения в австралийском обществе, оказавшие значительное влияние на корректировку курса его правительства¹⁴⁴. В числе прочего, представители правых взглядов высказывали озабоченность и усилением вмешательства КПК во внутренние дела АС. В последние годы опубликованы материалы различных правительственных органов, освещавших эту проблему, а вышедшая в 2018 г. книга Клайва Гамильтона, профессора общественной этики в Университете Чарльза Стерта с характерным названием «Молчаливое вторжение» (Silent Invasion), вызвала бурю эмоций как в АС, так и в КНР. Исследование автора показало: происходит массированное проникновение агентов КПК в жизнь Австралии – от высоких сфер политики, науки и бизнеса вплоть до церквей и местных писательских групп¹⁴⁵. В то время как члены ЛПА широко поддерживали публикацию книги, большинство членов ЛПА утверждали, что австралийскому парламенту не следует давать ей одобрение, так как это было бы воспринято Пекином как подстрекательский акт¹⁴⁶. Однако замалчивание проблемы не есть ее решение.

Global Times опубликовала эту фотографию книги Клайва Гамильтона, иллюстрируя таким способом свое отношение – яростную критику книги. Фото: ABC¹⁴⁷

Выступление Гамильтона не стало гласом вопиющего в пустыне. Еще в 2017 г. австралийский министр иностранных дел Фрэнсис Адамсон, выступая в Институте Конфуция Университета Аделаиды, призвала университеты защитить себя от растущего влияния КПК, попросив студентов уважительно участвовать в дебатах, а не распространять пропаганду или пытаться заткнуть рот людям, с которыми они не согласны. Глава австралийской службы разведки Дункан Льюис предупредил парламент, что шпионаж и иностранное вмешательство в Австралии происходят в «беспрецедентных масштабах», и Пекин активно действует по широкому спектру направлений — от руководства китайскими студенческими ассоциациями до сотрудничества с общественными группами и контроля

над большинством китайско-язычных СМИ¹⁴⁸. В 2019 г. бывший преподаватель международных отношений в Университете Гриффита Саймон Лейч подробно рассказал о ситуации в области свободы слова в его alma mater и раскрыл механизм тотального контроля КПК над научными связями с АС, «направленных на кражу технологий из университетов», которые «могут быть использованы против “антикитайских” сотрудников в ущерб всем»¹⁴⁹. Китаист из Университета Аделаиды Джерри Грут проанализировал механизм контроля КПК над умонастроениями китайской диаспоры в АС силами особого Рабочего отдела Объединенного фронта КПК, отвечающего за работу с этническими китайцами за рубежом, и пришел к выводу: «В последние годы влияние партии на китайскую диаспору стало гораздо более очевидным, особенно в Австралии»¹⁵⁰.

Впрочем, Китайский Общественный совет Австралии (по его собственному определению, «независимая некоммерческая организация, представляющая сино-австралийцев») заявил, что разговоры о влиянии КПК в АС ведут к маргинализации китайско-австралийского сообщества, попыткам сделать его «козлом отпущения» на фоне политического и экономического подъема Китая: «Речь идет о потенциальном подавлении “свободного и открытого дискурса и политического самовыражения”, которое мы научились ценить как право для всех австралийцев ... Мы подчеркиваем, что наш китайский общинный сектор является законопослушным [sic] и разделяет с мейнстримом Австралии весь ее образ жизни и ее ценности». Диаспора оказалась расколотой, когда в поддержку критиков КНР выступила Федерация за демократический Китай, считавшая, что «Австралия – это свободная и открытая демократия», и поддержавшая меры противодействия КПК¹⁵¹. И в 2020 г. премьер-министр Моррисон в соцсети *WeChat* призвал китайскую общину АС сохранять

спокойствие на фоне обострения отношений Канберры и Пекина: «Вот уже более 200 лет австралийцы китайского происхождения вносят значительный вклад в развитие нашей страны. И впредь китайско-австралийская община будет играть ключевую роль в жизни общества, чтобы наша страна оставалась успешной мультикультурной нацией». Пост Моррисона за время своего существования набрал 57 тыс. просмотров, однако был удален администрацией сети, поскольку его содержание «вводит в заблуждение, включает необъективную информацию и искажает социальные и исторические факты»¹⁵².

Немудрено, что создавшееся положение породило новую тенденцию на Западе – переоценку роли КНР: все чаще звучат призывы и к более трезвому взгляду на эту страну. В 2020 г. известный австралийский политолог, дипломат, журналист и научный сотрудник Института Лоуи Алан Дюпон раскритиковал повальное увлечение КНР «в то время как торговля процветала, а сектор образования и туризма извлекал выгоду из притока китайских студентов и туристов». Ныне «вечеринка закончилась, и истинные издержки отношений очевидны» – чрезмерная зависимость от Китая в ущерб себе: «Изменился Китай, а не мы. Нет никаких особых отношений или стратегического партнерства». С учетом этого он призвал к «переосмыслению взаимозависимости» и «некоторому экономическому разделению»: «К сожалению, победа Китая слишком часто оборачивается потерей интересов, свобод и независимости других стран. Это не та цена, которую мы должны платить»¹⁵³. Известный австралийский журналист Грегори Шеридан предостерегал от непонимания КНР на Западе и силы китайской пропаганды: «Си часто говорит в квазирелигиозных тонах со своими людьми, особенно со своими солдатами, обещая им славное будущее и борьбу против врагов Революции и КПК. ... Не думайте, что китайские

коммунисты не верят в то, что они провозглашают. Люди с глубокими убеждениями, будь то друзья или враги, как правило, являются самыми грозными действующими лицами в истории»¹⁵⁴. Исследователи связывали обострение ситуации с личностью «параноидального» Си Цзиньпина, председателя Китая с 2013 г. и переходом к дипломатии «воин-волк», названной в честь ура-патриотического боевика 2017 г., ставшего ответом китайской киноиндустрии на «Рэмбо»: «Оглядываясь назад, можно сказать, что это был решающий момент в новом подходе Китая к Австралии. И это произошло за несколько лет до того, как Канберра запретила *Huawei* использовать свою сеть 5G, принятие законодательства, направленного против наглого вмешательства Китая в политическую систему Австралии, или призыв правительства Моррисона к расследованию Covid-19»¹⁵⁵. Обозреватели отмечали и то, что в последних своих выступлениях председатель Си заявил, что Пекин должен построить более сложную «стратегическую коммуникационную систему с четкими китайскими характеристиками», чтобы возглавить мировое общественное мнение: «Мы стремимся создать достойный доверия, привлекательный и респектабельный имидж Китая»¹⁵⁶. Однако далеко не все склонны доверять руководству КПК. В июле 2021 г. в ознаменование 100-летия КПК «главный штурман и рулевой», председатель Си Цзиньпин неоднократно использовал фразу «национальное омоложение», пообещав «развивать всестороннюю народную демократию, гарантировать социальную справедливость», а также отстаивать марксизм-ленинизм, власть КПК и «политическую лояльность вооруженных сил». Любой, кто попытается запугать Китай, «окажется на пути столкновения с великой стальной стеной, выкованной более чем 1,4 миллиардами китайцев». Использование экономических и силовых методов провозглашенной Си «неограниченной

войны» привело к провалу некоторых западных политиков построить «зрелые и сбалансированные отношения» с КНР при «режиме, полностью контролируемом тоталитарной партией, пытающейся взять под контроль мир», – подчеркнул британский журналист Чарльз Мур¹⁵⁷. Научный сотрудник Азиатского института Университета Гриффита Роуэн Каллик подчеркнул, что за последние 10 лет создающая свой «новый международный порядок» КНР стала «угрозой»: «Мы должны уделять пристальное внимание, а не вести жаркие споры между собой, что в целом способствует достижению целей Пекина»¹⁵⁸.

Однако без споров обойтись не получается. Нельзя сбрасывать со счетов и давление на Моррисона со стороны бизнеса. В 2020 г. общий товарооборот АС и КНР составлял более 210 млрд долл., и любое нарушение таких масштабных контрактов весьма болезненно для австралийской экономики. Промышленные магнаты из Западной Австралии (ЗА) Эндрю Форрест и Керри Стокес призывали премьер-министра отступить, чтобы не разрушать бизнес. Он ответил, что Австралия будет защищать свои ценности в диалоге с Китаем: «Когда речь идет о наших отношениях с Китаем, они строятся на взаимной выгоде»¹⁵⁹. Известный политолог Пол Келли в этой связи отмечал, что до сих пор основой «устойчивости Австралии было признание общественным мнением и большинством представителей делового сектора того, что экономика не может быть использована против национальной безопасности». Но теперь далеко не все разделяют этот подход. Во время визита в Перт в июне 2021 г. Моррисон встретился с лейбористским премьером ЗА Марком Макгоуэном, настроенным весьма агрессивно по отношению к позиции Канберры: «Я более прагматичен, я больше ориентируюсь на интересы Западной Австралии и рабочие места в штате. Мы продаем им буквально в 20 раз больше, чем покупаем

у них, и зачем подрывать это? ... Я премьер штата, который фактически везет на себе экономику страны ... Если мы потеряем наши торговые отношения с Китаем, экономические последствия для Австралии будут абсолютно катастрофическими»¹⁶⁰. За спиной Макгоуэна не только МИД КНР, приветствовавшее его заявление, но и мощные силы крупного бизнеса АС. Чего стоит одна Джина Райнхарт, богатейшая дама, чей капитал на июль 2021 составлял 22,7 млрд долл. и базировался, в том числе, на поставках угля в КНР¹⁶¹. И она далеко не одинока. В 2020 г. совокупное богатство 12 предпринимателей из числа лидеров бизнес-сообщества АС, имеющих непосредственное отношение к железорудным рудникам Западной Австралии, достигло 79,8 млрд долл. несмотря на все ограничения по ковиду, больно ударившие по экономике страны¹⁶². Все штаты АС также поддерживают тесные экономические отношения и диверсифицированную торговлю с Китаем.

Один из лидеров бизнес-сообщества АС Уорвик Смит отметил: «Мы понимаем позицию правительства. ... Мы хотим содействовать торговле и диалогу и считаем, что правительство поступает правильно». В течение последних лет Деловой совет Австралии проводил закрытые встречи с главами всех служб безопасности и ключевых департаментов в Канберре: внутренних дел, обороны, ASIO и Управления национальной разведки. Смит назвал эти брифинги «действительно полезными» и призвал установить правильный баланс: «Я говорю от имени бизнеса – давайте вести хороший диалог с нашими правительствами, давайте... поддерживать принципы безопасности, но давайте признаем, что мы зависим от одного из самых быстрорастущих экономических субъектов в мире, что окажет на нас большее влияние, а не меньшее». Если власти Виктории, скрепя сердце, согласились с отменой сделок с КНР, то остальные штаты без исключения сосре-

доточены на сохранении коммерческих связей¹⁶³. Иными словами, субъекты федерации предпочитают действовать в ином политико-экономическом контексте, что дает возможность Пекину оказывать через них давление на федеральное правительство.

Показательно и то, что в преддверии предстоящих в ближайшее время федеральных выборов в АС раздаются критические замечания о том, что «авторитет премьер-министра, хотя и остается значительным, был подорван», а в рядах его сподвижников уже нет уверенности, что он выйдет победителем в и этот раз¹⁶⁴. Правительство подвергается и грубым нападкам слева: «Охваченные кризисом отношения Австралии с Китаем продолжают выходить из-под контроля, поскольку Моррисон, похоже, считает, что, провоцируя Пекин, он может отвлечь внимание от внутренних политических проблем»; «неспособность премьер-министра справиться с обостряющимся кризисом в Китае – результат отсутствия у него политического здравого смысла, внутривнутриполитических соображений и отсутствия политического мужества»¹⁶⁵. В поддержку главы правительства выступили представители правых сил – как, например, движение «Вперед, Австралия», на своем сайте обрушившееся на про-китайских левых в то время, когда «Пекин направил межконтинентальные ракеты на Австралию, страну, которую вы любите». Досталось от них и премьеру штата ЗА Макгоуэну, «который считает себя дипломатическим гением» и называл предупреждения об угрозе, исходящей от КПК, «безумными». Ему припомнили и поддержку со стороны представителя МИД КНР Чжао Лицзяня, призвавшего правительство АС «прислушаться к этим конструктивным мнениям», и то, что премьер ЗА больше интересуется банковскими счетами своих товарищей-миллиардеров, чем национальными интересами. Всплыло и фото в китайском ресторане, где, Мак-

гоуэн генеральный консул КНР и лейбористские политики дружно «приветствовали Китай и Ухань» в феврале 2020 г.¹⁶⁶.

Таким образом, о безоговорочном единстве мнений относительно внешней политики в АС можно пока только мечтать.

Противостояние США и КНР, их борьба за мировое господство дали серьезный повод задуматься о складывающейся ситуации для политиков всех стран, и австралийских в первую очередь. Стало слишком очевидным, что крайне рискованно полагаться только на экономические интересы, пренебрегая вопросами элементарной безопасности и закрывая глаза на политические особенности партнера; такой подход слишком уязвим. Даже мощные финансовые потоки – главная привлекательная сторона КНР для АС – обернулись в наши дни средством грубого политического принуждения Австралии и подчинения ее воле КПК. Если с США Пекин ведет себя осторожно, то АС в его схеме – придаток сильного противника. Правительство Си Цзиньпина оказывает мощное давление на Канберру, применяя и массированные экономические санкции, и свое влияние на мировой арене. Козыри оказались в руках китайцев: торговые связи с КНР для АС гораздо важнее, чем закупка австралийских товаров для Китая, который наладил широкие коммерческие и политические связи по всему миру. И в этой китайской системе АС – всего лишь один из игроков, которым можно и пожертвовать ради доминирующей роли в мире. Не только культурные различия, но и немеренные амбиции и изворотливость лидеров КПК делают всестороннее плодотворное сотрудничество весьма затруднительным, а бизнес с КНР рискованным, ибо он самым тесным образом переплетается с поли-

тическим курсом и нажимом со стороны китайского руководства.

История взаимоотношений этих трех мировых держав показывает, что если и были у них периоды мирного сосуществования и взаимопонимания, то только либо в «дружбе против кого-то», либо на чисто коммерческой почве. Но по мере усиления борьбы за мировое первенство и роста возможностей и противоречий правящих классов КНР и США, с Австралией все меньше считаются, особенно в Пекине. Пройти между нынешними Сциллой и Харибдой – экономическими выгодами и национальной безопасностью – австралийским политикам очень трудно. Ведь речь идет о стране с федеративным устройством, где самым тесным образом переплетены экономические и политические интересы отдельных штатов, отраслей бизнеса, социальных группировок.

Клубок проблем, связанных с КНР, распутывать будет трудно. Если учесть, что следующие выборы в федеральный парламент АС должны состояться в ближайшем будущем, положение Ск. Моррисона и его правительства можно определить как достаточно сложное. Его жесткий внешнеполитический курс подвергается критике не только в КНР, но и внутри страны, когда все его политические оппоненты активно используют его трудности. В таких условиях многое будет зависеть и от того, удастся ли премьер-министру убедить сограждан в правильности избранного пути, и от возможных новых поворотов событий на мировой арене.

¹ См.: Иванов П.М. Австралия и Китай: История развития отношений. М.: Наука, 1984. 164 с.

² См.: Churchward L.G. Australia & America 1788–1972. An Alternative History. Sydney, APCOL, 1979.

- ³ Rising China: Power and Reassurance. Edited by Ron Huiskens. Published by ANU E Press, The Australian National University, Canberra, 2009. URL: https://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/cultural_diplomacy/Rising_China_-_Power_and_Reassurance_-_Ron_Huiskens.pdf.
- ⁴ Лексютин Я. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения, т. 64, № 6, 2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2020/6-t-64/china-domestic-and-foreign-policies/us-china-relations-in-20182019-trade-war-and-the-process-of-decoupling>
- ⁵ Лексютин Я.В. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Санкт-Петербург, 2012. URL: https://disser.spbu.ru/disser/%7Bzashiti_disser__id%7D/avtoref-Leksutina.pdf
- ⁶ The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. 5 August 2010. Transcript of the fourth annual Michael Hintze Lecture in International Security Delivered by Professor John Mearsheimer. 4 August 2010. URL: <https://www.sydney.edu.au/news/84.html?newsstoryid=5351>
- ⁷ Mackerras Colin. China and the Australia-U.S. Relationship. A Historical Perspective // Asian Survey, Vol. 54, № 2, March/April 2014 (pp. 223-246). URL: https://www.researchgate.net/publication/271409143_China_and_the_Australia-US_Relationship
- ⁸ URL: <http://www.abc.net.au/news/2016-08-21/china-australia-political-donations/7766654>
- ⁹ Promoting Chinese a necessity, not an option for Australia. 5 August 2016. Author: Jane Orton, University of Melbourne. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/08/05/promoting-chinese-a-necessity-not-an-option-for-australia/>
- ¹⁰ Why don't Australians study Chinese? 22 October 2016. Author: Mark Harrison, University of Tasmania. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/10/22/why-dont-australians-study-chinese/>
- ¹¹ Education and Research. URL: <http://aus.thechinastory.org/archive/education-and-research/>
- ¹² Academic Chongyi Feng: profits, freedom and China's 'soft power' in Australia. June 5, 2017. Chongyi Feng, Associate Professor in China Studies, University of Technology Sydney. URL: <https://theconversation.com/academic-chongyi-feng-profits-freedom-and-chinas-soft-power-in-australia-78751>

¹³ Австралия поняла, что попала в капкан китайских денег и теряет независимость. 03.12.2019. <https://china-today.ru/avstralija-ponjala-chto-popala-v-kapkan-kitajskih-deneg-i-terjaet-nezavisimost/>; Chinese Students and Scholars Association's deep links to the embassy revealed. Four Corners. By Mario Christodoulou, Sean Rubinsztein-Dunlop, Sashka Koloff, Lauren Day, Meghna Bali, Background Briefing. Updated 4 Nov 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-13/cssa-influence-australian-universities-documents-revealed/11587454>

¹⁴ Are Australian universities putting our national security at risk by working with China? Four Corners. By Sean Rubinsztein-Dunlop, Mario Christodoulou, Sashka Koloff, Lauren Day, Echo Hui, Background Briefing. Updated 4 Nov 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-14/chinese-communist-party-gtcom-connection-australian-universities/11586118>

¹⁵ Australian university offers Chinese students \$1,000 to return via third country. Colin Packham. World news. February 21, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-health-australia/australian-university-offers-chinese-students-1000-to-return-via-third-country-idUSKBN20F08A?il=0>

¹⁶ Chinese students accuse Australia of 'politically motivated' visa delays. By Bang Xiao and Michael Walsh. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-01-11/chinese-students-says-visa-delays-are-politically-motivated/11857796>

¹⁷ Chinese diaspora: Australia. By Phil Mercer. BBC News, Sydney URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4311063.stm>; Why Australian universities have upset Chinese students. By Gwyneth Ho. BBC Chinese. 5 September 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-41104634>

¹⁸ Протесты в Гонконге выплеснулись на улицы австралийских городов. 17.08.2019. URL: <https://www.unification.com.au/news/1566002001/>

¹⁹ Chinese Nationalists Bring Threat of Violence to Australia Universities. By Damien Cave. July 30, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/30/world/australia/hong-kong-china-queensland-protests.html>

²⁰ The Chinese Communist Party's power and influence in Australia. Four Corners. By Nick McKenzie, Richard Baker, Sashka Koloff and Chris Uhlmann. 4 Jun 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-06-04/the-chinese-communist-partys-power-and-influence-in-australia/8584270>

²¹ URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-13/cssa-influence-australian-universities-documents-revealed/11587454>

²² Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2019–2020 Annual Report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>

²³ Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. China country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief>

²⁴ См., например: Australian Matthew Ng jailed in China for embezzlement. 6 December 2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-16044612>

²⁵ Австралия поняла, что попала в капкан китайских денег и теряет независимость. 03.12.2019. URL: <https://china-today.ru/avstralija-ponjala-chto-popala-v-kapkan-kitajskih-deneg-i-terjaet-nezavisimost/>

²⁶ См., например: Chinese company Landbridge to operate Darwin port under \$506m 99-year lease deal. 14 Oct 2015. URL: <https://www.abc.net.au/news/2015-10-13/chinese-company-landbridge-wins-99-year-darwin-port-lease/6850870>

²⁷ Теория Дарвина. Как «паршивый порт» стал раздражителем в отношениях КНР, США и Австралии. 7 апреля 2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/07/darwinport/>

²⁸ Federal Government gives \$6 million to boost domestic gas supply to Chinese-owned Westside Corporation. Exclusive by Mark Willacy and Alexandra Blucher, ABC Investigations. Updated about 11 hours ago. URL: [http://www.abc.net.au/news/2018-04-24/landbridge-subsidiary-wins-\\$6m-gas-grant-for-domestic-lng-supply/9688304](http://www.abc.net.au/news/2018-04-24/landbridge-subsidiary-wins-$6m-gas-grant-for-domestic-lng-supply/9688304)

²⁹ America's spy chief reveals why China is national security threat No. 1. By John Ratcliffe. From The Wall Street Journal, December 4, 2020.

³⁰ U.S. Spy Chief Calls China Biggest Threat Since World War II. By Chris Strohm. 3 декабря 2020 г. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-03/u-s-spy-chief-calls-china-greatest-threat-since-world-war-ii>

³¹ См. подробнее: Лексютина Я. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга.

³² Prime Minister of Australia. The Hon Scott Morrison MP. URL: <https://www.pm.gov.au/>

³³ 19 things you need to know about Scott Morrison, Australia's new prime minister Daniella Brandy and Qayyah Moynihan, Business Insider Australia Aug 24, 2018. URL: <https://www.insider.com/19-things-to-know-about-australias-new-prime-minister-scott-morrison-2018-8>

³⁴ Как Канберра реализует роль региональной державы с глобальными интересами. 3 апреля 2019. Питер Теш. Бывший посол Австралии в Российской Федерации. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/interview/kak-kanberra-realizuet-rol-regionalnoy-derzhavy-s-globalnymi-interesami/

³⁵ Chinese media mocks Australia and Prime Minister in WeChat posts. By Steve Cannane and Echo Hui, ABC Investigations. 8 May 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-05-09/pm-targeted-by-chinese-communist-party-related-wechat-accounts/11092238>

³⁶ Australian-Chinese community outraged over Scott Morrison referring to Beijing as a 'customer'. By Iris Zhao, Jason Fang and Holly Robertson. 14 May 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-05-14/chinese-community-in-australia-reacts-scott-morrison-customers/11111186>

³⁷ Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2019–2020 Annual Report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>

³⁸ United States of America country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/united-states-of-america-country-brief>

³⁹ Australia Election Results: Prime Minister Scott Morrison Seizes a Stunning Win. By Damien Cave. May 18, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/18/world/australia/election-results-scott-morrison.html>

⁴⁰ Australian PM Scott Morrison slammed for 'doing Beijing's work for it' and mishandling China ties. URL: <https://www.scmp.com/news/asia/australasia/article/3032789/australian-pm-scott-morrison-slammed-doing-beijings-work-it>

⁴¹ Scott Morrison redefines our foreign policy, with a nod to firm ally Donald Trump. By Tony Walker. 8 Oct 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-08/scott-morrisons-trump-alliance-signals-foreign-policy-shift/11579578>

⁴² Despite being PM for more than a year, Scott Morrison has never been invited to China — why? By foreign affairs reporter Melissa Clarke. 18 Sep 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-18/scott-morrison-xi-jinping-invitation-to-china/11520794>

⁴³ Donald Trump and Scott Morrison on a unity ticket in their criticism of China. By political editor Andrew Probyn. 25 September 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-25/donald-trump-scott-morrison-on-unity-ticket-criticism-of-china/11545546>

⁴⁴ Scott Morrison takes aim at China, urging the Asian superpower to do more on trade obligations. 24 Sep 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-24/scott-morrison-calls-for-trade-overhaul-of-wto-system/11541522>

⁴⁵ Scott Morrison says China knows 'where Australia is coming from' after meeting Chinese Vice-President. The Conversation. By Michelle Grattan.

21 October 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-21/scott-morrison-meets-chinese-vice-president-in-jakarta/11622188>

⁴⁶ PM declines to condemn Trump speech. Samantha Maiden. November 5, 2020. URL: <https://www.news.com.au/world/north-america/us-politics/pm-declines-to-condemn-trump-speech/news-story/b34b3467fb4a1b17b4611da182d1bba7>

⁴⁷ As Scott Morrison struggles with 2050, climate leaders up the ante for 2030. The Conversation. By Michelle Grattan. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-04-23/scott-morrison-struggles-2050-climate-leaders-up-the-ante/100089318>

⁴⁸ Sheridan G. China, not the G7, is the real winner of Western climate politics // The Australian, June 17, 2021.

⁴⁹ Kelly P. Australia has shown great resilience in the face of China's aggression // The Australian. July 10, 2021.

⁵⁰ China warns Australian economy could 'suffer further pain' after reported export ban. By Erin Handley. 6 November 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-06/china-daily-warns-australia-economic-pain-export-ban/12857988>

⁵¹ China country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief>

⁵² 19 things you need to know about Scott Morrison, Australia's new prime minister.

⁵³ Despite being PM for more than a year, Scott Morrison has never been invited to China — why? By foreign affairs reporter Melissa Clarke. 18 Sep 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-18/scott-morrison-xi-jinping-invitation-to-china/11520794>

⁵⁴ China-based academic says Australia is naive to rely on US, after Morrison's comments on trade. By political reporter Amy Greenbank. 25 September 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-25/china-academic-responds-to-scott-morrison-trade-comments/11546900>

⁵⁵ China country brief.

⁵⁶ Hong Kong residents could be offered safe haven in Australia amid security law crackdown, PM Scott Morrison says. By Jordan Hayne, Stephen Dziedzic and Bang Xiao. 2 Jul 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-07-02/australia-considering-offering-safe-haven-to-hong-kong-residents/12415482>

⁵⁷ The faces of the Hong Kong 47 — Jailed and bailed under Beijing's national security law. By China correspondent Bill Birtles and Emily Clark. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-08/hong-kong-47-face-chinese-security-law/100264032>

⁵⁸ Китай следит за крупнейшими военными учениями под руководством Австралии и США. 17 июля 2021. URL: <https://riafan.ru/1487181-kitai-sledit-za-krupneishimi-voennymi-ucheniymi-pod-rukovodstvom-avstralii-i-ssha>

⁵⁹ Взломали правительство: кто стоит за кибератакой на Австралию. Отдел «Политика» 19.06.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/06/19_a_13123213.shtml

⁶⁰ Australia joins international community in blaming China for large scale Microsoft hack. By political reporter Jane Norman with wires. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-19/australia-us-uk-blame-china-for-microsoft-hack/100305934>

⁶¹ Профиль: Скотт Моррисон — премьер-министр Австралии, превративший пандемию в личный успех. Leonid Pasternak. URL: <https://tjournal.ru/stories/184740-profil-skott-morrison-premer-ministr-avstralii-prevrativshiy-pandemiyu-v-lichnyy-uspeh>

⁶² Australia's Export Exposure to China's Coronavirus Epidemic. Salvatore Babones. 18 February 2020. URL: <https://www.cis.org.au/publications/analysis-papers/australias-export-exposure-to-chinas-coronavirus-epidemic/>

⁶³ См. подробнее: Гарин А. Противоречия Австралии и КНР в условиях смены администрации в Соединенных Штатах. 08.02.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28999>

⁶⁴ МИД КНР не стал комментировать удаление администрацией WeChat сообщения премьера Австралии. 03.12.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10161741>

⁶⁵ What's going wrong with our trade with China? Why are our exports being suspended? By national rural reporter Kath Sullivan. 5 November 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-06/china-trade-tensions-export-suspensions-australia-explained/12853022>

⁶⁶ China warns Australian economy could 'suffer further pain' after reported export ban. By Erin Handley. 6 November 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-06/china-daily-warns-australia-economic-pain-export-ban/12857988>

⁶⁷ Китай наказал Австралию за верность США. 20.12.2020. URL: <https://news-front.info/2020/12/20/kitaj-nakazal-avstraliyu-za-vernost-ssha>

⁶⁸ Britain must block sale of tech companies to China, says Tony Abbott. By Louis Ashworth. The Telegraph, 28 July 2021. URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/2021/07/28/britain-must-block-sale-tech-companies-china-says-tony-abbott/>

⁶⁹ China's new digital front has caught the world napping. Eryk Bagshaw China correspondent. November 27, 2020. URL: <https://www.smh.com.au/business/the-economy/china-s-new-digital-front-has-caught-the-world-napping-20201124-p56hkh.html#comments>

⁷⁰ Australia 'will always be Australia,' PM Scott Morrison responds to China grievances. Nov 19, 2020. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/australians/australia-acts-in-its-own-interests-says-pm-scott-morrison-in-response-to-chinas>

⁷¹ «Жвачка, налипшая на ботинок Китая». Пекин развязывает против Запада ответную войну слов. "Коммерсантъ", 13.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4343368>

⁷² Хуаньцю шибао (Китай): у США много союзников, почему же самым антикитайским является Австралия? 29.12.2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20201229/248844744.html>

⁷³ Australia provokes China anger over scrapped deals. 22 April 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-56840299>

⁷⁴ What is China's Belt and Road Initiative and what were the four deals the federal government tore up? By Tim Callanan. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-04-22/what-was-in-victoria-belt-and-road-deal-with-china/100086224>

⁷⁵ Victoria deepens engagement with Beijing's controversial Belt and Road initiative. By state political reporter Richard Willingham and China correspondent Bill Birtles. 24 October 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-24/victoria-deepens-links-with-china-controversial-belt-and-road/11636704>

⁷⁶ Australia provokes China anger over scrapped deals.

⁷⁷ "Мы не дойная корова": Китай обещает отомстить Австралии. Автор Любовь Степушова. 22.04.2021. URL: https://www.pravda.ru/world/1613319-china_australia/

⁷⁸ Китай заморозил сотрудничество с Австралией в рамках экономического диалога. 6 мая 2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/764852>

⁷⁹ China 'indefinitely' suspends key economic dialogue with Australia. 6 May 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/business-57004797>

⁸⁰ Google угрожает закрыть поисковик в Австралии из-за закона о СМИ. 23.01.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55771276>

⁸¹ Google пригрозила отключить поисковую систему в Австралии. 22.01.2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/10521211?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁸² США поддержат Австралию, замещая ее на китайском рынке топлива? 14.05.2021. Денис Давыдов. URL: <https://teknoblog.ru/2021/05/14/111721>

⁸³ Kelly P. Australia has shown great resilience in the face of China's aggression // The Australian. July 10, 2021.

⁸⁴ Говяжьи интриги: как ссора Австралии и Китая поможет Европе. Почему Евросоюзу выгоден конфликт Австралии и Китая. Отдел «Политика». 02.06.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/06/02_a_13104895.shtml

⁸⁵ Trade minister Dan Tehan attacked by allies of UK counterpart Liz Truss. Staff writers. April 22, 2021. URL: <https://www.news.com.au/world/europe/uk-politics/trade-minister-dan-tehan-attacked-by-allies-of-uk-counterpart-liz-truss/news-story/3c38bd58b8db283a277508627f332f0b>

⁸⁶ Australia's free trade deal with UK will make it easier to work in both countries. Angie Raphael. NCA NewsWire. June 15, 2020. URL: <https://www.news.com.au/finance/economy/australian-economy/australias-free-trade-deal-with-uk-will-make-it-easier-to-work-in-both-countries/news-story/e634747bc72a8ab45439c58633a9dda7>

⁸⁷ Britain must block sale of tech companies to China, says Tony Abbott. By Louis Ashworth. The Telegraph, 28 July 2021. URL: <https://www.telegraph.co.uk/business/2021/07/28/britain-must-block-sale-tech-companies-china-says-tony-abbott/>

⁸⁸ India's 1.3b people could be Australia's next great trading hope. By business reporter Daniel Ziffer. 26 Apr 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-04-26/india-as-australias-next-great-trading-hope/11048460>

⁸⁹ Australia signs Regional Comprehensive Economic Partnership, the world's largest trade deal. By political reporter Matthew Doran and staff. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-15/australia-joins-signing-of-worlds-largest-trade-deal/12885666>; Call for Australia to join Asia in coordinated approach to recovering from coronavirus. By Max Walden. 3 June 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-06-03/coronavirus-calls-for-australia-asia-economy-post-covid-19/12307646>

⁹⁰ Secret China plot to declare the Great Barrier reef as ecologically 'in danger' threatens to wipe \$6billion from the Australian economy and destroy 60,000 jobs. By Levi Parsons For Daily Mail Australia. 22 June 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9708963/Beijing-threatens-destroy-Great-Barrier-Reef-economy-Chinese-plot.html>

⁹¹ World Heritage Committee agrees not to place Great Barrier Reef on 'in danger' list. 23 July 2021. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/23/world-heritage-committee-agrees-not-to-place-great-barrier-reef-on-in-danger-list>

⁹² Китай подал иск в ВТО против Австралии из-за антидемпинговых мер. 24.06.2021. URL: https://www.advis.ru/php/view_news.php?id=E1344483-2A22-4949-8E2B-D1A624E88ACE

⁹³ China makes HUGE move against Australia by referring us to the World Trade Organisation over 'sinks, railway wheels and wind towers'. By Aidan Wondracz For Daily Mail Australia and Reuters Published. 25 June 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9723345/China-takes-Australia-World-Trade-Organisation-sinks-railway-wheels-wind-towers.html>

⁹⁴ Beijing complains to WTO over Australia's 'wrong practices,' citing historic moves against Chinese products. 24 Jun, 2021. URL: <https://www.rt.com/news/527445-china-australia-canberra-wto/>

⁹⁵ The Afghanistan war crimes report is a nasty but necessary reckoning of a shameful recent history. By political editor Andrew Probyn. 19 November 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-19/afghanistan-war-crime-report-necessary-reckoning-of-history/12899984>

⁹⁶ Девять австралийских солдат покончили с собой после публикаций об убийствах в Афганистане. Анна Светлова. 23.11.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/11/23/15265333.shtml>

⁹⁷ Scott Morrison demands apology from China over 'repugnant' tweet showing Australian soldier threatening to kill child. By foreign affairs reporter Stephen Dziedzic and political reporter Jane Norman. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-30/china-fake-image-australian-war-crimes-afghanistan-tensions/12934538>

⁹⁸ Who IS Australia's Chinese troll? How 'wolf warrior' diplomat has built a career out of inflammatory tweets including horrific post about Afghan killings - and why there's more to come. By Daniel Piotrowski For Daily Mail Australia. Published, 1 December 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9003669/Lijian-Zhao-Chinese-diplomat-attacking-Australia-inflammatory-tweets.html>

⁹⁹ China refuses to apologise for doctored image of Australian soldier tweet-ed by government official. By political reporter Matthew Doran. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-11-30/chinese-government-refuses-apology-image-australian-soldier/12936154>

¹⁰⁰ China-Australia ties sink to 50-year low after Zhao Lijian's tweet // The Australian, December 1, 2020.

¹⁰¹ Scott Morrison announces withdrawal of Australian troops from Afghanistan. By political reporter Georgia Hitch. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-04-15/scott-morrison-announces-withdraw-australian-troops-afghanistan/100071606>

¹⁰² См. подробнее: Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН. М., 2019.

¹⁰³ South China Sea: Former CIA director David Petraeus says Australia must 'be firm' with China. By political reporter Jane Norman. 24 Jun 2017.

URL: <https://www.abc.net.au/news/2017-06-24/david-petraeus-says-australia-must-be-firm-on-south-china-sea/8648704>

¹⁰⁴ Позиции США и Австралии касательно политики КНР в Южно-Китайском море. 29 июля 2020. URL: <https://riafan.ru/1297643-pozicii-ssha-i-avstralii-kasatelno-politiki-kr-v-yuzhno-kitaiskom-more>

¹⁰⁵ Китай следит за крупнейшими военными учениями под руководством Австралии и США. 17 июля 2021. URL: <https://riafan.ru/1487181-kitai-sledit-za-krupneishimi-voennymi-ucheniymi-pod-rukovodstvom-avstralii-i-ssha>

¹⁰⁶ Японские эксперты оценили шансы на победу в противостоянии ВМС Китая и США. АРМИЯ. 01 июня 2021. Автор: Аглая Чайковская URL: https://politros.com/210203-yaponskie-eksperty-ocenili-shansy-na-pobedu-v-protivostoyanii-vms-kitaya-i-ssha?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹⁰⁷ Австралия как «средняя держава»: военно-стратегическое измерение. 4 сентября 2014. Андрей Губин. К.полит.н., руководитель Азиатско-Тихоокеанского центра РИСИ, доц. кафедры международных отношений ДВФУ, эксперт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/avstraliya-kak-srednyaya-derzhava-voenno-strategicheskoe-izm/>

¹⁰⁸ Dupont A. China's maritime power trip. The Australian, 24 May 2014. URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/dupont_chinas_maritime_power_trip_0.pdf

¹⁰⁹ Australian Government. Department of Defence. The Defence Annual Report 2019-20. URL: https://www.defence.gov.au/annualreports/19-20/DAR_2019-20_Complete.pdf

¹¹⁰ «В русле американской политики»: зачем Австралия наращивает свой оборонный потенциал. 26 января 2021. Надежда Алексеева, Елизавета Комарова. URL: <https://russian.rt.com/world/article/825684-avstraliya-vooruzheniya-sderzhivanie>

¹¹¹ Hryce Gr. As Australia-China crisis intensifies, it's extremely dangerous that PM believes he's doing 'God's work' (remember Blair & Iraq?). 3 May, 2021. <https://www.rt.com/op-ed/522804-china-australia-morrison-crisis/>

¹¹² См.: Пале С.Е. Потеснит ли Китай Австралию в Южнотихоокеанском регионе? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV. М.: ИВ РАН, 2010. С. 62–70; Пале С.Е. Китай в Океании // Азия и Африка сегодня. № 9 (686), 2014. С. 14–18.

¹¹³ Scott Morrison says China knows 'where Australia is coming from' after meeting Chinese Vice-President. The Conversation. By Michelle Grattan. 21 October 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-21/scott-morrison-meets-chinese-vice-president-in-jakarta/11622188>

- ¹¹⁴ Коала между драконом и орлом. Прохор Тебин, К.полит.н., независимый военный эксперт, эксперт РСМД. 07 ноября 2013. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2645#top-content
- ¹¹⁵ Китай готов к ракетным ударам по Австралии в случае её вмешательства в конфликт на стороне Тайваня. 12.05.2021 URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/05/12/kitaj-gotov-k-udaram-po-avstralii-v-sluchae-ee-vmeshatelstva-v-konflikt-na-tajvane-53555.html>
- ¹¹⁶ Коала между драконом и орлом.
- ¹¹⁷ Как Канберра реализует роль региональной державы с глобальными интересами. 3 апреля 2019. Питер Теш. Бывший посол Австралии в Российской Федерации. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-kanberra-realizuet-rol-regionalnoy-derzhavy-s-globalnymi-interesami/>
- ¹¹⁸ Китайский военный эксперт предупредил "волчью стаю" во главе с США. 09.03.2021. URL: https://military.pravda.ru/news/1599875-china_usa/ 08.03.2021
- ¹¹⁹ Victoria deepens engagement with Beijing's controversial Belt and Road initiative. By state political reporter Richard Willingham and China correspondent Bill Birtles. 24 October 2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-10-24/victoria-deepens-links-with-china-controversial-belt-and-road/11636704>
- ¹²⁰ Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? 28 мая 2018. Андрей Кортюнов, К.и.н., генеральный директор и член Президиума РСМД, член РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>
- ¹²¹ Bushfires stopped Scott Morrison from going to India, but will his absence matter? By foreign affairs reporter Melissa Clarke. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-01-19/why-was-scott-morrison-going-to-new-delhi/11875952>
- ¹²² Second Chinese spy ship approaches Australia to monitor military exercises after being 'on our radar for some time'. By Defence Correspondent Andrew Greene. 17 Jul 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-18/second-chinese-spy-ship-australia-monitor-military-exercises/100302198>
- ¹²³ Chinese Navy spy ship rattles Talisman Sabre war games off Queensland coast. Exclusive by Defence reporter Andrew Greene. 22 Jul 2017. URL: <https://www.abc.net.au/news/2017-07-22/chinese-navy-spy-ship-rattles-talisman-sabre-war-games-off-que-8732944>
- ¹²⁴ Chinese general tours Defence facilities, South China Sea dispute on agenda. By defence reporter Andrew Greene. 19 Jul 2017. URL:

<https://www.abc.net.au/news/2017-07-19/chinese-general-tours-defence-facility-south-china-sea/8725294>

¹²⁵ Китай готов к ракетным ударам по Австралии в случае её вмешательства в конфликт на стороне Тайваня. 12.05.2021 URL:

<https://www.fondsk.ru/news/2021/05/12/kitaj-gotov-k-udaram-po-avstralii-v-sluchae-ee-vmeshatelstva-v-konflikt-na-tajvane-53555.html>

¹²⁶ Major plan to build a US standing force on Australia's doorstep to take on China - and Aussie troops, ships and bases could all be asked to sign up.

By Levi Parsons for Daily Mail Australia. 20 June 2021. URL:

<https://www.dailymail.co.uk/news/article-9705401/US-plan-build-standing-force-Australias-doorstep-China.html>

¹²⁷ Об этапах формирования, составе и роли китайской диаспоры подробнее см. подробнее: Скоробогатых Н.С. Особенности китайского присутствия в Австралийском Союзе // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. Ежегодник 2020 (Выпуск 3) / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 352-365.

¹²⁸ The Chinese Communist Party's power and influence in Australia. Four Corners. By Nick McKenzie, Richard Baker, Sashka Koloff and Chris Uhlmann. 4 Jun 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-06-04/the-chinese-communist-partys-power-and-influence-in-australia/8584270>

¹²⁹ The Chinese Communist Party's power and influence in Australia...

¹³⁰ См.: Nuclear secrets and deadly coffees: A look at Australian fake news on Chinese social media. By Danielle Li, Xiaoning Mo, Bang Xiao, and Michael Walsh. URL: <http://www.abc.net.au/news/2018-07-21/nuclear-secrets-and-deadly-coffee-australian-fake-news-on-social/10002246>; WeChat: Chinese social media app reaches 1 billion monthly users, makes waves in Australia. By Jack Kilbride, wires. 7 Mar 2018. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-03-07/wechat-reaches-one-billion-monthly-users/9523278>

¹³¹ Celebrating Chinese Australian History – a Timeline 1829 to 2017. October 11, 2019. Rodney. URL: <https://welcometochina.com.au/celebrating-chinese-australian-history-a-timeline-1829-to-2017-5689.html>

¹³² См.: Chinese donors to Australian political parties: who gave how much? By political editor Chris Uhlmann, defence reporter Andrew Greene and political reporter Stephanie Anderson. 21 Aug 2016. URL: <http://www.abc.net.au/news/2016-08-21/china-australia-political-donations/7766654>

¹³³ Who is Gladys Liu, and why is she making headlines? 19 September 2019. By Shalailah Medhora. URL: <https://www.abc.net.au/triplej/programs/hack/who-is-mp-gladys-liu/11528352>

¹³⁴ Gladys Liu called to relax foreign investment before she became an MP. Ben Graham. September 14, 2019. URL: <https://www.news.com.au/national/politics/gladys-liu-called-to-relax-foreign-investment-before-she-became-an-mp/news-story/2e4bafba5751d6877f87871f20e4fc6b>

¹³⁵ URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-06-05/asio-china-spy-raid/8589094>

¹³⁶ Hong Kong-born Australian MP Gladys Liu under pressure to explain links to Chinese groups. URL: <https://www.scmp.com/news/asia/australasia/article/3026684/gladys-liu-hong-kong-born-australian-mp-under-pressure>

¹³⁷ О нем и связанном с ним скандале в 2016–2017 гг. см, например: Sam Dastyari steps down from Labor frontbench after accepting money from Chinese donors. By political reporter Uma Patel. 7 Sep 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-09-07/sam-dastyari-steps-down-from-labors-front-bench/7823970>; Senate rushes through foreign interference legislation before by-elections across the country. By political reporter Matthew Doran. 28 June 2018. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-06-28/foreign-interference-legislation-passes/9914480>

¹³⁸ China furious, as Government and Labor unite on barriers against foreign interference. The Conversation. By Michelle Grattan. 8 June 2018. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-06-08/china-angry-australian-anti-espionage-laws-political-unity/9848116>

¹³⁹ Sheri Yan, jailed for bribing UN official, was target of secret ASIO raid in 2015. Four Corners. By Nick McKenzie, Chris Uhlmann, Richard Baker and Daniel Flitton. 6 Jun 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-06-05/sheri-yan-suspected-of-being-spy-secret-asio-raid/8585278>

¹⁴⁰ 'He is loyal to his country': Wife defends former intelligence officer. By Kirsty Needham. October 24, 2019. URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/he-is-loyal-to-his-country-wife-defends-former-intelligence-officer-20191024-p533xu.html>

¹⁴¹ Is racism worsening Australia's China influence row? By Trevor Marshallsea Sydney. 22 June 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-44516301>

¹⁴² URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-06-05/sheri-yan-suspected-of-being-spy-secret-asio-raid/8585278>

¹⁴³ 'Male, pale and stale': Chinese diaspora frustrated at Australian elite. Kirsten Lawson. February 14 2020. URL: <https://www.canberratimes.com.au/story/6631341/male-pale-and-stale-chinese-diaspora-frustrated-at-australian-elite/>

¹⁴⁴ См.: Скоробогатых Н.С. Австралийские правые как отражение протеста «молчаливого большинства» / Социальный протест на Востоке и

Западе: взгляд из Сибири: всерос. науч. конф. (Иркутск, 12 мая 2017 г.): материалы / [редкол.: С.И. Кузнецов [и др]]. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. – (Биб-ка исторического факультета), С. 92–104.

¹⁴⁵ См.: Hamilton Cl. Silent Invasion. China's influence in Australia. Melbourne, Hardie Grant Books, 2018.

¹⁴⁶ Chinese agents are undermining Australia's sovereignty, Clive Hamilton's controversial new book claims. By Dylan Welch. 22 Feb 2018. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-02-22/book-reveals-extent-of-chinese-influence-in-australia/9464692>

¹⁴⁷ URL: <http://www.abc.net.au/news/2018-03-02/chinese-government-media-cite-australian-critics-denounce-book/9504146>

¹⁴⁸ DFAT boss warns international students to resist Chinese Communist Party's 'untoward' influence. By Defence reporter Andrew Greene. 9 Oct 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-10-09/universities-warned-to-resist-chinese-communist-party-influence/9030372>

¹⁴⁹ China and the Difficulties of Dissent. Quillette, AUGUST 5, 2019. By Simon Leitch. URL: <https://quillette.com/2019/08/05/china-and-the-difficulties-of-dissent/>

¹⁵⁰ Inside China's vast influence network – how it works, and the extent of its reach in Australia. August 14, 2019. September 11, 2019. Gerry Groot, Senior Lecturer in Chinese Studies, University of Adelaide. URL: <https://theconversation.com/inside-chinas-vast-influence-network-how-it-works-and-the-extent-of-its-reach-in-australia-119174>

¹⁵¹ Chinese-Australian council worried foreign interference laws will lead to 'scapegoating'. By Xiaoning Mo. URL: <http://www.abc.net.au/news/2018-02-25/chinese-australian-council-has-foreign-interference-law-concerns/9473616>

¹⁵² МИД КНР не стал комментировать удаление администрацией WeChat сообщения премьера Австралии. 03.12.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10161741>

¹⁵³ Dupont A. China's rise not as certain as they'd have us believe. // The Australian, June 16, 2020.

¹⁵⁴ Xi Jinping's deity-like role in China makes him an actor to be feared. Greg Sheridan. // The Australian, July 1, 2021.

¹⁵⁵ Wolves in the weeds as Beijing's harsh diplomacy backfires. By Will Glasgow. // The Australian. June 12, 2021.

¹⁵⁶ Didi Tang. Xi plots propaganda war to make China 'loveable'. // The London Times, June 3, 2021.

¹⁵⁷ Moore Charles. If the West wants to protect itself, it must face up to the reality of China. // London Daily Telegraph. 2 July 2021.

¹⁵⁸ Rowan Callick. Don't blame us, it's Beijing forcing a new world order. // The Australian. June 1, 2021.

¹⁵⁹ Торговые противоречия Китая и Австралии. Владимир Кузьмин. 19.05.2020. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1589880683/>

¹⁶⁰ Kelly P. Australia has shown great resilience in the face of China's aggression // The Australian. July 10, 2021.

¹⁶¹ #70 Gina Rinehart. URL: <https://www.forbes.com/profile/gina-rinehart/?sh=1088882f2db7>; Почему богатейший человек Австралии не хочет отдавать свой бизнес детям. 06.11.2012. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/194202-pochemu-bogateishii-chelovek-avstralii-ne-hochet-otdavay-svoi-biznes-detyam>

¹⁶² Rich List 2020 marks the rise of the ore-ligarchs. Julie-anne Sprague Rich List editor. Oct 29, 2020. URL: <https://www.afr.com/rich-list/rich-list-2020-marks-the-rise-of-the-ore-ligarchs-20200917-p55wmp>

¹⁶³ Kelly P. Australia has shown great resilience in the face of China's aggression.

¹⁶⁴ As Scott Morrison struggles with 2050, climate leaders...

¹⁶⁵ Hryce Gr. As Australia-China crisis intensifies, it's extremely dangerous that PM believes he's doing 'God's work' (remember Blair & Iraq?). 3 May, 2021. URL: <https://www.rt.com/op-ed/522804-china-australia-morrison-crisis/>

¹⁶⁶ Beijing Threatens Australia with Missile Attack, Applauds McGowan's Big Cry. July 28, 2021. URL: https://www.advanceaustralia.org.au/beijing-threatens_australia_with_missile_attack?utm_campaign=2021_07_30_weekly_ews&utm_medium=email&utm_source=advanceaustraliaorgau

Глава 11. КИТАЙ, ЮЖНАЯ КОРЕЯ И ЯПОНИЯ В ОРБИТЕ ИНТЕРЕСОВ АВСТРАЛИИ*

Государства Северо-Восточной Азии больше полувека занимают одно из центральных мест во внешней политике Австралии. Самыми первыми странами, в которых Австралия открыла свое представительство (помимо Великобритании) были Китай (1941 г.) и Япония (1952 г.). С конца Второй мировой войны Канберра стала уделять все большее внимание экономическим и политическим контактам со странами региона. Благодаря этому к настоящему времени сложилась обширная сеть политических и экономических взаимоотношений, которые связывают Австралию со странами Северо-Восточной Азии. В основе этих отношений лежат экономические интересы. На данный момент три государства Северо-Восточной Азии (Китай, Южная Корея и Япония) входят в топ-5 крупнейших торговых партнеров Канберры. Кроме того, страны региона являются важным источником инвестиций в экономику Австралии (в частности, Китай и Япония), а также источником рабочих мигрантов и туристов.

Экономический рост Китая и усиливающееся китайско-американское противостояние в обозримом будущем также будут влиять на отношения Австралии и стран Северо-Восточной Азии. В целом, стабильность в Северо-Восточной Азии, а также поддержание прочных отноше-

* Сведения об авторе: Каткова Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, Россия, Москва. katkova-eyu@rudn.ru

ний между Австралией и странами региона является важной задачей австралийской внешней политики, особенно в период быстрых и кардинальных изменений, подобных тем, через которые сейчас проходит международная система. Отношения со странами региона важны и с точки зрения австралийско-американского альянса. Рост Китая, развитие программ противоракетной обороны, Тайваньский вопрос, территориальные споры в Восточно-Китайском море, ядерная программа Северной Кореи, а также рост азиатского экономического регионализма – это сферы, в которых пересекаются интересы многих стран. В Белой книге Австралии по безопасности 2016 г. отмечается, что «мир и безопасность в Северо-Восточной Азии жизненно важны [для Австралии], однако способность в одиночку влиять на события ограничена»¹. В связи с этим, возрастает значимость координации с США и их союзниками в регионе по данным вопросам.

Итак, Северо-Восточная Азия является важным регионом для австралийской национальной безопасности, внешней политики и экономики, и в обозримом будущем основным средством продвижения интересов Австралии в этом неоднородном регионе будут двусторонние связи с Китаем, Южной Кореей и Японией.

Австралийско-китайские отношения занимают центральное место в азиатском направлении внешней политики Австралии, однако за последние два года произошел резкий поворот с конструктивного сотрудничества в сторону нарастания конфронтации. Нестабильность политических контактов является перманентным состоянием австралийско-китайских взаимоотношений, однако она никогда не оказывала такого сильного негативного влияния на экономическое сотрудничество двух стран.

Австралийско-китайские отношения достигли пика в 2007 г. при Дж. Говарде и с тех пор постепенно ухудша-

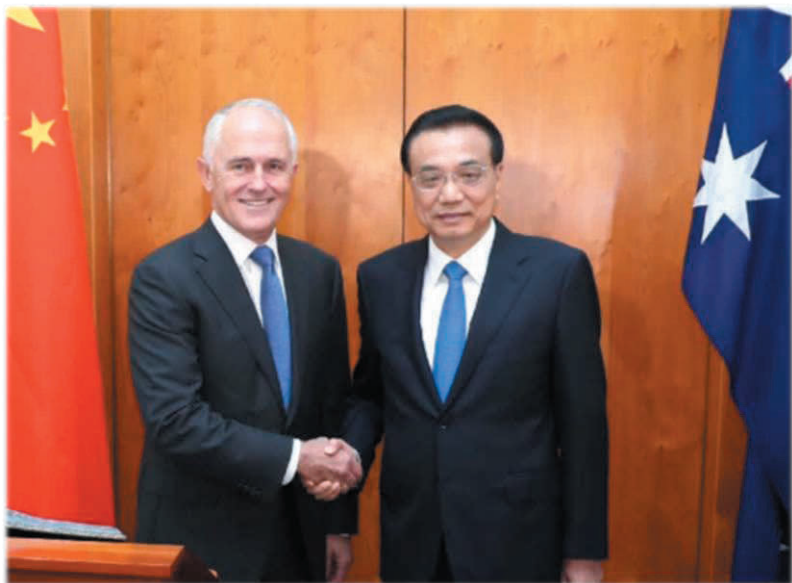
лись, за исключением короткого периода администрации Дж. Гиллард (2010–2013 гг.), когда отношения стабилизировались и отличались отсутствием сильных политических потрясений. Точкой ускорения нарастания напряженности между странами можно считать 2013 г., когда совпало сразу два тренда. В Китае к власти пришел Си Цзиньпин, выбравший курс на консолидацию власти и усиление роли КПК во всех значимых политических, экономических и социальных аспектах жизни КНР, что нашло свое отражение и во внешней политике Китая. В этом же году был анонсирован запуск инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), что послужило триггером к началу активной фазы конкуренции КНР и США за лидерство в мире.

В то же время, в Австралии в 2013 г. к власти пришла Либеральная Коалиция, выбравшая в качестве своего приоритета отношения с США и их союзниками в Азии². Однако несмотря на выбранный курс, Австралия старалась не вызывать гнев Китая, придерживаясь своей давней политики хеджирования между двумя важнейшими партнерами – КНР и США. Поддержания стабильных отношений с КНР требовали и экономические круги, поэтому после отказа от предложения Пекина присоединиться к инициативе ОПОП в 2014 г. (которое, впрочем, осудили как в Австралии, так и в Китае) Австралия все же присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в 2015 г, а с 2017 г. по мере развития и охвата все большего количества стран, в Канберре началось обсуждение возможного участия Австралии в проектах ОПОП. О серьезности этих намерений можно говорить по заявлениям, которые делали видные австралийские политики. В частности, в интервью журналистам в преддверии форума ОПОП в Пекине в мае 2017 г. тогдашний министр экономики С. Чобо заявил, что «у австралийских предприятий

есть много возможностей для участия [в инфраструктурных проектах в рамках ОПОП], как в Китае, так и в третьих странах. Очевидно, что ряд проектов будет реализован»³. В августе 2018 г., выступая в Университете Нового Южного Уэльса тогдашний премьер-министр М. Тернбулл, выразив поддержку словам С. Чобо, подчеркнул: «Мы надеемся на сотрудничество с Китаем по проектам инициативы ОПОП, и, оценив их достоинства, мы пришли к выводу, что они соответствуют нашим целям, стандартам и приоритетам»⁴. В 2018 г. в интервью китайской газете *Caixin* премьер-министр С. Моррисон, отвечая на вопрос журналиста, заявил, что «Австралия приветствует потенциальный вклад инициативы ОПОП в удовлетворение инфраструктурных потребностей региона, и ... заинтересована в укреплении взаимодействия с Китаем в развитии региональной торговли и инфраструктуры, которые соответствуют международным стандартам управления и прозрачности»⁵. Выгодность участия в ОПОП подчеркивали и лейбористы, критиковавшие либеральную администрацию за медлительность в принятии решения по присоединению Австралии к проекту.

Несмотря на серьезные намерения и заметные экономические выгоды администрация М. Тернбулла побоялась сделать решающий шаг и отвергла предложение Китая подписать меморандум о сотрудничестве в рамках ОПОП, сделанное во время визита премьер-министра КНР Ли Кэцяна в Австралию в 2017 г. Вместо этого стороны подписали более нейтральный Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках ОПОП в третьих странах. Однако примечательно, что Канберра отказалась публиковать текст документа, сославшись на отказ Пекина обнародовать документ⁶. В связи с этим сложно сказать о заявленной в нем степени вовлечения австралийских компаний в китайскую инициативу, однако четко прослежи-

вается желание Канберры, хоть и с опаской, принять участие в данном проекте.

Премьер-министр Австралии М. Тернбулл и премьер-министр КНР Ли Кэцян. Канберра, Австралия 23 марта 2017 г.

Фото: ИА Синьхуа

На протяжении 2017–2018 гг. в австралийском обществе не утихали дискуссии вокруг ОПОП. С одной стороны, участие в нем сулило большие финансовые выгоды, с другой стороны, источниками беспокойства были множество факторов, которые в конечном счете не позволили Австралии присоединиться к ОПОП. В частности, Канберру беспокоила реакция Вашингтона, который в 2018 г. начал политику по возвращению в Азию, инициировав собственную Индо-Тихоокеанскую стратегию, призванную конкурировать с ОПОП. Кроме того, в этот год началась торговая война между США и КНР, вызванная глобальным соперничеством двух сверхдержав, в связи с чем

кардинальное решение о поддержке китайского проекта ближайшим союзником США в Азии грозило серьезными последствиями. Помимо этого, Австралию отталкивала недемократичность проекта. Во-первых, это непрозрачность принятия решений о финансировании или отклонении проектов в рамках ОПОП. Во-вторых, отсутствие конкретных предложений со стороны Китая о совместных проектах. И, в-третьих, Австралия, как и другие западные страны, всерьез задумывалась о геостратегических последствиях ОПОП, в частности, о долговой зависимости стран-реципиентов от Китая и о месте США и их союзников в будущей мировой финансовой и международной системах. Так, директор Австралийского института стратегической политики П. Дженнингс раскритиковал сторонников ОПОП, отметив, что они слишком сосредоточены на экономических выгодах, но при этом игнорируют растущую стратегическую неопределенность в АТР. Китай стремится не к «оздоровлению региона, ... а к продвижению стратегических интересов во всем мире»⁸. Беспокойство о «перетягивании одеяла» Китаем на себя в связи с расширением ОПОП выразил глава Восточноазиатского бюро экономических исследований Австралийского национального университета П. Дрисдейл, который подчеркнул, что все страны мира получают большие выгоды от ОПОП в случае, если в рамках инициативы будет присутствовать элемент «коллективного лидерства»⁹.

Тем не менее, в 2017–2018 г. руководство в Канберре довольно позитивно высказывалось в отношении ОПОП. Уловив эти настроения, в октябре 2018 г. премьер-министр штата Виктория, лейборист Д. Эндрюс пошел на рискованный шаг и подписал с Китаем Меморандум о сотрудничестве в рамках Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, что фактически означало присоединение к ОПОП. Документ не содержал

никакой конкретики, кроме того, что «Государственный комитет по делам развития и реформ отвечает за макроэкономическое и комплексное экономическое управление, в то время как правительство штата Виктория занимается развитием наукоемких отраслей и сектором услуг»¹⁰. Это довольно типичный документ о намерении сотрудничества без указания конкретных проектов, с расплывчатыми формулировками, который был в конечном счете одобрен Министерством иностранных дел и торговли Австралии. Через год, в октябре 2019 г. стороны в дополнение к меморандуму подписали Рамочное соглашение о совместном продвижении Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Этот документ содержал больше конкретики, в частности, в нем сказано, что: китайские фирмы будут участвовать в программах строительства инфраструктуры в штате Виктория; Китай обязуется содействовать участию австралийских фирм в совместных проектах в третьих странах; кроме того, стороны договорились о совместных исследованиях в области высоких технологий и поощрении развития торговли¹¹.

Подписание рамочного соглашения вызвало бурю негодования в австралийском обществе и политических кругах в Канберре. Оно было подписано в неблагоприятное время на фоне ужесточения китайско-американской конфронтации, протестов в Гонконге, пугающих сообщений из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и общего снижения доверия австралийцев к Китаю. В частности, в опросе австралийской газеты *Sydney Morning Herald* 2018 г. на вопрос «Должна ли Австралия поддерживать китайскую инициативу “Один пояс, один путь” отрицательно ответили чуть больше половины опрошенных¹², в то время, как в опросе Института Лоуи 2019 г. 74% респондентов ответили, что считают, что Австралия слишком сильно экономически зависит от Китая, более ¾

населения заявили, что “Австралия должна противостоять военной деятельности Китая в регионе, даже если это повлияет на экономические отношения”, а 79% признали, что «инвестиции Китая в инфраструктурные проекты по всей Азии являются частью планов Китая по региональному доминированию»¹³. Кроме того, примерно в это же время администрация С. Моррисона начала дрейф в сторону американского альянса, присоединившись в ноябре 2019 г. к совместной инвестиционной инициативе США и Японии «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*).

Стоит отметить, что от США не последовало немедленной открытой критики по поводу документа, подписанного штатом Виктория. Возможно, Вашингтон был удовлетворен быстрой реакцией правительства С. Моррисона, который начал кампанию по аннулированию соглашений, путем получения права вето на внешнеполитические инициативы штатов и территорий Австралии. Однако по мере нарастания внутриполитической борьбы между С. Моррисоном и Д. Эндрюсом, который грозился несмотря на протесты Канберры подписать еще одно соглашение с КНР по созданию глобального инфраструктурного проекта на 1,5 трлн долл. США¹⁴, указывая на экономические плюсы от сотрудничества с Китаем, а также на фоне быстрых изменений на международной арене, требующих от США мобилизации всех имеющихся ресурсов в конфликте с КНР, Вашингтон предпринял конкретные шаги по «вытягиванию» Австралии из китайской орбиты. 24 мая 2020 г. М. Помпео в программе *Sky News* заявил, что США из соображений национальной безопасности аннулируют все соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности, если штат Виктория допустит финансирование Китаем проектов по созданию телекоммуникационной инфраструктуры в Австралии¹⁵.

В конечном итоге, 21 апреля 2021 г. министр иностранных дел Австралии М. Пэйн объявила об аннулировании меморандума 2018 г. и рамочного соглашения 2019 г. в соответствии с разделом 22 Закона Австралии 2020 г. о международных отношениях, в котором сказано, что: «если субъект штата / территории заключает договор без одобрения министра, то соглашение автоматически становится недействительным»¹⁶.

Переломным моментом австралийско-китайских отношений стал 2020 г., когда обострились системные противоречия двух стран. Вслед за общественным мнением, Австралия, выбирая между безопасностью (альянс с США) и экономическими интересами (сотрудничество с Китаем), выбрала безопасность. Как следствие, внешнеполитическая риторика по чувствительным для Пекина моментам стала жестче. В 2018–2019 гг. внимание мирового сообщества было приковано к двум внутриполитическим проблемам Китая – ситуации в СУАР и протестам в Гонконге. На примере этих двух вопросов, как и в случае с ОПОП, можно проследить изменение отношения Австралии к Китаю. В 2018 г. Австралия внимательно следила за развитием ситуации в СУАР, однако довольно сдержанно высказывалась об этом вопросе, в основном выражая опасения в совместных заявлениях с другими странами. В 2019 г. австралийское правительство начало активнее критиковать действия Пекина в отношении уйгуров¹⁷. В частности, Австралия была в числе 22 стран, подписавших письмо ООН против репрессий китайских властей в СУАР. Однако никаких активных действий, кроме выражения озабоченности и осуждения Пекина, правительство Австралии не предпринимало. Как и в случае с СУАР, официальные лица в Канберре выражали обеспокоенность по поводу уважения прав человека¹⁸, но все же отказались от идеи вводить санкции против КНР или оказать

помощь гражданам Гонконга, как это сделало правительство Б. Хоука, предоставив убежище 40 тыс. китайских студентов в 1989 г.

В 2020 г. ситуация резко изменилась, вслед за возобновлением протестов в Гонконге С. Моррисон заявил, что Австралия продлит визы студентам и рабочим из Гонконга еще на 5 лет, после чего они смогут подать заявление на получение гражданства¹⁹. Кроме того, Австралия приостановила соглашение об экстрадиции с Гонконгом.

В 2020 г. Австралийский институт стратегических исследований выпустил доклад «Уйгуры на продажу» (*Uyghurs for sale*), в котором содержался призыв провести проверку китайских компаний и усилить давление на китайское правительство с целью положить конец использованию уйгурского принудительного труда²⁰. В 2021 г. стало известно, что австралийский парламент рассматривает возможность принятия закона, запрещающего ввоз в Австралию товаров из провинции Синьцзян или других частей Китая, которые производятся с использованием принудительного труда²¹.

Триггером ухудшения отношений между Австралией и Китаем стала пандемия Covid-19. В целом, пандемия стала большим испытанием для внешней политики Китая, кроме создания внутренних эпидемиологических и экономических проблем, связанных с замедлением роста экономики, что произошло впервые за последние 40 лет, она стала катализатором международных трендов, складывающихся вокруг Китая в последние годы. Возвращение США в Азию, начавшееся в конце 2018 г. вызвало положительный отклик у многих стран региона, что усложнило их отношения с Пекином и усилило региональные противоречия и конфликты. Пандемия вопреки ожиданиям не уменьшила, а лишь усилила данные противоречия, несмотря на все попытки Китая сформировать положитель-

ный образ. Это вынудило правительство ужесточить свой внешнеполитический курс. Так, дипломатия «мягкой силы» сменилась дипломатией «волков-воинов» (战狼外交)²².

Больше всего пострадали отношения КНР со всеми странами альянса *Five Eyes (FVEY)* за исключением Новой Зеландии, которая традиционно занимает нейтральную позицию в отношении Китая. Внутренние проблемы Китая (протесты в Гонконге, ситуация в СУАР и Тибете, а также вопросы, связанные с возникновением вируса) стали поводом к критике действий Китая со стороны стран «англосферы». Весной 2020 г. Австралия вызвала на себя гнев Пекина после того, как правительство предложило ВОЗ провести независимое расследование вспышки COVID-19. Несмотря на то, что С. Моррисон напрямую не обвинил Китай, тем не менее, он выразил убежденность, что вирус возник именно в Ухане²³.

Австралийская экономика сильно пострадала от конфликта с Китаем, в частности, санкциям подверглись некоторые статьи австралийского экспорта. Следствием ухудшения отношений стало введение Китаем 80% тарифа на экспорт австралийского ячменя, и всего через несколько дней после этого последовал запрет на импорт говядины четырех крупных австралийских скотобоен (впоследствии запрет был расширен на еще 2 скотобойни). Вслед за этими мерами китайское правительство в течение 2020 г. повысило пошлины на ввоз австралийского вина, хлопка, угля, сахара и меди; и полностью запретило импорт древесины и омаров²⁴. Все эти товары относятся к категориям, где австралийский экспорт сильно зависит от Китая, например, доля КНР в экспорте древесины составляет 95%, омаров – 76%, хлопка – 64% и ячменя – 54%²⁵. Кроме этого, пострадал также австралийский сектор услуг. Министерство образования Китая выпустило предупреждение, в котором говорилось о рисках, связанных с

Covid-19, и росте дискриминации в отношении лиц азиатского происхождения в Австралии²⁶. Аналогичное заявление выпустило Министерство культуры и туризма, в котором говорится, что гражданам Китая ни в коем случае не следует ездить в Австралию из-за увеличения числа инцидентов расистского характера²⁷. Однако, стоит заметить, Китай не ввел ограничения на ключевые статьи австралийского экспорта, в частности, железную руду, газ и золото, которые в 2019 г. совокупно составляли почти 70% австралийского экспорта в Китай²⁸. На данный момент отношения между странами остаются напряженными. Обе стороны обвиняют друг друга в ухудшении отношений. С точки зрения китайского руководства, Австралия не должна была вмешиваться во внутренние дела КНР. В частности, официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил, что «основная причина конфликта – серия неправильных шагов австралийских властей»²⁹. В то же время Австралия видит причину в возрождающемся китайском национализме и агрессивной внешней политике при Си Цзиньпине³⁰.

Судя по последнему опросу Института Лоуи 2021 г., в ближайшем будущем тренд на ухудшение отношений сохранится. На данный момент 63% австралийцев считают Китай угрозой, и только 34% согласны с тем, что он прежде всего торговый партнер (примечательно, что еще в 2018 г. Китай как угрозу видели лишь 12% против 82%, которые считали Китай партнером)³¹. 56% опрошенных считают Китай виновным в ухудшении отношений и только 4% винят австралийское правительство³². Основными факторами, отрицательно влияющими на имидж Китая в австралийском обществе, являются военные маневры Китая в регионе (93%), политическая система (92%), экологическая политика (79%), китайские инвестиции в Австралию (79%) и экономический рост КНР (50%)³³. Возрос песси-

мизм и по поводу политики хеджирования между США и КНР. Количество респондентов, считающих невозможным сохранять хорошие отношения с обоими партнерами, увеличилось вдвое с 2018 г. и достигло 27%³⁴.

В связи с этим, можно сделать вывод, что ухудшение отношений с Китаем – это длительный тренд австралийской политики. Значение альянса с США за последние годы резко возросло, что негативно сказалось на австралийско-китайских отношениях. Сейчас за развитием ситуации во взаимоотношениях двух стран наблюдает весь мир. Пекин на примере Австралии показывает остальным странам, чем чревато вмешательство во внутренние дела Китая. В то время как Австралия, опираясь на поддержку США и других стран Запада, фактически является фронтменом кампании, подрывающей имидж Китая, над которым он работал долгое время.

Австралийско-японские отношения. В отличие от отношений с Китаем, сотрудничество между Австралией и основными союзниками США в Северо-Восточной Азии заметно укрепилось в последние годы. Одним из основных направлений деятельности по этой линии является углубление отношений с Японией.

Взаимоотношения Австралии с Японией на протяжении полувека отличались положительной динамикой. Странам намного легче взаимодействовать ввиду схожих политических систем, одинакового веса в мировой политике и в регионе, а также наличия сильного партнера, заинтересованного в построении дружественных связей между его союзниками в Азии. Тем не менее, в австралийско-японских отношениях в последние два десятилетия всегда присутствует фактор Китая. И Австралия, и Япония строят свои отношения с постоянной оглядкой на позицию Пекина.

С 2013 г. Австралия стала активнее поддерживать Японию в ее конфликте в Восточно-Китайском море и в ее желании изменить свою политику безопасности – получить право на коллективную самооборону, участвовать в миссиях ООН и приобретать военное оборудование и технологии³⁵. В 2014 г. Австралия и Япония подписали важный документ – Соглашение о передаче оборонной техники, предусматривающий, среди прочего, сотрудничество в области высокотехнологичных военных технологий. Тем не менее, быстрого развития военно-технического сотрудничества между странами не произошло ввиду опасений по поводу реакции Китая, который в этот период укрепил свои позиции в АТР на фоне переориентации интересов США на другие регионы. Наоборот, Австралия постаралась дистанцироваться от «токсичной темы», которая могла повредить ее экономическим интересам. В 2015 г. во время визита тогдашнего премьер-министра М. Тернбулла в Японию Австралия заморозила процесс углубления оборонных отношений с Японией, призвав сконцентрироваться на экономической повестке дня. А в 2016 г. Канберра после долгих дискуссий отдала контракт на закупку подводных лодок французской компании DCNS, хотя изначально всерьез рассматривала именно японские лодки «Сорю»³⁶.

Стоит отметить, что 2015–2018 гг. были временем, когда обе страны сконцентрировались на укреплении экономических связей с Китаем. В этот период страны задумывались о возможных путях присоединения к финансово выгодной китайской инициативе ОПОП и не желали лишний раз «раздражать» Китай. В 2017 г. после выхода США окончательно провалился проект ТТП, и Япония отказалась от его дальнейшего развития.

Тем не менее, несмотря на экономические интересы и Австралию, и Японию пугала перспектива политическо-

го усиления Китая в регионе, особенно при явном охлаждении интереса Вашингтона. Поэтому в 2016–2017 гг. тогдашний премьер-министр Японии С. Абэ начал активно продвигать свою концепцию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и искать возможности интеграции с региональными концепциями других союзников в Азии. В январе 2017 г. Абэ посетил Сидней, где стороны пришли к общему видению на региональные проблемы, а в ноябре 2017 г. был возрожден диалог по безопасности *Quad*.

В 2018–2019 гг. произошло дальнейшее углубление отношений между Австралией и Японией. Основными факторами, подталкивающими страны к сближению, стали: триумфальное возвращение США в Азию, общее беспокойство по поводу нарастания напряженности между США и КНР, а также события в СУАР и протесты в Гонконге. К этому времени обе страны отказались от планов по участию в ОПОП, запустив собственный проект *Blue Dot Network*.

После кардинального ухудшения австралийско-китайских отношений в 2020 г. Австралия стала укреплять связи с союзниками по региону. Ё. Суга, который сменил Абэ на посту премьер-министра Японии в сентябре 2020 г., продолжил линию своего предшественника на углубление отношений с Австралией. 20 сентября 2020 г. между С. Моррисоном и Ё. Суга состоялся телефонный разговор, в ходе которого японская сторона подтвердила желание дальнейшего укрепления сотрудничества по Индо-Тихоокеанской стратегии и расширению сотрудничества в области обороны. Моррисон также был первым иностранным лидером, с которым Ё. Суга встретился лично. В ноябре 2020 г. лидеры провели встречу в Токио, где обсудили все ключевые проблемы ИТР, включая споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также по-

литические процессы в Гонконге, выразив серьезную озабоченность по поводу угрозы демократическим процессам и институтам Гонконга³⁷. По итогам встречи стороны объявили о намерении подписать эпохальный оборонный договор – Соглашение о взаимном доступе, которое облегчит сотрудничество между военными структурами двух стран, что будет способствовать увеличению количества совместных учений и улучшению взаимодействия³⁸ (по состоянию на август 2021 г. документ все еще не подписан).

Премьер-министр Австралии С. Моррисон и премьер-министр Японии Ё. Суга. Токио, 17 ноября 2020 г.

Фото: Eugene Hoshiko, Pool

9 июня 2021 г. на встрече министров 2+2 стороны, помимо вопросов территориальных споров, Гонконга и СУАР, впервые упомянули о важности сохранения мира и стабильности в районе Тайваньского пролива³⁹. На заявление двух стран немедленно отреагировал Китай. 9 июня официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь заявил, что «Япония и Австралия раздувают так называемую теорию “китайской угрозы”, злонамеренно клеветуют на

Китай и ... беспричинно вмешиваются во внутренние дела Китая»⁴⁰. Что касается сотрудничества в области безопасности, то министр обороны Японии Нобуо Киси и его коллега из Австралии Линда Рейнольдс договорились о координации действий, позволяющих Японии защищать австралийские военные активы в небоевых ситуациях. Австралия станет второй страной после США, активы которой Японии будет разрешено защищать в соответствии с законом 2015 г.

13 июня 2021 г. лидеры Австралии и Японии встретились на полях саммита G7 в Корнуолле (Великобритания), где обсудили двустороннее партнерство по декарбонизации с помощью технологий, а также экономические отношения в государственном и частном секторах. Япония поддержала Австралию, выразив решительную оппозицию экономическому принуждению, продолжающимся и усиливающимся попыткам в одностороннем порядке изменить статус-кво с помощью силы⁴¹.

В целом, Австралия, и Япония за последний год явно дистанцировались от Китая, поддерживая политику Вашингтона в регионе. Однако и политика Пекина в отношении американских союзников в Азии также изменилась. Китай старается воспрепятствовать укреплению антикитайских блоков в ИТР, проводя мощную экономическую и политическую кампанию против Австралии и одновременно поощряя и всячески подчеркивая дружественные отношения с ее союзниками. В частности, когда Пекин частично прекратил импорт угля из Австралии, рекомендовав своим компаниям избегать это направление закупок, доля других стран *Five Eyes* выросла с 2,7% до 6,1%⁴². Аналогичным образом, когда Китай запретил закупки говядины с четырех крупнейших австралийских скотобоев, доля других стран *Five Eyes* увеличилась с 25,5% до 39,5%⁴³.

В 2021 г. китайский дипломат и исследователь Су Гэ опубликовал статью, в которой говорится, что Австралия движется в фарватере политики Соединенных Штатов и провоцирует Китай по множеству вопросов. Однако поскольку другие страны региона – Индия, Южная Корея и Япония – имеют другие представления о коннотации «Индо-Тихоокеанской стратегии», Соединенным Штатам трудно реализовать свое желание построить аналог НАТО в ИТР⁴⁴. Подобная же риторика прослеживается и в статье сотрудников Университета Цинхуа Фан Юаньюаня и Хуан Бэя, в которой сказано, что отношения между Китаем и Австралией сильно ухудшились, в то время как отношения с Южной Кореей и Японией пострадали незначительно или остались на прежнем уровне⁴⁵. Другие китайские исследователи также призывают усилить китайско-японские отношения на фоне углубления противоречий в китайско-американских отношениях⁴⁶. Таким образом, довольно успешный австралийско-японский альянс сейчас находится под прицелом Пекина, однако страны намерены и дальше развивать и углублять отношения во всех областях.

Австралийско-корейские отношения. Успешная практика сотрудничества между Австралией и Японией может послужить примером для развития австралийско-корейских отношений. Австралия и Южная Корея имеют большой потенциал к созданию устойчивого союза. У стран есть равенство в ресурсном потенциале, чувство общей опасности и заинтересованность со стороны сильного союзника, что является важной составляющей крепкой основы для развития австралийско-корейского альянса.

Отношения стали активно развиваться в середине 2000-х гг., в их основе лежат экономическая заинтересованность и беспокойство по поводу безопасности на Корейском полуострове. В 2009 г. были официально оформ-

лены отношения в сфере безопасности, а в 2011 г. во время визита тогдашнего премьер-министра Австралии Дж. Гиллард в Корею стороны договорились о проведении регулярных встреч на уровне министров иностранных дел и обороны – *2+2 Dialogue*, в формате которого страны обсуждают проблему безопасности на Корейском полуострове, сотрудничество в сфере обороны, а также вопросы глобальной и региональной архитектуры.

В 2013 г. Австралия и Южная Корея инициировали создание МИКТА – объединения пяти средних держав, сотрудничающих по вопросам экономики, безопасности и устойчивого развития для более эффективного отстаивания своих интересов в глобальной политике. А в 2015 г. страны приняли новый план сотрудничества в области обороны и безопасности, который, помимо расширения оборонного сотрудничества, предполагает трехстороннее взаимодействие между Австралией, Республикой Корея и Соединенными Штатами⁴⁷.

С 2017 г. наблюдался заметный всплеск интереса Австралии к южнокорейским и межкорейским вопросам. В Белой книге Австралии по обороне 2016 г. сказано, что «прочные отношения в сфере обороны подкрепляются обоюдным интересом к совместной работе с США и Японией в целях содействия безопасности в Северо-Восточной Азии и общей озабоченностью по поводу угрозы, исходящей от ядерных программ КНДР и программ создания баллистических ракет»⁴⁸. Однако в основном австралийско-южнокорейские стратегические отношения опираются на их общую привязанность к Соединенным Штатам и их региональную сеть безопасности.

Несмотря на то, что аналитики говорят о «дрейфе» в австралийско-корейских отношениях в последние несколько лет ввиду изменения внешнеполитических повесток, сотрудничество в области экономики и безопасности

продолжается. Нынешний президент РК Мун Чжэ Ин и премьер-министр Австралии С. Моррисон уже несколько раз встречались на саммитах АТЭС и ООН, а во время ежегодной лекции в Институте Лоуи Моррисон заявил о том, что намерен «приложить больше усилий для развития отношений с Республикой Корея»⁴⁹.

С 2019 г. стал заметен интерес обеих стран к развитию сотрудничества по вопросам оборонно-промышленных закупок и цепочки поставок. 10 декабря 2019 г. на встрече 2+2 стороны объявили о перезапуске Комитета по сотрудничеству в оборонной промышленности. Кроме того, в 2020 г. стало известно, что южнокорейская компания *Hanhwa Defense* была выбрана в качестве единственного предпочтительного участника торгов по поставкам 30 самоходных гаубиц *K-9 Thunder* и 15 бронированных машин для Сил обороны Австралии. Общая сумма контракта составила 1 млрд австралийских долларов (около 737 млн долл. США)⁵⁰. Эта сделка может стимулировать дальнейшее развитие австралийско-корейский оборонных связей.

Очень динамично развиваются и экономические отношения. В декабре 2014 г. вступило в силу соглашение о свободной торговле между странами (КАФТА), устранившее некоторые барьеры в торговле и инвестициях. Этот договор является одним из всеобъемлющих торговых соглашений, которые заключила Австралия. Благодаря КАФТА австралийские и корейские бизнесмены получили конкурентное преимущество при экспорте своих товаров и имеют лучший доступ к рынкам обеих стран, а инвестиционные обязательства в соглашении защищают и увеличивают инвестиции в обоих направлениях⁵¹. Инвестиционное сотрудничество наименее развито, однако оно отличается отсутствием скандалов по поводу блокирования

каких-либо проектов, как это часто бывает с китайскими компаниями.

Когда в 2019 г. Корея объявила о принятии дорожной карты по построению водородной экономики, перед Австралией открылись большие перспективы экспорта водорода в РК. В ноябре 2019 г. Энергетический совет австралийского правительства опубликовал «Национальную водородную стратегию», которая ставила своей целью обеспечить основу для создания инновационной, безопасной и конкурентоспособной водородной отрасли в Австралии⁵². Канберра определила водород как потенциальное топливо, способное сократить выбросы, что актуально в рамках борьбы Австралии с изменением климата. А в декабре 2019 г. министр природных ресурсов Австралии Мэтт Канаван подписал с Кореей соглашение о развитии водородной промышленности.

Таким образом, Австралия и Корея являются важными партнерами и имеют общие политические, экономические и оборонные интересы. Оба государства являются развитыми демократиями, крупными торговыми и инвестиционными партнерами, союзниками США в ИТР, заинтересованными в стабильности и процветании региона. Страны также разделяют общую обеспокоенность по поводу роста Китая и ситуации на Корейском полуострове. Австралия и Корея являются естественными союзниками, отношения в сфере политики и безопасности которых являются потенциально важными, учитывая динамику, которая сейчас наблюдается в регионе и в мире в целом. Однако эти отношения менее «раскручены», чем австралийско-японские связи и не остаются надолго в центре внимания политиков и СМИ как в Канберре, так и в Сеуле. Например, среди важнейших «друзей» Австралии в Азии, лишь 4% австралийцев назвали Южную Корею⁵³. Тем не менее, у австралийско-корейских отношений есть боль-

шой потенциал и в будущем возможно еще большее укрепление связей на фоне больших трансформаций в регионе.

*Премьер-министр Австралии С. Моррисон и
Президент РК Мун Чжэ Ин, Порт Морсби, Папуа – Новая
Гвинея. 17 ноября 2018 г. Фото: Фейсбук Чхонвадэ*

Таким образом, рассмотрев развитие отношений Австралии со странами Северо-Восточной Азии можно сделать вывод, что данный регион является важнейшим направлением азиатской политики Австралии. Здесь же расположены крупнейшие торговые партнеры и ближайшие партнеры по безопасности. Однако не все двусторонние отношения Австралии со странами региона имеют положительную динамику. Австралийско-китайские взаимоотношения в последние два года претерпели большие изменения. Вслед за нарастанием китайско-американской напряженности испортились и отношения между Китаем

и Австралией, которая в значительной степени солидаризировалась с позицией Вашингтона.

В противовес австралийско-китайским отношениям сотрудничество Австралии с Японией продолжает динамично развиваться. За последние годы страны заметно углубили свои оборонные связи и пришли к общему пониманию по широкому кругу региональных проблем. И несмотря на все попытки Китая ослабить проамериканские альянсы в регионе, страны усиливают взаимодействие в политической и военной отраслях.

Австралийско-корейские отношения развиваются не так стремительно, как отношения с Китаем и Японией, поэтому приковывают к себе не так много внимания. Тем не менее, корейский вектор остается очень перспективным направлением внешней политики Австралии. Страны год от года расширяют свои оборонные связи и области экономического взаимодействия, что может помочь Австралии в будущем нивелировать потери от китайских санкций и уменьшить зависимость австралийской экономики от Китая.

¹ Defence White Paper 2016. Commonwealth of Australia, 2016. P. 60.

² The Coalition's Policy for Foreign Affairs. Canberra: Brian Loughnane, 2013. P. 4.

³ Steven Ciobo speech in Belt and Road Forum doorstep, 2017 / Minister for Trade, Tourism and Investment. URL: <https://www.trademinister.gov.au/minister/steven-ciobo/transcript/belt-and-road-forum-doorstop>

⁴ Speech at the University of New South Wales, Sydney, 7 August 2018 / Malcolm Turnbull. URL: <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/speech-at-the-university-of-new-south-wales-sydney-7-august-2018>

⁵ Интервью с премьер-министром Австралии Моррисоном: Защищая собственные интересы Австралии, а не какой-либо другой страны (专访澳大利亚总理莫里森：保障澳自身利益 不为针对任何国家). 09.10.2019. URL: <https://international.caixin.com/2018-10-09/101333143.html>

- ⁶ Wroe D. Foreign Affairs ministry opts for secrecy over China infrastructure agreement / Sydney Morning Herald. 30.07.2018. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/foreign-affairs-ministry-opts-for-secrecy-over-china-infrastructure-agreement-20180730-p4zufm.html>
- ⁷ Laurenceson J., Collinson E. Australia and the Belt and Road Initiative / Australia-China Relations Institute. 25.04.2019. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/australia-and-belt-and-road-initiative>
- ⁸ Tillett A. Labor's Asia plan called naive and hypocritical. 29.09.2017. URL: <https://www.afr.com/politics/labors-asia-plan-called-naive-and-hypocritical-20170929-gyr1wv>
- ⁹ Armstrong S., Drysdale P., Tay S. Collective Leadership for East Asia and ASEAN's Trans-Asian Role' // Collective Leadership, ASEAN Centrality, and Strengthening the ASEAN Institutional Ecosystem / Tay, S., S. Armstrong, P. Drysdale and P. Intal (eds.). Jakarta: ERIA, 2019. P. 48.
- ¹⁰ Memorandum of understanding on cooperation within the framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st century Maritime Silk Road Initiative / Victorian Government. 2018. URL: <https://www.vic.gov.au/sites/default/files/2019-02/Belt-and-Road-Initiative-MOU.pdf>
- ¹¹ Framework Agreement on Jointly Promoting the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road / Victorian Government. 2019. URL: <https://www.vic.gov.au/sites/default/files/2019-10/20191023-Framework-Agreement-Signed-English.pdf>
- ¹² Bachelard M. Readers respond: Should Australia support China's Belt and Road Initiative / Sydney Morning Herald. 26.06.2018. URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/readers-respond-should-australia-support-china-s-belt-and-road-initiative-20180625-p4znna.html>
- ¹³ Lowy Institute Poll 2019 / Lowy Institute. 26.06.2019. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/lowy-institute-poll-2019>
- ¹⁴ Australia faces serious consequences for unreasonable provocation against China over BRI deals: observer / Global Times. 22.04.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1221766.shtml>
- ¹⁵ Pompeo warns of 'disconnect' over Victoria's Belt and Road deal / Sky News. 24.05.2020. URL: <https://www.skynews.com.au/australia-news/coronavirus/pompeo-warns-of-disconnect-over-victorias-belt-and-road-deal/video/ad17391f19c22f3b6587fe9c872c0892>
- ¹⁶ Australia's Foreign Relations (State and Territory Arrangements) Bill 2020. The Parliament of the Commonwealth of Australia, 2020. P. 29.
- ¹⁷ Handley E. 'Deeply disturbing' footage surfaces of blindfolded Uyghurs at train station in Xinjiang / ABC News. 23.09.2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-09-23/video-uyghurs-shaved-blindfolded-xinjiang-train-station-china/11537628>

- ¹⁸ Elder J. PM Scott Morrison calls for calm, then picks a fight / The New Daily. 17.08.2019. URL: <https://thenewdaily.com.au/news/2019/08/17/scott-morrison-hong-kong-hypocrisy/>
- ¹⁹ Needham K. Angering China, Australia suspends extradition treaty with Hong Kong, extends visas / Reuters. 09.07.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-hongkong-protests-australia-idUSKBN24A0E8>
- ²⁰ Xu Xiuzhong V., Cave D., Leibold J., Munro K., Ruser N. Uyghurs for sale / Policy Brief Report No. 26/2020. Canberra: ASPI, 2020. P. 3.
- ²¹ Australia: Bill introduced to ban imports linked to Uyghur forced labour / Business & Human Rights Resource Centre. 28.02.2021. URL: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/australia-bill-introduced-to-ban-imports-linked-to-uyghur-forced-labour/>
- ²² Жирухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: Дипломатия «волков-воинов» в Китае – работает ли она? // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/>
- ²³ China bristles at Australia's call for investigation into coronavirus origin / The Guardian. 29.04.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/29/australia-defends-plan-to-investigate-china-over-covid-19-outbreak-as-row-deepens>
- ²⁴ Choudhury S.R. Here's a list of the Australian exports hit by restrictions in China / CNBC. 17.12.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/18/australia-china-trade-disputes-in-2020.html>
- ²⁵ Uren D. Australia's asymmetrical trade with China offers little room to move / The Strategist. 10.11.2020. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/australias-asymmetrical-trade-with-china-offers-little-room-to-move/>
- ²⁶ Предупреждение №1 об обучении за рубежом (教育部发布2020年第1号留学预警) / Министерство образования КНР. 09.06.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202006/t20200609_464131.html
- ²⁷ Министерство культуры и туризма: Не ездите в Австралию (文化和旅游部：切勿前往澳大利亚旅游) / Центральное правительство КНР. 05.06.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-06/05/content_5517566.htm
- ²⁸ China-Australia / Observatory of Economic Complexity. 2019. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/aus>
- ²⁹ Foreign Ministry Spokesperson answered question about Australia / Consulate-General of the People's Republic of China in Brisbane. 20.05.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgbrsb/eng/fyrth/t1880849.htm>

- ³⁰ Strating B., Clayton K. How can Australia reset relations with China? / Lowy Institute. 11.08.2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/how-can-australia-reset-relations-china>
- ³¹ Lowy Institute Poll 2021: In your own view, is China more of an economic partner or more of a security threat to Australia? / Lowy Institute. 2021. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/china-economic-partner-or-security-threat/>
- ³² Lowy Institute Poll 2021: Which country is more to blame for the tensions in the Australia-China relationship? / Lowy Institute. 2021. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/tensions-australia-china-relationship/>
- ³³ Lowy Institute Poll 2021: For each of the following factors, please say whether, for you personally, they have a positive or negative influence on your overall view of China / Lowy Institute. 2021. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/views-of-china/>
- ³⁴ Lowy Institute Poll 2021: Do you think it is possible or not possible for Australia to have a good relationship with China and a good relationship with the United States at the same time? / Lowy Institute. 2021. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/good-relations-with-us-and-china/>
- ³⁵ Julie Bishop. 5th Japan-Australia 2+2 Foreign and Defence Ministerial Consultations, 2014 / Minister for Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/julie-bishop/media-release/5th-japan-australia-22-foreign-and-defence-ministerial-consultations>
- ³⁶ Japan Consortium Misses Out on \$38.5 Billion Australian Submarine Deal / By Jonathan Soble. The New York Times. April 26, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/27/business/>
- ³⁷ Japan-Australia Leaders' Meeting Joint Statement / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 17.11.2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100116180.pdf>
- ³⁸ Graham E., Koshino Y. Australia and Japan inch closer towards landmark defence agreement / International Institute for Strategic Studies. 17.12.2020. <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2020/12/australia-japan-landmark-defence-agreement>
- ³⁹ Ninth Japan-Australia 2+2 Foreign and Defence Ministerial Consultations Joint Statement / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 09.06.2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100198963.pdf>
- ⁴⁰ Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Conference / Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 09.06.2021. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/fyrth/t1882549.htm>
- ⁴¹ Japan-Australia Summit Meeting / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 13.06.2021. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/au/page1e_000327.html

⁴² Laurenceson J. Will the Five Eyes stare down China's economic coercion? / The Interpreter. 15.04.2021. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/will-five-eyes-stare-down-china-s-economic-coercion>

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Су Гэ. Бурные перемены, тревожная международная ситуация 2020 г. и дипломатия Китая (苏格：动荡变革 多事之秋——2020年国际形势与中国外交) / Китайский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. 15.01.2021. URL: <http://www.pecc-china.org/article/455>

⁴⁵ Фан Юаньюань, Хуан Бэй. Сохраняющиеся различия в политике союзников США по Индо-Тихоокеанскому региону в отношении Китая (方圆圆、黄贝. 美国印太盟友对华政策差异性将持续) // Quarterly Journal of International Politics, 2020. Vol. 5. No. 4. P. 180.

⁴⁶ Ши Иньхун, Тан Юншэн, Ни Фэн, Ву Байи, Фу Мэнцзы, Ли Вэньлян, Чжао Кэцзинь, Сун Гою, Ань Ган; Цзян И; Сюй Ваншэн. Тенденции в китайско-американских отношениях и изменения международной модели (时殷弘、唐永胜、倪峰、吴白乙、傅梦孜、李文良、赵可金、宋国友、安刚、姜毅、徐万胜. 中美关系走向与国际格局之变) // Исследования международной безопасности. 2020. № 6. С. 3–38.

⁴⁷ Blueprint for Defence and Security Cooperation between Australia and the Republic of Korea. 2015. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/republic-of-korea/Pages/blueprint-for-defence-and-security-cooperation-between-australia-and-the-republic-of-korea>

⁴⁸ Defence White Paper 2016... P. 134.

⁴⁹ The 2019 Lowy Lecture: Prime Minister Scott Morrison. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-lowy-lecture-prime-minister-scott-morrison>

⁵⁰ Hanwha Defense named preferred supplier of howitzers to Australia / The Korea Economic Daily. 03.09.2020. URL: <https://www.kedglobal.com/newsView/ked202009030006>

⁵¹ Free Trade Agreement between the Government of Australia and the Government of the Republic of Korea (KAFTA). Canberra. 2014, p. 150.

⁵² Australia's National Hydrogen Strategy. Commonwealth of Australia, 2019. P. 9.

⁵³ Lowy Institute Poll: Thinking about Australia's relations in Asia / Lowy Institute. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/australias-best-friend-in-asia/>

Глава 12. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ МЕЖДУ США и КНР ИЛИ КАК США НЕ ОСТАТЬСЯ БЕЗ «ПЯТОГО ГЛАЗА»*

Введение

В последние годы изучение внешнеполитического курса Новой Зеландии становится все более актуальным ввиду ряда факторов: во-первых, страна является частью англосаксонского мира; во-вторых, наряду с США, Канадой, Великобританией и Австралией входит в число участников разведывательного альянса *Five Eyes*; в-третьих, более десяти лет неуклонно наращивает экономические связи с КНР.

С одной стороны, абсолютно логичным является сохранение тесных контактов между Новой Зеландией и странами-союзниками США, что предопределено ее вхождением в орбиту западного мира с его особыми ценностями и ориентирами.

С другой стороны, быстрый экономический рост новозеландской экономики напрямую связан с расширением сотрудничества именно с социалистическим Китаем. Подписание в 2008 г. между НЗ и КНР Соглашения о сво-

* Сведения об авторе: *Забелла Анастасия Александровна*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, Россия, Москва, zabella-aa@rudn.ru

бодной торговле послужило катализатором для последующего развития всех сфер китайско-новозеландского взаимодействия и привело к повышению уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства в 2014 г.

Представлялось бы логичным участие Новой Зеландии в японской инициативе Свободной Индо-Пацифики, которая включает таких участников, как: Япония, США, Индия и Австралия, но новозеландская сторона предпочла Сообщество единой судьбы. После несостоявшегося запуска Никарагуанского канала, Китай сделал ставку на расширение сотрудничества со странами Латинской Америки (ЛА) посредством создания Южного звена Морского Шелкового пути, успешная реализация которого будет способствовать не только получению НЗ, КНР и странами ЛА экономических дивидендов, но и превращению НЗ в международный хаб, что подтверждает заинтересованность НЗ в расширении диалога с китайской стороной.

Ввиду осложнения китайско-американского диалога нарастает напряжение в отношениях между НЗ и ее традиционными партнерами, которые заинтересованы в удержании страны в своей политической орбите. Если ранее НЗ удавалось лавировать между США и КНР, то сейчас давление усиливается, тем самым изучение последующего политического и экономического курса Новой Зеландии становится все более актуальным.

Причины беспокойности США

Особая роль во внешнеполитическом курсе США отводится Океании, чье место в мировой политике достаточно велико, что может быть подтверждено даже тем, что страны суммарно обладают 12 местами в ООН – ценный актив во время голосования в Генеральной Ассамблее.

США исторически имеют большое влияние на Микронезию, где расположены: Кирибати, Науру, Маршалловы острова, Палау и Федеральные штаты Микронезии (три последних суверенных государства входят в Договор о свободной ассоциации с США). До февраля 2021 г. вышеуказанные государства входили в Форум тихоокеанских островов (ФТО), однако из-за произошедшего в рамках форума скандала приняли решение выйти из него. Поводом стало нарушение традиций, так как пост генерального секретаря, согласно последовательности и ротациям, должен был занять представитель Микронезии (Д. Закиос, посол Маршалловых островов в США), однако генсеком был избран Г. Пуну (бывший премьер-министр Островов Кука), которого поддержала новозеландская сторона. Стоит отметить, что для завершения процедуры выхода из ФТО государствам потребуется год, в течение которого, возможно, будут найдены варианты остановки процесса выхода из организации.

Если же процедура будет завершена, то это грозит Соединенным Штатам потерей серьезного рычага влияния на Южную Пацифику. В условиях всё большего охлаждения китайско-американских отношений, США обеспокоены растущим влиянием КНР в регионе, что отражается не только на экономических процессах (на увеличение присутствия китайских компаний, что неудивительно, ввиду планов Китая по созданию Южного звена Морского Шелкового пути), но и политических (Кирибати и Соломоновы острова, долгое время поддерживающие официальные отношения с Тайванем, не так давно установили дипломатические отношения с КНР). О важности развития отношений со странами Океании говорит о тот факт, что в Китае существует несколько аналитических центров и институтов, занимающихся вопросами данного

региона, например: Китайская академия современных международных отношений (中国现代国际关系学院), Научно-исследовательский институт океанической литературы на базе Университета Аньхой (安徽大学大洋洲研究中心) и другие.

Ввиду всё более активной морской политики КНР, для США всё более решающее значение имеет способность государства противостоять возможному асимметричному вывозу Китая на просторах Тихого океана.

Большую озабоченность в США вызывает участие Новой Зеландии в китайской инициативе «Один пояс, один путь», а не в предложенном руководством Японии проекте Свободной Индо-Пацифики. В США, безусловно, понимают причины столь сдержанной политики руководства Новой Зеландии в отношении КНР, подтверждением этому могут служить данные отчета исследовательской службы Конгресса США, где четко написано, что «Новая Зеландия порой занимает другой курс в отношении КНР, нежели США, отчасти по экономическим соображениям и ввиду надежности торговых отношений с Китаем»¹. Тем не менее, руководству США крайне важно не только сохранить Новую Зеландию в числе лояльных политике Вашингтона союзников в рамках альянса *Five Eyes* (FVEY), но и не допустить увеличения влияния КНР в регионе.

Современные этапы и механизмы развития сотрудничества между Новой Зеландией и Китайской Народной Республикой

В 2022 г. исполнится 50 лет с начала официальных отношений между НЗ и КНР. Дипотношения между странами были установлены 22 декабря 1972 г., хотя первые торговые связи начали налаживаться еще в конце XVIII в.². Примечательно, что новозеландская сторона приняла ре-

шение установить дипломатические связи с КНР задолго до официальных межгосударственных отношений между КНР и США, хотя в то время многие лояльные США государства сделали это после 1979 г.

Говоря о современном этапе китайско-новозеландских отношений, стоит выделить два периода: с 1990 по 2014 г. и с 2014 г. по настоящее время.

Первый этап характеризуется подписанием в 2008 г. Соглашения о свободной торговле, которое привнесло новый импульс в развитие контактов между сторонами. В целом данный период можно охарактеризовать как: "*four first*", так как: 1) в августе 1997 г. НЗ была первым государством, которое согласилось с вступлением КНР в ВТО; 2) в апреле 2004 г. НЗ была первым государством, которое признало КНР в качестве рыночной экономики; 3) в ноябре 2004 г. НЗ первой из развитых стран подписала с КНР соглашение о Зоне свободной торговли (ЗСТ); 4) в апреле 2008 г. НЗ первая из развитых стран завершила переговоры с КНР о создании качественной, всеобъемлющей и сбалансированной ЗТС.

Таким образом, стоит сказать о том, что особое место в китайско-новозеландских отношениях отводится сотрудничеству в области экономики. Так, с 2013 г. КНР является вторым по величине торговым партнером Новой Зеландии.

Второй этап начинается с 2014 г. и длится по сей день. В 2014 г. КНР и НЗ приняли решение о переходе межгосударственного сотрудничества на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. А уже в 2017 г. КНР становится главным торговым партнером НЗ.

Говоря о нормативно-правовой базе экономического взаимодействия между НЗ и КНР, стоит отметить особую роль стратегии *NZ Inc*³. в отношении Китая. В рамках реа-

лизации данной стратегии в 2012 г. был создан Новозеландский китайский совет, целью которого является объединение новозеландцев из государственного сектора, бизнеса, академических кругов и других представителей общественности, которые взаимодействуют с КНР. Стратегия также предусматривает помощь по продвижению новозеландских компаний на китайский рынок.

Катализатором расширения сотрудничества между странами можно считать Форум партнерства между Новой Зеландией и Китайской Народной Республикой, который состоялся впервые в 2013 г. и стал важной платформой для углубления политического и экономического диалога. Тем самым, произошла институционализация новозеландско-китайского сотрудничества.

В целом выделенный период можно охарактеризовать как: “*two first*”, так как: 1) НЗ в 2015 г. первой из развитых государств стала потенциальным членом-учредителем АБИИ; 2) и первой западной страной, подписавшей меморандум о взаимопонимания с КНР по инициативе «Один пояс, один путь».

Демарш властей Новой Зеландии

Военно-политический блок *Five Eyes* – это разведывательный альянс между участниками проекта *ECHELON* в рамках многостороннего соглашения *UKUSA* (Соглашение о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритании – США) в состав которого входят: США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. В годы «холодной» войны большое внимание альянса отводилось наблюдению за каналами связи в СССР и странах Восточного блока. В настоящее время в зону охвата включена коммуникация по всему миру, однако американская сторона осуществляет попытки придания альянсу более

выраженной антикитайской направленности. Такую позицию США поддерживают Великобритания, Канада и Австралия, которые квартетом выражают негативное отношение к действиям властей КНР по внутрисполитической повестке дня в Китае. В рамках альянса обсуждаются механизмы давления на КНР по вопросам Гонконга и Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР (СУАР).

Новозеландская сторона не приняла каких-либо кардинальных ответных мер в отношении КНР по вышеупомянутым вопросам. Тем не менее, Новая Зеландия выразила опасения относительно событий, которые происходили в Гонконге в 2019 г. Во многом это предопределено тем, что Новая Зеландия и Гонконг многие годы развивают тесное взаимодействие в сфере экономики, что подтверждается Соглашением о более тесном экономическом партнерстве между сторонами от 2010 г.⁴ Вслед за принятием правительством КНР нового закона о национальной безопасности Гонконга новозеландская сторона приостановила соглашение об экстрадиции с Гонконгом, что, по мнению Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в НЗ У Си, подлило масло в огонь двусторонних отношений⁵.

Стоит отметить, что при президентстве Д. Трампа, Новая Зеландия была менее обеспокоена необходимостью делать выбор между Пекином и Вашингтоном, что было связано с внешнеполитическим курсом самих США и отсутствием интереса со стороны американского руководства к региону. Свидетельством вышеуказанного может служить выход США из Тихоокеанского партнерства.

Что касается вопроса прав человека в Синьцзяне, то здесь расхождения между членами альянса достигли своего апогея.

США, Великобритания, Канада и Австралия осудили действия китайского руководства в провинции Синьцзян и отношение КПК к уйгурам.

В январе 2021 г. в заявлении для прессы бывший госсекретарь М. Помпео указал на имеющиеся у США факты, подтверждающие совершение КНР под руководством и контролем КПК геноцида в отношении религиозных и этнических меньшинств в Синьцзяне⁶. Ранее, в октябре 2020 г. Подкомитет по международным правам человека Постоянного комитета по иностранным делам и международному развитию Канады опубликовал документ с такими же обвинениями в адрес руководства КНР⁷. Однако симфония альянса была прервана отказом правительства Новой Зеландии принимать аналогичную позицию в отношении действий КНР, хотя в марте 2021 г. министр иностранных дел Новой Зеландии Н. Махута и министр иностранных дел, министр по делам женщин Австралии М. Пейн выступили с совместным заявлением о нарушении прав человека в Синьцзяне⁸. Стоит отметить, что речь о геноциде не шла.

19 апреля 2021 г. министр иностранных дел Новой Зеландии Н. Махута выступила с неожиданным для своей страны заявлением о том, что НЗ «неудобно» в рамках альянса *Five Eyes* высказываться по вопросам, выходящим за рамки разведки⁹. Безусловно, такие высказывания министра иностранных дел подорвали солидарность альянса и вызвали шквал негодования со стороны союзников. Здесь также стоит отметить, что Н. Махута все же подчеркнула, что некоторые различия между НЗ и КНР бросают вызов ценностям и интересам самой Новой Зеландии. Министр подчеркнула, что по ряду вопросов (например: событий в Гонконге, обращением с уйгурами в

Синьцзяне и киберинцидентам) НЗ и КНР не могут и не смогут прийти к единому мнению¹⁰.

Ответ со стороны партнеров по альянсу не заставил себя долго ждать. Первой отреагировала Австралия – главный партнер Новой Зеландии, которая в последние годы занимает все более антикитайскую позицию, что прежде всего связано с обеспокоенностью относительно увеличивающихся амбиций КНР в АТР. Руководством Австралии на фоне «желтой угрозы» со стороны Китая было принято решение об увеличении военных расходов на 40% на ближайшие 10 лет.

Ответные меры со стороны Австралии (в отношении НЗ) заключались в реализации политики по депортации с территории своего государства уроженцев НЗ с криминальным прошлым, даже если они являются постоянными резидентами Австралии и не имеют связей с Новой Зеландией.

НЗ необходимо было как-то реабилитироваться перед своими традиционными партнерами и уже 3 мая 2021 г. выступая на четвертом Китайском бизнес-саммите в Окленде, премьер-министр Новой Зеландии Д. Ардерн охарактеризовала отношения с КНР следующим образом:

Во-первых, геостратегическая значимость КНР является реальностью, которую невозможно игнорировать;

Во-вторых, НЗ и КНР имеют разные взгляды по некоторым вопросам, но, тем не менее, сторонам необходимо сосредоточиться на том, чтобы эффективно управлять этими разногласиями;

В-третьих, НЗ и КНР имеют возможности для совместной работы, в частности, в области международной торговли, окружающей среды и изменения климата, борьбы с глобальной пандемией¹¹.

Четвертому пункту, который далее характеризовал отношения между странами, было уделено особое внимание, так как именно в нем премьер-министр подчеркнула существование различий между системами, ценностями, интересами НЗ и КНР, которые все труднее примирить. Д. Ардерн выразила обеспокоенность по ряду вопросов: ситуации в Гонконге и Синьцзяне. Тем не менее, в своей речи премьер-министр подчеркнула, что отношения с Китаем являются одними из самых важных для Новой Зеландии, а различия между странами «не обязательно разрушат наши отношения, это просто реальность»¹².

Нет сомнения в том, что страны альянса обеспокоены самостоятельной, правильнее сказать, иной политикой новозеландского руководства в отношении КНР, что представляется абсолютно логичным ввиду сильной экономической привязки экономики НЗ к КНР.

Политика Новой Зеландии в отношении Китая подверглась критике в рамках популярного в Австралии телешоу «60 минут». Главная идея сводилась к тому, что НЗ отчаянно пытается удержать своего крупного торгового партнера – КНР, забыла о своей морали и дружбе с Канберрой. Критика новозеландской политики в австралийском истеблишменте дошла до того, что Новую Зеландию стали называть “*New Xi-Land*”¹³.

С целью обсуждения сложившихся недопониманий между странами, в Новой Зеландии в конце мая состоялась встреча между премьер-министром НЗ Д. Ардерн и премьер-министром Австралии С. Моррисоном, где стороны заявили о том, что Новая Зеландия и Австралия «решительно вместе» являются сторонниками общих принципов в отношении вопросов прав человека и торговли. В совместном заявлении по итогам прошедшей встречи лидеры государств выразили обеспокоенность по

гонконгскому вопросу, ситуации в Синьцзяне и Южно-Китайском море. С. Моррисон также подчеркнул, что между Канберрой и Веллингтоном нет никаких точек разногласий. Помимо прочего, Д. Ардерн заявила о приверженности НЗ альянсу *Five Eyes*¹⁴.

*Премьер-министр Австралии С. Моррисон
и премьер-министр Новой Зеландии Д. Ардерн в Квинстауне.
Фото: ААР*

Причины сдержанной политики Новой Зеландии в отношении Китая

Геостратегическая значимость Китая для Новой Зеландии не может вызывать сомнений. НЗ будучи небольшим островным государством вынуждена развивать экономику посредством наращивания торгово-экономического взаимодействия с иностранными государствами. Долгое время Австралия была главным торговым партне-

ром, но ситуация начала меняться после создания ЗСТ между НЗ и КНР в 2008 г., которое привело к постепенному наращиванию взаимодействия между странами в области торговли, в результате уже в 2017 г. Китай стал главным торговым партнером НЗ.

Причина сдержанности новозеландского руководства в отношении противостояния между США и КНР понять легко. Новая Зеландия более 10 лет получает существенные дивиденды от создания ЗСТ с Китаем. Основу экспорта Новой Зеландии в Китай составляют молочные продукты (30%), продукты из древесины (24%) и мясо (12%)¹⁵. Именно китайская сторона закупает большее количество произведенных в Новой Зеландии продуктов и товаров, нежели союзники по альянсу. В период с июня 2020 г. по июнь 2021 г. крупнейшим торговым партнером Новой Зеландии по стоимостному объему экспорта вновь стал Китай – рост на 540 млн долл. США до 1,9 млрд долл. США. Стоимостный объем импорта в НЗ из КНР в аналогичный период вырос на 180 млн долл. США и достиг 1,2 млрд долл. США¹⁶. Примечательным является то, что темпы роста торговли между странами в эпоху COVID-19 не сократились, а напротив увеличились. Таким образом, Новая Зеландия экспортирует в Китай почти в полтора раза больше, нежели импортирует. Именно КНР покупает больше продаваемой на внешних рынках новозеландской продукции, нежели Австралия, США и Великобритания, вместе взятые. Основные направления экспорта товаров из Новой Зеландии в 2020 г.: Китай с долей 27% (10,7 млрд долл. США), Австралия с долей 13,5% (5,28 млрд долл. США), США с долей 11% (4,29 млрд долл. США), Соединенное Королевство с долей 2,53% (986 млн долл. США)¹⁷. По некоторым данным, доля КНР составляет 28%¹⁸. Таким образом, охлаждение отношений с Китаем приведет к су-

щественной нагрузке на экономику Новой Зеландии, а получаемые от торговли с китайской стороной дивиденды никто не компенсирует.

Здесь также стоит отметить, что в настоящее время в топ-4 наиболее приоритетных государств для НЗ вошли: Австралия, США, Соединенное Королевство и Китай. Впервые КНР была включена в перечень важнейших стран во внешней политике НЗ в 2004 г., заняв шестую позицию после Австралии, США, Японии, ЕС, стран Форума тихоокеанских островов.

КНР для НЗ также является первым наиболее значимым партнером в области образования (47% иностранных студентов в НЗ граждане КНР), вторым наиболее крупным туристическим партнером после Австралии.

Вышеуказанные причины определяют направления внешнеполитического курса НЗ и вынуждают руководство страны лавировать между Вашингтоном и Пекином. Несмотря на то, что министр Новой Зеландии Д. Ардерн признает существование разногласий с китайской стороной по ряду вопросов, с которыми становится все труднее примириться, государство по-прежнему предпочитает придерживаться собственного курса в отношении КНР.

22 июня 2021 г. состоялась онлайн встреча министра иностранных дел КНР Ван И с министром иностранных дел НЗ Н. Махута в ходе которой стороны обменялись мнениями относительно развития и углубления китайско-новозеландских отношений.

Ввиду того, что в последнее время все чаще в руководстве НЗ начали подниматься вопросы, связанные с внутренней политикой Китая, министр иностранных дел КНР подчеркнул, что способы реализации демократии и прав человека в разных странах отличаются ввиду национальных особенностей и разных этапов развития. По мне-

нию Ван И, лишь граждане государства имеют право судить как защищаются права человека и демократия, а иностранные государства, на основе взаимного уважения, могут лишь обмениваться мнениями по данным вопросам для улучшения взаимопонимания¹⁹.

*Онлайн встреча министра иностранных дел КНР Ван И
с министром иностранных дел НЗ Н. Махута.*

Фото: Anhui University²⁰

Примечательно, что министр иностранных дел НЗ в своей речи выразила надежду на дальнейший поиск консенсуса по всем спорным межгосударственным вопросам, в том числе демократии и правам человека. Помимо прочего, министр Н. Махута подчеркнула, что Новая Зеландия не является сторонницей политизации пандемии и осуществляет научные исследования для выявления происхождения COVID-19²¹. Таким образом, можно лишь констатировать, что экономические выгоды, которым также было уделено большое внимание в ходе встречи, взяли вверх над традиционными англо-саксонскими ценностями.

Взаимодействие в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Участие развитого государства – Новой Зеландии в китайской инициативе «Один пояс, один путь» символично не только для Китая, но и для новозеландской стороны. Именно Новая Зеландия первой из развитых государств выступила в поддержку инициативы, которая была предложена председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.²². Основные цели инициативы заключаются в следующем: координация в политической сфере, финансовая интеграция, беспрепятственная торговля, установление контактов и развитие связей между людьми²³.

В июне 2019 г. в Новой Зеландии прошла конференция под названием «Создание 'южного звена'», участие в которой приняли 150 представителей бизнеса, правительства, академических кругов. Цель конференции заключалась в анализе потребностей, возможностей и вызовов создания Южного звена Морского Шелкового пути (включая авиасообщение), который должен связать Китай, Новую Зеландию и Латинскую Америку. Проект является многообещающим не только из-за географического охвата, но ввиду того, что послужит драйвером последующего развития государств-участников. Данный проект предполагает развитие новых торговых и туристических маршрутов между Китаем, Новой Зеландией и странами Южной Америки, в частности, Аргентиной и Чили. Стоит также отметить, что ранее китайская сторона, с целью расширения торгово-экономического взаимодействия, осуществляла попытки создания Никарагуанского канала, однако планам не суждено было реализоваться. Южное сообщение через Новую Зеландию представляется самым быстрым и удобным маршрутом для коммуникации и торговли между КНР и странами Латинской Америки, а также

создает новые возможности для развития обоих направлений. Расширение сотрудничества в южной части Тихого океана и развитие удобного и эффективного торгового пути будут содействовать не только укреплению межгосударственного взаимодействия, но и создадут более устойчивые и прибыльные обмены. Увеличение потока людей и объема торговли, проходящих через Новую Зеландию, приведут к увеличению возможностей НЗ в сфере бизнеса, а также к её превращению в новый международный хаб. Создание Южного звена предполагает работу по трем направлениям: 1) авиационное сообщение (увеличение количества рейсов между странами); 2) пассажирский транзит; 3) упрощение процедур торговли (для увеличения потока товаров).

Китай большое внимание в рамках инициативы уделяет сотрудничеству со странами АТР. Ввиду выхода 5-ти государств из Форума тихоокеанских островов, можно прогнозировать, что китайская сторона не упустит возможность для наращивания своего присутствия в регионе и продвижения Южного звена.

Таким образом, очевидно, что в ближайшие годы стороны будут прилагать усилия для реального воплощения в жизнь данного проекта, контуры которого уже проявляются, а заинтересованность в нем государств не вызывает сомнений.

Отношения в период COVID-19

Несмотря на то, что вспышка новой коронавирусной инфекции COVID-19 оказала существенное влияние на темпы развития мировой экономики, повлияла на внутреннюю политику многих государств, сотрудничество между Китаем и Новой Зеландией, не только не пострадало, а, напротив, развивалось стабильно.

Так, согласно последним статистическим данным, в период с июня 2020 г. по июнь 2021 г. по объему экспорта из НЗ первое место заняла основной торговый партнер НЗ – КНР с показателями 1,9 млрд долл. США; импорт в НЗ из КНР в аналогичный период вырос до 1,2 млрд долл. США²⁴.

Китай присоединился к торговой инициативе Новой Зеландии и Сингапура по объединению цепочек поставок, которая была предложена в апреле 2020 г. Инициатива включает в себя список из более чем 120 продуктов, которые определены декларацией в качестве товаров первой необходимости в борьбе с пандемией COVID-19, в отношении которых стороны обязуются отменить тарифы. Список включает средства индивидуальной защиты, продукты питания, лекарства, медицинское оборудование и т. д.

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Новой Зеландии У Си характеризует кризис, вызванный пандемией COVID-19, фокусирует внимание на потребности поиска возможностей в условиях кризиса, и приводит китайский фразеологизм: «обучение – это как гребля вверх по течению; не продвигаться – значит отступать». С этой целью, по мнению посла, Китай готов еще более тесно сотрудничать с Новой Зеландией в эти трудные времена²⁵.

Заключение

Новой Зеландии будет сложнее придерживаться сбалансированного курса ввиду возрастающих противоречий между КНР и США. Помимо прочего, в последние годы заметно ухудшились отношения между КНР и Австралией – главным партнером Новой Зеландии. Австралия, обеспокоенная увеличивающимися амбициями КНР в АТР, приняла решение об увеличении военных расходов

на 40% на ближайшие 10 лет. Таким образом, перед руководством НЗ стоит задача по сохранению динамики торгово-экономического взаимодействия с КНР, и одновременно поддержания тесных политических, экономических, гуманитарных контактов с Австралией, США, Великобританией и другими странами западного мира, союзниками по альянсу *Five Eyes*.

В Новой Зеландии, безусловно, осознают всё большую зависимость от Китая, о чем свидетельствует интервью издательству *Guardian* министра иностранных дел Новой Зеландии Н. Махута, которая подчеркнула необходимость диверсифицировать политику НЗ, чтобы обезопасить свою страну от возможного охлаждения отношений с КНР²⁶. Комментарии министра прозвучали в то время, когда правительство страны сталкивается с сильным давлением со стороны союзников по альянсу, вынуждающих НЗ занять более твердую позицию в отношении Китая.

Укрепление экономического сотрудничества с Китаем стало главной историей успеха современного развития Новой Зеландии. Тем не менее, ввиду нарастания противоречий между США и КНР, Австралией и Китаем, политика Новой Зеландии сталкивается все с большими сложностями лавирования между противостоящими сторонами. Продолжающийся кризис в отношениях между КНР и США, а также её союзниками наиболее очевидно приведет к поляризации региона, которая нанесет серьезный ущерб интересам малых островных государств, а также создаст предпосылки для политического раскола в государствах Океании.

Азиатско-Тихоокеанский регион или Индо-Тихоокеанский, о контурах создания которого так модно говорить, – это место, где сталкиваются тектонические плиты США и КНР. Каждое из государств предлагает свое виде-

ние последующего развития региона путем продвижения двух мега-проектов: инициативы «Один пояс, один путь», где первую скрипку играет Китай, и «Свободной Индо-Пафицики», где главная роль принадлежит США. И Китай, и США заинтересованы в том, чтобы как можно сильнее привязать стратегически важное географическое пространство динамически развивающегося региона. Получится ли США переманить Новую Зеландию к участию в своем проекте большой вопрос, но, по мнению автора, в среднесрочной перспективе это маловероятно, ввиду заинтересованности НЗ в создании Южного звена Морского Шелкового пути, который будет служить узлом между Азией и Южной Америкой и, без сомнения, повысит роль и значимость Новой Зеландии не только в регионе, но и на международной арене.

Нет сомнения в приверженности НЗ ценностям и ориентирам альянса *Five Eyes*, но только в рамках проблематики, связанной с разведкой, а не за ее пределами. Безусловно, такая позиция новозеландского руководства нарушает симфонию альянса и вызывает обеспокоенность среди союзников. Представляется маловероятным, что США, Великобритания, Канада и Австралия смогут в среднесрочной перспективе предложить что-то в обмен на столь плотное и важное для НЗ экономическое сотрудничество с КНР. Стоит отметить, что китайско-новозеландские отношения демонстрируют миру модель успешного взаимодействия КНР с государством, где политическая система базируется на западных либеральных ценностях, которые в корне отличаются от китайской политической философии. Поиск баланса между основным торговым партнером Новой Зеландии – КНР и партнерами по альянсу *Five Eyes* будет гарантом успешной внешнеполитической линии правительства Новой Зеландии.

- ¹ New Zealand: Background and Relations with the United States / Congressional Research Service. May 12, 2021. P.1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44552.pdf>.
- ² Report of the Foreign Affairs and Defence Committee on the Inquiry into the New Zealand-China Relationship. New Zealand. Parliament. House of Representatives. Select Committee on Foreign Affairs and Defence. Wellington: V.R. Ward, Govt. Printer, 1986. P. 7.
- ³ NZ Inc. – это план правительства по укреплению экономических, политических отношений и отношений в сфере безопасности Новой Зеландии с некоторыми из ее ключевых международных партнеров.
- ⁴ General Review of the New Zealand-Hong Kong Closer Economic Partnership. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/Hong-Kong-China-CEP/General-Review-of-the-New-Zealand-Hong-Kong-Closer-Economic-Partnership.pdf>
- ⁵ Ambassador WU Xi Gives Interview to Business Desk on Hong Kong Issue / The Embassy of the People's Republic of China in New Zealand. August 21, 2020. URL: <http://www.chinaembassy.org.nz/eng/zxgx/t1808577.htm>
- ⁶ Determination of the Secretary of State on Atrocities in Xinjiang / An official website of the United States government. January 19, 2021. URL: <https://2017-2021.state.gov/determination-of-the-secretary-of-state-on-atrocities-in-xinjiang/index.html>
- ⁷ Statement by the Subcommittee on International Human Rights concerning the human rights situation of Uyghurs and other turkic muslims in Xinjiang, China / Subcommittee on International Human Rights of the Standing Committee on Foreign Affairs and International Development. October 21, 2020. URL: <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/43-2/SDIR/news-release/10903199>
- ⁸ Joint statement on human rights abuses in Xinjiang / An official website of the United States government. March 23, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/joint-statement-human-rights-abuses-xinjiang>
- ⁹ New Zealand 'uncomfortable' with expanding remit of Five Eyes - Foreign Minister Nanaia Mahuta / Newshub. April 19, 2021. URL: <https://www.newshub.co.nz/home/politics/2021/04/new-zealand-uncomfortable-invoking-five-eyes-to-speak-up-on-issues-beyond-intelligence-matters-nanaia-mahuta.html>
- ¹⁰ He Taniwha He Tipua, He Tipua He Taniwha - The Dragon and the Taniwha / The official website of the New Zealand government. April 19, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/speech/%E2%80%99Che-taniwha-he-tipua-he-tipua-he-taniwha-dragon-and-taniwha%E2%80%9D>

¹¹ Speech to China Business Summit / The official website of the New Zealand Government. May 3, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/speech/speech-china-business-summit>

¹² Ibid.

¹³ Australian journalist accused of pushing an agenda with controversial New Zealand-China relationship story / Newshub. May 27, 2021. URL: <https://www.newshub.co.nz/home/politics/2021/05/australian-journalist-accused-of-pushing-an-agenda-with-controversial-new-zealand-china-relationship-story.html>

¹⁴ China will never come between Australia and New Zealand, Morrison and Ardern say / This week in Asia. May 31, 2021. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3135477/china-will-never-come-between-australia-and-new-zealand-morrison>

¹⁵ 2017 New Zealand and China: Diplomatic Milestones. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/China-NZ-FTA/NZ-China-2017-infographic.pdf>

¹⁶ Overseas merchandise trade: June 2021 / Stats NZ. July 26, 2021. URL: <https://www.stats.govt.nz/information-releases/overseas-merchandise-trade-june-2021>

¹⁷ Annual International Trade Statistics by Country (HS02). New Zealand's exports 2020 by country / Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/NewZealand/TOTAL>

¹⁸ New Zealand: Background and Relations with the United States / Congressional Research Service. May 12, 2021. P.1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44552.pdf>.

¹⁹ Ван И провел видео встречу с министром иностранных дел Новой Зеландии Махутой (王毅同新西兰外长马胡塔举行视频会晤) / Научно-исследовательский институт океанической литературы на базе Университета Аньхой. 29.06.2021. URL: <http://olri.ahu.edu.cn/2021/0629/c10166a263223/page.htm>

²⁰ URL: http://olri.ahu.edu.cn/_upload/article/images/3b/4b/9f5515804ff9b0bfd5e64893bba2/cb77b6df-11b9-4694-a2cf-c49b51d24114.jpg

²¹ Wang Yi Holds a Video Meeting with New Zealand's Foreign Minister Nanaia Mahuta / Embassy of PRC in the Republic of North Macedonia. June 22, 2021. URL: <http://mk.china-embassy.org/eng/zgyw/t1886027.htm>

²² Wenxian Zhang, Ilan Alon, Christoph Lattemann. China's Belt and Road Initiative: Changing the Rules of Globalization. Palgrave Macmillan, 2018. P. 180.

²³ Прекрасные перспективы и практические действия по продвижению совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века (推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekrasnye-perspektivy-i-prakticheskie-deystviya-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shyolkovogo-puti-i-morskogo/viewer>

²⁴ Overseas merchandise trade: June 2021 / Stats NZ. July 26, 2021. URL: <https://www.stats.govt.nz/information-releases/overseas-merchandise-trade-june-2021>

²⁵ Advancing China-NZ Relations and Bilateral Cooperation in Challenging Times / The embassy of PRC in New Zealand. July 21, 2020. URL: <http://nz.china-embassy.org/eng/zxgxs/t1799666.htm>

²⁶ 'A matter of time': New Zealand's foreign minister warns China 'storm' could be coming / The Guardian. May 24, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/25/a-matter-of-time-new-zealands-foreign-minister-warns-china-storm-could-be-coming>

Глава 13. ПРОБЛЕМА ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ в ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА *

В сентябре 2021 г. по случаю 25-летия открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)¹ президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с заявлением о необходимости ускорить ратификацию «этого исторического документа, нацеленного на кардинальное укрепление режима нераспространения ядерного оружия»². Россия в числе первых государств подписала ДВЗЯИ после его принятия 50-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1996 г. и ратифицировала в 2000 г. Документ расширяет до безусловных рамок ограниченный режим запрещения ядерных испытаний, который был введен Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанным в 1963 г. в Москве тремя ядерными державами – Советским Союзом, США и Великобританией, а в дальнейшем – еще 128-ю странами. Что же касается ДВЗЯИ, то, как отметил российский президент: «На сегодняшний день документ подписан 185 странами и ратифицирован 170 из них, однако, к сожалению, так и не вступил в силу. Превращению его в полноценный международно-правовой инструмент препятствует позиция восьми государств из числа тех, ратификация Договора которыми обязательна. Очевидно,

* **Сведения об авторе:** *Пале София Евгеньевна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва, *sophiapale@yandex.ru*

что подобная ситуация отнюдь не способствует делу ядерного нераспространения и разоружения.

Рассчитываем, что руководство стран, от которых зависит судьба ДВЗЯИ, проявит политическую волю, и уже в ближайшие годы удастся обеспечить условия для вступления этого важнейшего многостороннего соглашения в силу. Это, несомненно, отвечало бы интересам всего мирового сообщества»³, – заявил В. Путин.

Восемь государств, не желающих присоединяться к ДВЗЯИ, это: США, КНР, КНДР, Израиль, Индия, Пакистан, Иран, Египет. Без их ратификации документ не может вступить в силу.

Тем не менее, с 1996 г. в рамках ДВЗЯИ действует Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ), в задачи которой входит убедить «восьмерку» несговорчивых соседей по планете ратифицировать документ. В этой связи раз в два года проводятся Конференции по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ⁴, и 23 сентября 2021 г. это мероприятие в онлайн-формате состоялось уже в 12-й раз⁵, став первым для нового исполнительного секретаря Подготовительной комиссии ОДВЗЯИ Роберта Флойда, австралийского ученого и дипломата, представляющего свою страну – Австралию. Согласно его заявлениям, он будет делать все возможное, чтобы ДВЗЯИ вступил в силу⁶.

Любопытно отметить, что сегодня именно Австралия вызывает самые серьезные опасения в вопросе о том, чтобы «эффективно способствовать предотвращению распространения ядерного оружия во всех его аспектах» и «процессу ядерного разоружения», как указано в преамбуле ДВЗЯИ. Всего за неделю до проведения 12-й Конференции по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ, 15-го сентября 2021 г. по инициативе Вашингтона Австралия, США и Великобритания создали оборонный альянс

AUKUS (Australia, United Kingdom, United States), и Пентагон заявил об очередном расширении американского военного присутствия на территории Австралии. Несмотря на то, что Австралия ратифицировала ДВЗЯИ еще в 1998 г., в рамках партнерства *AUKUS* она, тем не менее, впервые получит возможность осуществить строительство атомных подводных лодок (их планируется создать не менее восьми). А в день проведения Конференции по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ, 23 сентября 2021 г., на онлайн-брифинге австралийский премьер-министр Скотт Моррисон заявил, что Австралия заручилась широкой поддержкой Конгресса США в своем стремлении создать собственный атомный подводный флот⁷. При этом аналитики и эксперты сходятся во мнении, что атомные подводные лодки с баллистическими ракетами представляют собой наиболее адекватное и эффективное средство ядерного сдерживания⁸.

Следует напомнить, что впервые в мире ядерное оружие было создано и испытано в США⁹. В 1942 г. американский физик Р. Опенгеймер был назначен руководителем «Манхэттенского проекта» для разработки и производства атомного оружия, и спустя три года, в июле 1945 г., американцы провели первые ядерные испытания в пустыне в Аламогордо, штат Нью-Мексико (с 1951 г. испытания продолжились на полигоне в штате Невада). К чему привели эти испытания, знает весь мир: в августе 1945 г. с острова Тиниан, расположенного в Микронезии в южной части Тихого океана (сегодня в составе Северных Марианских Островов – неинкорпорированной организованной территории США), к Японии направились два американских бомбардировщика с атомными бомбами на борту. Свыше 200 тыс. жителей японских городов Хиросима и Нагасаки стали жертвами американской атомной атаки,

целью которой было, помимо прочего, отомстить за нападение Японии в 1941 г. на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайях, где находились (и сегодня находятся) главные силы Тихоокеанского флота США. Как известно, это событие стало одной из важных вех во Второй мировой войне; к счастью, на сегодняшний день это два единственных случая боевого применения атомного оружия в истории человечества.

Далее в июле 1946 г. США провели ядерные испытания в южной части Тихого океана – в Микронезии на Маршалловых островах на атолле Бикини, который сейчас входит в состав микронезийского государства Маршалловы Острова, ассоциированного с США. К слову, этот атолл был открыт российским мореплавателем О. Коцебу в 1825 г. и назван «атоллом Эшшольца» в честь бортового врача и ученого-естествоиспытателя. Атолл Бикини, в свою очередь, дал название женскому купальнику, модный показ которого прошел в Париже спустя всего четыре дня после начала серии американских испытаний. Первый в истории моды раздельный купальник был продемонстрирован под лозунгом «Бикини – разделенный атом!»: люди той эпохи относились к расщеплению атома с не меньшим энтузиазмом, чем мы сегодня относимся к сети интернет и смартфонам. А 1 марта 1954 г. атолл Бикини стал местом испытания самого мощного в мире термоядерного оружия: взрыв вошел в историю под названием «Касл Браво». Двумя годами ранее, 1 ноября 1952 г., американцы провели успешное испытание первого в мире термоядерного заряда (прототип водородной бомбы) на атолле Эниветок, который находится примерно в 300 км от Бикини и также входит в цепь Маршалловых островов.

*«Ядерный гриб» – радиоактивное облако
после взрыва на атолле Бикини, 1946*

Фото: из открытых источников

Вторым государством, которое начало проводить ядерные испытания в южной части Тихого океана, стала Великобритания. В 1951 г. правительство Австралии дало Лондону согласие на использование в качестве полигона архипелага Монте-Белло на западной оконечности страны, где 3 октября 1952 г. британцами было впервые испытано ядерное взрывное устройство, размещенное на борту корабля. В 1956 г. здесь же были проведены еще два испытания. А на полигоне Маралинга в штате Южная Австралия в 1955–1963 гг. Великобритания осуществила семь крупных и сотни мелких испытаний. Мероприятия по борьбе с радиоактивным загрязнением этой местности были завершены лишь в 2000 г. и обошлись австралийскому бюджету в 108 млн долл. США.

Третьей страной, выбравшей южную часть Тихого океана для воплощения своей ядерной программы, была Франция, которая после предоставления независимости Алжиру в 1962 г. перенесла свой ядерный полигон из пу-

стыни Сахара, где в 1960 г. состоялось первое испытание, в южнотихоокеанское владение Французская Полинезия, более известное как Таити – по названию самого крупного острова. В 1966–1996 гг. Франция провела 193 атомных испытания в архипелаге Туамоту на необитаемых атоллах Муруроа и Фангатауфа, расположенных в восточной части Французской Полинезии примерно в 1,2 тыс. км от о. Таити и приблизительно на одинаковом расстоянии (7 тыс. км) от западного побережья США, берегов Латинской Америки и восточного побережья Австралии.

Фото: Зарубежное военное обозрение¹⁰

Каждый взрыв приносил определенный доход в казну Французской Полинезии, и это позволяло Парижу сдерживать антифранцузские настроения в своей южнотихоокеанской «заморской территории». Таитяне выступали против радиоактивного загрязнения окружающей среды с не меньшим накалом, что и за отделение от Франции. Экология – ключевой вопрос для маленьких южнотихоокеанских островов, так как островная экосистема отличается особой хрупкостью и требует специальных мер по ее охране.

Первым борцом с французским присутствием на таитянской земле стал яркий политик-бунтарь Пуванаа а Оопа Тетуапуа (1895–1977), «те Метуа» («отец народа»), заслуживший памятник в 1982 г. в городе Папееэте, столице Французской Полинезии. С 1950-х гг. П. Оопа вел агитацию за отделение от Франции, в том числе приводя в качестве аргумента очевидный план Парижа перенести во Французскую Полинезию атомный полигон в случае получения Алжиром независимости. Лозунг партии П. Оопы был красноречив: «Таити – для таитян, французов – в море!». В 1958 г. мятежный политик был обвинен в «подготовке теракта» по поджогу Папееэте, выслан из страны и заключен в тюрьму практически на пожизненный срок, но десять лет спустя, в 1968 г., его помиловал президент Франции Шарль де Голль. По возвращении на Таити П. Оопа был вскоре избран во французский Сенат от Французской Полинезии. В этой должности он проработал до конца жизни с 1971 по 1977 гг. Его дело в борьбе за права таитян продолжил еще один видный политик – Оскар Темару, который начал организовывать антиядерные демонстрации с середины 1970-х гг.¹¹ и несколько раз побывал на посту президента Французской Полинезии в 2000-х гг.

Акции протеста против ядерных испытаний проходили не только на Таити, но и по всему миру – и особенно в Австралии, Японии и в самой Франции; количество участников исчислялось сотнями тысяч и росло пропорционально «гонке вооружений». «Борцы за мир» выступали не только против проведения ядерных испытаний, но и против добычи урана и даже использования мирного атома. В дополнение ко всему в 1971 г. была создана международная независимая негосударственная природоохранная организация «Гринпис», которая активно влилась в

движение за разоружение, и ее действия с годами принимали все более жесткие формы.

Как уже упоминалось в самом начале этой главы, Великобритания, США и СССР прекратили атмосферные испытания еще в 1963 г., заключив первое в истории соглашение о контроле над вооружениями – Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Хотя это и сделало, по известному выражению, взрывы «незаметными»¹², поскольку они попросту были переведены под землю, тем не менее, радиоактивные выбросы в атмосферу значительно сократились. Австралия, Новая Зеландия, Япония и Индия – одни из главных акторов в южной части Тихого океана – в том же году подписали и следом ратифицировали этот документ, участниками которого к 2021 г. являются 136 государств. КНР, которая сегодня заявляет свои права на влияние в южной части Тихого океана, в 1963 г. хоть и поставила свою подпись под договором, но до сих пор так и не ратифицировала его. А Франция и вовсе не выразила желания участвовать в этом договоре вплоть до настоящего времени¹³.

В 1964 г., спустя всего год после вступления в силу Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, Китай стал пятой по счету ядерной державой: на Лобнорском полигоне в Синьцзян-Уйгурском автономном районе было проведено атмосферное испытание первой китайской атомной бомбы. В дальнейшем КНР по-прежнему осуществляла ядерные испытания только в пределах своей территории.

Следующим по важности в вопросе о контроле над вооружениями стал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который вступил в силу в 1970 г., а к 2021 г. его подписала уже 191 страна¹⁴, за исключением

Индии, Пакистана, Израиля, КНДР и Южного Судана (не располагает собственным ядерным оружием). Этот документ наделил статусом «ядерных держав» пять государств – США, СССР, Великобританию, Францию и Китай и узаконил их ядерные арсеналы. Государства-участники т.н. «ядерного клуба» обязались не передавать ядерные технологии другим сторонам, но получили право на использование технологий «мирного атома». Контроль за выполнением неядерными странами своих обязательств по нераспространению ядерного оружия начало осуществлять Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), основанное еще в 1957 г. До 1992 г. к ДНЯО не желали присоединяться Франция и КНР, и это, как и в случае с Индией, долгое время осложняло их отношения со странами южной части Тихого океана. Особенно напряженными были отношения у Франции с Австралией и Новой Зеландией, которые по экологическим и стратегическим соображениям выступали резко против проведения французской ядерной программы во Французской Полинезии.

«Переломным» для Франции стал 1974 г., когда после очередного атмосферного ядерного испытания до о. Таити дошло радиоактивное облако по причине необычных ветрового и дождевого режимов, и таитяне получили высокие дозы облучения из-за выпадения радиоактивных осадков. Всего в период 1966–1974 гг. по официальным данным были облучены около 5 тыс. человек¹⁵, проживавшие в радиусе 1 тыс. км от атоллов Муруроа и Фангатауфа, где действовал французский испытательный полигон¹⁶. При этом реальные цифры умалчивались французской стороной, а о должной компенсации ущерба речи не шло.

После инцидента на о. Таити в 1974 г. президент Франции Валери Жискар д'Эстен объявил о прекращении

ядерных испытаний в атмосфере и распорядился впредь проводить их только под землей – в шахтах, вырытых в атоллах. Тем не менее, постепенное загрязнение окружающей среды радиоактивными отходами все равно продолжалось, и недовольство росло не только среди жителей маленьких южнотихоокеанских островов, но и в первую очередь в Новой Зеландии, Австралии и Японии – влиятельных государствах южной части Тихого океана, а также во всех ведущих странах мира, не исключая, как уже говорилось, саму Францию.

В том же «переломном» 1974 г. Индия впервые осуществила, по ее заявлению, «мирный» ядерный взрыв в шахте под землей на своей территории в 25-ти км от г. Покхран в штате Раджастан, получивший название «Улыбающийся Будда». Таким образом, Индия стала шестой в мире ядерной державой после США, СССР, Вели-

кобритании, Франции и Китая, пополнив собой «ядерный клуб».

Примечательно, что за двадцать лет до этого события, в 1954 г., премьер-министр Индии Джавахарлал Неру стал первым в мире государственным деятелем, который призвал ядерные государства к прекращению ядерных испытаний¹⁷.

Премьер-министр Индии Индира Ганди посещает место первого ядерного испытания «Улыбающийся Будда», г. Покхран, штат Раджастан, Индия, 1974 г.¹⁸

Впоследствии на своем полигоне в г. Покхран Индия провела еще два подземных испытания в 1998 г., – как раз тогда, когда страны, подписавшие ДВЗЯИ, упомянутый в самом начале главы, приступили к ратификации этого документа (в том числе Франция). Индия же не подписала ДВЗЯИ до сих пор. Такая позиция привела Дели к осложнению отношений с Австралией, Новой Зеландией и Японией, которые больше всех в мире были обеспокоены вопросами ядерной безопасности. Так, в 1998 г. Япония заморозила часть своей официальной помощи в целях развития, предназначавшейся Индии. Однако в 2005 г. США подписали с Индией договор о сотрудничестве в области мирного атома, что фактически означало признание прав Индии на свои ядерные разработки. После этого индийско-японские отношения нормализовались¹⁹.

Интересы Индии в южной части Тихого океана, помимо прочего, заключаются в поддержании культурных и экономических связей с одним из крупнейших островных государств – Фиджи, которое среди первых колоний в южной части Тихого океана получило независимость от Великобритании в 1970 г. Половину населения Фиджи составляют индийцы, привезенные британцами для работ на плантациях сахарного тростника в конце XIX в., и именно с этой частью населения Индия старается не терять историческую связь. Так как Фиджи находится в непосредственной зоне влияния Австралии и Новой Зеландии, то отношения между Индией и этими государствами носят особенный характер.

Что касается участия КНР в ДВЗЯИ, то в 1996 г. китайская сторона подписала, но до настоящего времени так и не ратифицировала этот договор, положения которого запрещают проведение испытательных взрывов ядерных зарядов, в том числе в мирных целях. Совсем недавно, в 2020 г., Вашингтон заподозрил Поднебесную в секретном

проведении испытаний ядерных устройств малой мощности на ядерном полигоне Лобнор и выразил свою крайнюю настороженность этой ситуацией, которая говорит о возможном нарушении условий ДВЗЯИ со стороны Китая²⁰. Аргументом с китайской стороны может послужить то, что договор еще не вступил в силу, и поэтому его соблюдение формально не является обязательным.

Интересы Китая в южной части Тихого океана в настоящее время ограничиваются торгово-экономической областью: к 2020-м гг. маленькие островные государства и территории попали в сильную зависимость от китайских кредитов, которые они смогут отработать, предоставив, в частности, свои порты для реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь». При этом китайские диаспоры уже давно и успешно расселяются по всему региону, и их представители с 1960-х гг. присутствуют в правительствах и даже порой занимают президентские должности во многих островных государствах и территориях (в Папуа – Новой Гвинее, Таити, Кирибати и др.²¹). В 2018 г. Китай предпринял попытки учредить военные базы на Фиджи, в Вануату и Папуа – Новой Гвинее. Эти планы были пресечены усилиями австралийской дипломатии.

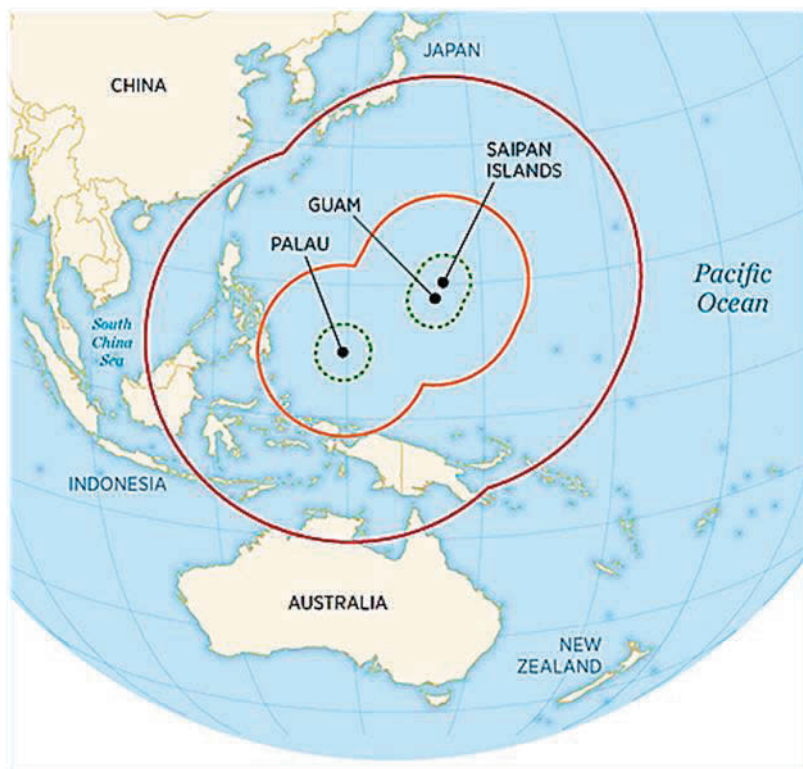
В свою очередь, США – крупнейшая ядерная держава в мире – еще после Второй мировой войны разместили свои военные базы в Японии, сосредоточив, как известно, основные силы в префектуре Окинава. С середины 1940-х гг. американцы начали разворачивать объекты стратегического назначения, включая уже упомянутые ядерные полигоны, на ряде атоллов в соседней с Японией Микронезии – главной зоне американского влияния в южной части Тихого океана.

С 1944 г. на Гуаме (неинкорпорированной организованной территории США, являющейся по сути американским владением) находится крупная военно-морская база Апра-Харбор и авиабаза Андерсен (всего около 7 тыс. военнослужащих²²).

*На Гуаме расположена
одна из крупнейших военных баз США²³*

В 2021–2023 гг. американцы планируют разместить часть объектов системы ПРО «Иджис» (Aegis – в переводе с греческого «защита») в расположенном близ Гуама государстве Палау, ассоциированном с США, правительство которого уже выступило с предложением принять американских военных на своей территории²⁴. Ведь военные базы – это всегда дополнительные доходы в бюджет маленького островного государства и обеспечение местных жителей работой по обслуживанию американской армии. Также США присматриваются к соседним островам – Сайпану и уже упомянутому выше Тиниану в составе Северных Марианских Островов.

*ПРО США «Иджис» в южной части Тихого океана,
проект на 2021–2023 гг.²⁵.*

Таким образом, ведущие региональные безъядерные государства – Австралия, Новая Зеландия и Япония к 1980-м гг. оказались в соседстве с ядерными державами в южной части Тихого океана. В целом, за весь период ядерных испытаний с 1945 по 1996 гг. США, Великобритания и Франция провели свыше трехсот серий взрывов на полигонах в Австралии и на атоллах южной части Тихого океана²⁶.

Всего в мире произведено свыше 2 тыс. ядерных испытаний (см. рис. ниже):

Распределение ядерных испытаний, проведенных в Китае, Великобритании, Франции, СССР и США с 1945 по 1996 гг. (1996 г. – год подписания договора ДВЗЯИ). График не включает ядерные испытания, проведенные Индией (одно в 1974 г., два в 1998 г.), Пакистаном (два в 1998 г.) и КНДР (по одному в 2006, 2009, 2013 гг., два – в 2016 г., одно – в 2017 гг.)²⁷

В течение всех этих лет активнее всего против ядерных испытаний, и прежде всего – французских, выступала Новая Зеландия. С 1950-х гг. это небольшое, но преуспевающее южнотихоокеанское государство направляло своих военных наблюдателей на места проведения британских и американских ядерных испытаний в Австралии, в Тихом океане и в Неваде, а суда Королевского флота Новой Зеландии использовались в качестве метеорологических кораблей в ходе британских испытаний в Индийском океане. Понимание серьезности угрозы атомного оружия было (и по сей день остается) одной из насущных проблем в новозеландском обществе.

Протесты против французских ядерных испытаний в Новой Зеландии усилились с середины 1960-х гг., когда начал работу французский ядерный полигон во Француз-

ской Полинезии. Суда организации «Гринпис» впервые предприняли попытки приблизиться к атоллу Муруроа, чтобы помешать атмосферным испытаниям, в 1972 и 1973 гг., но оба раза французские военные грубо пресекали акции «зеленых», среди которых были и новозеландцы.

*Французские
военные применяют
насилие при
задержании
«гринписовцев»
на судне «Vega»
у атолла Муруроа,
Французская
Полинезия, 1973 г.²⁸*

В 1972–1973 гг. правительства Новой Зеландии и Австралии дважды подавали на Францию в Международный суд ООН с требованием прекратить атмосферные ядерные испытания. В ответ на обращение Австралии и Новой Зеландии в 1972 г. Международный суд ООН постановил, что «правительство Франции должно воздержаться от проведения испытаний ядерного оружия, вызывающих выпадение радиоактивных осадков на австралийскую территорию» и «на территорию Новой Зеландии, островов Кука, Ниуэ и островов Токелау [три новозеландские зависимые территории – прим. авт.]»²⁹.

Но Париж проигнорировал решение суда в 1972 г. и сделал то же самое в 1973 г.:

«36. 9 мая 1973 г. Австралия и Новая Зеландия представили на рассмотрение Суда исковые заявления против Франции по двум делам, связанным с испытаниями ядерного оружия в атмосфере, проводившимися Францией в

южной части Тихого океана. Правительство Австралии просит Суд вынести решение о том, что продолжение этих испытаний несовместимо с соответствующими нормами международного права, и постановить, чтобы правительство Франции прекратило их. Правительство Новой Зеландии просит Суд вынести решение о том, что подобные испытания, вызывающие выпадение радиоактивных осадков, представляют собой ущемление прав Новой Зеландии с точки зрения международного права и что такие права будут ущемлены в результате любого нового испытания.

37. В письме от 16 мая 1973 г. правительство Франции заявило, что, по его мнению, Суд совершенно некомпетентен рассматривать данный вопрос, что оно не может согласиться с его юрисдикцией и требует, чтобы эти два дела были изъяты из его списка.

<...> 42. 16 и 18 мая 1973 г. правительство Фиджи <...> обратилось в Суд с просьбой о разрешении вступить в дело по двум жалобам, представленным соответственно правительством Австралии и правительством Новой Зеландии. В двух постановлениях от 12 июля 1973 г. Суд 8 голосами против 5 принял решение отложить рассмотрение этих просьб...»³⁰, – говорится в Докладе Международного суда ООН от 1973 г.

Решение Суда на обращение от 1973 г. было вынесено в декабре 1974 г. и гласило следующее:

«...разбирательство, состоявшееся в Суде 9 мая 1973 года, касалось ядерных испытаний в атмосфере, проводившихся Францией в южной части Тихого океана <...>, первоначальная и конечная цель Австралии состоит в прекращении этих испытаний <...>; Франция в форме различных публичных заявлений, сделанных в 1974 году, объявила о своем намерении после завершения серии испытаний в атмосфере в 1974 году прекратить проведение таких испытаний <...>. Суд постановляет, что цель Ав-

стралии фактически достигнута, поскольку Франция взяла на себя обязательство не проводить дальнейших ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана <...>; поскольку спор, таким образом, прекратил иметь место, жалоба более не имеет предмета и не по чему выносить решение»³¹.

Что же касается оборонной политики Австралии и Новой Зеландии, то, следуя политическому курсу Канберры, которая после Второй мировой войны выбрала себе в стратегические партнеры США – самое экономически сильное на тот момент государство, обладавшее самым мощным в мире оружием – ядерным, Веллингтон вступил в созданный в 1951 г. трехсторонний военно-политический блок АНЗЮС (ANZUS, именуется по первым буквам в названиях стран-участниц: Australia, New Zealand, United States), который гарантировал взаимопомощь между Австралией, Новой Зеландией и США в случае агрессии в Тихом океане³². Как раз в 1951 г., как упоминалось выше, Великобритания получила разрешение Канберры на свой первый атомный взрыв у берегов Австралии, и Вашингтон тут же юридически закрепил стратегический альянс с Австралией и Новой Зеландией, не желая выпускать их в будущем из своей зоны влияния.

Но если Австралия впоследствии четко следовала линии Вашингтона, согласовывая ее со своими национальными интересами, то Новая Зеландия избрала иной путь в отношениях со своим всесильным партнером. На пике «гонки вооружений», которая пришлась на 1970-е гг., появление в 1976 г. в портах Новой Зеландии двух американских атомных крейсеров вызвало мощный общественный резонанс, так как не было известно, находилось ли на борту взрывоопасное ядерное содержимое. Политика американцев заключалась в том, чтобы «не подтверждать и не опровергать» эту информацию своим южнотихоокеан-

ским союзникам, которые обязались не спрашивать согласно принятой договоренности³³. Поэтому, на всякий случай, в портах на берегу были развернуты штабы гражданской обороны для помощи населению в экстренной ситуации. Такие же меры были предприняты во время последующих заходов в новозеландские порты американских атомных подводных лодок в 1978 и 1979 гг. Все эти визиты сопровождались массовыми протестами местного населения.

В те беспокойные годы новозеландское правительство во главе с премьер-министром Робертом Малдуном (1975–1984) считало, что заходы американских атомных боевых судов необходимы для поддержания отношений с США в рамках АНЗЮС, учитывая растущую «коммунистическую угрозу», исходившую от активизировавшего свою внешнюю политику СССР – второго после США ядерного гиганта на планете. В 1970-1980-е гг. все большее число бывших колоний в южной части Тихого океана обретали независимость, и возможное усиление советского присутствия в регионе за счет дипломатических связей с новыми островными государствами пугало правительства Австралии и Новой Зеландии в гораздо большей степени, чем американские атомные боевые суда. СССР действительно начал предпринимать попытки для создания благоприятного имиджа в южной части Тихого океана: например, в 1970-е гг. на Таити и на Гавайи был отправлен советский певец и актер Владимир Высоцкий; одновременно последовали советские научно-исследовательские океанографические экспедиции; были также организованы две этнографические экспедиции в 1971 и 1977 гг. с участием специалистов в области международных отношений из Института востоковедения АН СССР³⁴. Советские журналисты-международники и по совместительству сотрудники службы внешней разведки бороздили просто-

ры Тихого океана и общались с высшим руководством новых независимых южнотихоокеанских государств. «Отпутнуть» СССР ядерным оружием на борту американских судов маленькой и очень уязвимой Новой Зеландии под управлением Р. Малдуна казалось на тот момент правильным решением. А в 1979 г., когда СССР направил свои войска в Афганистан, островные государства-члены ООН вообще закрыли свои порты для советских круизных и научно-исследовательских судов. Ситуация начала нормализоваться лишь с середины 1980-х гг.

Выборы нового главы страны, которые состоялись в Новой Зеландии в 1984 г., привели к власти Дэвида Лонги (1984–1989) – противника подобной политики следования интересам США, который в своей предвыборной кампании учел, что между 1978 и 1983 гг. желание новозеландцев запретить заходы в порты американских судов с ядерным оружием на борту возросло с 32% до 72%³⁵.

В августе 1983 г. прибытие американского атомного крейсера в порт крупнейшего новозеландского города не было встречено массовыми выступлениями по всей стране: на фото – протестующие в гротескных масках проносят по улице Мерсер-стрит в столице Веллингтоне статую Свободы из папье-маше, которая держит в руке ядерную ракету³⁶.

В середине 1980-х гг. уже мало кто из новозеландцев чувствовал угрозу со стороны слабеющего Советского Союза (который на протяжении всего XX в. служил «великим пугалом» для Великобритании и США). Зато реальные опасения вызывала ядерная угроза в виде американских атомных боевых судов. «Превратиться в пепел от рук врагов – это еще не самое страшное: хуже, если вас обратят в пепел ваши же друзья»³⁷, – высказался по этому поводу славившийся своим красноречием новоизбранный премьер-министр Д. Лонги. В 1985 г. он впервые отказал в заходе в новозеландский порт очередному атомному кораблю ВМС США, так как американская сторона «не подтвердила и не опровергла» сведения о наличии или отсутствии на его борту ядерного оружия, а в 1987 г. новозеландский премьер-министр наложил официальный запрет на заходы американских атомных судов в порты Новой Зеландии, действующий до сих пор. В этой связи США прекратили отношения с Новой Зеландией по договору АНЗЮС, и с тех пор американская сторона не несет обязательств по обеспечению безопасности новозеландских берегов. Но при этом отношения Новой Зеландии с Австралией в рамках договора АНЗЮС остались неизменными. Кульминацией охлаждения отношений между Вашингтоном и Веллингтоном стало объявление в 1987 г. Новой Зеландии безъядерной зоной³⁸, что означало полный отказ от ядерной энергии на всей территории страны, включая окружающую ее 200-мильную эксклюзивную экономическую зону. «Новая Зеландия первая в мире объявила свою территорию безъядерной зоной. Характерно, что в советской прессе тех лет широко обсуждалась антиядерная политика Новой Зеландии, хотя обычно эта страна нечасто фигурировала в международных новостях, которые публиковались на страницах советских журналов и газет», – пишет специалист по Новой Зеландии Л.Г. Стефанчук³⁹.

А в ответ США понизили статус Новой Зеландии с «союзника» до «дружественного государства»⁴⁰. Веллингтон же до сих пор твердо придерживается принципов безъядерной политики, – до такой степени, что после создания упомянутого выше американо-британо-австралийского альянса AUKUS в сентябре 2021 г. объявил о том, что не будет впускать в свои порты атомные подводные лодки своего ближайшего партнера по региону – Австралии, когда и если они у нее появятся⁴¹. Это может привести к окончательному выходу Новой Зеландии из договора АНЗЮС.

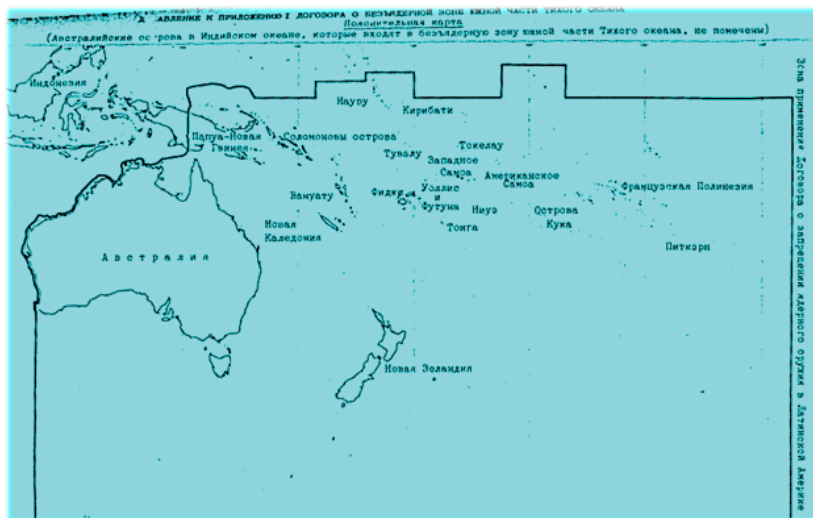
В январе 1985 г. корабль ВМС США «Бьюкенен» зашел в порт города Сидней, Австралия. В том же году «Бьюкенен» не получил разрешения на швартовку в Окленде, Новая Зеландия, за отказ подтвердить или опровергнуть наличие на его борту ядерного оружия⁴².

Тем временем в 1980-х гг. в южной части Тихого океана появлялось все больше независимых государств, – формально они обладали правом свободно выражать свою политическую волю, но в действительности целиком зависели от своих главных экономических доноров – Австралии и Новой Зеландии, которые, в свою очередь, взяли

курс на безъядерное будущее. В этой связи 6 августа 1985 г. на основании решения 15-го ежегодного Форума южной части Тихого океана⁴³ (с 2000 г. эта главная региональная межправительственная организация носит название «Форум тихоокеанских островов», ФТО) 13 участников – Австралия, Новая Зеландия, Западное Самоа (после 1997 г. – Самоа), Вануату, Кирибати, Науру, Папуа – Новая Гвинея, Соломоновы Острова, Фиджи, Тувалу, Тонга, а также ассоциированные с Новой Зеландией самоуправляющиеся государственные образования – Ниуэ и Острова Кука подписали Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, который вступил в силу в декабре 1986 г. Документ был подписан на о. Раротонга, где расположена Аварау – столица Островов Кука, поэтому он также известен как Договор Раротонга⁴⁴. Протоколы II и III этого документа, которые обязуют стороны не проводить ядерные испытания в южной части Тихого океана и не применять ядерное оружие друг против друга, подписали и вскоре ратифицировали СССР в 1986 г. и Китай в 1987 г. (их подписи под Протоколом I не требовались, так как он относится только к странам и территориям, расположенным непосредственно в южной части Тихого океана). Спустя 10 лет, в 1996 г., вместе с Францией, которая до того момента продолжала осуществлять ядерные испытания во Французской Полинезии, все три протокола Договора Раротонга подписали Великобритания (ей до сих пор принадлежат острова Питкэрн в самом центре Тихого океана) и США (которые владеют фактически всей Микронезией). И если Франция и Великобритания ратифицировали этот договор, то США – до сих пор нет.

Безъядерная зона по Договору Раротонга охватывает Австралию, Новую Зеландию и все малые островные государства и зависимые территории в южной части Тихого океана, за исключением Микронезии – зоны влияния

США. Согласно договору стороны обязались не производить, не приобретать и не взрывать ядерное оружие в южной части Тихого океана и за ее пределами.

Добавление к Приложению I Договора о безъядерной зоне южной части Тихого океана от 8 августа 1985 г.⁴⁵.

За месяц до подписания поистине эпохального Договора Раротонга произошло одно из самых трагических событий в истории борьбы за разоружение: 10 июля 1985 г. у берегов Новой Зеландии французскими спецслужбами было взорвано судно «Rainbow Warrior», принадлежавшее организации «Гринпис», которое предназначалось для проведения акции против ядерных испытаний во Французской Полинезии. Один человек погиб. Впоследствии Франция выплатила в пользу «Гринписа» солидную компенсацию – 8,1 млн долл. США⁴⁶, а в пользу Новой Зеландии – 7 млн. долл.⁴⁷.

Судно «Rainbow Warrior» после взрыва, 1985 г.

Постепенно французское руководство начало склоняться к мысли, что для улучшения международного имиджа своей страны следует пересмотреть ядерную политику, и в 1992 г. президент Франсуа Миттеран (1981–1995) объявил мораторий на испытания, который, впрочем, был нарушен в 1995 г. новым французским президентом Жаком Шираком (1995–2007). По его приказу в 1996 г. была проведена последняя серия ядерных испытаний (по официальной версии – для компьютерного моделирования взрывов, по альтернативной – было испытано оружие нового образца⁴⁸).

Неудивительно, что после объявления Ж. Шираком о возобновлении ядерной программы в 1995 г. в г. Папезте, у памятника упомянутому выше борцу за права таитян Пуванаа а Оопе, собралась беспрецедентная многотысячная демонстрация⁴⁹, участники которой требовали от

Франции прекратить ядерные испытания, а ведущие страны южной части Тихого океана – Австралия и Новая Зеландия, а также Япония выразили таитянам свою горячую поддержку.

Массовые выступления, прокатившиеся по всему миру, в том числе, в самом Париже, с призывами к ядерным державам свернуть ядерные программы, укрепили президента Франции Ж. Ширака в решении не только завершить цикл испытаний, но и полностью прекратить работу полигона на архипелаге Туамоту.

Одновременно, в одни и те же даты, 24 сентября 1996 г. Париж и Лондон подписали, а 6 апреля 1998 г. ратифицировали ДВЗЯИ. В том же 1998 г. Франция стала первой ядерной державой в мире, которая полностью демонтировала свой ядерный полигон⁵⁰. С того момента отношения Франции с Австралией, Новой Зеландией и Японией получили невероятно бурное развитие.

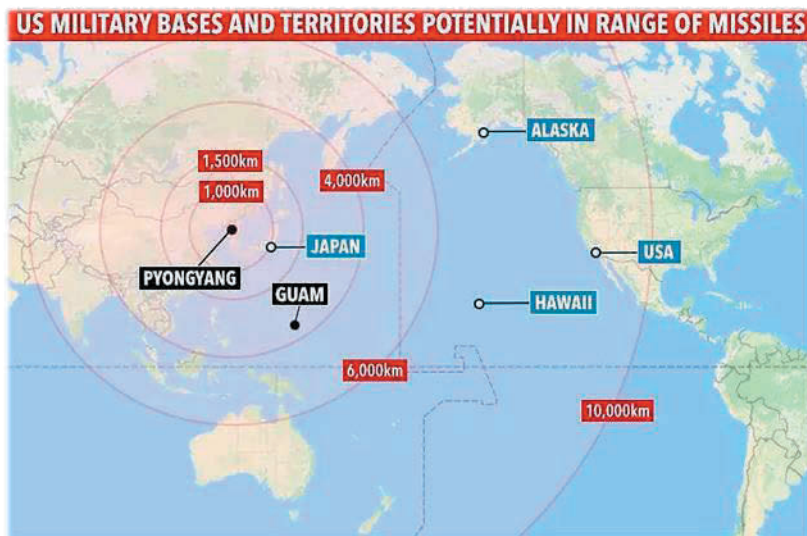
После полного прекращения ядерных испытаний в 1996г. Ж. Ширак заявил, что вплоть до 2006 г. финансирование Французской Полинезии будет поддерживаться на том же уровне, что и во время проведения испытаний. Слова французского президента нашли свое отражение в «Конвенции по поддержанию экономической автономии Французской Полинезии» от 1996 г., согласно которой в течение 10-ти последующих лет Франция обязалась ежегодно выплачивать сумму, равную перечислениям во времена проведения ядерных испытаний⁵¹. Вслед за этим заметно улучшились отношения между Французской Полинезией и Австралией, которая начала, в том числе, ежегодно предоставлять таитянам гранты на обучение в своих ВУЗах. Между Австралией и Французской Полинезией начал активно развиваться туризм в обоих направлениях благодаря договоренностям об отказе от визового режима, достигнутым в 1998 г. между Парижем и Канберрой. А в

мае 2021 г. правительство Австралии учредило свое первое Генеральное консульство в Папэте в рамках политики усиления роли Австралии в южной части Тихого океана, которую задал австралийский премьер-министр Скотт Моррисон еще в ноябре 2018 г.⁵². До 2021 г. аккредитованным во Французской Полинезии был генеральный консул Австралии в Нумеа, столице Новой Каледонии – важнейшего французского владения в южной части Тихого океана (с 1940 г. в Нумеа было учреждено австралийское консульство, с 1980 г. по настоящее время – Генеральное консульство Австралии в Нумеа).

Казалось бы, в конце 1990-х гг. южная часть Тихого океана вступила в новую безъядерную эру, и страх атомной войны между ядерными державами должен был бы отступить. Однако в 2006-2017 гг. целую серию ядерных и ракетных испытаний провела Северная Корея. После очередных северокорейских испытаний и многочисленных угроз в адрес США Пентагон в апреле-мае 2017 г. протестировал свою систему ПРО для перехвата северокорейских ракет, запустив с атолла Кваджалейн в составе Маршалловых Островов на материковую часть США две учебные межконтинентальные баллистические ракеты, которые были успешно перехвачены⁵³.

КНДР не осталась в долгу: напротив, северокорейский лидер Ким Чен Ын пригрозил совершить к середине августа 2017 г. ответный запуск ракеты в район крупнейшей американской базы в Тихом океане, расположенной на Гуаме. К счастью, в середине августа Ким Чен Ын отказался от своего заявления. Однако можно лишь догадываться, какого рода эмоции испытали жители Гуама. Неудивительно, что глава Гуама Эдди Калво в октябре 2017 г. выступил в ООН с предложением о деколонизации Гуама (в настоящее время Гуам имеет статус «неинкорпорированной территории», являющейся владением США).

Впрочем, требования о предоставлении Гуаму независимости от США периодически выдвигаются местным правительством в течение последнего десятилетия, но пока не дали никаких результатов.

Американские военные базы в предполагаемом радиусе действия северокорейских ракет⁵⁴

Не менее сильно были напуганы угрозой возможной ядерной войны между США и КНДР остальные государства, находящиеся в непосредственной близости к Гуаму: Северные Марианские Острова, Палау, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова и др. Под удар северокорейских ракет также могли попасть французские владения в Тихом океане – например, Новая Каледония, обладающая четвертыми по величине в мире запасами никеля, где расположена французская военная база.

Данную тему с тревогой обсуждали СМИ всех стран южной части Тихого океана, и особенно в Австралии и Новой Зеландии.

Австралия небезосновательно полагает, что в случае возможной ядерной войны пострадает как минимум ее северная часть, где в г. Дарвин располагаются более 2,5 тыс. американских военных.

А в Новой Зеландии, словно предвосхищая события, еще в марте 2017 г. вышел в прокат документальный фильм о возможном ядерном конфликте в Тихом океане под названием «Грядущая война с Китаем» (*"The Coming War on China"*) известного австралийско-британского писателя и журналиста Джона Пилджера⁵⁵.

Не желая участвовать в политических конфликтах на стороне Вашингтона, Новая Зеландия сделала ставку на укрепление отношений с новым региональным лидером – Китаем, который зачастую видится странами южной части Тихого океана как символ мира и процветания в регионе.

Тем временем поляризация отношений между Пекином и Вашингтоном, усилившаяся с приходом к власти в Америке Д. Трампа и продолжившаяся при президентстве Дж. Байдена в 2021 г., вынудила главного актора в южной части Тихого океана – Австралию, во всем повторяющего линию своего ключевого стратегического союзника – США, встать на тропу идеологической войны с КНР. Параллельно действиям Вашингтона по наращиванию ядерного арсенала на Гуаме – главной американской военной базе в Тихом океане, предпринятым в ответ на попытки Китая основать в 2018 г. военные базы в ряде южнотихоокеанских государств (Фиджи, Вануату, Папуа – Новой Гвинее), в 2019 г. Австралия заключила с Францией контракт стоимостью 66 млрд. долл. США на постройку 12-ти подводных лодок, которые впоследствии при сильном желании можно было бы реконструировать для несения ядерных боезарядов на борту (контракт был разорван в 2021 г.).

При этом Канберра приняла решение увеличить численность и без того значительного американского военного контингента, который базируется на севере страны в Северной территории. Порт Дарвин (местная столица, носящая альтернативное название «Ворота в Азию») является узловой точкой инфраструктурных сетей Австралии с выходом на Китай. В 2015 г. этот порт был сдан в аренду КНР на 99 лет. Следовательно, укрепление американского влияния в этом районе было призвано уравновесить китайское влияние. Таким образом, лавируя на стратегических интересах Вашингтона, торговых интересах Китая и дружески-региональных отношениях с Францией, Австралия в последние годы изо всех сил пыталась сохранять баланс в отношениях со своими крупными ядерными партнерами.

Нелишним будет упомянуть еще одного ядерного игрока, с недавних пор активно желающего занять определенные позиции в южной части Тихого океана, – Великобританию. После брекзита в 2021 г. Великобритания вновь позиционирует себя как независимый игрок на мировой арене и в этой связи всего за год нарастила свой ядерный арсенал на 40%⁵⁶. Австралия сохраняет очень тесные отношения со своей бывшей метрополией, после ухода которой из Тихого океана она унаследовала почти все ее южнотихоокеанские владения. Глава Австралии – британская королева; страна также состоит в британском Содружестве наций. Усиление роли Великобритании в южной части Тихого океана, которая заключается в активизации торгово-экономических и стратегических отношений с островными южнотихоокеанскими государствами, гармонично воспринимается Канберрой, заключившей с Лондоном соглашение о свободной торговле в июне 2021 г.

Также следует отметить, что еще одно государство мирового значения – Германия желает укрепить военные связи с Австралией, Японией и Южной Кореей, для чего летом 2021 г. планировало направить боевой корабль в Индийский и Тихий океаны с длительной миссией для демонстрации своего присутствия в регионе.

Демонстрацию силы осуществила и Российская Федерация, которая в ходе военных учений в июне 2021 г. провела свои военные корабли в 23-34 милях от Гавайских островов, где базируется Тихоокеанский флот США и расположена база американских ПРО. Поскольку такое приближение российских кораблей к Гавайям было максимальным за долгое время, это событие вызвало переполох в американских СМИ.

Таким образом, ядерная напряженность в Тихом океане становится одним из значительных вопросов на повестке дня современности.

Неудивительно, что лидирующую роль в складывании принципиально новой расстановки сил в регионе решили взять на себя США, по инициативе которых в сентябре 2021 г. Великобритания, США и Австралия создали упомянутый выше военный союз *AUKUS* (Australia, United Kingdom, USA), в свете которого Пентагон заявил об очередном расширении американского военного присутствия на территории Австралии. Франция и Германия, которых не пригласили в этот «англосаксонский» альянс,отреагировали резко негативно, а Париж вовсе решил отозвать своих послов из США и Австралии после того, как Канберра разорвала упомянутое выше миллиардное соглашение с французской стороной о поставке 12-ти подводных лодок для австралийских ВМС. Такое решение австралийской стороны было расценено французами как «удар в спину»: по мнению Парижа, «партнеры так себя не ведут»⁵⁷. Ранее Париж никогда не отзывал своих послов из

США и Австралии: тем серьезнее выглядел этот шаг, – который, впрочем, был сделан обратно всего несколько дней спустя, когда французские дипломаты вновь вернулись в США⁵⁸ (решение о возвращении посла в Австралию было принято чуть позже – 6 октября – *прим.ред.*⁵⁹). Что касается объяснений австралийской стороны, то они гласят, что «простые» подводные лодки стране не нужны на фоне усложняющейся ситуации с региональной безопасностью. По всей видимости, Канберре требуется более мощный боевой арсенал, который она планирует получить от вступления в альянс с ядерными державами – Великобританией и США.

Однако надо учесть, что в «линию обороны» Австралии, которая включает в себя основные островные государства Меланезии (те самые, где, как уже упоминалось выше, хотел разместить свои военные базы Китай в 2018 г.), входит также французское владение Новая Каледония, расположенное всего в 1,5 тыс км от берегов Австралии. Учитывая, что Франции принадлежит владение Уоллис и Футуна со стратегически важным расположением и Французская Полинезия с пусть и бездействующим, но все же ядерным полигоном, Франция имеет важнейшее для Австралии геостратегическое значение, и ранее Канберра всегда руководствовалась этим фактом при построении дружественных отношений с Парижем.

До недавнего времени Австралия выступала медиатором в непростых и противоречивых отношениях между Вашингтоном – представителем англофонной культуры и Парижем – представителем франкофонии, находящихся в перманентном конфликте на протяжении истории. И то, что Канберра, наконец, определилась с приоритетами, заняв сторону англофонных партнеров, несмотря на почти двухсотлетние отношения с Францией, говорит о серьез-

ности складывающейся обстановки в южной части Тихого океана.

Отдаление Австралии от Франции в сторону альянса AUKUS может, помимо нарушения политических связей, привести к тому, что Австралия лишится 7-го по величине партнера по экспорту, 4-го – по импорту и 9-го – по объему австралийских прямых зарубежных инвестиций. Париж может также нарастить свой военный контингент в Новой Каледонии, что лишь обострит и без того сложную геополитическую ситуацию в регионе.

В заключение хотелось бы отметить, что действия Вашингтона, Лондона и Канберры в Тихом океане способны осложнить ситуацию в мировом масштабе, так как расстановка сил строится на геополитических играх не «простых», а ядерных держав. Объяснение этих действий тем, что они предприняты лишь для того, чтобы сдерживать Китай, может оказаться ничем иным, как прикрытием более экспансионистских планов, после осознания неизбежности которых, Канберре, к сожалению, не оставалось иного выбора, кроме как встать на сторону сильнейших, по ее мнению, акторов.

¹ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, 24.09.96 / Сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/608600

² Заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина по случаю двадцатипятилетия открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний / Сайт Президента России, 23.09.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66755>

³ Там же.

⁴ Об участии заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А.Рябкова в Конференции по содействию вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний /

МИД РФ, 25.09.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4866908

⁵ Конференция по содействию вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Нью-Йорк, 23 сентября 2021 года. URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/Art_14_2021/CTBT-ART.XIV-2021-3R.pdf

⁶ Большие надежды для Роберта Флойда: стоит ли ждать вступления ДВЗЯИ в силу? / Даниил Растегаев, ПИП-Центр, 23.09.2021. URL: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/520>

⁷ Австралия заявила о поддержке США в вопросе об атомном подводном флоте / Regnum, 23.09.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3379094.html>

⁸ Общая характеристика ядерных сил Великобритании / ПИП-Центр, 2010. URL: <http://www.pircenter.org/static/obschaya-harakteristika-yadernyh-sil-velikobritanii>

⁹ Ольга Прудникова, Елена Левадина. Ядерная безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Центр изучения международных отношений в АТР, 24.12.2019. URL: <https://ru.apircenter.org/archives/4527>

¹⁰ И. Александров. Атолл Муруроа – центр французских ядерных испытаний / Зарубежное военное обозрение, 09'1995. URL: <http://commi.narod.ru/txt/1995/0901.htm>

¹¹ Tahitians campaign to stop French nuclear testing, 1995 / Global Nonviolent Action Database. URL: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/tahitians-campaign-stop-french-nuclear-testing-1995>

¹² Договор, сделавший ядерные взрывы незаметными // BBC, 5 августа 2013. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/08/130805_nuclear_test_treaty_50

¹³ Treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in outer space and under water // UN. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=08000002801313d9>

¹⁴ Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons / UN. URL: <https://treaties.unoda.org/t/npt>

¹⁵ В 1974 г. численность населения Французской Полинезии составляла 127 тыс. чел. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=PF>

¹⁶ Бюллетень МАГАТЭ 40/4/1998 (декабрь 1998 г.). Вена, Австрия. ISSN 0020-6067. - с. 39. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/vol40_no4_russian.pdf

¹⁷ Прекращение ядерных испытаний // ООН, 2019. URL: <https://www.un.org/ru/observances/end-nuclear-tests-day/history>

- ¹⁸ Операция "Улыбающийся Будда": первое ядерное испытание Индии (1974) . URL: <http://atomas.ru/milit/smiling-buddha.htm#>
- ¹⁹ Гарин А.А. Глава 6. Фактор Индии в Южно-Тихоокеанском регионе / Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем. Коллективная монография. М., ИВ РАН, 2020. - С. 183
- ²⁰ Испытания Китая на полигоне Лобнор вызвали тревогу у США / Regnum, 15 апреля 2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2917945.html>
- ²¹ Захарьев Я.О. Интересы китайской общины ЮВА в ЮТР в начале XXI века // Российская диаспора в странах Востока: сборник IV научной конференции. 2013. – М., ИВ РАН. – С. 19-22. URL: <https://www.ivran.ru/f/conf-diasporasiv30-31.doc>
- ²² The US captured one of its most important military outposts from an enemy who didn't even know it was at war / Insider, 30 June 2021. URL: <https://www.businessinsider.com/how-guam-became-one-of-most-important-us-military-bases-2021-6>
- ²³ North Korea: Plan to hit Guam waters to be ready by mid-August / CNN Wire, Aug 10, 2017. URL: <https://www.wreg.com/news/north-korea-plan-to-hit-guam-waters-to-be-ready-by-mid-august/>
- ²⁴ Brent D. Sadler. Repurposing Navy Cruisers Planned for Decommissioning: An Interim Capability for Countering Chinese Missile Attacks on Guam / Issue Brief No. 5208, August 23, 2021, Center for National Defense. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/repurposing-navy-cruisers-planned-decommissioning-interim-capability-countering>
- ²⁵ Brent D. Sadler. Repurposing Navy Cruisers...
- ²⁶ Гарин А.А. Глава 6. Фактор Индии в Южно-Тихоокеанском...
- ²⁷ Пособие для парламентариев Мажилиса Парламента Республики Казахстан. 2012 - ISBN 978-92-9142-590-7 (IPU), - с. 61. URL: <https://www.ipu.org/file/1081/download>
- ²⁸ Facing Down the Bomb - a protest at Mururoa 1973 / RNZ, 18 June 2014. URL: <https://www.rnz.co.nz/national/programmes/eyewitness/audio/2600110/eyewitness-a-new-zealand-nuclear-protest-at-mururoa-1973>
- ²⁹ Дело об испытаниях ядерного оружия. Австралия и Новая Зеландия против Франции. Постановление от 22 июня 1972 года // с. 109-110. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf
- ³⁰ Доклад Международного суда ООН от 1973 г. // ООН. URL: [https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/9005\(SUPP\)](https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/9005(SUPP))
- ³¹ Дело о ядерных испытаниях. Австралия и Новая Зеландия против Франции. Решение от 20 декабря 1974 года // с. 121-122. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf

- ³² Договор безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), именуемый также «Тихоокеанский пакт безопасности», был подписан 1 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. URL: <https://www.nma.gov.au/defining-moments/resources/anzus-treaty>; Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS]. San Francisco, 1 September 1951 / Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Joint/Completed_Inquiries/jfadt/usrelations/appendixb
- ³³ Nuclear-free New Zealand / New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz/politics/nuclear-free-new-zealand/ship-visits>
- ³⁴ Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв. / Отв. редактор: Миклухо-Маклай Н.Н., Санкт-Петербург, 2020, 119 с. ISBN: 978-5-89282-956-4, научно-популярное издание. Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения РАН (ФГБУН ИВ РАН). URL: <https://library.mikluho-maclay.ru/rossiya-i-okeaniya-issledovaniya-i-puteshestviya-rossiyan-v-xix-xxi-vv/>
- ³⁵ Nuclear-free New Zealand...
- ³⁶ Protest march against visit of USS *Texas*, 1983. URL: <https://nzhistory.govt.nz/media/photo/protest-march-against-visit-uss-texas>
- ³⁷ Nuclear-free New Zealand...
- ³⁸ New Zealand Nuclear-Free Zone, Disarmament and Arms Control Act of 1987. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1987/0086/latest/DLM115116.html>
- ³⁹ Л.Г. Стефанчук. История Новой Зеландии. XX век / Институт востоковедения РАН. – М. : ИВ РАН, 2015. с. 192. URL: <https://book.ivran.ru/f/stephanchuk-newzealandxx-block3.pdf>
- ⁴⁰ New Zealand goes nuclear-free, 8 June 1987 / New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz/new-zealand-becomes-nuclear-free>
- ⁴¹ Новая Зеландия не отменит запрет на атомные подлодки после решения Австралии по их строительству / Коммерсантъ, 16.09.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4987517>
- ⁴² Henry Cronin. New Zealand's Anti-Nuclear Legislation and the United States in 1985 / Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/new-zealands-anti-nuclear-legislation-and-united-states-1985>
- ⁴³ Fifteenth South Pacific Forum. Funafuti, Tuvalu 27–28 August, 1984. URL: <https://www.forumsec.org/1984/08/27/fifteenth-south-pacific-forum-funafuti-tuvalu-27-28-august-1984/>
- ⁴⁴ Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана, 8 августа 1985 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf
- ⁴⁵ Договор о безъядерной зоне... с. 10

- ⁴⁶ Rainbow Warrior educational resources / Greenpeace. URL: <https://www.greenpeace.org/aotearoa/about/our-history/bombing-of-the-rainbow-warrior/the-bombing-of-the-rainbow-warrior-fact-file/>
- ⁴⁷ New Zealand and France Settle Ship Bombing Dispute / Los Angeles Times, July 8, 1986. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1986-07-08-mn-22493-story.html>
- ⁴⁸ И. Александров. Атолл Муруроа – центр французских...
- ⁴⁹ Tahitians campaign to stop French nuclear...
- ⁵⁰ Dismantling the Pacific Test Centre. 2010. URL: <https://www.francetnp.gouv.fr/IMG/pdf/eng-cep.pdf>
- ⁵¹ Tahiti at the Crossroads, by Lorenz Gonschor, Analysis 2004 / Pacific Islands Report. URL: <http://www.pireport.org/articles/2005/02/10/tahiti-crossroads>
- ⁵² French Polynesia country brief. Bilateral relations. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/french-polynesia/french-polynesia-country-brief>
- ⁵³ США испытали систему обороны против северокорейских ракет / Интерфакс, 31 мая 2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/564548>
- ⁵⁴ LIVING IN FEAR: Guam residents are fearing for their lives after North Korea threatened to nuke the US island into oblivion / The Sun, 9 Aug 2017. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/4206773/guam-fear-north-korea-nuclear-weapon-attack-us/>
- ⁵⁵ John Pilger, The Coming War on China. URL: <http://johnpilger.com/articles/new-john-pilger-film-the-coming-war-on-china>
- ⁵⁶ FT: Великобритания увеличит свой ядерный потенциал на 40% / Тасс, 16 марта 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10913055>
- ⁵⁷ США, Великобритания и Австралия заключили антикитайский военный альянс / Новости Новосибирск, 16.09.2021. URL: <https://nsk.tvesti.ru/ssha-velikobritaniia-i-avstraliia-zakluchili-antikitaiskii-voennyi-alians.html>
- ⁵⁸ Отозванный из США посол Франции вернулся в Вашингтон / Regnum, 30 сентября 2021. URL: <https://regnum.ru/news/3385126.html>
- ⁵⁹ Australia says return of French ambassador to aid repair of bilateral relationship / Reuters, 07.10.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/australia-says-return-french-ambassador-aid-repair-bilateral-relationship-2021-10-07/>

Глава 14. ФЕНОМЕН ДОЛГОВЫХ ЛОВУШЕК в ОСТРОВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА*

Введение

С каждым годом представители зарубежной прессы, академической и политической среды придают всё большее значение росту влияния КНР в сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов. Пальму первенства в региональном дискурсе держат оборонная и торгово-экономическая повестки, однако среди них также стоит вопрос о значении официальной помощи в целях развития (ОПР) для региона. Как известно, внешняя помощь включает в себя гранты, льготные и беспроцентные кредиты. Однако, по мнению зарубежных специалистов, китайская ОПР несет в себе потенциальную угрозу суверенитету, в особенности для малых островных государств, которые зачастую не имеют возможности погасить растущую задолженность. Особенно часто фигурирует тезис, что именно благодаря инструменту так называемой «долговой ловушки» Китай хочет завоевать геостратегическое пространство в Индийском и Тихом океанах.

В этой главе автор сосредоточится на анализе феномена задолженности на Индо-Тихоокеанском пространстве, уделяя приоритетное внимание малым островным государствам Океании. Этот субрегион выбран из-за его растущей геостратегической ценности. В зарубежных тру-

* **Сведения об авторе:** *Гарин Артём Алексеевич* – сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, Санкт-Петербург, garinartyomalexeevich@gmail.com

да Океанию уже охарактеризовали в качестве «геополитической шахматной доски»¹ и «поля битвы»². Глава призвана выявить значение инфраструктурного соперничества в регионе, сходства и различия между малыми островными государствами ИТР, степень долговой нагрузки океанийских государств, место КНР в потенциальном долговом кризисе в Океании, а также ответить на вопрос: выступает ли кредитование частью преднамеренной стратегии КНР по оказанию давления на малые островные государства с целью экономического и геостратегического закрепления на их территориях?

Инфраструктурное соперничество на сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов

Большая часть опасений, связанных с китайским кредитованием, возникла в ходе реализации Пекином инициативы «Пояс и путь», о запуске которой лидер КНР Си Цзиньпин объявил в ходе визитов в Казахстан и Индонезию в 2013 г. Китайская инициатива позволила устранить целый ряд инфраструктурных пробелов по всему миру, в том числе и в Азии. Однако Соединенные Штаты и их партнеры всё чаще обращали внимание на геостратегическое значение проектов КНР. Ни для кого не секрет, что «Пояс и путь» играет важную роль в сопряжении китайских провинций с соседними странами для роста благосостояния, а Китай хочет стать центром притяжения мировой экономики. По состоянию на 2020 г., стоимость проектов, реализованных в рамках инициативы, достигла почти 4-х трлн долл. США³. Учитывая подобные затраты, ожидания Пекина, связанные с лояльностью к себе от 139-ти государств-участниц «Пояса и пути», выглядят вполне логичными.

В то время как риторика прокитайских ученых заключается в положительной оценке экономического и регионального развития стран участниц «Пояса и пути», их западные коллеги зачастую оспаривают подобные утверждения, более конкретно освещая издержки, которые понесут малые развивающиеся экономики из-за прокитайского вектора своей внешней и внутренней политики. В результате «Пояс и путь» столкнулся с целым рядом замечаний, в том числе, о намеренном вовлечении стран региона в так называемые «долговые ловушки». Вне зависимости от степени правдивости или изученности вопроса, из года в год подобные сообщения в прессе способствовали формированию противоречивого отношения к китайской инициативе среди населения, экспертных и политических кругов из самых разных стран мира.

Со стороны Запада инициативе «Пояса и пути» фактически противопоставлена концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), с помощью которой страны-приверженцы ИТР могут предложить малым региональным акторам новые экономические возможности, в том числе, чтобы справиться с долговыми и социальными проблемами.

С приходом к власти в США Дональда Трампа в начале 2017 г., Вашингтон изменил характер своей политики в отношении Пекина в сторону большей конфронтации. Эта тенденция стала прямым выражением обострившегося соперничества великих держав и их борьбы за гегемонию в Индо-Тихоокеанском регионе, а также стимулом для возрождения Четырёхстороннего диалога по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*), включающего в себя США, Австралию, Индию и Японию. При этом взаимодействие «четверки» долгое время выстраивалось на военно-оборонной основе.

Аналогичные процессы продолжаются и сегодня, подтверждением чему выступают участвовавшие учения и

рост присутствия военно-морских сил стран *Quad* в ИТР. К тому же, в 2021 г. страны *Quad* расширили спектр вопросов многостороннего сотрудничества. Теперь в повестку вошли вопросы вакцинной дипломатии (обещание предоставить 1 млрд доз вакцин от COVID-19 странам Индо-Тихоокеанского региона), изменения климата, технологического сотрудничества, безопасности на море, кибербезопасности и предоставления внешней помощи.

Инфраструктурная повестка также стала немаловажной частью внешнеполитического вектора нынешнего президента США Джозефа Байдена, предложившего создать аналог «Пояса и пути» под названием *Build Back Better World* (B3W). B3W рассматривается как стратегический зонтик, направленный на создание коалиции стран с низким и средним уровнем дохода во главе с США и другими странами «Группы семи» (G7). Несомненно, B3W следует рассматривать в контексте других инициатив Индо-Тихоокеанского контура. Так, несмотря на традиционно сдержанную позицию индийской стороны, которая взяла время «изучить специфику предложения»⁴, инфраструктурная дипломатия *Quad* становится новой областью геостратегической конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако в этом случае следует сделать оговорку: работа над инфраструктурным направлением — далеко не новое веяние администрации нынешнего президента США Дж. Байдена, а продолжение вектора Д. Трампа. Несмотря на попытки Демократической партии США дистанцироваться от наследия республиканца Трампа, именно он перевел американо-китайское соперничество в геοэкономическую плоскость. Еще в августе 2017 г., когда Д. Трамп противостоял импичменту, министры иностранных дел стран *Quad* заявляли о необходимости качественного развития инфраструктуры с целью обеспечения свободы и открытости морских путей, а также улучшения

внутрирегиональных связей. 12 ноября 2018 г. был заключен Меморандумом о взаимопонимании между Корпорацией иностранных частных инвестиций США (*Overseas Private Investment Corporation, OPIC*), Японским банком международного сотрудничества (*Japan Bank for International Cooperation, JBIC*) и Министерством иностранных дел и торговли Австралии, нацеленный на реализацию крупных инфраструктурных проектов в Индо-Тихоокеанском регионе⁵, а 15 ноября 2018 г. страны *Quad* не обошли стороной и рост задолженности стран-участниц «Пояса и пути» в рамках своей официальной встречи в Сингапуре.

Не вызывает сомнений тот факт, что «Пояс и путь» воспринимается странами *Quad* в качестве главного фактора расширения экономического и политического влияния КНР, а также воздействия китайской стороны на внутривнутриполитические процессы в странах региона.

Более того, у каждой из стран «четверки» есть свои рычаги влияния, которые они могут объединить в инфраструктурной конкуренции с Пекином. Например, в 2015 г. в ответ на реализацию инициативы «Пояса и пути» и учреждение КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Япония создала «Партнёрство ради качественной инфраструктуры» (*Partnership for Quality Infrastructure, PQI*). Соединенные Штаты, в свою очередь, объявили об инфраструктурном проекте «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*), а министерство иностранных дел и торговли Австралии — о новом Партнерстве в области инфраструктуры (*Partnerships for Infrastructure, P4I*). Все эти инициативы объединяет приверженность инклюзивному экономическому росту, «качественной инфраструктуре», вопросам изменения климата, ликвидации последствий стихийных бедствий и социальному развитию. В Таблице №1 представлен общий объем финансирования, которое

вышеперечисленные страны могут выделить на конкуренцию с китайской инициативой «Пояс и путь».

Таблица №1

**Капитализация инфраструктурных
инициатив стран Quad по конкуренции
с проектами «Пояса и пути»**

Страна	Сумма (долл. США)	Источник финансирования
Япония	110 млрд	50 млрд долл. со стороны Японии и свыше 50 млрд долл. от Азиатского банка развития
США	30 – 60 млн	Агентство США по международному развитию
Австралия	383 тыс	Департамент иностранных дел и внешней торговли (включая доступ к 4 млрд долл. внешней помощи и 2 млрд долл. австралийского фонда финансирования инфраструктуры)
Итого	От 110,303 млрд до 116,6 млрд	

Источники: составлено автором на основе данных Министерства иностранных дел Японии⁶ и других открытых источников⁷⁸

Учитывая неутрачивающие дискуссии о долговых ловушках, упор на «качественную инфраструктуру» может придать особенные черты инициативам «четверки», однако даже совокупные объемы финансирования не смогут соперничать с заявленными китайской стороной 770 млрд долл. уже осуществленных инвестиций в 138 странах мира.

Quad активизирует свою инфраструктурную дипломатию как минимум по трём направлениям: Юго-

Восточная Азия (ЮВА), Океания и Индийский океан. Так, например, австралийская сторона подписала Меморандум о взаимопонимании с Папуа — Новой Гвинеей (ПНГ) на сумму 300 млн долл., рассчитанный на реконструкцию портов крупнейшего государства Океании (порты Ванимо, Кимбе, Мотукеа, Лоренгау, Оро-Бей, Дару, Лаэ и др.)⁹. Важно отметить, что столь активные действия Австралии в южной части Тихого океана, фактически являющейся зоной влияния Канберры, обусловлены усиливающимся экономическим и, что немаловажно, инфраструктурным присутствием КНР в странах Океании.

Отсюда следует, что сочетание экономической и оборонной конкуренции, навязываемой Пекину со стороны Вашингтона, а также стремление «четверки» сформировать баланс сил в Индо-Пацифике фактически свидетельствует о неприкрытом антикитайском характере *Quad*. К тому же, сопряжение пространств Индийского и Тихого океанов в единое геостратегическое пространство активизировало попытки Запада вовлечь как можно большее число сторонников в свою орбиту, в том числе уделить больше внимания малым островным государствам ИТР. В этом случае сторонники Индо-Тихоокеанского контура решили использовать внешнюю задолженность — болевую точку многих развивающихся государств.

Особенности островных государств Индийского и южной части Тихого океана

Малые островные государства Индийского и южной части Тихого океана обладают целым рядом схожих и, в то же время, отличающихся друг от друга особенностей. Все они получили независимость приблизительно в один период (1970-е гг.), входят в состав Содружества наций и обладают одинаковым набором вызовов — необходимость

поддержания устойчивого роста экономики и обеспечения надлежащих условий в области социальной поддержки населения.

При всех положительных особенностях малых островных государств, включая дружественное население, обширные ИЭЗ, благоприятный климат и потенциально большие запасы природных ресурсов, для них также характерны малые территории, низкая численность населения и подверженность стихийным бедствиям. Всё это, несомненно, негативно сказывается на их благосостоянии. Примером тому служит исследование Международного валютного фонда (МВФ) об экономических последствиях стихийных бедствий в Океании. По оценкам ученых, стихийное бедствие в краткосрочной перспективе приводит к снижению темпов роста ВВП на 2%, а также увеличивает торговый дефицит и государственные расходы на 5% от ВВП соответственно.

Вместе с тем, экономики островных государств Индийского и Тихого океанов сильно зависят от внешней торговли, в особенности от экспорта сырья, а также импорта продовольствия и технологий. Высокая двусторонняя зависимость от торговли делает островные государства уязвимыми перед мировыми кризисами, которые сопровождаются падением экспортных доходов, ростом внутренних цен, безработицы в ключевых отраслях (зачастую — туризм) и бюджетного дефицита.

Проблемы развития малых островных государств ИТР стали объектом пристального внимания их «старших» партнеров. В случае Индии и Бангладеш — это Индийский океан, в случае Австралии, Новой Зеландии и США — Океания. Отчасти это объясняется инклюзивным подходом Канберры к обеспечению субрегиональной безопасности, который обуславливается не только наращиванием военной мощи, но и поддержанием экономической

и прочей стабильности в своей зоне влияния. Австралийская сторона оказывает океанийским партнерам образовательное, инфраструктурное, техническое содействие. Согласно официальным документам, такой подход обусловлен попыткой Канберры увеличить уровень жизни в странах Океании, улучшить качество предоставляемых медицинских и образовательных услуг, а также укрепить институты власти во избежание дестабилизации обстановки внутри островных государств, чтобы не допустить потенциального ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, деградации политических институтов, а также транснациональной преступности и терроризма.

Тем не менее, между малыми акторами Индо-Тихоокеанского пространства существует целый ряд различий.

Во-первых, в Индийском океане насчитывается пять таких государств (Мальдивы, Маврикий, Шри-Ланка, Мадагаскар, Коморские острова), в то время как в южной части Тихого океана насчитывает свыше 20-ти государств и территорий, находящихся в ассоциации с Австралией, Новой Зеландией, США, Францией и Великобританией.

Во-вторых, несмотря на малое количество островных государств Индийского океана, они обладают большим геостратегическим значением по сравнению со странами Океании, так как располагаются на пути из Персидского залива в Тихий океан. Как известно, на Индийский океан приходится 80% глобальной морской торговли нефтью¹⁰. Океания, в свою очередь, реже затрагивается международной торговлей, ведь основной поток товаров приходится на северную часть Тихого океана. Вместо этого юг Тихого океана зачастую выступает источником экспорта товаров из Австралии, Новой Зеландии, Папуа — Новой Гвинеи, Соломоновых Островов и др. (преимущественно — сырья). Торговые суда и танкеры в Океании проходят

преимущественно через Австралию, ПНГ, Соломоновы Острова и Новую Зеландию, в то время как через Шри-Ланку, Мадагаскар, Маврикий проходят суда из Европы, Африки и Латинской Америки. Всё это указывает на более высокую значимость островных государств Индийского океана для глобальной торговли. Справедливости ради стоит отметить, что Океания выступает наиболее привлекательным субрегионом для международных рыбопромысловых компаний и расширения глобальной торговли.

Наконец, высокая экономическая значимость островных государств Индийского океана обуславливает более пристальное внимание к ним со стороны ведущих региональных и внерегиональных акторов, включая КНР, Индию, США, Японию, Австралию, Францию и Великобританию. Каждое из перечисленных государств обладает либо портовой, либо военной инфраструктурой в Индийском океане, которая позволяет проецировать военную мощь в относительной близости друг к другу. Океания же выступает субрегионом, где велико влияние традиционных для него акторов — Австралии, Новой Зеландии, США и Франции, но слишком удаленным от потенциального театра военных действий на Индо-Тихоокеанском пространстве.

Впрочем, всё не так пессимистично, как может показаться на первый взгляд, ведь укрепление торгово-экономических связей и будущее процветание Азии во многом зависит от состояния инфраструктуры (порты, автомобильные и железнодорожные магистрали, аэропорты, трубопроводы и др.), которая способствует более активному движению товаров в региональном и глобальном масштабах. Эти идеи нашли отклик и в Океании, но даже с многомиллионными грантами от Австралии, Новой Зеландии и США у малых островных государств не хватает ресурсов для расширения логистических мощностей, вви-

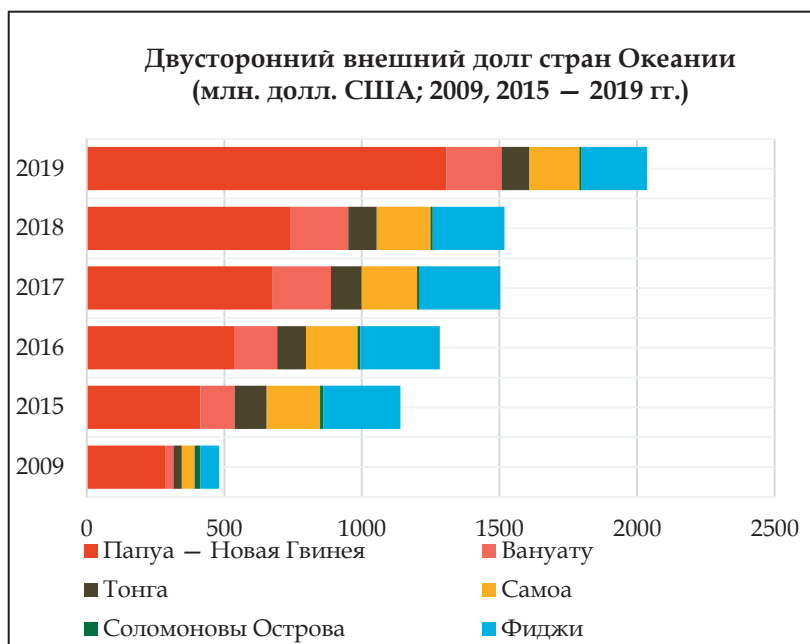
ду чего они примкнули к инициативе «Пояс и путь», которая (на бумаге) отвечает современным потребностями островных акторов. Благодаря участию в «Поясе и пути» островные государства получают как потенциальную возможность увеличить товарооборот через свою территорию, так и финансовую нагрузку для своих экономик. Недаром наибольшая сумма ежемесячного обслуживания долга для развивающихся государств пришлась на именно на КНР в 2020 г. Согласно статистике Всемирного банка, крупнейшими «должниками» стали Пакистан, Ангола, Кения, Эфиопия и Лаос, в то время долги стран Океании занимают совсем малую долю в глобальном масштабе¹¹. Напротив, в том же 2020 г. основной годовой платеж Папуа — Новой Гвинеи пришелся на Пятый континент, а не на КНР¹².

Долговой кризис островных государств южной части Тихого океана

Так мы подходим к одному из главных вопросов: подвержены ли островные государства южной части Тихого океана риску долгового кризиса и что является причиной роста их задолженности?

Для начала необходимо определить масштабы долга океанийских государств. Для этого автор использовал рейтинги Международного валютного фонда (МВФ) и Азиатского банка развития (АБР). Согласно приведенным в них данным, более 40% островных государств юга Тихого океана (Фиджи, Палау, Папуа — Новая Гвинея, Соломоновы острова, Тимор-Лешти, Вануату, Кирибати, Маршалловы острова, Микронезия, Самоа, Тонга и Тувалу) в настоящее время подверженную риску долгового кризиса.

График №1

Источник: составлено автором с использованием данных
Всемирного банка¹³

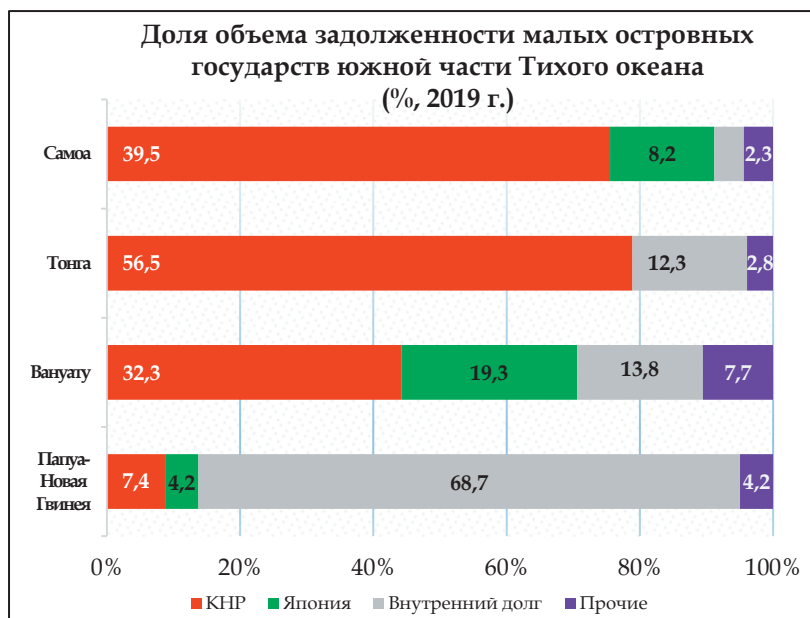
Из Графика №1 видно, что долг — одна из важнейших проблем всего региона, которая, однако, зачастую обсуждается только в контексте роста влияния Китая. Вместе с тем около половины долга приходится на ПНГ. Считается, что кредитные обязательства островных государств несут в себе не только угрозу их экономическому благополучию, но и вероятную смену внешнеполитического вектора в пользу КНР. Подобное мнение получило распространение даже в официальных документах и повестке региональных диалоговых площадок. Белая книга по внешней политике Австралии от 2017 г. гласит: «Австралия признает, что усиление конкуренции за влияние и

экономические возможности в Папуа – Новой Гвинее, других странах Южно-Тихоокеанского региона, Тиморе-Лешти, а также увеличение внешней помощи и займов из других источников означают, что они могут обращаться за консультациями и помощью в другие места. Во многих случаях это открывает новые возможности, но также может привести к перегрузке потенциала стран по освоению помощи и управлению уровнем их задолженности»¹⁴, но в то же время не содержит упоминаний о причастности КНР к долговому кризису в Океании. Вместе с тем в рамках 50-го ежегодного саммита Форума Тихоокеанских островов (ФТО) в 2019 г. на повестке дня отдельно стоял вопрос экономических последствий китайских инфраструктурных кредитов¹⁵.

Так или иначе, при анализе «китайского фактора» в задолженности островных государств стоит рассмотреть данные, представленные на Графике №2. Безусловно, Китай является ведущим кредитором в Океании, однако китайское кредитование составляет менее половины кредитования в любой отдельно взятой стране, за исключением Тонги. Вместе с тем следует отметить присутствие Японии среди ведущих кредиторов стран Океании.

Другая сторона вопроса — будет ли КНР использовать задолженность малых островных государств Океании? Наиболее ярким примером для анализа в этом случае — Королевство Тонга. Для этого полинезийского государства характерны не только удаленное географическое положение, узкая производственная и экспортная база и уязвимость перед стихийными бедствиями, но и самая высокая задолженность среди океанийских государств перед Китаем. КНР выступает вторым по величине донором внешней помощи Тонге, уступая лишь Австралии. В период 2010—2020 гг. Китай выделил полинезийскому королевству 167,08 млн долл.

График №2

*Источник: составлено автором на основе данных
Института Лоуи¹⁶*

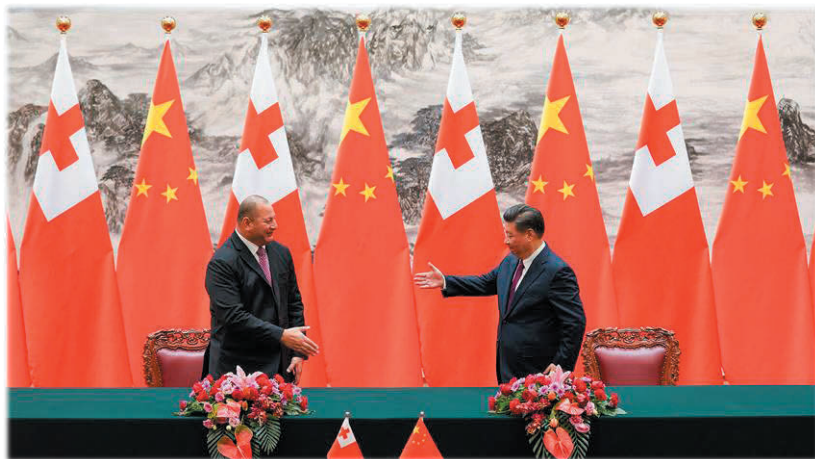
Учитывая реализацию Китаем множества грантовых проектов на территории Тонги в начале 2000-х гг., включая строительство здания *King George Tupou V. Office Palace*, где расположились офис премьер-министра, Министерство иностранных дел, Министерство финансов и национального планирования и другие учреждения Республики Тонга (11 млн долл.), реконструкцию 120-метрового моста Ваипуа в тонганской группе о-вов Вавау, который соединил западную часть о-вом Вавау с главным городом островной группы — г. Нейафу, — а также ряда грантовых проектов в области спорта, образования и сельского хозяйства, особое внимание привлекают именно льготные

кредиты Эксимбанка Китая, которые были выделены Тонге в 2008 и 2010 гг.

Так, средства от первого кредита (63,31 млн долл.) были направлены на предотвращение последствий «анти-китайских» беспорядков 2006 г., в результате которых была разрушена большая часть центрального делового района столицы Тонга — г. Нукуалофа. Население города составляет около 25 тыс. человек. Важно отметить, что данный кредит был одобрен парламентом страны и даже включал в себя механизм кредитования частных предприятий, пострадавших от беспорядков. Спустя два года, в 2010 г., китайскими компаниями *China Civil Engineering Construction Corporation* и *Yanjan Group Co. Ltd* началась реализация проекта *National Road Improvement* по развитию дорожной сети Королевства Тонга. Проект охватил строительство 64 дорог общей протяженностью 130 км на островах Тонгатапу и Эуа, а также группах островов Вавау и Хаапаи¹⁷. Стоимость проекта оценивалась в 42,98 млн долл. Оба кредита были выданы на 20 лет с пятилетним льготным периодом и ставкой 2%.

В то же время, реализация предоставленных кредитов на перечисленные проекты не раз вызывала общественный резонанс. Например, 38% кредита в рамках восстановления центра г. Нукуалофа было направлено на строительство причала Вуна и расширение Королевского дворца. Согласно условиям льготных кредитов, выплата по ним должна была начаться 2013 и 2015 гг. соответственно, но впоследствии выплаты стали крайне отягчающим обстоятельством для экономики полинезийского островного государства и составили 17% государственных доходов Тонги¹⁸. В данном контрпримерном случае важно помнить, что 26% ВВП полинезийского государства составляют переводы от граждан, работающих за рубежом¹⁹, поэтому любое экономическое потрясение для Тонги может ока-

заться фатальным. Как результат, тонганский премьер-министр призвал власти КНР преобразовать льготный кредит Эксимбанка в грант, но получил отказ. В конечном итоге КНР согласилась отложить погашение кредитов на 5 лет, но при условии присоединения Тонга к инициативе «Пояса и пути».

Король Тупоу VI и лидер КНР Си Цзиньпин. Пекин, 2018 г.

Источник: ABC News²⁰

Таким образом, в случае Тонги, появились некоторые основания говорить о вероятном попадании островного государства в «долговую ловушку» Китая. Однако к китайской инициативе присоединились более ста стран мира, среди которых также есть и Новая Зеландия, поэтому трудно утверждать, что вступление в «Пояс и путь» со стороны Тонги стало возможным только из-за давления кредитора. Однако всё же стоит допустить вероятность, что в дальнейшем КНР может извлечь некоторые выгоды из высокой степени зависимости Тонги от льготных кредитов, в том числе и в виде получения доступа к рыбным ресурсам страны, которые являются одним из наиболее

перспективных отраслей тонганской экономики, а также использования нового причала Вуна в качестве потенциальной военной базы в Океании.

*Центральные улицы Нукуалофы и состояние причала Вуна
до и после реконструкции.*

*Источники: Картографические данные Google,
Post Online Media²¹, RusDeti.com²²*

В свою очередь, объемы австралийской помощи Тонге в период 2010–2020 гг. составили 239,85 млн долл. Одним из ключевых направлений ОНР Австралии в этом полинезийском государстве выступает программа институциональных реформ (до 12 млн долл., 2016–2018 гг.), сосредоточенных на эффективном управлении расходами и долговым положением страны. По данным *DFAT*, за годы реализации программы бюджетное и долговое положение Тонги продемонстрировало тенденции к улучшению, а также были проведены реформы, нацеленные на привлечение иностранных инвестиций и развитие частного сектора, который нашел выражение в финансировании ав-

стралийской стороной проекта развития ванильной промышленности Тонги.

Кейс полинезийского королевства остается одним из наиболее популярных примеров использования Китаем кредитования для достижения внешнеполитических целей. Однако, как показывают перечисленные выше факты, имело место нерациональное расходование средств со стороны «бенефициара» финансирования.

Сравнение условий кредитования со стороны КНР и других стран Индо-Тихоокеанского пространства

При анализе фактора КНР в Океании, также видится необходимым обратить внимание на условия кредитования со стороны других акторов ИТР, равно как и на феномен предоставления финансирования малым островным государствам с целью достижения геополитической выгоды на океанийском пространстве.

Дело в том, что доступ к кредитам КНР можно получить только при условии наличия дипломатических отношений между Пекином и бенефициаром²³. Следовательно, у половины стран Океании из категории «высокого риска долгового кризиса» (по классификации МВФ) нет доступа к финансированию, так как они (Палау, Маршалловы Острова, Федеративные Штаты Микронезии) сделали выбор в пользу Китайской республики (Тайвань), а не КНР.

Здесь представляется необходимым начать повествование с 90-х годов XX столетия, которые по праву можно назвать периодом крайней нестабильности в южной части Тихого океана. В 1988—1997 гг. на о-ве Бугенвиль разразилась настоящая гражданская война, в ходе которой Бугенвильская революционная армия (БРА) боролась за независимость от Папуа — Новой Гвинеи. Однако в тот же пери-

од возник еще один очаг нестабильности, который привел в Океанию двух амбициозных акторов: КНР и Тайвань. В конце XX — начале XXI вв. КНР столкнулся с жесткой дипломатической конкуренцией со стороны Тайваня, в результате которой Океания стала одним из ключевых регионов их противостояния. Для вовлечения океанийских государств в свою орбиту, КНР и Тайвань выдвигали различные инициативы, а также использовали финансирование для достижения внешнеполитических целей в субрегионе.

Активная фаза соперничества КНР и Тайваня в южной части Тихого океана продлилась вплоть до 2008 г., когда случился глобальный финансовый кризис, подкосивший экономику Тайваня, а к власти в это время пришел президент Ма Инцзю. Окончание противоборства ознаменовалось предложением тайваньского президента о заключении с КНР «дипломатического перемирия» вместо развития соперничества за дипломатическое признание со стороны третьих стран²⁴.

В 2020 г. КНР была признана в десяти государствах Океании, в то время как Тайвань — в четырех. Более того, КНР — это единственная страна Восточной Азии, которая выступает полноправным членом региональных организаций южной части Тихого океана.

Несмотря на тот факт, что Австралия, как страна западного мира, стремится поддерживать связи с Тайванем²⁵, факт китайско-тайваньского противостояния был негативно воспринят в австралийских правящих кругах. Во-первых, данное противоборство обеих сторон стало дестабилизирующим фактором в ЮТР, который способствовал возникновению/обострению локальных конфликтов. Только за период 2006–2009 гг. антикитайские волнения прокатились по Соломоновым Островам, Тонге, Фиджи, Вануату, Французской Полинезии и Папуа – Новой Гвинее. Во-вторых, из-за китайско-тайваньского соперниче-

ства у океанийских государств появился инструмент давления на австралийское руководство для извлечения личной выгоды. Еще в 1993 г. Австралия пресекла попытки сближения Папуа — Новой Гвинеи с Тайванем²⁶, а в 2004 г. вновь применила подобную практику, но уже в отношении Вануату. Примечательно, что в обоих случаях лидеры государств — Билл Скейт (ПНГ) и Серж Вохор (Вануату) были вынуждены уйти в отставку. В-третьих, соперничество между КНР и Тайванем спровоцировало ряд коррупционных скандалов в странах Океании с участием местных элит, которые подрывали эффективность предоставленной Австралией помощи для стабилизации внутривнутриполитической обстановки, а также развития органов государственной власти. Наконец, одним из наиболее важных аспектов данного соперничества стало вовлечение КНР и Тайваня в зону влияния Австралии в качестве других иностранных игроков, стремящихся реализовать свои национальные интересы.

Вместе с тем, Маршалловы Острова, Палау, Федеративные Штаты Микронезии — государства, признающие Тайвань, находящиеся в свободной ассоциации с США и обладающие тесными отношениями с Японией — не спасло от долгового бремени отсутствие контактов с КНР.

Согласно данным Всемирного банка и МВФ, каждая из перечисленных стран на сегодняшний день подвержена высокому риску долгового кризиса. Микронезийские государства пытаются справиться с долговой нагрузкой с помощью доходов от лицензий на рыболовство и туризм, однако этого недостаточно. В этом случае на помощь приходит грантовое финансирование из Соединенных Штатов. Но откуда могла возникнуть задолженность, если Китай не предоставляет кредиты? Ответ также был дан выше — многосторонние заимствования у международных банков. Например, около 70% внешнего долга ФШМ приходится на АБР, в то время как 27% — на Министерство сельского хозяйства США (коммунальные услуги в сель-

ской местности), а остальные 3% — на Европейский инвестиционный банк (ЕИБ). Около 2/3 непогашенной задолженности Маршалловых Островов также приходится на АБР, а Палау должна данному банку 53 млн долл. Перечисленные факты еще раз доказывают, что задолженность — проблема всего региона, а не китайско-океанийского партнерства.

Более того, важно обратить внимание на последствия грантового финансирования. Очень точно насчет внешней помощи высказался британо-американский экономист, нобелевский лауреат Ангус Дитон в своей книге «Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства». По мнению специалиста, «значительный приток иностранной помощи приводит к тому, что политика внутри страны меняется к худшему, ослабевают институты, необходимые для обеспечения долгосрочного роста»²⁷. Как результат, грантовое финансирование, не менее чем кредитное давление, заточено на создание односторонней зависимости, которая может носить не только экономический, но и геостратегический характер. Военные базы США в микронезийских государствах и дотации Австралии в Меланезии — яркое тому подтверждение.

Военные мощности США на атоллах Кваджалейн и Уэйк (слева), а также на о-ве Гуам (справа)
Источник: Картографические данные Google

Для более рационального сравнения кредитного присутствия КНР в Океании также необходимо учесть условия кредитования по сравнению с другими странами. В этом конкретном случае особое внимание автора привлекла Япония. Как известно, в 2014 г. японская сторона модернизировала Порт-Бетио один из портов на Кирибати. Стоимость проекта составила 36,94 млн долл. Однако пока она занималась реализацией проекта в самом сердце Океании, австралийские СМИ не писали о планах Японии обеспечить себе военно-морское присутствие в субрегионе, используя новые порты для воплощения своих военных амбиций. Более того, в марте 2021 г. Японское агентство международного сотрудничества (*Japan International Cooperation Agency, JICA*) предоставило Папуа – Новой Гвинее два кредита на сумму 285 млн долл. на срок 15 лет с льготным периодом в четыре года²⁸. В ходе реализации проектов *JICA* придерживается условий с процентной ставкой в 0,55%, 10-летним льготным периодом и 40-летним окном погашения.

В свою очередь, инфраструктурный портовый проект КНР на Кирибати, предусматривающий мелиорацию земель (из-за изменения климата страна постепенно уходит под воду) автоматически восприняли как попытку милитаризации Полинезии и контроля тихоокеанских торговых путей. Желание китайской стороны приобрести территорию на папуа-новогвинейском острове Дару для развития рыболовного промысла также встретило крайне негативную реакцию австралийских властей. Согласно Белой книге по внешней политике КНР, Пекин предоставляет беспроцентные кредиты на 20 лет (5 лет использования, 5 лет льготный период и 10 лет погашения), а льготные — на 15-20 лет с процентной ставкой 2-3%²⁹. Безусловно, с точки зрения реализации проектов, японские кредиты обладают более мягкими условиями, чем китай-

ские. Однако, даже в кризисный период для всего мира и стран Океании Токио предоставило кредит с условиями, не отличающимися от китайских. Всё это подтверждает тезис об избирательной реакции Канберры на экономическую деятельность в своей зоне влияния. С большой долей вероятности видение Канберры зависит от степени доверия к государству.

Потенциальные преимущества и недостатки китайского финансирования в островной Океании

Анализ фактора задолженности в Океании фактически помогли «высветить» картину взаимодействия КНР с островными государствами региона, подчеркнув его преимущества и недостатки.

Говоря о **преимуществах**, стоит признать факт критической необходимости связей с КНР для островных государств, равно как и зависимость благосостояния стран Океании не только от Австралии или Новой Зеландии, но и от КНР. Китай обладает огромным рынком сбыта, а благодаря китайским проектам у стран Океании появился доступ к амбициозным инфраструктурным проектам, из-за которых в среднесрочной и долгосрочной перспективе они смогут подкрепить свой экономический рост. Этому будут способствовать портовые сооружения, дорожно-транспортная инфраструктура, образовательные и медицинские сооружения, а также развитие городского пространства, что позволяет ускорить процессы урбанизации в океанских государствах.

Благодаря сотрудничеству с КНР островные государства смогут получить доступ к технологиям в рамках Цифрового Шелкового пути (*Digital Silk Road*). Разработанные китайской стороной умные города и телекоммуникационное оборудование могут оказаться вполне при-

влекательными для стран Океании из-за доступности по невысокой цене. Однако в этом случае за технологическое развитие придется заплатить зависимостью от китайских технологий, отказ от которых может быть воспринят Пекином в качестве недружественного жеста.

Вместе с тем китайская инициатива направлена на единое инфраструктурное сопряжение КНР с остальным миром и выступает потенциальной основой для интенсификации глобальной торговли в будущем. Этот тезис также может сыграть на руку странам Океании.

Сегодня КНР может предложить странам-участницам «Пояса и пути» не только логистическую инфраструктуру, но и является одним из мировых лидеров в области зеленой энергетики. В конце 2019 г. Китай производил примерно треть мирового объема солнечной энергии и сохранил лидирующие позиции по количеству ветряных турбин. Как известно, изменение климата является одной из наиболее насущных проблем для островных государств Океании. Более того, эта проблема беспокоит их даже больше, чем вопросы обороны. В этом случае КНР может найти новые точки соприкосновения с океанийскими государствами.

Наконец, в ответ на критику о вовлечении участников инициативы в «долговые ловушки», Пекин разработал новую Белую книгу по внешней политике «*China's International Development Cooperation in the New Era*». Документ вышел в свет в начале 2021 г. Согласно положениям новой Белой книги, КНР будет уделять более пристальное внимание процессу реализации проектов в рамках внешней помощи, принимать активное участие в оценке проектов с целью надзора за их качеством, поддерживать должный уровень доверия к своим проектам, а также проводить двусторонние консультации, чтобы выявить трудности с

погашением долга и убедиться, что партнеры не попали в «долговую ловушку»³⁰.

Вместе с тем вышеизложенные факты показывают и **недостатки** китайского финансирования. Во-первых, тесное торгово-экономическое сотрудничество, в особенности в рамках «Пояса и пути» могут использоваться для экономического давления на страны региона. Можно было бы назвать примером Австралию, чья тарифная война с КНР облетела заголовки большинства авторитетных изданий, однако Канберра фактически сама спровоцировала это противостояние. Во-вторых, китайские инфраструктурные проекты могут способствовать увеличению внешней торговли с островными государствами, но, в то же время, сопровождаться увеличением импорта из Китая. Как результат, более интенсивная торговля островных государств может спровоцировать дефицит в торговом балансе с КНР.

В довершение всего, не исчерпали себя опасения, что КНР сможет использовать свою инфраструктуру в военных целях. Этот тезис заставляет задуматься о расхождении риторики Австралии. Как известно, несмотря на разговоры о военно-морских базах КНР в южной части Тихого океана, они там так и не появились. Вместе с тем США и Австралия открыто взялись за реконструкцию военно-морской базы для закрепления своего влияния в регионе. К тому же, как гласит итоговое коммюнике встречи AUSMIN в сентябре 2021 г., Австралия готова выступить точкой опоры для Соединенных Штатов в случае необходимости проекции сил против КНР в Азии. Наверняка это может спровоцировать дальнейшую милитаризацию южной части Тихого океана. Однако инициирует эти процессы не Пекин, а Канберра.

Заключение

Рост внешнего долга малых островных государств в последние годы стал одним из наиболее обсуждаемых явлений на сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов. Океания также не стала исключением, ведь относительно высокий уровень задолженности — проблема всего субрегиона. Общаясь к передовицам СМИ, можно счесть, что основной причиной долговой нагрузки на океанийские государства стал рост влияния КНР. Безусловно, Пекин выступает активным кредитором в субрегионе, однако не является главной силой, повергшей островные государства Океании в долговую бездну. На КНР приходится не более 20% задолженности стран юга Тихого океана, в то время как основные объемы долга связаны с многосторонними банками развития и Японией. К тому же, среди стран Океании с высоким долговым риском можно найти сторонников Тайваня, у которых есть крупная задолженность, но нет доступа к финансированию КНР.

Всё же антикитайская риторика, дискредитация китайских кредитов в зарубежной прессе и пандемия COVID-19 дали о себе знать. В 2019 г. китайская внешняя помощь в Океании снизилась до 169 млн долл. по сравнению с её пиком 2016 г. (288 млн долл.)³¹. В период пандемии Китай также оказал довольно скромную поддержку странам субрегиона, что отчасти связано с усилиями Австралии перехватить вакцинную повестку³².

Стоит ожидать, что вопрос управления долгом займет важное место в экономической политике островных стран, но и внимание к условиям реализации инфраструктурных проектов усилится, причем как внутри стран Океании, так и со стороны ведущих акторов Индо-Тихоокеанского региона. КНР неоднократно заявляла о «завуалированной» деятельности *Quad* по сдерживанию

китайской политики в регионе, расширение повестки «четверки» инфраструктурной дипломатией позволяет говорить о явной антикитайской направленности стратегии *Quad*.

Дальнейшая реализация китайской инициативы может встретить противодействие со стороны *Quad*, в том числе в виде аналога «Поясу и пути». Однако в глобальном масштабе страны «четверки» всё равно могут оказаться в роли догоняющих. Китай уже располагает наиболее многочисленными в мире сухопутными войсками, крупнейшим военно-морским флотом, а также амбициозной глобальной инициативой «Пояс и путь», включающей в себя почти 140 стран мира и капитализацией, превышающей 1 трлн долл. Безусловно, *Quad* движется в сторону институционализации своего инфраструктурного сотрудничества и потенциального расширения числа стран-участниц до формата *Quad Plus*. Чтобы повторить достижения КНР за период 2013–2021 гг., новому альянсу понадобится как минимум десятилетие.

В то же время, соперничество «Пояса и пути» с инфраструктурной инициативой *Quad* поможет странам региона диверсифицировать свои инфраструктурные связи, но сделает выбор исполнителей проектов еще более сложным, так как он, в первую очередь, будет расцениваться в качестве поддержки внешнеполитического видения какой-либо из сторон, а не прагматичного расчёта экономических выгод. Всё это делает региональную среду для стран Океании более сложной и заставляет страны среднего и малого уровня адаптироваться к новым геостратегическим реалиям.

- ¹ Hill, M., Chessboard or “political bazaar”? revisiting Beijing, Canberra and Wellington’s engagement with the South Pacific. // Security Challenges. 2010. №6(3). P. 41–58.
- ² Wyeth, G., What to make of China in the South Pacific?, 2016 // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/what-to-make-of-china-in-the-south-pacific/>.
- ³ China Belt And Road Projects Value Now Exceeds US\$4 Trillion // Silk Road Briefing URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2020/11/25/china-belt-and-road-projects-value-now-exceeds-us4-trillion/>
- ⁴ G7 infrastructure plan may not match up with India’s goals // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1226219.shtml>
- ⁵ Joint Statement of the Governments of Australia, Japan and The United States // Prime Minister of Australia. URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-governments-australia-japan-and-united-states>
- ⁶ Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf>
- ⁷ Washington Slow to Connect Its Blue Dot Network // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/washington-slow-to-connect-its-blue-dot-network/>
- ⁸ Partnerships for Infrastructure DFAT // Style International: <https://www.sitradingme.com/xem4yf/archive.php?page=partnerships-for-infrastructure-dfat>
- ⁹ K1 Billion for Ports // LoopPNG. URL: <https://www.looppng.com/png-news/k1-billion-ports-101714>
- ¹⁰ Ghosh, P. India’s Indian Ocean Region Strategy // U.S. Department of Defence URL: <https://media.defense.gov/2020/Aug/31/2002488089/-1/-1/1/GHOSH.PDF>
- ¹¹ Debt Statistics // The World Bank URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/>
- ¹² Там же.
- ¹³ International Debt Statistics 2021 // The World Bank URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34588/9781464816109.pdf>
- ¹⁴ 2017 Foreign Policy White Paper, P. 100 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf>.
- ¹⁵ Koch, A., Xi Jinping in Russia for talks with Putin with cooperation against US expected // Foreign Brief. URL: <https://www.foreignbrief.com/daily-news/tensions-over-chinese-influence-loom-large-at-pacific-island-forum/x>.

¹⁶ *Rajah, R., Dayant, A., Pryke, J.*, Ocean of Debt? Belt and Road and Debt Diplomacy in the Pacific, October 2019 // Lowy Institute URL:

<https://www.lowyinstitute.org/publications/ocean-debt-belt-and-road-and-debt-diplomacy-pacific>.

¹⁷ Chinese Government hand over Phase 3 of National Road Improvement Project, March 2011 // Government of Tonga, Ministry of Information and Communication URL: <http://www.mic.gov.to/ministrydepartment/14-govt-ministries/internal-affairs/2238-chinese-government-hand-over-phase-3-of-national-road-improvement-project>.

¹⁸ *Dornan, M., Brant, P.*, Chinese Assistance in the Pacific // Asia and the Pacific Policy Studies. 2014. №1. P. 349-363.

¹⁹ Overview of Australia's aid program to Tonga // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/tonga/development-assistance/Pages/development-assistance-in-tonga>

²⁰ Tonga's King Tupou VI shakes hands with China's President Xi Jinping // ABC News URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-11-19/tongas-king-tupou-vi-shakes-hands-with-chinas-president-xi-ji/10509158?nw=0>

²¹ Tonga to start repaying \$100 million loan for Nuku'alofa reconstruction // Post Online Media URL: https://www.poandpo.com/news_business/tonga-to-start-repaying-100-million-loan-for-nukualofa-reconstruction-1572018405/

²² Королевство Тонга // Форум православных детей URL: <https://rusdeti.com/viewtopic.php?t=1610>

²³ *Hanson, F.*, China In The Pacific: The New Banker In Town, April 2011 // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/china-pacific-new-banker-town>.

²⁴ Ibid.

²⁵ Совместное коммюнике Австралии и КНР признает правительство КНР единственным законным правительством Китая и принимает позицию Пекина касательно того, что Тайвань является провинцией КНР. Отношения между австралийскими правительственными чиновниками и Тайванем носят неофициальный характер, а представительство Австралии на Тайване не имеет дипломатического статуса, как и представительства Тайваня в Австралии, которые имеют название «Taipei Economic and Cultural Office» (ТЕСО). В 2018 г. Тайвань стал шестым по величине экспортным рынком Австралии и 16-м по величине источником импорта товаров. Экспорт австралийских товаров на Тайвань в 2018 г. составил \$10,6 млрд. (+19%). Основными экспортными товарами на Тайвань были уголь, железная руда, природный газ, медь, сельскохозяйственная продукция, причем наиболее важными товарами являются мясо, пшеница и молочные продукты. Импорт товаров из Тайваня в

2018 г. составил 5 млрд долл. Основные импортные товары включают телекоммуникационное оборудование и запчасти, нефтепродукты, компьютеры, мотоциклы и велосипеды. Важное место Австралии в поставках ресурсов и первичной продукции Тайваню, а также значительная стоимость высокотехнологичного экспорта Тайваня в Австралию лежат в основе взаимодополняющего характера торговых отношений между двумя странами. В 2018 г. инвестиции Тайваня в Австралию составили 9,6 млрд долл. и были направлены в австралийские ресурсные проекты и банковский сектор. (Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/taiwan/Pages/australia-taiwan-relationship.aspx>).

²⁶ Van Fossen, A., The Struggle for Recognition: Diplomatic Competition Between China and Taiwan in Oceania // Journal of Chinese Political Science. 2007. №12(2). p. 134.

²⁷ Дитон, А. Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства. Пер.: Гуськов, А. изд. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 327.

²⁸ Signing of Japanese ODA Loan Agreement with Papua New Guinea: Contributing to the COVID-19 crisis response in Papua New Guinea through provision of budget support // Japan International Cooperation Agency URL: https://www.jica.go.jp/english/news/press/2020/20210304_10_en.html

²⁹ Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助). Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm>

³⁰ Белая книга по внешней помощи Китая, 2021 г. China's International Development Cooperation in the New Era, Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm

³¹ Pacific Aid Map // Lowy Institute. URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/>.

³² Подробнее см. Вспышки COVID-19 в Океании и вакцинная дипломатия Австралии // Международная жизнь URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29632>

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы

- 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf>.
- 2017 New Zealand and China: Diplomatic Milestones. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/China-NZ-FTA/NZ-China-2017-infographic.pdf>
- 60-th Anniversary of Diplomatic Relations US-Cambodia. Phnom Penh, 2010.
- Advancing China-NZ Relations and Bilateral Cooperation in Challenging Times / The embassy of PRC in New Zealand. July 21, 2020. URL: <http://nz.china-embassy.org/eng/zxgxs/t1799666.htm>
- Ambassador WU Xi Gives Interview to Business Desk on Hong Kong Issue / The Embassy of the People's Republic of China in New Zealand. August 21, 2020. URL: <http://www.chinaembassy.org.nz/eng/zxgx/t1808577.htm>
- An.S. Assessment of Cambodia-US Relations 2009-2010. Working Paper. Phnom Penh.
- Australia's Foreign Relations (State and Territory Arrangements) Bill 2020. The Parliament of the Commonwealth of Australia, 2020.
- Australian Government. Department of Defence. The Defence Annual Report 2019-20. URL: https://www.defence.gov.au/annualreports/19-20/DAR_2019-20_Complete.pdf
- Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2019-2020 Annual Report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>
- Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2019-2020 Annual Report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>
- Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. China country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief>

- Australia-NATO Joint Political Declaration. URL:
https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_94097.htm?selectedLocale=en
- Australia's National Hydrogen Strategy. Commonwealth of Australia, 2019.
- Blueprint for Defence and Security Cooperation between Australia and the Republic of Korea. 2015. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/republic-of-korea/Pages/blueprint-for-defence-and-security-cooperation-between-australia-and-the-republic-of-korea>
- China country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/china/china-country-brief>
- China slams False Remarks by Head of US Indo-Pacific Command. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-08/13/content_4891825.htm
- China, Vietnam Navies wrap up 30th Joint Patrol in Beibu Gulf. URL: http://eng.chinamil.com.cn/view/2021-06/30/content_10056665.htm
- China-Cambodia Military Relations reach new high: Defense Spokesperson. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-07/29/content_4890642.htm
- Defence White Paper 2016. Commonwealth of Australia, 2016.
- Deputy Secretary of State Wende Sherman's Visit to Cambodia. URL: www.State.gov. June 1, 2021.
- Determination of the Secretary of State on Atrocities in Xinjiang / An official website of the United States government. January 19, 2021. URL: <https://2017-2021.state.gov/determination-of-the-secretary-of-state-on-atrocities-in-xinjiang/index.html>
- Dismantling the Pacific Test Centre. 2010. URL: <https://www.francetnp.gouv.fr/IMG/pdf/eng-cep.pdf>
- Fifteenth South Pacific Forum. Funafuti, Tuvalu 27-28 August, 1984. URL: <https://www.forumsec.org/1984/08/27/fifteenth-south-pacific-forum-funafuti-tuvalu-27-28-august-1984/>
- Foreign Ministry Spokesperson answered question about Australia / Consulate-General Of The People's Republic Of China In Brisbane. 20.05.2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgbrsb/eng/fyrth/t1880849.htm>

Библиография

- Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Conference / Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 09.06.2021. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/fyrth/t1882549.htm>
- Framework Agreement on Jointly Promoting the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road / Victorian Government. 2019. URL: <https://www.vic.gov.au/sites/default/files/2019-10/20191023-Framework-Agreement-Signed-English.pdf>
- Free Trade Agreement between the Government of Australia and the Government of the Republic of Korea (KAFTA). Canberra. 2014, p. 150.
- French Polynesia country brief. Bilateral relations.. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/french-polynesia/french-polynesia-country-brief>
- General Review of the New Zealand-Hong Kong Closer Economic Partnership. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/Hong-Kong-China-CEP/General-Review-of-the-New-Zealand-Hong-Kong-Closer-Economic-Partnership.pdf>
- He Taniwha He Tipua, He Tipua He Taniwha - The Dragon and the Taniwha / The official website of the New Zealand government. April 19, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/speech/%E2%80%99Che-taniwha-he-tipua-he-tipua-he-taniwha-dragon-and-taniwha%E2%80%9D>
- Hun Sen. Speech at the Opening of the Conference of Confucius Institute. URL: www.cnv.org.kh, 29.05.2013.
- Individual Partnership and Cooperation Programme between Australia and NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_08/20190820_190807-ipc-p-australia.pdf
- Individual Partnership and Cooperation Programme between New Zealand and NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_88720.htm
- International Debt Statistics 2021 // The World Bank URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34588/9781464816109.pdf>

- International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2011-01-25-ISAF-Placemat.pdf
- Japan-Australia Leaders' Meeting Joint Statement / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 17.11.2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100116180.pdf>
- Japan-Australia Summit Meeting / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 13.06.2021. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/au/page1e_000327.html
- Joint Statement by the United States of America and the Republic of Indonesia (October 26, 2015), URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/26/joint-statement-united-states-america-and-republic-indonesia>
- Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. November 12, 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100114942.pdf>
- Joint Statement of the Governments of Australia, Japan and The United States // Prime Minister of Australia. URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-governments-australia-japan-and-united-states>
- Joint statement on human rights abuses in Xinjiang / An official website of the United States government. March 23, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/release/joint-statement-human-rights-abuses-xinjiang>
- Jointly Safeguarding Peace, Stability and Development in the South China Sea with Dialogue, Consultation and Win-Win Cooperation. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/tyfls_665260/tfsxw_665262/t1811555.shtml
- Julie Bishop. 5th Japan-Australia 2+2 Foreign and Defence Ministerial Consultations, 2014 / Minister for Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/julie-bishop/media-release/5th-japan-australia-22-foreign-and-defence-ministerial-consultations>
- List of Foreign NGO which signed MoU with the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation. // www.mfaic.gov.kh
- Memorandum of understanding on cooperation within the framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st century Mar-

Библиография

- itime Silk Road Initiative / Victorian Government. 2018. URL: <https://www.vic.gov.au/sites/default/files/2019-02/Belt-and-Road-Initiative-MOU.pdf>
- Monthly Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_109980.htm?selectedLocale=ru
- National Security Strategy of the United States of America. December 2017 / National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>.
- NATO and China resume Military Staff to Staff Talks. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_155840.htm?selectedLocale=en
- NATO and New Zealand sign New Partnership Accord. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_88122.htm
- NATO Deputy Secretary General underscores Importance of Asia-Pacific Partnerships. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_147844.htm?selectedLocale=en
- NATO engages Partners around the Globe in Counter-Piracy Dialogue. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_78064.htm?selectedLocale=en
- NATO Strategic Airlift brings Relief to Typhoon ravaged Philippines. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_104943.htm?selectedLocale=en
- NATO, Australia announce Plans to deepen Security Ties to meet Common Threats. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_88426.htm
- New Zealand goes nuclear-free, 8 June 1987 / New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz/new-zealand-becomes-nuclear-free>
- New Zealand joins NATO's Counter-Piracy Mission Ocean Shield. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106317.htm
- New Zealand Nuclear-Free Zone, Disarmament and Arms Control Act of 1987. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1987/0086/latest/DLM115116.html>

- New Zealand: Background and Relations with the United States / Congressional Research Service. May 12, 2021. P.1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44552.pdf>.
- New Zealand: Background and Relations with the United States / Congressional Research Service. May 12, 2021. P.1. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44552.pdf>.
- Ninth Japan-Australia 2+2 Foreign and Defence Ministerial Consultations Joint Statement / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 09.06.2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100198963.pdf>
- Overseas merchandise trade: June 2021/ Stats NZ. July 26, 2021. URL: <https://www.stats.govt.nz/information-releases/overseas-merchandise-trade-june-2021>
- Overview of Australia's aid program to Tonga // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/tonga/development-assistance/Pages/development-assistance-in-tonga>
- Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf>
- Press Release 02.06.2021. The key Outcome of the Meeting Between Samdech Techo Prime Minister Hun Sen and the U.S. Deputy Secretary of State Wendy Ruth Sherman.
- Prime Minister of Australia. The Hon Scott Morrison MP. URL: <https://www.pm.gov.au/>
- Quốc Phòng Việt Nam 2019 (Белая книга обороны Вьетнама 2019) // Nghiên Cứu Quốc Tế (Международные исследования) URL: <http://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2019/12/Sach-trangquoc-phong-VN-2019.pdf>
- Report of the Foreign Affairs and Defence Committee on the Inquiry into the New Zealand-China Relationship. New Zealand. Parliament. House of Representatives. Select Committee on Foreign Affairs and Defence. Wellington: V.R. Ward, Govt. Printer, 1986.
- Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS]. San Francisco, 1 September 1951 / Parliament of Australia.. URL: <https://www.aph.gov.au/Parliamen->

Библиография

- tary_Business/Committees/Joint/Completed_Inquiries/jfadt/usrelations/appendixb
- Short remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and Pedro Sánchez, Prime Minister of Spain at their Meeting in the Margins of the NATO Summit. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_184956.htm
- SIPRI Yearbook 2021 Summary Armaments, Disarmament and International Security. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-03/25/content_4881964.htm
- Speech at the University of New South Wales, Sydney, 7 August 2018 / Malcolm Turnbull. URL: <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/speech-at-the-university-of-new-south-wales-sydney-7-august-2018>
- Speech to China Business Summit / The official website of the New Zealand Government. May 3, 2021. URL: <https://www.beehive.govt.nz/speech/speech-china-business-summit>
- Statement by Ambassador Ramlan Ibrahim Permanent Representative of Malaysia to the United Nations. URL: <https://www.kln.gov.my/web/guest/homepress-release-statement-by-ambassador-ramlan-ibrahim-permanent-representative-of-malaysia-to-the-united-nationsRedirect=true>
- Statement by the Secretary General of NATO on Assistance to Indonesia in the Aftermath of the Tsunami Disaster. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_21632.htm?selectedLocale=en
- Statement by the Subcommittee on International Human Rights concerning the human rights situation of Uyghurs and other turkic muslims in Xinjiang, China / Subcommittee on International Human Rights of the Standing Committee on Foreign Affairs and International Development. October 21, 2020. URL: <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/43-2/SDIR/news-release/10903199>

- Steven Ciobo speech in Belt and Road Forum doorstep, 2017 / Minister for Trade, Tourism and Investment. URL: <https://www.trademinister.gov.au/minister/steven-ciobo/transcript/belt-and-road-forum-doorstop>
- The 2019 Lowy Lecture: Prime Minister Scott Morrison. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-lowy-lecture-prime-minister-scott-morrison>
- The Cambodian Constitutions (1953-1993). Bangkok, 1995.
- The Chairman of the NATO Military Committee commends Japan for long-term Partnership. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_166576.htm?selectedLocale=en
- The Coalition's Policy for Foreign Affairs. Canberra: Brian Loughnane, 2013.
- The Secretary General's Annual Report 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_116854.htm?selectedLocale=en
- The State of Southeast Asia: 2020 survey report. ASEAN Studies Centre. Singapore. 2021.
- Treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in outer space and under water / UN. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=08000002801313d9>
- Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons / UN. URL: <https://treaties.unoda.org/t/npt>
- Type 055 Destroyer Lhasa commissioned to PLA Navy: Defense Spokesperson. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2021-03/25/content_4881964.htm
- U.S. Relations With Australia. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-australia/>
- UC Occasional Paper Series. V.1, Issue 1. The University of Cambodia. Phnom Penh. 2017.
- United States of America country brief. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/united-states-of-america-country-brief>
- Активное участие, современная оборона – «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне.

Библиография

- URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru
- Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助). Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm>
- Белая книга по внешней помощи Китая, 2021 г. China's International Development Cooperation in the New Era, Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm
- Бюллетень МАГАТЭ 40/4/1998 (декабрь 1998 г.). Вена, Австрия. ISSN 0020-6067... URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/vol40_no4_russian.pdf
- Дело о ядерных испытаниях. Австралия и Новая Зеландия против Франции. Решение от 20 декабря 1974 года. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf
- Дело об испытаниях ядерного оружия. Австралия и Новая Зеландия против Франции. Постановление от 22 июня 1972 года. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf
- Джакартский международный диалог по вопросам обороны. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_71727.htm?selectedLocale=ru
- Договор безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), именуемый также «Тихоокеанский пакт безопасности», был подписан 1 сентября 1951 г. в Сан-Франциско.. URL: <https://www.nma.gov.au/defining-moments/resources/anzus-treaty>
- Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана, 8 августа 1985 г.. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf
- Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, 24.09.96 / Сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/608600

- Доклад Международного суда ООН от 1973 г. / ООН. URL: [https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/9005\(SUPP\)](https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/9005(SUPP))
- Заявление по итогам встречи на высшем уровне: обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 года. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru
- Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина по случаю двадцатипятилетия открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний / Сайт Президента России, 23.09.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66755>
- Конституция Камбоджи. Пном Пеня, 1993. (на кхмерском языке).
- Конференция по содействию вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Нью-Йорк, 23 сентября 2021 года. URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/Art_14_2021/CTBT-ART.XIV-2021-3R.pdf
- Министерство культуры и туризма: Не ездите в Австралию (文化和旅游部：切勿前往澳大利亚旅游) / Центральное правительство КНР. 05.06.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-06/05/content_5517566.htm
- Об участии заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А.Рябкова в Конференции по содействию вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний / МИД РФ, 25.09.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4866908
- Пособие для парламентариев Мажилиса Парламента Республики Казахстан. 2012. URL: <https://www.ipu.org/file/1081/download>
- Правительства Камбоджи в 1945-2010 гг. Пном Пеня, 2010. (на кхмерском языке).
- Предупреждение №1 об обучении за рубежом (教育部发布2020年第1号留学预警) / Министерство образования КНР.

Библиография

- 09.06.2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202006/t20200609_464131.html
- Прекращение ядерных испытаний // ООН, 2019. URL: <https://www.un.org/ru/observances/end-nuclear-tests-day/history>
- Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга после встречи глав государств и правительств стран НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_184959.htm
- Проект Политического доклада к 13 съезду партии: URL: <https://nhandan.vn/tin-tuc-su-kien/bao-cao-chinh-tri-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-dang-khoa-xii-tai-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-621155/>
- Соглашение о востороннем партнерстве между Министерством обороны Индонезии и Министерством обороны США о создании рамочной системы по укреплению военных и экономических связей, URL: <http://treaty.kemlu.go.id/apisearch/pdf?filename=USA-2015-0346.pdf>; www.today.kz/business-and-economy/10625-indonesia-namerena-prisoedinitnya-k-tpp.html

Литература и источники

- Academic Chongyi Feng: profits, freedom and China's 'soft power' in Australia. June 5, 2017. Chongyi Feng, Associate Professor in China Studies, University of Technology Sydney. <https://theconversation.com/academic-chongyi-feng-profits-freedom-and-chinas-soft-power-in-australia-78751>
- Amador III J.S. The Continuing Erosion of ASEAN Centrality/ ASEAN Focus. March 30, 2021. P.2-3.
- Annual International Trade Statistics by Country (HS02). New Zealand's exports 2020 by country / Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/NewZealand/TOTAL>
- Armstrong S., Drysdale P., Tay S. Collective Leadership for East Asia and ASEAN's Trans-Asian Role' // Collective Leadership, ASEAN Centrality, and Strengthening the ASEAN Institutional Ecosystem / Tay, S., S. Armstrong, P. Drysdale and P. Intal (eds.). Jakarta: ERIA, 2019. P. 48.

- Bowring, Philip*. 2016. Obituary: Association of Southeast Asian Nations (1967–2016), *Asia Sentinel*, 29 April. URL: <http://www.asiasentinel.com/politics/obituary-association-southeast-asian-nations/>
- Brent D. Sadler*. Repurposing Navy Cruisers Planned for Decommissioning: An Interim Capability for Countering Chinese Missile Attacks on Guam / Issue Brief No. 5208, August 23, 2021, Center for National Defense. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/repurposing-navy-cruisers-planned-decommissioning-interim-capability-countering>
- Brown M. & Zasloff J.* Cambodia: Confounds the Peacemakers 1979–1998. L. 1998.
- Caballero-Anthony M.* ASEAN Centrality Tested/ The Routledge Handbook of Asian Security Studies. Ed. by Sumit Ganguly, Andrew Scobell and Joseph Chinyong Liow. Abington: Routledge, 2018. P.217–228.
- China–Australia / Observatory of Economic Complexity. 2019. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/aus>
- Chorn A., Stromseth J.* Covid-19 comes to Cambodia. URL: www.brooking.edu, 19.05.2021.
- Davis, A.* China's loose arms still fuel Myanmar's civil wars. URL: <https://www.asiatimes.com/2020/01/article/chinas-loose-arms-still-fuel-myanmars-civil-wars/>
- Donald K. Emmerson.* ASEAN between China and America: Is It Time to Try Horsing the Cow? Published online by Cambridge University Press: 01 Feb 2017. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/trans-trans-regional-and-national-studies-of-southeast-asia/article/asean-between-china-and-america-is-it-time-to-try-horsing-the-cow/793AFAA432688BC8D57919C49195BD89>
- Dornan, M., Brant, P.*, Chinese Assistance in the Pacific // Asia and the Pacific Policy Studies. 2014. №1. P. 349–363.
- Edel Ch.* Cambodia's Troubling Tilt Toward China. URL: www.foreignaffairs.com, 17.08.2018.
- Education and Research. URL: <http://aus.thechinastory.org/archive/education-and-research/>

Библиография

- Enze Han*. China does not like the coup in Myanmar. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/02/06/china-does-not-like-the-coup-in-myanmar/>
- Graham E., Koshino Y.* Australia and Japan inch closer towards landmark defence agreement / International Institute for Strategic Studies. 17.12.2020. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2020/12/australia-japan-landmark-defence-agreement>
- Grossman D.* The Quad is not enough // Foreign Policy. 19.10.2018.
- Haacke Jurgen.* Significance of Beijing's Bilateral Relations. Ссылки China and SEA Global Changes and regional challenges / Edited by Ho Khai Leong and Samuel C.Y. Ku. Singapore. 2005.
- Hamilton Cl.* Silent Invasion. China's influence in Australia. Melbourne, Hardie Grant Books, 2018.
- Heimkhemra Suy.* No simple solution to China's dominance in Cambodia. URL: www.eastasiaforum.org/2020/12/20/no-simple-solution-to-china-s-dominance-in-cambodia/
- Henry Cronin.* New Zealand's Anti-Nuclear Legislation and the United States in 1985 / Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/new-zealands-anti-nuclear-legislation-and-united-states-1985>
- Heydarian R. V.* The Indo-Pacific: Trump, China, and the Struggle for Global Mastery. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020.
- Hiebert M.* Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge. Lanham: Rowman & Littlefield, 2020.
- Hill, M.,* Chessboard or "political bazaar"? revisiting Beijing, Canberra and Wellington's engagement with the South Pacific. // Security Challenges. 2010. №6(3). P. 41–58.
- Hoang Thi Ha.* ASEAN Navigates between Indo-Pacific Polemics and Potentials/ ISEAS Perspective. 2021. №49. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-49-asean-navigates-between-indo-pacific-polemics-and-potentials-by-hoang-thi-ha/>
- Ja Ian Chong.* It's Complicated: Singapore-China Relations, An Overview. RISE, T.note n. 65 July 2018 (RISE series #20), URL: <https://www.twai.it/journals/rise/>
- Jason Tower.* China's subjugation of ASEAN is a great leap backward for Myanmar. Asia Nikkei. 16.06.2021 URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion>

- Jeldres J.A. Cambodia's relations with China. A Steadfast Friendship. // Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. By Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore, 2012.
- Jessica Mudditt. Myanmar rights advocates blast Australian inertia on sanctions. 'It's crazy,' top lawyer says as Canberra resists calls to punish Min Aung Hlaing. Nikkei Asia, 02.07.2021.
- John Pilger, The Coming War on China. URL: <http://johnpilger.com/articles/new-john-pilger-film-the-coming-war-on-china>
- Kasit Piromya. ASEAN must be transformed or replaced. Nikkei Asia. 23.05.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/ASEAN-must-be-transformed-or-replaced>
- Kausikan, Bilahari. 2015. ASEAN Is a Cow, Not a Horse, *The Middle Ground*, 6 October. URL: <http://themiddleground.sg/2015/10/06/asean-cow-not-horse-bilahari-kausikan/>
- Kimkong Heng. Why Cambodia's image continues to falter. <http://www.asiatimes.com>. 21.07.2020.
- Laurenceson J. Will the Five Eyes stare down China's economic coercion? / The Interpreter. 15.04.2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/will-five-eyes-stare-down-china-s-economic-coercion>
- Laurenceson J., Collinson E. Australia and the Belt and Road Initiative / Australia-China Relations Institute. 25.04.2019. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/australia-and-belt-and-road-initiative>
- Lee Hsien Loong. Speech 2019 Shangri-La Dialogue. *Channel News Asia*, URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/lee-hsien-loong-speech-2019-shangri-la-dialogue-11585954>
- Mackerras Colin. China and the Australia-U.S. Relationship. A Historical Perspective / *Asian Survey*, Vol. 54, № 2, March/April 2014. Pp. 223-246. URL: https://www.researchgate.net/publication/271409143_China_and_the_Australia-US_Relationship
- Manning, Robert. 2016. Time to Rethink ASEAN, *NIKKEI Asian Review*, 6 September. URL: <http://asia.nikkei.com/Viewpoints/Viewpoints/Robert-A.-Manning-Time-to-rethink-ASEAN>
- Miller G. Ardern's Foreign Policy Address Was Pro-US, But Not Necessarily Anti-China // The Diplomat. July 15, 2021. URL:

- <https://thediplomat.com/2021/07/arderns-foreign-policy-address-was-pro-us-but-not-necessarily-anti-china/?fbclid=IwAR24DaaPGe1AlBoMlPx7hsdWzJiZVKWGMUftd2jslMm42CexXQAqIb5oOwI>
- Mingjiang Li, Hongzhou Zhang.* Singapore's South China Sea policy: Implications for freedom and safety of navigation. URL: <https://www.researchgate.net/publication/290760424>
- Minilateralism in the Indo-Pacific. The Quadrilateral Security Dialogue, Lancang-Mecong Cooperation Mechanism, and ASEAN. Ed. by Bhubhindar Singh and Sara Teo. Abington: Routledge, 2020.
- Ng J. Multilateralism in 2021: Better than 2020? / RSIS Commentary. 8 February 2021. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/multilateralism-in-2021-better-than-2020/#.YRbDANMzbjF>
- Pal Nyiri.* Investors, managers, brokers and culture workers. / Chinese encounters in Southeast Asia. L. 2017. P. 37.
- Parag Khanna.* Use It or Lose It: China's Grand Strategy undefined and null Board of Contributors, Apr 9, 2016, URL: <https://www.stratfor.com/weekly/use-it-or-lose-it-chinas-grand-strategy>
- Pong Poh Seng.* The Straits Chinese in Singapore: a Case of Local Identity and Socio-Cultural Accommodation. *JMBRAS*. 1969, vol. 10, pt. 1.
- Rising China: Power and Reassurance. Edited by Ron Huiskens. Published by ANU E Press, The Australian National University, Canberra, 2009. URL: https://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/cultural_diplomacy/Rising_China_-_Power_and_Reassurance_-_Ron_Huiskens.pdf.
- Rudd K.* Why the Quad Alarms China // Foreign Affairs. August 6, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-06/why-quad-alarms-china>
- Ryo Nakamura.* US defense chief Austin to visit Singapore, Vietnam, Philippines. 20.07.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/US-defense-chief-Austin-to-visit-Singapore-Vietnam-Philippines>
- Seah, S. et al.,* The State of Southeast Asia: 2021. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2021.

- Shotaro Tani*. ASEAN meets with China as progress on Myanmar consensus stalls. *Nikkei Asia*. 7.06.2021.
URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Coup/ASEAN-meets-with-China-as-progress-on-Myanmar-consensus-stalls>
- Singapore and the US: Security Partners, Not Allies. URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?id=168339>
- Siti Rahil and Chananthorn Kamjan*. FOCUS: ASEAN deadlocked in selection of special envoy to Myanmar. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/fcb57b7aa094-focus-asean-deadlocked-in-selection-of-special-envoy-to-myanmar.html> |
- Strangio S.* In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century. New Haven: Yale University Press, 2020.
- Thant Myint-U*. Myanmar's Coming Revolution. What Will Emerge From Collapse? URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/burma-myanmar/2021-06-11/myanmars-coming-revolution>
- Thayer C.A.* Cambodia-United States Relations. / Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. By Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore, 2012.
- The Deer and the Dragon: Southeast Asia and China in the 21st Century. Ed. by Donalad Emmerson. Singapore: ISEAS, 2020.
- The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. 5 August 2010. Transcript of the fourth annual Michael Hintze Lecture in International Security Delivered by Professor John Mearsheimer. 4 August 2010. URL: <https://www.sydney.edu.au/news/84.html?newsstoryid=5351>
- The Indo-Pacific Outlook: a new lens for ASEAN // East Asia Forum. 20 April 2020. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/04/20/the-indo-pacific-outlook-a-new-lens-for-asean/>
- The Singapore Economy. Singapore, 1971.
- Thitinan Pongsudhirak*. China Has Its Way With a Divided, Inert ASEAN. *The Irrawaddy*. 19.06.2021.
- Thitinan Pongsudhirak*. Myanmar's junta takes ASEAN for a ride. Southeast Asian bloc in danger of whitewashing a heinous re-

Библиография

- gime. Nikkei Asia. 28.04.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Myanmar-s-junta-takes-ASEAN-for-a-ride>
- Tillett A. Labor's Asia plan called naive and hypocritical. 29.09.2017. URL: <https://www.afr.com/politics/labors-asia-plan-called-naive-and-hypocritical-20170929-gyr1wv>
- Uren D. Australia's asymmetrical trade with China offers little room to move / The Strategist. 10.11.2020. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/australias-asymmetrical-trade-with-china-offers-little-room-to-move/>
- Van Fossen, A., The Struggle for Recognition: Diplomatic Competition Between China and Taiwan in Oceania / Journal of Chinese Political Science. 2007. №12(2). p. 134.
- VIETNAM IN 2017: Power Consolidation, Domestic Reforms, and Coping with New Geopolitical Challenges. www.viet-studies.net.
- Weatherbee D.E. Indonesia, ASEAN, and the Indo-Pacific cooperation concept / ISEAS Perspective. Singapore. №47. 07.07.2019
- Wenxian Zhang, Ilan Alon, Christoph Lattemann. China's Belt and Road Initiative: Changing the Rules of Globalization. Palgrave Macmillan, 2018. P. 180.
- Womack B. China and Vietnam: The Politics of Asymmetry. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Wroe D. Foreign Affairs ministry opts for secrecy over China infrastructure agreement / Sydney Morning Herald. 30.07.2018. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/foreign-affairs-ministry-opts-for-secrecy-over-china-infrastructure-agreement-20180730-p4zufm.html>
- Xu Xiuzhong V., Cave D., Leibold J., Munro K., Ruser N. Uyghurs for sale / Policy Brief Report No. 26/2020. Canberra: ASPI, 2020.
- Xue Gong. The Belt & Road Initiative and China's Influence in Southeast Asia / RSIS, 01.01.2019, URL: <https://www.rsis.edu.sg/staff-publication/the-belt-road-initiative-and-chinas-influence-in-southeast-asia/>
- Yu Fu. South China Sea: How China Should Address the US-China Dispute // Global Times Mar. 08 2019, URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1139119.shtml>
- Zheng, Yongnian; Lye, Liang Fook. Singapore-China Relations: 50 Years. World Scientific. 6 November 2015.

- Александр Королёв*, Индо-Тихоокеанский регион: точка зрения АСЕАН, 03.07.2019, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskiy-region-tochka-zreniya-asean/>
- Александров И.* Атолл Муруроа – центр французских ядерных испытаний / Зарубежное военное обозрение, 09'1995. URL: <http://commi.narod.ru/txt/1995/0901.htm>
- Андрей Губин.* Австралия как «средняя держава»: военно-стратегическое измерение / РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/avstraliya-kak-srednyaya-derzhava-voenno-strategicheskoe-izm/>
- Андрей Кортунов.* Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? / РСМД, 28 мая 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoi-sudby/>
- Астафьева Е.М.* Глава 11. Сингапур: стратегия «баланса сил» и её имплементация в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море / Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 308-343.
- Астафьева Е.М.* Некоторые аспекты политики «нациестроительства» в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2010, №14, 278-294.
- Астафьева Е.М.* Сингапуро-американские отношения в контексте региональной безопасности в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2016, №32, 101-110.
- Астафьева Е.М.* Современное состояние конфликта в Южно-Китайском море (2018). Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития №4(41) 2018.
- Атнашев В.Р., Ворд К.* Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты // Управленческое консультирование. 2013. № 5.
- Бектимирова Н.Н.* Камбоджа в 2016 г.: от политики диалога к политике конфронтации. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2016. № 32.

Библиография

- Бектимирова Н.Н.* Новые акценты во внешнеполитической стратегии Камбоджи. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2017, № 35.
- Бектимирова Н.Н.* Политика властей Камбоджи в условиях пандемии Covid-19 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2020, № 47.
- Бектимирова Н.Н.* Традиционные факторы во внешней политике Камбодже на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2015. № 26.
- Богатуров А.Д.* Великие державы на «Тихом океане». М.: МОНФ, 1997.
- Богданов К.В.* Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 6.
- Большие надежды для Роберта Флойда: стоит ли ждать вступления ДВЗЯИ в силу? / Даниил Растегаев, ПИР-Центр, 23.09.2021. URL: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/520>
- Будаева С.В., Дегтярева Н.В., Хань Дань.* Стратегия глобального добрососедства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. №8 (99).
- Васильев В.Ф.* Дорожная карта к демократии» в Бирме/Мьянме // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., ИВ РАН. 2004. с. 106–116.
- Владимир Иванов.* Тихоокеанская поступь Белого дома. URL: <http://nationalsafety.ru/n134354>
- Гарин А.* Противоречия Австралии и КНР в условиях смены администрации в Соединенных Штатах. 08.02.2021 <https://interaffairs.ru/news/show/28999>
- Гарин А.А.* Глава 6. Фактор Индии в Южно-Тихоокеанском регионе / Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем. Коллективная монография. М., ИВ РАН, 2020.
- Годованюк К.А.* Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. № 1.
- Гуревич Э.М., Чуфрин Г.И.* Внешняя политика Сингапура, М., 1989.

- Дериглазова Л.В.* Концепция асимметрии в теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2007. №295.
- Дитон, А.* Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства. Пер.: Гуськов, А. изд. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 327.
- Другов А.Ю.* Индонезийско-американские отношения на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 42, 2019.
- Другов А.Ю.* Индонезия реакция на перемены в США // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития, № 34, 2017.
- Жирухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: Дипломатия «волков-воинов» в Китае – работает ли она?* // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/>
- Журавлева Е.С., Малетин Н.П.* ЮКМ – бурное море Тихого океана. МГИМО МИД России, Институт стран Востока, М., 2019.
- Забелла А.А., Каткова Е.Ю.* Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития, № 46, 2020.
- Захарьев Я.О.* Влияние китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века. – М.: Мэйлер, 2013.
- Захарьев Я.О.* Интересы китайской общины ЮВА в ЮТР в начале XXI века // Российская диаспора в странах Востока: сборник IV научной конференции. 2013. – М., ИВРАН. – С. 19-22. URL: <https://www.ivran.ru/f/conf-diasporasiv30-31.doc>
- Иванов П.М.* Австралия и Китай: История развития отношений. М.: Наука, 1984.
- Игнатьев С.В.* Юго-Восточная Азия в проекте КНР «Морской шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, ИВ РАН, Москва, 2018.
- Интервью Ричарда Битцингера. URL: <http://nationalsafety.ru/n141827,07/10/2015>.

Библиография

- Интервью с премьер-министром Австралии Моррисоном: Защищаю собственные интересы Австралии, а не какой-либо другой страны (专访澳大利亚总理莫里森：保障澳自身利益 不为针对任何国家). 09.10.2019. URL: <https://international.caixin.com/2018-10-09/101333143.html>
- Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 43, 2019.
- Колотов В.Н. Стратегия развития Вьетнама в документах XIII съезда КПВ // Вьетнамские исследования. Сер. 2. 2021, №1.
- Королёв А. Стратегия средних стран в отношении великих держав. Опыт Малайзии. // Международные процессы. Том 16. № 1, 2018.
- Королев А.С. Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 37, 2017.
- Лексютина Я. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // Мировая экономика и международные отношения, т. 64, № 6, 2020.
- Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Санкт-Петербург, 2012.
- Ли Куан Ю, Сингапурская история: из «третьего мира – в первый». – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005.
- Локишин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в ЮКМ. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XX. М., 2013, №20, 17-39.
- Локишин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, 2019.
- Локишин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2013. - №21.

- Локишин Г.М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I, № 2 (43), 2019.
- Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. Москва. «МГИМО – Университет». 2007.
- Михневич С.В. Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. М.: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013.
- Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН. М., 2019.
- Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. №17.
- Мосяков Д.В. Обострение обстановки в Южно-Китайском море как вызов Вьетнаму и странам АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 46, 2020.
- Мосяков Д.В., Астафьева Е.М. Конфликт в Южно-Китайском море в системе современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 39, ИВ РАН, Москва 2018, С.
- Муджумдар А. Санкции против Мьянмы: борьба за демократию и права человека или геополитика? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-protiv-myanmar/>
- Общая характеристика ядерных сил Великобритании / ПИР-Центр, 2010. URL: <http://www.pircenter.org/static/obschaya-harakteristika-yadernyh-sil-velikobritanii>
- Ольга Прудникова, Елена Левадина. Ядерная безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Центр изучения международных отношений в АТР, 24.12.2019. URL: <https://ru.apircenter.org/archives/4527>

Библиография

- Пале С.Е.* Взаимоотношения Франции с ключевыми игроками в ЮТР в первые десятилетия XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. №2. С.201.
- Пале С.Е.* Китай в Океании // Азия и Африка сегодня. № 9 (686), 2014. С. 14–18.
- Пале С.Е.* Потеснит ли Китай Австралию в Южнотихоокеанском регионе? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 62–70.
- Панарина Д.С.* Политика США на Филиппинах на современном этапе: за и против // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 164.
- Петр Козьма.* Президент Индонезии успешно сыграл на возросших амбициях Китая // URL: <https://politinform.su/23068-prezident-indonezii-uspeshno-sygral-na-vozrosshih-ambiciyah-kitaya.html>
- Петрова О.Л.* Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 31, ИВ РАН, Москва 2016.
- Питер Теш.* Как Канберра реализует роль региональной державы с глобальными интересами / РСМД, 3 апреля 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-kanberra-realizuet-rol-regionalnoy-derzhavy-s-globalnymi-interesami/>
- Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / под ред. В. Михеева, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2017.
- Прохор Тебин.* Коала между драконом и орлом / РСМД. 07 ноября 2013. URL: http://old.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2645#top-content
- Разумов Е.А., Мишин В.Ю.* Реформа Народно-освободительной армии Китая на современном этапе // Россия и АТР. 2018. №4 (102).
- Рогожина Н.Г.* COVID-19 в Индонезии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. № 47, 2019.
- Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв. / Отв. редактор: Миклухо-Маклай Н.Н., Санкт-Петербург, 2020, URL: <https://library.mikluho-maclay.ru/rossiya-i-okeaniya-issledovaniya-i-puteshestviya-rossiyan-v-xix-xxi-vv/>

- Симония А. Мьянма: Арена «большой игры» за политическое влияние в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения, М., 2013, № 10, с.76–84.
- Симония А.А. Мьянма(Бирма) в тисках политического и экономического кризиса // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития, М., ИВ РАН, 2003, с. 207–209.
- Симония А.А. ООН и Мьянма/Бирма // Юго-Восточная Азия: актуальны проблемы развития. Выпуск XIII. М., ИВ РАН. 2009. С. 96–116.
- Симония А.А. Первые шаги к стратегическому партнерству между США и Мьянмой. Тихоокеанское обозрение 2012–2013. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014, с. 209–231.
- Скоробогатых Н.С. Австралийские правые как отражение протеста «молчаливого большинства» / Социальный протест на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: всерос. науч. конф. (Иркутск, 12 мая 2017 г.): материалы / [редкол.: С.И. Кузнецов [и др]]. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. – (Биб-ка исторического факультета), с. 92–104.
- Скоробогатых Н.С. Особенности китайского присутствия в Австралийском Союзе // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афроазиатских стран. Ежегодник 2020 (Выпуск 3) / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020 – 436 с. – с. 352–365.
- Стефанчук Л.Г. История Новой Зеландии. XX век / Институт востоковедения РАН. – М. : ИВ РАН, 2015.
- Стратегия национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение, № 6, 2018. URL: https://drive.google.com/file/d/1-XkQNAekIBV4xBF11_T4mZuBfXAnaDPA/view
- Су Гэ. Бурные перемены, тревожная международная ситуация 2020 г. и дипломатия Китая (苏格：动荡变革 多事之秋 — 2020年国际形势与中国外交) / Китайский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. 15.01.2021. URL: <http://www.pecc-china.org/article/455>
- Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий //

Библиография

- Международная жизнь. 12.04.2021. URL:
<https://interaffairs.ru/news/show/29766>
- Терских М.А. «Один пояс, один путь» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I, № 2 (43), 2019.
- Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 25.
- Фан Юаньюань, Хуан Бэй. Сохраняющиеся различия в политике союзников США по Индо-Тихоокеанскому региону в отношении Китая (方圆圆、黄贝. 美国印太盟友对华政策差异性将持续)// Quarterly Journal of International Politics, 2020. Vol. 5. No. 4. P. 180.
- Фомичева Е.А. Перспективы строительства Тайского канала как транспортного коридора в контексте Индо-Тихоокеанского региона // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 44, ИВ РАН, Москва, 2019.
- Хохлова Н.И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо / Н.И. Хохлова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2017. - №37.
- Ши Иньхун, Тан Юншэн, Ни Фэн, Ву Байи, Фу Мэнцзы, Ли Вэньлян, Чжао Кэцзинь, Сун Гою, Ань Ган; Цзян И; Сюй Ванишэн. Тенденции в китайско-американских отношениях и изменения международной модели (时殷弘、唐永胜、倪峰、吴白乙、傅梦孜、李文良、赵可金、宋国友、安刚、姜毅、徐万胜. 中美关系走向与国际格局之变) // Исследования международной безопасности. 2020. № 6. С. 3–38.
- Шпаковская М.А., Ву Тхуи Чанг, Курылёв К.П., Понька Т.И, Дубровский И.Р. Экономический пояс Шелкового пути»: перспективы и вызовы для Вьетнама // Вопросы истории. 2020. №9.
- Шпаковская М.А., Левченко М.Н. К вопросу о позиции России по разрешению конфликта в Южно-Китайском море / Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография). - М.: ИВ РАН, 2020.
- Электоральные процессы в странах ЮВА в XXI веке. Отв. редактор Бектимирова Н.Н. М., 2015.

**Периодические издания, интернет-ресурсы
и периодические интернет-издания**

ABC News, Sydney. URL: <https://www.abc.net.au/>
Antara News, Indonesia
Asia Nikkei. URL: <https://asia.nikkei.com/>
Asian Development Bank. Режим доступа: <https://www.adb.org/>
Australian Government, DFAT. URL: <https://www.dfat.gov.au/>
Bangkok Post
Báo ảnh Việt Nam. URL: <https://vietnam.vnanet.vn/>
BBC News. URL: <https://www.bbc.com/>
Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/>
Business Insider Australia. URL: <https://www.businessinsider.com/>
Canberra Times. URL: <https://www.canberratimes.com.au/>
Channel News Asia. URL: <http://www.channelnewsasia.com/>
China Today. URL: <https://china-today.ru/>
CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/>
Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/>
East Asia Forum. URL: <https://www.eastasiaforum.org/>
EurAsiaDaily. URL: www.eadaily.com
Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/>
Foreign Brief. URL: <https://www.foreignbrief.com/>
Garta News, Indonesia
Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/>
Global New Light of Myanmar, Yangon.
Global Nonviolent Action Database. URL: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/>
Global Times, Beijing. URL: <https://www.globaltimes.cn/>
Greenpeace. URL: <https://www.greenpeace.org/>
Harbr.com. URL: <https://habr.com/>
International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/>
Kompas, Indonesia
London Daily Telegraph
LoopPNG, Port Moresby.
Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/>
Lowy Institute Poll. URL: <https://www.lowyinstitute.org/>
Lowy Institute. Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/>

Библиография

- New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz/>
News.ru. URL: <https://www.newsru.com/>
Newshub. URL: <https://www.newshub.co.nz/>
NY Times. URL: <https://www.nytimes.com/>
Pacific Islands Report. URL: <http://www.pireport.org/>
Phnom Penh Post
Republika, Indonesia
RNZ. URL: <https://www.rnz.co.nz/>
RT. URL: <https://russian.rt.com/>
Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/>
Silk Road Briefing. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/>
SingStat Web Site. URL: <https://www.singstat.gov.sg/>
SIPRI. URL: www.sipri.org
Sky News. URL: <https://www.skynews.com.au/>
Style International: <https://www.sitradingme.com/>
Suara Merdeka, Indonesia
Suara Pembaruan, Indonesia
Sydney Morning Herald. URL: <https://www.smh.com.au/>
The Australian
The Cambodia Daily
The Diplomat. URL: <https://thedi diplomat.com/>
The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/>
The Irrawaddy
The Jakarta Globe
The Jakarta Post
The Korea Economic Daily. URL: <https://www.kedglobal.com/>
The London Times
The New Daily. URL: <https://thenewdaily.com.au/>
The New York Times
The Phnom Penh Post
The Straits Times, Singapore URL: <http://www.straitstimes.com/>
The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk/>
The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/>
The Wall Street Journal
The Washington Post
The White House, USA. URL: <https://www.whitehouse.gov/>
The World Bank. URL: www.data.worldbank.org
Today online, Singapore. URL: <https://www.todayonline.com/>

**Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона
между Пекином и Вашингтоном**

Vietnam+. URL: // www.ru.vietnamplus.vn/
VietnamNetGlobal. URL: <https://vietnamnet.vn/>
Ведомости.ру. URL: <https://www.vedomosti.ru/>
Голос Америки. URL: <https://www.golosameriki.com/>
Женьминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/>
ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/>
ИА Синьхуа. URL: <http://russian.news.cn/>
ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/>
Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/>
Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/>
Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/>
Мир перемен. URL: <http://mirperemen.net/>
Независимая Газета. URL: <http://www.ng.ru/>
Новости Новосибирск. URL: <https://nsk.tvesti.ru/>
Правда.ру. URL: <https://www.pravda.ru/>
Радио «Голос Вьетнама». URL: // www.vovworld.vn/
Российская газета, 22.04.2021, URL: <https://rg.ru/>
Российская торговая палата. URL: www.rcc-cambodia
TACC. URL: <https://tass.ru/>

СПИСОК АВТОРОВ

Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва.

Бектимирова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, Россия, Москва.

Гарин Артём Алексеевич, сотрудник (лаборант-исследователь) Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Санкт-Петербург, Москва.

Забелла Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков РУДН, Россия, Москва.

Каткова Евгения Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков РУДН, Россия, Москва.

Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Россия, Москва.

Корнев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов.

Левченко Мария Николаевна, бакалавр кафедры ТИМО РУДН, Россия, Москва.

Малетин Николай Павлович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, Россия, Москва.

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, заведующий Центром ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва.

Нгием Ба Чи, Вьетнам, магистрант кафедры ТИМО РУДН.

Пале София Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва.

Симония Аида Алексеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва.

Скоробогатых Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Россия, Москва.

Фомичева Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва.

Хохлова Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, начальник Отдела докторантуры и аспирантуры, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Шпаковская Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры ТИМО РУДН, Россия, Москва.

Научное издание

**Страны Юго-Восточной Азии
и Южно-Тихоокеанского региона
между Пекином и Вашингтоном**

коллективная монография

Верстка, обложка *Е.М. Астафьева*

Подписано 01.12.2021

Формат 60х90/16 Бумага офсетная

Усл. печ. л. 37 Уч.-изд. 25,5

Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук

107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел

Зав. отделом И.В. Федулов

E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый Ветер»

115093, Москва, ул. Щипок, д. 28

тел. (495) 651-84-56